

БОИ
в
ФИНЛЯНДИИ

ВОЕНИЗДАТ НКО СССР
1941

БОИ
в
ФИНЛЯНДИИ

Воспоминания участников

ЧАСТЬ

II

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Народного Комиссариата Обороны Союза ССР
Москва · 1941

ПРОРЫВ
ЛИНИИ
МАННЕРГЕЙМА

Генерал-майор
Ф. АЛЯБУШЕВ

123-я ордена Ленина стрелковая дивизия

Тридцатого ноября 1939 года, выполняя волю советского народа, части Красной Армии перешли государственную границу. Среди них была 123-я стрелковая дивизия.

Основной удар противника приняли на себя части первого эшелона. 123-й стрелковой дивизии, находившейся тогда во втором эшелоне, пришлось вести борьбу с мелкими группами противника и преодолевать устроенные белофиннами заграждения.

Некоторые бойцы, столкнувшись с неожиданными для них формами сопротивления противника (мины, «кукушки» и пр.), терялись.

В то время наши бойцы еще не научились «прочесывать» лес, что имеет огромное значение во время боев в лесных условиях, не умели находить мины, хорошо маскироваться...

Однако это не могло сломить и не сломило воли бойцов и командиров. Продолжая теснить противника в глубь Карельского перешейка, дивизия одерживала все новые победы. Уже в начальный период военных действий за боевые заслуги было присвоено звание Героя Советского Союза красноармейцу Соломонникову, а 38 бойцов и командиров дивизии получили ордена и медали.

Ко второй половине декабря дивизия подошла к переднему краю линии Маннергейма.

Стояли морозы в 35—40 градусов. Бойцы ютились в норах. Землянок не было. В такой обстановке трудно было вести серьезную борьбу с противником, которая требовала тщательной подготовки, точного плана.

Необходимо было как можно скорее обогреть и ободрить бойцов. Построили землянки, поставили в них печи. Получили перчатки, валенки, телогрейки, а для командного состава еще и полушубки. Усилили питание.

Одновременно началась разведка оборонительной системы противника. Об этой системе командованию дивизии почти

ничего не было известно. Были организованы дневные и ночные поиски. И вот во время одного из ночных поисков был взят в плен сержант пехотного финского полка в то время, когда он выставлял секреты. Сержант заявил, что прибыл в свой полк недавно, но уже успел побывать на высоте 65,5 и в роще «Молоток». На высоте 65,5, по словам сержанта, он видел два дота, вооруженных пушками и пулеметами, а в роще «Молоток» — один дот, вооруженный пулеметами. Рассказал он и о дерево-земляных сооружениях, о ходах сообщения между дотами и так далее.

После этого было установлено наблюдение за дотами, а артиллерия стала вскрывать отдельные бугорки высот. Прежде всего вскрывались каменные и земляные «подушки», которыми доты маскировались; затем подвергались обстрелу и сами укрепленные точки.

К первой половине января выяснилось, что линия сопротивления на участке дивизии от рощи «Молоток» до высоты «Язык» имеет три опорных пункта.

В роще «Молоток» были два железобетонных дота и несколько дерево-земляных укреплений. На высоте 65,5 имелись железобетонные доты с большими убежищами и четыре-шесть дерево-земляных укреплений.

Это был наиболее мощный узел укреплений. За ним располагалась высота «Язык». Здесь дот имел форму капонира с амбразурами, из которых можно было обстреливать с одной стороны озеро Сумма-ярви, а с другой — подступы к высоте 65,5. Здесь же находились хороший наблюдательный пункт с двумя стальными колпаками и ряд дерево-земляных укреплений.

Все укрепленные пункты противника были тесно связаны между собой. Взять их можно было только одновременно, так как один дот прикрывал подходы к другому.

К 15 января мы выявили до десяти железобетонных и восемнадцать дерево-земляных укреплений. Их-то и предстояло нам разрушить, чтобы прорвать в этом месте линию Маннергейма.

Прежде всего решили обстрелять прямой наводкой из тяжелых орудий высоты 65,5 и «Язык».

18 января на заранее подготовленную площадку в 400—450 метрах от дота мы подвезли 152-миллиметровую пушку. Чтобы заглушить шум тракторов, прибегли к артиллерийской канонаде. Все обошлось хорошо. Этой пушкой был сбит стальной колпак наблюдательного пункта дота на высоте «Язык» и повреждена его амбразура. Удалось повредить и часть дота на высоте 65,5.

Дивизия готовилась к решительному наступлению. Следовало распределить части для решения сложнейшей боевой задачи в зависимости от их боеспособности и слаженности.

Уже давио в иашей дивизии выделялся стрелковый полк майора Рослого. Майор Рослый, капитаи Сорока, капитаи Кравченко, комиссар Поршаков и другие пользовались заслужеииым авторитетом у бойцов. Бойцы этого полка ие раз показывали примеры героизма в боях.

Поэтому было решеио — против главиых пуиктов сопротивлеиия противиика, а имеино против высоты 65,5 и рощи «Молоток» иаправить стрелковый полк майора Рослого. Против высоты «Язык» определили место расположеиия другого стрелкового полка. Во втором эшелоие иадлежало итти третьему стрелковому полку.

Дивизии была придаиа артиллерия. Имелись и пушечиые полки, и гаубичиый полк, и группы дальиего действия. 108 орудий, иачииая от 76-миллиметровых и коичая 280-миллиметровыми, решеио было устаиовить иа огиевых позициях. Полоса прорыва равиялась трем километрам. Пехоте были придаиы также таиковые батальоны, иижеиериый батальои.

В тылу мы устроили учебиое поле. На ием деиь и иочь проводились заиятия. То, что обиаружилось в системе укреплеиий противиика, мы старались воспроизвести иа учебиом поле и треиировались в условиях, иаиболее приближавшихся к боевым. На учебиом поле преодолевали проволочиые заграждеиия, вели огоиь по укреплеииым точкам, блокировали доты и т. д.

Главиое виимаиие обращали иа движеиие пехоты за огиевым валом, иа использоваиие щитков и взаимодействие пехоты с таиками, с полковой и батальоииой артиллерией во время боя.

Отдельио проводились заиятия с комаидиым составом.

Как я уже указывал, два стрелковых полка должны были итти в первом эшелоие, а третий стрелковый полк — во втором. В том же боевом порядке мы развертывали полки иа треиировочиых заиятиях. Для достижеиия большей подвижиости бойцы осваивали лыжиое дело, совершая 15-километровые переходы при морозе в 40 градусов.

К 4 февраля боевая подготовка дивизии была закоичеиа. Выбрали места для иаблюдательиых и комаидиых пуиктов больших и малых подразделеиий, разработали схему связи. Таики в точно устаиовлеииое время проходили расстояиие, которое им иадлежало пройти во время боя. Иижеиериые войска оборудовали исходиые рубежи, иа флаигах устроили окопы и блиидажи. Все было готово к атаке.

На случай коитрподготовки со стороиы противиика для иаших резервов по дороге были вырыты щели.

Большим виимаиием стала пользоваться маскировка. Опыт декабрьских боев, когда подразделеиия шли иа высоту 65,5 без всякой подготовки, ие разведав как следует местиости, ие замаскировавшись, был полиостью учтеи.

Разгромленные укрепления

Настроение в дивизии круто изменилось. Если раньше слышались отдельные голоса, что ничего, мол, не выйдет, то теперь во всех подразделениях нетерпеливо ждали дня решительного наступления.

— Скоро ли наступать? — спрашивали бойцы.

Части первого эшелона хорошо отдохнули и к началу февраля получили свежее пополнение.

В разведку мы посылали бойцов второго эшелона, чтобы части первого были к моменту боя в полной силе, сохранности и готовности.

Командование батальонов крепче взялось за руководство тылами. Решили ни одной лишней повозки не допускать на территорию, где должны были разыграться боевые действия, чтобы ничто не мешало продвижению войск.

Наконец, был разработан детальный план решающей атаки. Планирование артиллерийского огня построили так, чтобы вконец запутать противника, учитывая опыт декабрьских боев. Тогда, во время переноса нашего артиллерийского огня в глубину оборонительной полосы, финны спокойно выходили из укреплений, занимали места в окопах и вели жестокий огонь по атакующей пехоте. Теперь мы решили прибегнуть к ложным переносам огня. Порядок артиллерийского огня был заранее разработан с точностью до минуты.

2 часа 20 минут должна была проходить артиллерийская подготовка. За десятиминутным огневым налетом следовал

белофиннов на высоте 65,5

методический огонь (15 минут), затем снова огневой налет (5 минут), далее ложный перенос в глубину (15 минут), потом снова огневой налет (10 минут), методический огонь (20 минут) и т. д. Перед самой атакой ложный перенос огня продолжался уже 30 минут.

Артиллеристы подготовили все расчеты. Даже в том случае, если бы была порвана связь с командным пунктом, ничто не смогло бы остановить проведение точно разработанного плана прорыва линии Маннергейма. Командиры и политруки широко разъясняли в своих подразделениях план артиллерийского огня. Каждый знал свое место в предстоящей атаке.

10 февраля пришел приказ: частям дивизии 11 февраля перейти в наступление. Было указано, что час атаки будет сообщен дополнительно. Вечером нам указали и час атаки: 12.00.

Незабываема ночь с 10 на 11 февраля. Никто в дивизии не спал. Шла окончательная подготовка к прорыву. Артиллерия, танки, пехота занимали свои места, согласно плану. Командный пункт дивизии перешел на другое, заранее подготовленное место (высота 54,2), ближе к огневым позициям. Связь там была уже готова.

К 8 часам все части заняли свои исходные рубежи и замаскировались так, что даже я с трудом мог обнаружить некоторые танки, хотя и знал о месте их пребывания.

На поле предстоящего боя не было никого.

В эту напряженную ночь я побывал почти во всех подразделениях и всюду наблюдал такую увереннисть в победе, такой порыв вперед, на штурм линии Маннергейма, что стало ясно: теперь ничто не может остановить бойцов!

Бойцы крепко верили в своих командиров, и настроение у них было приподнятое. Все чувствовали, что предстоит одно из величайших в истории сражений, которое решит дальнейший ход войны.

В 9 часов 40 минут началась артиллерийская подготовка. Велась она классически. Тысячи снарядов полетели на головы врагов. Ни на одну минуту не прерывалась связь с командным пунктом. Два часа гремели орудия всех калибров, поднимая вверх груды земли. Осталось 20 минут до конца артиллерийской подготовки. Загудели моторы. Танки пошли вперед с исходного рубежа. Ровно в 12 часов они соединились с пехотой. За танками на бронесанях двинулись пехота и саперы с взрывчатыми веществами.

Враг думал только о своем спасении. Дезорганизованный ложными переносами огня, он потерял много людей убитыми и ранеными. А когда началась атака и наш огневой вал уже по-настоящему прикрывал пехоту, белофинны не решились вылезти из своих нор. Они боялись повторения внезапных огневых налетов.

Не прошло и получаса с начала атаки, а над центральным дотом высоты 65,5 уже развевалось знамя с портретами Ленина и Сталина.

Остановить наши части теперь не смогла бы никакая сила. К концу дня почти без потерь взяты были и остальные железобетонные укрепления. Захваченные пленные заявили, что финны были ошеломлены внезапностью атаки.

В ночь с 11 на 12 февраля враг кое-где пытался перейти в контратаку. На некоторых участках было до десяти таких попыток. Но белофиннам уже не было спасения. Такая уверенность, такая сила была в наших бойцах, что все попытки врагов отбросить нас с занятых рубежей не привели ни к чему.

Дот за дотом мы прорывали первую линию обороны противника. Плохие дороги мешали быстрому продвижению наших войск. 15 февраля мы впервые применили танкодесантные операции. Прямо на танки с пулеметами и гранатами усаживалась пехота и громила врагов.

Финны отступали...

К 17 февраля, пройдя в труднейших условиях за 2 дня 12 километров, мы подошли ко второй линии обороны противника — на рубеже Кусисто — полустанок Хантемяки — Хумола. Тут снова нас встретили надолбы и противотанковые рвы, и проволочные заграждения, и минные поля. К этому времени наша дивизия опередила другие соединения.

20 февраля завязался бой за высоту 47,8 у озера Липпенлампи. Это была довольно поучительная борьба. Местность лесистая. Из леса стреляли и настолько интенсивно, что наши немного растерялись. Прихожу в батальон, спрашиваю:

— Почему не идете?

— Стреляют.

— Откуда?

— Из лесу.

Вид из взорванной амбразуры дота на минированное поле

Я приказал пулеметами «прочесать» лес сверху донизу. Стрельба прекратилась.

Но занять этот лесок нам еще долго не удавалось. Где бы мы ни сосредоточились в нем, противник засыпал нас снарядами, расставлял поблизости мины. Это было довольно странным явлением. Командир 1-го батальона организовал поиски. Он нашел и обезоружил группу белофиннов с офицером во главе. Они бродили по лесу, имея радиостанцию и телефон, и сообщали своей батарее о расположении наших войск. С ликвидацией этой группы разведчиков-белофиннов прекратился обстрел наших частей. Отсюда вывод: во время наступления требуется особенно тщательная разведка леса.

Вскоре была взята станция Тали. Наши бойцы проявили большой героизм, когда приходилось форсировать затопленные

финнами полосы. Вода была выше колен, но водная преграда не остановила красноармейцев. Они прошли через нее, подняв винтовки кверху.

Бои в Финляндии явились для бойцов нашей дивизии хорошей боевой школой.

* * *

Белофинская печать утверждает, что вся 123-я стрелковая дивизия состоит из коммунистов. Конечно, это не так. Но наши непартийные большевики шли в ногу с коммунистами и победили.

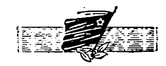
Весь боевой путь 123-й стрелковой дивизии является наглядной иллюстрацией к словам Народного Комиссара Обороны Героя и маршала Советского Союза товарища Тимошенко о том, что «мы будем побеждать малой кровью только тогда, когда научимся образцово владеть своей техникой, применять ее в любых сложных условиях, когда наши люди будут обучены искусству воевать».

За боевые заслуги награждены орденом Красного Знамени стрелковый полк майора Рослого и артиллерийский полк дивизии, 22 человека получили звание Героев Советского Союза, 981 человек награжден орденами и медалями.

За прорыв линии Маннергейма дивизия награждена орденом Ленина.

11 мая товарищ Калинин, выдавая ордена и медали бойцам, командирам и политработникам, участникам боев с белофиннами, в своей речи особо сказал о нашей дивизии.

— Эта дивизия, — заявил он, — ныне существующая, выковалась в борьбе с белофиннами и получила право на свое дальнейшее существование.

Майор
С. СТЕПАНОВ

Прорыв

Перед нами современная, построенная по последнему слову техники линия Маннергейма. Эта укрепленная линия, которую по праву сравнивали с линиями Мажино и Зигфрида, являлась последней надеждой финской буржуазии.

Ее искусно замаскированные, прикрытые лесами и снегом доты и дзоты осыпали нашу дивизию от Меркки до Суммы свинцом пуль и сталью снарядов.

123-я стрелковая дивизия остановилась перед этим шквалом огня.

Батальоны атакуют линию Маннергейма. Встреченные фланговым и косоприцельным огнем невидимых дотов, отходят назад. Отдельные подразделения прорываются за передний край укрепленной полосы. Втиснутые в снег плотным огнем пулеметов, они лежат без движения, скованные холодом. Коченеет каждая частица тела. Как хочется потереть лицо, руки, ноги! Но малейшее движение вызывает фланговый огонь. И только ночью, под прикрытием окаймляющего огня артиллерии, удается отойти назад. В сердце каждого бойца — огромная, невыразимая ненависть к белофиннам.

Вот выносят раненых, но не слышно стонов и жалоб на боль. Стиснуты зубы. Один из бойцов бережно, с материнской нежностью укладывает в санитарную двуколку своего тяжело раненого товарища, вынесенного им из боя. Укрывает его одеялом и, как родного брата, целует в лоб. Губы что-то шепчут, большие, усталые глаза покрываются влагой, слезы катятся по обветренному лицу.

— Мне прислали посылку, — приглушенным голосом говорит раненый, — возьми ее, поделись с другими.

По узкой тропе в частом ельнике идет рослый, широкоплечий боец. Он ругается и сердито кому-то грозит кулаком.

— Что случилось? — спрашиваю я, выходя на тропу.

— Ранили, товарищ майор...

— Куда вы ранены?

— Да вот, в плечо. Где здесь пункт медпомощи, товарищ майор?

Рана серьезная, но боец не думает о ней. Его бесит сопротивление врага. После перевязки хочет снова в бой.

Но одной храбростью, отвагой и мужеством не возьмешь железобетонных укреплений врага. Для преодоления линии Маннергейма, помимо бесстрашия, требовались высокая организованность, выучка и тесное взаимодействие всех родов войск.

Фронт атаки нашей дивизии сужается.

Началась подготовка к прорыву. Справа и слева выходят соседние воинские части. Прибывают для усиления огневого воздействия гаубичный и другие артиллерийские полки большой мощности. Увеличивается количество танков. Изучается опыт предыдущих боев. Анализируются неудачи, конкретно разбираются ошибки всех родов войск.

Начались занятия с командирами полков, батальонов — дивизионов, рот — батарей. Основной упор — на взаимодействие. В тылу полка, в глубоком снегу пехота с танками и артиллерией «штурмует доты». Сколачиваются блокировочные группы. Танки оснащаются всем необходимым для преодоления противотанковых рвов и тренируются в преодолении их.

Артиллерия начала свою подготовку к прорыву с разведки.

Нарезаются полосы для разведки дивизионам, уточняются и конкретизируются их задачи. Густая сеть наблюдательных пунктов расположена так, чтобы ни одна точка на переднем крае противника не осталась вне наблюдения. Передовые наблюдательные пункты находятся непосредственно в расположении пехоты. Базы сопряженного наблюдения дивизиона оборудуют свои пункты на высоких соснах.

Началась методическая артиллерийская разведка. Посредством перископа, бинокля, стереотрубы, а также и невооруженным глазом прощупываются каждый куст, каждая кочка, бугорок. И за любым, пусть даже самым маленьким клочочком земли, где только можно подозревать огневую точку противника, устанавливается неослабное наблюдение. Если оно не дает результатов, разведчики-артиллеристы, утопая в рыхлом, глубоком снегу, ползут к интересующему их объекту и наблюдают за ним почти в упор. Они идут с пехотой в ночные поиски, проникают за передний край обороны противника и добывают нужные сведения для артиллерийских штабов. Старший лейтенант Желанов, лейтенант Бондарь и бесстрашный заместитель политрука Мысягин под покровом ночи подползают к нашим подбитым танкам, оставленным на брустверах траншей противника, забираются в танки, ведут оттуда разведку, наблюдая за передним краем укрепленного района. Много дней проводят они в танках и получают исключительно ценный материал о до-

тах, пулеметных гнездах, расположеиии траншей, ходах сообщення и блиидажах. Когда удается, устанавлнваем телефониую связь с такнм временным иаблюдательным пуиктом, н оттуда корректнруется огонь по обнаруженным огневым точкам.

Но всего этого, коиечио, мало для того, чтобы полиостью расшифровать лниию Маннергейма. И вот огием отдельных орудий прощупываются подозрнтельиые сиежные бугорки. Некоторые из иих при прямом попадаинн сиаряда дают высокнй огненный язык, появленне которого сопровождается резким, режущим ухо, металлнческнм звуком. Это бетон. Значнт, здесь железобетонный дот. Земляиая маска его вскрыта, и он передается для разрушення артнллерии большей мощности.

Методичио долбят дот тяжелые, бетонобойные сиаряды. Высоко взлетают вверх громадные, чериые с огнем, столбы взрывов. Прямое попадание тяжелого снаряда в стальиую плиту нлн железобетоииую стенку дота вызывает резкий металлнческнй звук необычной снлы. Содрогается земля, н кажется, что передняя стенка наблюдательного пункта как бы падает на тебя.

Оголяются стены хваленых маниергеймовских сооруженнй. Кусок за куском отлетает бетон. Стальиые плиты дают трещниы. Острымн, изуродованнымн коицамн торчат железные брусья дота, похороннвшие под собой обнтателей укреплення.

Соревнование по разведке огневой снстемы врага шнрится. Людн увлекаются разведкой. Каждый день подводятся нтогн.

Линня Маннергейма с нашего наблюдательного пункта еще недавно выглядела мнрным фннским ландшафтом. Густой лес покрывал ее. На деревьях былн большне шапкн снега. Теперь же на разведывательной схеме перед намн детальный план всей огневой снстемы протнвника. Жирнымн кружкамн обозначены доты № 006, 008, 0021 и дзоты № 13, 14 н 19. Черной зубчатой лнннеи показаны траншен, соедняющне доты н дзоты. На схеме густая сеть точек — это огневые точкн. И далее наблюдательные пункты, ходы сообщений и блнндажн. Все ясно. Теперь можно реально планировать артнллернйскую подготовку для всей группы.

Батарен, так же как н мы, уже давно ведут ннтенснвную подготовку к прорыву. Бойцам скорее хочется покончнть с зарвавшнмнся белофнннами.

Идет напряженная работа по оборудованию передовых огневых позиций, с которых в день атакн будет проводнться артнллернйская подготовка. Строятся солидные орудийные окопы, погребкн для снарядов, блиндажи. Каждая батарея гордится чнстотой н надежностью оборудования, хорошей маскировкой. Предусматриваются все мелочн, вплоть до санок, на которых нужно будет подвозить нз погребов боепрнпасы: предстонт большой расход снарядов, расчет не в состояннн будет вынестн нх на руках. Снаряды заранее раскладываются по пернодам артподготовкн. Проложены необходнмые для передвнжения дорогн н тропы.

Связнсты также не отстают. Учнтывая опыт прошлого, когда свон же танкн нарушалн телефонную связь, наматывая кабель на гусеницы, связисты подвешивают кабель на высокие столбы. В артиллерийской группе связь организуется как по лнннн наблюдательных, так н по лнннн командных пунктов. Огневые познцнн батарей днвнзионов тоже связаны между собой. Шнроко прнменялась н радиосвязь. Такая органнзацня связн гарантнрует бесперебойное управленне огнем группы и днвнзнонов.

По ннncнатнве командира стрелкового полка майора И. Рослого пехота сапой подбирается к вражескнм дотам н траншеям, ндущнм по восточным скатам высоты 65,5, н в 60 метрах от ннх оборудуются нсходные рубежн для атакн. Отважные саперы проделывают проходы для танков в многорядных, доходящих до 12 рядов, надолбах.

Расставлены все огневые средства пехоты — пулеметы, минометы, протнвотанковые орудня, полковая артиллерня. Все нацелено. Все получнлн конкретные, ясные задачи.

* * *

В небольшой, жарко натопленной землянке у майора Рослого происходит совещание перед штурмом. Здесь представлены пехота, артиллерия, танковые части. Спокойный, выдержанный командир, человек большой культуры и прекрасный организатор, майор Рослый в последний раз подробно, учитывая каждую мелочь, излагает план атаки. Еще раз уточняются сигналы взаимодействия. Проверяется, понимает ли каждый командир свою задачу и задачи других родов войск.

Входит командир дивизии полковник Алябушев. Он интересуется каждой мелочью, обращая главное внимание на взаимодействие пехоты с артиллерией и танками, на использование всех огневых средств пехоты. Он проверяет снаряжение и подготовку питания бойцов на время штурма. Недоговоренностей нет.

* * *

10 февраля поступил приказ о наступлении. Завтра, после длительной артиллерийской подготовки, идем на штурм. Сердце учащенно забилось. Мысль сверлит голову: «А все ли у тебя готово, не упустил ли чего в своей работе. Не будет ли лишней крови по твоей вине?»

Штаб нашего артиллерийского полка немедленно приступает к планированию огня. Под карандашом помощника начальника штаба младшего лейтенанта Тараканова лист бумаги быстро начинает пестреть трех- и четырехзначными цифрами. Ровными колонками размещаются цифры в таблице огня группы. Завтра они оживут. Разрезая морозный воздух, тысячами полетят из жерл грозных орудий снаряды на укрепления линии Маннергейма.

Отработка документов закончена. Все необходимые сведения переданы в дивизионы.

Ясная, тихая ночь. Поражает необычная тишина. Нигде ни выстрела, ни звука. Артиллерия не ведет даже обычного беспокоящего огня. Часовой у землянки штаба замечает:

— Эх, хороша ночка! Вот такая, наверно, и у нас в деревне.

Четыре часа ночи 11 февраля.

Я и начальник штаба капитан Иваницкий, перелезая через брошенные финские траншеи и колючую проволоку, идем проверять боевую готовность дивизионов группы.

В землянках штабов дивизионов заканчивают работу. Составляются выписки из таблицы огня для командиров. Они все здесь. Задают ряд вопросов. Еще раз уточняют свои задачи, документы и, серьезные, озабоченные, спешат к себе на пункты.

Возвращаемся на свой командный пункт. Отдыхаем последние минуты перед решительной схваткой. Но вот уже настало время пойти на наблюдательный пункт. Берем все документы по управлению огнем и с комиссаром тов. Закладным и помощником начальника штаба тов. Таракановым направляемся к новому, только-что подготовленному наблюдательному пункту.

При выходе из землянки нас поражает резкая перемена погоды. Звездную ночь сменило туманное утро. Белая густая мгла закрыла все. В пяти шагах ничего не видно.

Вглядываюсь в лицо рядом идущего комиссара, стараясь угадать его мысли, его переживания. Задумался комиссар. Очевидно, мысль «все ли предусмотрено?» беспокоит и его. Беспокоит его и подготовка людей; все ли отлично выдержат экзамен, не будет ли малодушных, которые спасуют перед трудностями, не выполнят своей задачи или посеют панику? Нет, таких не должно быть. Люди готовы перенести любые трудности, готовы они и на любые подвиги. Ведь каждый день при обходе позиций только и слышали мы вопрос: «Скоро ли начнем громить гадов?»

А с каким упорством и настойчивостью готовились мы к решительному наступлению! Были, правда, тяжелые дни, но никогда, даже в самую тяжелую минуту, не слышал я недовольства, жалоб на трудности. Наш (ныне Краснознаменный) артиллерийский полк — дружный, крепкий коллектив. Благодаря усилиям партийной и комсомольской организаций и всего начальствующего состава он сплотился, как никогда, и живет единой мыслью, мыслью всего многомиллионного советского народа: «Скорее наголову разбить зарвавшегося врага. Разбить его — наглого и безумного, осмелившегося поднять меч на страну социализма».

Вот мы на наблюдательном пункте. Впрочем, в тумане, кроме переднего бруствера пункта, ничего не видно. Не видно высоты 65,5, рощи «Молоток» и черных зияющих пятен на снежном покрове — полуразгромленных дотов. Связь со всеми дивизионами работает отлично. Вот передают о готовности дивизионов к открытию огня. До волнующего момента, когда от Ладожского озера до берегов Финского залива тысячи орудий общим залпом возвестят о начале штурма, остались считанные минуты. Командиры нетерпеливо посматривают на часы. Иногда кажется, что стрелки часов остановились. Приставляешь часы к уху, затаив дыхание, вслушиваешься и слышишь однотонное тиканье.

До атаки осталось 5 минут. Летит команда по телефонным проводам: «О готовности доложить!» Особенно четко и ясно передаются команды телефонистами. И в ответ доносят:

— «Тула» готова! «Орел» готов! «Кировск» готов! «Пенза» готова!

9 часов 38 минут. Тишина. Все возбуждены. Кажется, перестаешь дышать в ожидании начала. Вот где-то слева, очевидно, в соседней стрелковой дивизии, кто-то, не выдержав, дает орудийный выстрел.

Не спускаю глаз со стрелки часов.

9 часов 40 минут.

— Группа, огонь!

Легче становится на сердце.

Одновременный страшной силы треск раздается сзади на огневых позициях батарей. Мгла как бы разрывается. Содрогнулась земля. Через голову с резким визгом проносятся снаряды первого залпа, а за ними — несмолкаемый, сплошной гул.

Редко слышны отдельные выстрелы. Все слилось воедино. Как будто бы из брандспойта льют через наши головы огненную струю смертоносных снарядов.

Но вот гул утихает. Теперь слышны только отдельные выстрелы. Это методический огонь.

Вскоре огонь с прежней силой обрушивается на противника.

Там впереди, в туманной мгле, видны вспышки разрывов.

11 часов 20 минут. Бегу на наблюдательный пункт командира стрелкового полка майора Рослого. Спрашиваю:

— Товарищ Рослый, как танки, как Кравченко и Сорока? Готовы ли к атаке?

— Да, готовы. Больше того, батальоны Кравченко и Сороки вышли на исходные рубежи. Прижавшись к огню артиллерии, они лежат, готовые к штурму.

Огонь артиллерии нарастает.

11 часов 40 минут.

Еще раз справляюсь о готовности пехоты и танков. Ответ утвердительный.

Мгла рассеивается. Теперь уже достаточно ясно видишь, как точно и метко ложатся наши снаряды на передний край противника. Тяжелые снаряды дивизиона старшего лейтенанта Головкова своими мощными взрывами закрывают всю высоту 65,5. На траншеи белофиннов ложатся снаряды дивизиона старшего лейтенанта Яцкова. Роща «Молоток» неузнаваема. Вместо лесного ландшафта — изуродованные, ощипанные деревья. Вид этой рощи изменила отличная работа дивизиона старшего лейтенанта Крючкова.

Стрелка подходит к 12 часам.

Вот настал решающий момент. Неужели не прорвем? Нет, этого не может быть. Отбрасываю эти мысли.

— Группа, приготовиться к «Тигру»!

Вот и 12 часов.

— Группе «Тигр» — огонь!

Минутная пауза, несколько отдельных запоздалых выстрелов, и вглубь, за высоту 65,5 и рощу «Молоток», переносится смертоносный огневой вал.

Все полны напряжения. Затарахтели пулеметы. Слышен захлебывающийся лай финского «Суоми». Телефонная трубка у уха.

— Кравченко овладел дотом № 0021,— докладывает старший лейтенант Крючков.

На лицах окружающих появляются улыбки. Передаю весть о падении дота майору Рослому по телефону. Какая это была радость для всех!

— На доте № 0018 красный флаг,— докладывает старший лейтенант Яцков.

Все впились теперь глазами в высоту 65,5. Там центральный дот № 006, куда и наносится главный удар. И вот, наконец, в 12 часов 28 минут и на центральном доте № 006 взвился красный флаг.

Поблескивая серебром могучих крыльев, пошли на север самолеты. Огневой вал, очищая путь пехоте и танкам, уходит все дальше и дальше, к роще «Фигурная».

Прорыв совершен!

Герой Советского Союза полковник
И. РОСЛЫЙ

Одиннадцатое февраля

Наконец-то приблизился долгожданный час — час решающего боя. Ночь прошла спокойно. Наша артиллерия молчала, чтобы не вызвать подозрений у противника. Молчали и финны.

Над землей вставал рассвет, одетый в серую дымку. Наступало 11 февраля. В предутреннем полутьме невидимым было движение войск. Бесшумно накапливался мой стрелковый полк на исходных рубежах.

Справа, на болоте, в полной готовности к атаке, расположился батальон тов. Кравченко. Левее, на главном направлении, против высоты 65,5, особенно сильно укрепленной противником (12 рядов надолб, ряды колючей проволоки, доты и дзоты), залег батальон тов. Сороки. 1-й батальон находился на левом фланге, во втором эшелоне. Танки ждали сигнала к выступлению.

Вот заговорили мощные орудия. Оглушающие залпы сотрясали воздух и землю. Непрерывный гул орудийных выстрелов сливался с разрывами снарядов, высоко подбрасывавших вырванные с корнями деревья и глыбы мерзлой земли на рубеже, занятом противником. Это началась артиллерийская подготовка.

Еще раз проверяю готовность батальонов к атаке. С правого фланга бойко отвечает знакомый голос...

— Кравченко, это вы?

— Я, товарищ командир полка,— ответил Кравченко.

— Как настроение людей?

— Все уверены в победе.

За него я спокоен: прекрасный командир, истинный патриот социалистической Родины! Недавно Кравченко ходил в разведку с группой бойцов и обморозил ноги. Его отправили в госпиталь. Он просил отпустить его в батальон, но врачи были неумолимы. Кравченко не желал даже на короткое время расставаться с боевыми друзьями, с которыми делил лишения фронтовой жизни и радость побед. Однако пришлось уступить.

Но вот Кравченко узнает, что завтра в полдень батальон пойдет в решительную атаку. При содействии санитарки он втайне от врачей покинул госпиталь. С неописуемой радостью встретили бойцы любимого командира.

Канонада длится более двух часов. Путь пехоте проложен. На переднем крае оборонительной полосы противника все, казалось, превращено в щепы и развалины.

По установленному сигналу огонь артиллерии быстро переметнулся за передний край обороны. Пехота устремилась на высоту 65,5 и в рощу «Молоток». Будто из-под земли выросли танки, вырвались вперед и пошли впереди пехоты. Еще мгновение — и первые группы бойцов ворвались в траншеи, вступили в рукопашную схватку с белофиннами, забрасывая их гранатами, уничтожая штыками, расстреливая в упор.

Почти одновременно батальоны Кравченко и Сороки заняли высоту и водрузили красные флаги на дотах.

Это была волнующая картина. Когда мелькнули на дотах флаги, в первых рядах загремело грозное «ура». Его подхватили все бойцы. Клич победы катился из края в край, сливаясь с гулом артиллерии, со стуком пулеметов.

Но линия Маннергейма на этом участке была прорвана только частично. За железобетонными сооружениями имелись дерево-земляные, куда поспешно отходил противник. Немедленно продвинуться вперед на плечах неприятеля, не давая ему опомниться, добить его — такая задача стояла перед нами.

Сочетая огонь с движением, мы стремились все вперед и вперед. Забрасывали гранатами удиравших шюцкоровцев, поливали их свинцовым дождем. Почерневший снег покрылся трупами белофиннов. Преследование не приостанавливалось до рощи «Фигурная». Но у рощи мы были встречены ураганным огнем. Пришлось остановиться для перегруппировки сил.

Разведка установила, что у опушки рощи «Фигурная» протянулся противотанковый ров шириной в 7 метров. Противник, численностью до двух батальонов, зарылся в землю. Мы готовились к новой атаке. Ночью на левом фланге сделали проходы для танков.

— Товарищ командир полка,— сказал мне капитан Кравченко,— лобовой атакой трудно взять противника. Это будет стоить больших потерь.

Кравченко был прав. Подступы к роще «Фигурная» противник прикрывал сильным огнем.

Я приказал Кравченко отвести батальон в рощу «Молоток», ночью обойти рощу «Фигурная» и ударить во фланг противника. Так и сделали. Внезапный удар по флангу привел врага в замешательство, он обратился в бегство. До 700 трупов белофиннов усеяло землю.

Этим маневром полк завершил прорыв линии Маннергейма.

Герой Советского Союза
полковник И. Рослый

* * *

Когда вспоминаешь о славных боях за безопасность северо-западных границ нашей Родины и колыбели Великой Октябрьской социалистической революции — города Ленина, с гордостью думаешь о боевых товарищах и друзьях по фронту. Некоторые из них пали смертью храбрых — вечная память им! — а живые неустанно крепят мощь Красной Армии и находятся в постоянной боевой готовности.

Герой Советского Союза майор

С. НИЛОВСКИЙ

Заметки артиллериста

Доты линии Маннергейма находились во взаимной огневой связи. Чтобы пробить проход в системе финских укреплений, надо было ликвидировать не один дот, а целый участок системы. Для этого прежде всего следовало разведать все доты.

Если глядеть на передний край финской оборонительной линии с фронта, на нем даже при весьма внимательном осмотре не заметишь долговременных огневых сооружений. Доты финнов были хорошо приспособлены к местности и укрыты так называемой «подушкой» из камня и земли. Сверху росли деревья. Глаз наблюдателя встречал бесчисленное количество почти одинаковых скал, поросших деревьями, снежные холмы, кустарники. Среди тысяч этих приметных точек были расположены десятки дотов. Но где они?

Доты, как правило, не обнаруживали себя огнем вплоть до наступления пехоты. Но и при частном наступлении, при разведке боем,— вели огонь лишь отдельные точки, а остальные молчали.

Огневая разведка артиллерии затруднялась условиями местности. Снаряд, попадавший в камень, при разрыве давал такой же блеск и звук, как и при попадании в каменную «подушку» дота. Камень был всюду: и на дотах, и сзади них, и справа, и слева, и впереди. Простреливать каждый бугор — значит даром тратить снаряды и время. Вести огневую разведку орудиями калибром в 76 и 122 миллиметра бесполезно. Эти орудия не вскрывали «подушки» дотов даже при прямом попадании. С таким же успехом можно было разведать дот пулеметным и винтовочным огнем.

Но ведь каждая, даже внешне не обнаруживающая себя, огневая точка как-то живет. Не может быть, чтобы в течение трех-четырех суток дот не выдал себя каким-нибудь проявлением жизни!

Мы, командиры гаубичного полка, придвинули наблюдательные пункты почти вплотную к переднему краю обо-

роны противника, разделив весь фронт на секторы наблюдения. Круглосуточно, не отрываясь, каждый разглядывал свой участок. Бывший на практике в полку слушатель Артиллерийской академии капитан Власов личным показом учил бойцов, как надо выбирать наблюдательные пункты на деревьях под самым

Герой Советского Союза
майор С. Ниловский

носом у противника. С еле заметных высоток, с деревьев, из-за скал неотрывно наблюдали разведчики за своими небольшими участками.

Командир 7-й батареи лейтенант Музыкин трое суток наблюдал за высотой, на которой как будто ничего не было, кроме камней, снега и деревьев. Но это была выгодная высота. Лейтенанту пришла мысль, что если бы он укреплял подобный участок переднего края обороны, то эту высоту он обязательно использовал бы в системе укреплений.

Два дня лейтенант видел одно и то же: камень, деревья, на которые изредка садились вороны, снежок, осыпавший высоту. На третий день он заметил, что возле высоты как-то необычно шевелится снег. По снегу шли волны. К вечеру это повторилось. Было это похоже на движение белых стальных касок. Зачем двигаться финнам к этой высоте, если она пуста?

Лейтенант Музыкин доложил о своих наблюдениях. Он подкреплял их разумным предположением, что этот наиболее выгодный участок должен быть узлом в оборонительной системе. С него хорошо простреливались фронт и фланги.

Доводы лейтенанта казались убедительными.

Надо было заставить дот заговорить. К высоте были брошены три танка. И дот заговорил,— огромный дот № 006, вооруженный орудиями и несколькими пулеметами.

Дот № 0011 находился в лесу, среди больших сосен и кустов. Старший лейтенант Панов рассуждал так же, как и Музыкин. Это было подходящее место для устройства дота. И вот ежедневно разведчики дивизиона, которым командовал Панов, стали наблюдать за кустами возле сосен. Однажды они обнаружили возле кустов движение касок. Потом над одной из ямок появился необычный снежный нанос, а оттуда выдвинулась странная белая рогулька, блестевшая на солнце. Рогулька оказалась стереотрубой.

Дот № 008 был обнаружен командиром взвода разведки лейтенантом Николаевым в районе дивизиона тов. Курбатова. Николаев наблюдал за бугром неослабно в течение двух дней и увидел в конце концов над ним еле заметный дымок. Последующая визуальная и огневая разведка командира батареи младшего лейтенанта Жернового обнаружила долговременное сооружение.

На юго-восточной опушке рощи «Молоток» в первые же дни боев за укрепленный район были разрушены артиллерийским огнем дерево-каменные блиндажи. Казалось, работа артиллерии окончилась; жизнь в блиндажах прекратилась, оттуда больше не вели огня. Возле блиндажей было пустое ровное место, на котором как будто уже негде маскировать доты, но они здесь были. Целый участок укрепленного района финны не могли защищать только дерево-каменными сооружениями.

Пока не начиналась подготовка к прорыву, нам казалось, что пространство впереди мертво. Но когда стало известно, что по этому мертвому белому полю должна будет через несколько дней пойти в наступление наша пехота, мы поговорили друг с другом и решили посмотреть его еще внимательнее. Разведка 1-го дивизиона высказала интересное предположение: не являются ли дерево-каменные блиндажи, которые мы разрушили, маскировкой разыскиваемых нами железобетонных сооружений?

За каждым из блиндажей наблюдала отдельная группа. Смотрели долго, но ничего подозрительного не заметили.

Лишь 6 февраля утром мы увидели, что вывороченное из стены разрушенного блиндажа бревно приняло другое положение. Само оно не могло повернуться. Разведчики буквально

впились в него глазами. И вот у них на глазах бревно сделало еще один поворот. Под развалинами была жизнь.

7, 8 и 9 февраля тяжелая артиллерия открыла огонь. Развалины были сметены. Под ними обнаружились мощные железобетонные сооружения. Командир стрелкового полка, который должен был итти по этому «чистому полю» в наступление, только покачал головой. Его батальоны понесли бы лишние потери, если бы разведчикам 1-го дивизиона не пришла в голову верная догадка.

Пулеметные и смотровые щели дота в районе Муурила

Хорошо организованная разведка на участке нашего полка позволила к началу прорыва обнаружить все доты противника. И все они были подавлены.

* * *

Вести борьбу с такими укреплениями противника и побеждать в бою могли только сильные, смелые люди.

Я хочу рассказать о двух наших славных героях-артиллеристах товарищах Кириллове и Булавском.

На просеке у одного из дотов стояли три наших подбитых танка. Экипажи давно покинули их. Эти танки мешали нам вести наблюдение за дотом, а приблизиться к ним было трудно. По данным пехотной разведки, они были заняты финскими снайперами, которые использовали их как бронирован-

ные укрытия. Мы решили проверить, действительно ли в танках находятся снайперы.

Кириллов взял с собой двух человек из пехотной разведки и выполз из окопа. Почти тотчас же, едва они отползли на 60—70 метров, по ним был открыт огонь из танков. Кириллов зарылся в снег и наблюдал, прислушиваясь к выстрелам. Один разведчик, лежавший рядом с ним, был убит, второй ранен. Прежде чем продолжать разведку, Кириллов взял винтовки обоих товарищей, взвалил на себя раненого и пополз с ним назад.

Оружие и раненого Кириллов сдал передовым постам пехоты. Но точных данных о противнике у него еще не было. Задача не была выполнена. Он вернулся обратно к танкам...

Доклад Кириллова был точен и короток:

— Танки заняты снайперами, огонь ведется через башенные щели, снайперов, очевидно, четверо.

Немедленно было передано приказание стоявшей рядом батарее 152-миллиметровых орудий открыть огонь по танкам. Два финских снайпера были убиты, двое успели скрыться.

Кириллову, как у нас говорили, «везло». Он возвращался невредимым из самых опасных экспедиций. Но везение здесь было обусловлено тем, что сам Кириллов старался рисковать как можно меньше. Он вел свое дело без спешки и торопливости. Красивых жестов он не делал, в рост под пулями не поднимался. Там, где другой, может быть, прополз бы расстояние за полчаса, Кириллов полз три часа, а то и четыре. Каждую точку, каждый камень он использовал для укрытия. В его подвигах не было жертвенности, в них были сознание долга и расчет, доведенный до предела.

За боевые заслуги правительство присвоило тов. Кириллову звание Героя Советского Союза.

Командир батареи лейтенант Булавский, Герой Советского Союза, прославил себя высоким артиллерийским мастерством и бесстрашием.

Однажды Булавский вышел в район противотанковых препятствий белофиннов, окопался, хорошо замаскировался и с наступлением рассвета стал наблюдать за передним краем обороны. Весь день он провел на этом импровизированном наблюдательном пункте, находясь между линией нашей пехоты и финнами. В середине дня обнаружил в 150 метрах от себя дот. С наступлением темноты Булавский, взяв с собой телефониста, опять вернулся на свой пункт. Когда наступил рассвет, он начал пристрелку. Недолеты своих снарядов ложились сзади него. Риск был огромен — Булавский мог погибнуть от своего же снаряда. Но риск был оправдан. Уничтожение дота спасало жизнь сотням наших бойцов и командиров.

Булавский вернулся благополучно.

Вскоре возле высоты «Язык» у озера Сумма-ярви наш наблюдатель заметил, что откуда-то сбоку из-за леса ведет стрельбу мощная огневая точка. С этого же пункта удалось установить, что корректировать огонь по этой точке можно только с просеки, которая простреливается из соседнего дота орудийным и пулеметным огнем. Попытки танков и пехоты пройти просеку успеха не имели. В двух шагах от нее в лесу бойцы стояли без особого риска, но едва лишь они выползали на просеку, как пулеметы и орудия финнов буквально сметали их огнем.

У пехоты и танков не было возможностей обхода просеки. Обстановка требовала любой ценой, хотя бы на время, заставить дот замолчать. Но, чтобы вести огонь, надо было кому-то выползти на просеку. Иначе корректировать стрельбу невозможно.

Булавский получил приказание подавить дот. Он взглянул на меня внимательными, чересчур спокойными глазами, лицо его потемнело. Даже одного шанса из тысячи на спасение у него не было.

Радиста он посадил сбоку в лесу в трех шагах от просеки так, чтобы тот слышал его команды. Посередине лесной прогалины стоял пень. Это было единственное место, возле которого можно было продержаться живым несколько минут. Булавский выбросился по снегу к этому пню. Было видно, как за пару секунд пули выхватили куски шерсти из его полушубка.

— Цел? — спросили его.

В ответ он подал первую команду, и радист передал ее на огневую позицию. Время шло. Минуту каждый считал за час. Булавский уже вывел снаряды к цели и перешел на подавление. Дот замолкал. Но в это время Булавский, словно устав, положил голову на правую руку, вздрогнул, вытянулся. Две пули попали в него. Одна застряла в животе, другая пробила грудь.

Только теперь осознаешь все величие и всю простоту такой вот смерти, необходимой для жизни других людей.

Герой Советского Союза
В. КИРИЛЛОВ

В разведке

Связь с наблюдательным пунктом прервалась. Свои же танки намотали линию на гусеницы. Я получил приказание установить новый наблюдательный пункт.

С разведчиком Пономаревым идем вперед, тянем проволоку. За рощей финны встретили нас пулеметным огнем. Спасаемся за танком. Вместе с танком перемещается и наш наблюдательный пункт. Мы не прекращаем корректировать огонь артиллерии.

Наконец, выбрали два дерева и решили устроиться на их верхушках. Командир батареи тов. Коваленко наблюдает с одного дерева, я — с другого. Но вскоре по дереву застучали пули. Тов. Коваленко взял щиток от пулемета и установил его наверху для защиты от пуль, мне же пришлось спуститься.

Я получил приказание итти вперед вместе с наступающей ротой и выяснить обстановку. Мы бежали, падали, укрываясь от снарядов, и снова бежали вперед. Однако скоро добрались до полянки, а перебраться через нее было крайне трудно. На полянке беспрестанно рвались снаряды.

Командир роты просит артиллерию уничтожить неприятельское орудие. Но орудия не видно. Я ползу через полянку вправо. Влез на бугор и вот уже вижу орудие, не пускающее нас вперед.

Теперь нужно как можно скорее добраться до наблюдательного пункта. Бегу, влезаю на дерево к командиру батареи и показываю ему место, где обнаружили орудие. Через несколько минут это орудие было уничтожено, и рота пошла вперед.

Но зато финны повели яростную стрельбу по нашему наблюдательному пункту. Я иду с разведчиком Хейманом и пехотинцами в лес, чтобы отогнать противника и облегчить положение пункта. Лесом доходим до просеки. Выползаю на просеку. В конце ее — бугор, а на бугре какое-то подозрительное черное пятно. Неужели дот?

Чтобы проверить, я подымаюсь во весь рост.

Тишина.

Я делаю несколько шагов.

Слышу шопот Хеймана:

— Ложись!

Ослепительный свет. Грохот.

Я лег. Теперь мне стало ясно — там дот. Так вот откуда охотились за нашим наблюдательным пунктом!

Мы обнаружены, нас обстреливают из винтовок. Видим финнов, перебегающих от дерева к дереву. Пытаются нас обойти. Мы отходим назад, к ручью, довольные разведкой. Обнаружить дот — большая удача.

Герой Советского Союза

По приказанию командира части наблюдательный пункт перенесли в другое место. Получили новое задание — разведать все примыкающие к доту укрепления. Это была задача необычайной важности, и мы выполнили ее путем систематического наблюдения, ряда дневных и ночных разведок.

Расскажу об одной нашей ночной разведке.

Нам было поручено пройти лесом левее дота, занять ранее обнаруженный блиндаж и произвести разведку огневых точек.

До блиндажа добрались без особого труда. Блиндаж пуст, в нем никого нет. Ползем дальше. Темно. Только снег слегка белеет.

Натыкаемся на проволочное заграждение. Стали резать проволоку. Но от проволоки, видимо, была проведена сигнализация. Со всех сторон на нас посыпались пули — хорошо пристрелянное место. Делать нечего, отползли за бугор.

Надо установить, откуда финны ведут огонь. По глуховатому звуку выстрелов справа догадываюсь, что стреляют из закрытого помещения. Значит, из дота. Следовательно, дот справа от нас. Слева тоже обстреливают. Судя по звуку, автоматчики. Там, верно, траншея.

И мы через поляну поползли к траншее. Финны этого никак не ожидали. Они были уверены, что мы ушли. У себя в траншее они курят, разговаривают, мы видим огоньки папирос, слышим голоса. Ползти необычайно трудно, потому что малейший шум может выдать. Двигаюсь вперед метр за метром, напрягаю мышцы. Мучительно хочется кашлять. Кашель давит, душит. Усилием воли сдерживаюсь.

Вот надолбы перед траншеей, затем колючая проволока.

Вдруг финны разом всполошились. Встречают нас бешеным огнем. Пускают осветительную ракету. По выстрелам мы определяем все, ради чего пошли в разведку: и дот и траншеи.

Наша цель достигнута, и мы отходим назад, к лесу. Но осветительные ракеты взлетают одна за другой, и проклятая луна начинает вылезать из облаков. Враги видят нас и стреляют, не переставая.

В лесу мы остановились. Я пересчитал своих товарищей. Нехватает помощника командира взвода. Где он? Неужели остался возле траншеи? Убит или ранен?

Надо выручать. Я пополз назад. Финны стреляют, но я ползу и ползу. Дополз до проволоки. На колючей проволоке возле траншеи повис наш товарищ. Он молчит, но еще жив. Я снимаю его с проволоки, кладу себе на спину и опять ползу к лесу.

Финны ведут бешеный огонь. Через каждые 2—3 метра я зарываюсь в снег, чтобы переждать пулеметную очередь. Товарищ просит:

— Пристрели меня.

Он не хочет, чтобы я погиб из-за него, но я прошу его только об одном: не стонать.

Из леса к нам на помощь подполз разведчик Пономарев. Вдвоем тащить раненого куда легче, и через минуту мы в лесу.

Вернувшись в штаб, отдали раненого санитарам и доложили командиру о результатах разведки.

Днем я получил задание — исследовать местность справа от дота. Взял двух разведчиков и пошел с ними в лес. Вижу — просека, в конце просеки — перевернутый танк, а за танком пулемет. Оттуда, вероятно, хорошо видна вся правая сторона дота.

Обоих разведчиков я оставил в лесу, приказав им наблюдать за мной, а сам пополз к перевернутому танку. Одолел уже больше половины пути, как вдруг пулемет, стоявший у танка, дал по мне очередь. Неподалеку, впереди, я заметил яму. Сделал несколько рывков, скатился в яму и залег на дне. Здесь меня пулемет не достанет.

Минут через десять осторожно поднимаю голову и ясно вижу всю правую сторону дота с несколькими амбразурами. Справа замечаю хорошо замаскированное орудие.

Возле орудия и возле перевернутого танка все время люди. Вылезти из ямы нет никакой возможности. Ну, что ж,— нужно ждать. Чтобы время не пропало даром, я начал запоминать местность.

У меня такое обыкновение — в разведке запоминать местность подробно, чтобы потом можно было нарисовать ее, начертить панораму. Начерченная разведчиком панорама даст артиллеристу гораздо больше, чем схема ориентиров. Я запоминал углы (определял их на глазомер, по пальцам), расстояния от одного предмета до другого, очертания предметов и, придя в штаб, рисовал панораму на память.

На этот раз в уме панорама была уже давно готова, а я все еще сидел в яме, не зная, как из нее выбраться. Финны совсем близко и ни на минуту не отходят. Так просидел я в яме часов пять, до темноты. Когда стало темнеть, вылез и пополз назад.

Метров пятнадцать удалось проползти незаметно. Но вот снова слышу пулеметный стук. Пули пролетают надо мной. На этот раз меня обстреливают не из одного пулемета, а из нескольких. У меня было сильное искушение — оглянуться и посмотреть, откуда они стреляют. Но оглядываться немыслимо. И я продолжаю ползти.

Однако разведчики, которых я оставил в лесу, наблюдали за этим обстрелом. Когда я добрался до них, они мне сказали:

— Вас обстреливал один пулемет из-за танка, три из леса и один вон с того бугра.

Мы особенно заинтересовались бугром, с которого стрелял пулемет. Я заподозрил, что этот бугор — промежуточный блиндаж, соединяющий два дота. Ночная разведка подтвердила мое подозрение.

С этим дотом мне пришлось встретиться еще раз 11 февраля, когда наши войска пошли в наступление. Было приказано итти на передовой наблюдательный пункт. Воздух дрожал от взрывов, гул снарядов заглушал голоса. На передовом пункте я попросил у командира, чтобы он разрешил мне взять несколько разведчиков и подойти ближе к доту. Командир разрешил.

Подползли мы к доту и залегли за ним.

Дот уже сильно потрепала наша артиллерия — все купола были разбиты, торчала арматура. Многие траншеи вокруг него

были оставлены финнами. Но дот продолжал стрелять. Чуть только на просеку выезжал наш танк, справа от дота возникал дымок орудийного выстрела.

Вдруг белый картон, маскировавший орудие, которое стояло справа от дота, свалился. Так вот она, эта пушка, стреляющая в наши танки. Смотрю: из-за щита орудия осторожно тянется

Вход в дот

рука, чтобы поправить упавший картон. Я стреляю. Рука прячется, но через минуту появляется с другой стороны щита. Я опять стреляю. Рука опять прячется. Я несколько раз стреляю под щит. Орудие замолкает.

Мне хотелось немедленно подползти к орудию, но, к сожалению, это было невозможно — пулемет дота обстреливал нас с такой силой, что отлетела верхушка пня, за которым мы прятались.

Когда стало смеркаться, мы подобрались к доту по пустой траншее. Дверь заперта, дот молчит. Я решил залезть на него. Но едва только полез, как финский снайпер, засевший в лесу, сшиб с моей головы каску. Обошел я дот кругом и снова полез наверх. Влезаю на разбитый купол. Оттуда торчит кирпичная труба. Когда я подполз к трубе, полы моего халата запутались в арматуре.

Мне пришло в голову бросить в трубу гранату. Пусть она разорвется внутри дота. Достал гранату и опустил ее в трубу. Но оказалось, что труба перегорожена решеткой. Граната застряла в решетке, шипит и вот-вот взорвется.

Мне нужно бежать, чтобы моя же граната не убила меня. Я дергаюсь, а запутавшийся в арматуре халат не пускает. Рвусь, напрягаю силы и скатываюсь вниз, оставив на железных прутьях свой халат и полы шинели.

Граната взорвалась и уничтожила решетку в трубе. Я взял связку гранат и одну за другой швырял их в трубу. Они проваливались вниз и взрывались внутри дота. Дот вздрагивал от взрывов. Из всех щелей валил дым. Внутри бушевал пожар.

Тем временем мои разведчики принесли тол, подложили его под стенку дота и взорвали. Тогда всю вражескую берлогу вывернуло наружу.

Так был уничтожен этот дот, с которым мне столько пришлось повозиться.

Полковник
А. МУРАВЬЕВ

■

Герой Советского Союза старший лейтенант
П. ШУТОВ

Фронтовые заметки

Командира взвода разведки 7-й батареи тов. Николаева мы встретили ночью у подножья южного ската высоты.

Николаев был в белом халате. Он сидел за деревом в неглубоком окопчике и изредка покашливал в кулак. Вокруг дерева вьюга намела бугор; дальше к фронту шла ровная снежная целина. На бугре полукругом были натыканы в снег сучочки, щепочки, кусочки сосновой коры.

Услышав наши шаги, Николаев поправил, не оборачиваясь, лежавший на коленях автомат и только потом, все еще стараясь не шевелиться, не скрипеть на снегу, повернул к нам голову.

— Ну, как? — спросили мы.— Слышно?

Поглядев на щепочки, дощечки, сучочки и веточки, натыканные рядом, Николаев тихо ответил. Все, что надо, было ему слышно, но, к сожалению, ничего не видно.

Где-то, шагах в пятистах от нас, тишину разорвали выстрелы — один, второй. Потом застучал пулемет. Николаев встрепенулся.

— Левый край,— сказал он еще тише.— Вчера тут никого не было.

И воткнул в снег еще одну ветку. Мы с любопытством наблюдали за командиром, который считался одним из лучших разведчиков.

На своем участке Николаев прекрасно знал, где сосредоточены автоматчики, куда передвинуты пулеметы, где стоят противотанковые орудия. Сейчас мы наблюдали метод его работы.

Сбоку, на этот раз вправо от высоты, сверкнули огни и рассыпалась новая пулеметная очередь. Опять так же спокойно Николаев взял веточку и воткнул ее в снег в направлении звука и блеска выстрелов.

Каждый из заговоривших ночью или на рассвете пулеметов, каждый автомат Николаев засекал, устанавливая в створе

Один из дотов в районе Муурила

с выстрелом отметинку. Ночью звуки доходили до него отчетливо и чисто. Пулемет отмечался веточкой, автомат — щепочкой, винтовочная стрельба — сосновой корой, очередь спаренных пулеметов — сучком. Сам Николаев сидел неподвижно, всегда в одном и том же положении. Когда рассветало, он по отметинкам тщательно устанавливал направление, в котором слышал ночью выстрелы, и уже днем вместе со своими разведчиками непрерывно наблюдал в этом направлении. Пулеметный окоп, блиндаж, дзот выдавали себя либо неосторожным движением людей, либо дымком, либо стрельбой. Так устанавливались цели. Таким же способом был обнаружен Николаевым один крупный дот, позднее уничтоженный нашей артиллерией.

Не следует, конечно, думать, что таким методом разведки можно было ограничиться на фронте. Широко применялись все виды разведки.

Незадолго до начала штурма мы обнаружили, что целый ряд укрепленных точек противника нам неизвестен. Участок против высоты 65,5 охраняли не разведанные нами долговременные сооружения. Увидеть или по крайней мере попытаться увидеть их можно было только с самой высоты и ниоткуда больше.

Мы решили занять эту высоту своими наблюдательными пунктами, не останавливаясь перед тем, что она находилась под непрерывным перекрестным огнем финских дотов и минометов. Но без основательного инженерного оборудования таких пунктов нечего было и думать о том, чтобы удержаться на высоте хотя бы 2—3 часа.

Приказ — занять высоту наблюдательными пунктами — получил дивизион старшего лейтенанта тов. Курбатова. Многие, уже ко всему привыкшие люди, считали, что успех этого дела крайне сомнителен. Но другого выхода не было.

Захватив с собой кирки, группа бойцов и командиров ночью выбралась на южный склон высоты. Землю долбили, лежа на боку, голову нельзя было поднять. Работали на совесть, пошахтерски. Мерзлая земля поддавалась с трудом. Лишь через три часа бойцы получили возможность работать сидя, согнувшись. Только через 5—6 часов они встали на ноги.

Но чтобы вынести наблюдательные пункты на высоту, нельзя было ограничиться отрывкой ям в мерзлой земле. Требовалось устроить крепкие, надежные блиндажи. Для этого на высоту, где не было ни одного дерева, следовало поднести бревна. Мы пробовали их катить — они зарывались в снег и застревали; мы тащили их волоком, на веревках — результат оставался прежним. Бойцы измучились. Тогда мы решили подвезти бревна... на обыкновенных грузовых машинах. Кому пришла в голову эта идея,— сейчас не вспомнишь.

— Чистое нахальство,— говорили нам пехотные командиры.

— Чистейшее,— отвечали мы.

На следующую ночь машины с потушенными фарами, с приглушенными и укутанными моторами сделали подряд четыре рейса на высоту. Подобная дерзость сошла нам с рук. Когда наступил рассвет, оставалось закончить еще одно перекрытие, и мы бросили машины в пятый рейс. На этот раз их заметили. Несколько бойцов выбыло из строя, но задача была выполнена — бревна доставлены.

На виду у противника выросли солидные блиндажи, в которых вскоре стали сидеть уже не только командиры батарей со своими связными, но и командиры пехотных батальонов и рот. Здесь же обосновались пункты медицинской помощи. Высота принимала «комфортабельный», обжитой вид. На северном ее скате были белофинны, на южном — мы.

Из наших пунктов на высоте хорошо просматривались четыре наиболее мощных дота, в том числе знаменитый центральный дот № 006 и дот № 0011.

И вот на пунктах появились наши снайперы и пулеметчики. Артиллерийский наблюдательный пункт стал еще и огневой пулеметной точкой. На траншеях и ходах сообщения противника мы сосредоточили огонь своих тяжелых батарей и огонь пулеметов. Стрельба белофиннов ослабела, и нам стало гораздо удобнее наблюдать и корректировать огонь тяжелых систем.

Один раз мы заметили какое-то странное пятно на одном из соседних бугров. Бугор, кроме того, имел необычную конфигурацию. Но сказать, дот это или не дот, мы еще не могли. Надо было разглядеть его с какой-нибудь другой стороны. Полковник Муравьев зарисовал подозрительный бугор. Лейтенант Жерновой прошел по пехотной траншее метров на четыреста в сторону от высоты и сделал рисунок бугра с другой точки. Сличение обоих рисунков решило вопрос. Мы увидели характерные очертания пулеметного дота.

Позднее, когда была прорвана линия Маннергейма, мы внимательно осмотрели свой южный склон. Вспомнили, как снег на нем шипел, когда велась стрельба. Не было здесь метра площади, не пораженного пулями и осколками. Как могли жить и работать люди?

Но потом мы оглядели свои блиндажи. Перекрытые рядами толстых сосновых стволов, они и сейчас выглядели внушительно. Только так, не считаясь вначале с опасностью, не жалея труда на землекопную «прозу войны», можно было достигнуть успеха и этим сохранить жизнь сотням людей.

Система мелких контрударов белофиннов, вылазок во фланги и в тыл наших войск, система огня финских снайперов, автоматчиков, дзотов и дотов — все это диктовало необходимость

Разрушенные укрепления

умелого инженерного оборудования огневых позиций и наблюдательных пунктов.

Артиллерия была готова в любую минуту оградить и себя, и пехоту от возможного контрудара белофиннов. Каждая наша батарея получала свой номерной участок заградительного огня. Участки эти пристреливались заранее, пристрелочные данные были записаны на щитах орудий. Ночью в каждой батарее имелись дежурные орудия, готовые к немедленному открытию огня. Вся батарея целиком должна была открывать огонь через считанные минуты после сигнала тревоги. Сигнал давал командир пехотного подразделения, с которым батарея держала теснейшую связь.

Огневые позиции были обнесены колючей проволокой. В 50 метрах от орудий начинались заграждения. Проходы в проволоке защищались пулеметами. Вся система обороны батареи была связана в дивизионные узлы, поскольку батареи располагались в 150—200 метрах одна от другой. Оборона дивизиона была круговой.

Практика показала, что такое оборудование огневых позиций было правильным. Не раз белофинны стремились прорваться в наше расположение. Среди финских лыжников, пытавшихся контратаковать наши части, были специальные артиллерийские расчеты, в задачу которых входили захват батарей и ведение

огня из наших орудий по нашим же частям. Все подобные попытки приостанавливались у проволоки. В карманах убитых и пленных белофинских лыжников мы находили свидетельства об окончании артиллерийских училищ, заранее выписанные расчеты для стрельбы с наших позиций.

* * *

Неприступно и грозно сосредоточивалась, нависала над финским укрепленным районом мощная большевистская артиллерия. Произведена разведка переднего края. Готовя прорыв, батареи переходили на разрушение.

Каждому, конечно, хотелось внести свою лепту в дело уничтожения дотов — этих «ядовитых черепах», как их называли на фронте. Даже полковая и легкая дивизионная артиллерия стреляла по ним. Приходилось сдерживать благородные, но малообоснованные стремления некоторых командиров, чтобы избежать бессмысленной траты снарядов. Оправданной была лишь стрельба по дотам из тяжелых орудий и малокалиберных противотанковых пушек. Исключительная точность наводки позволяла расчетам последних вести огонь по амбразурам. После прорыва во многих дотах были найдены амбразуры, заклепанные 45-миллиметровыми снарядами.

Одним из лучших средств разрушения дота были, как показал опыт, бетонобойные снаряды 203-миллиметровой гаубицы. Лишь в некоторых случаях разрушительная сила их была недостаточна для окончательного уничтожения наиболее мощных железобетонных сооружений. Тогда удачное попадание 280-миллиметрового снаряда сразу вскрывало «подушку», разрушало напольную стенку мощного дота. 203-миллиметровые снаряды были прекрасным средством разрушения.

Контрналеты финской артиллерии нас беспокоили мало. Тяжелых орудий, о которых можно было бы говорить серьезно, у финнов вообще не было. Многие финские гранаты не разрывались.

С одним из пяти Героев Советского Союза, которые были в артиллерии 123-й стрелковой дивизии, тов. Музыкиным, произошел такой случай. В блиндаж, где он находился, ударил 122-миллиметровый финский снаряд, пробил перекрытие блиндажа, сделанное из трех накатов, но не разорвался и повис между бревнами последнего наката, остановившись буквально в 20—30 сантиметрах от головы Музыкина. Когда бойцы вбежали в блиндаж, то увидели лейтенанта, оглушенного волной воздуха. Остановившимися глазами он разглядывал снаряд, повисший над его головой...

К фронту форсированным маршем подходили резервы. В частях уже знали, что подготовкой решительного штурма руководит товарищ Тимошенко. 10 февраля были подавлены основные оборонительные сооружения первой линии, и утром 11-го началась артиллерийская подготовка перед штурмом.

Утром пал туман. В десяти шагах нельзя было разглядеть соседа.

Начальник артиллерии дивизии тов. Кутейников приказал тяжелой артиллерии открыть огонь по глубине обороны противника. Финны начали отвечать. В белой темноте, словно сотканной из тысячи полос кисеи, рвались снаряды.

Буквально через 15—20 минут после того, как наша артиллерия стала обстреливать глубину расположения финнов, туман начал подниматься вверх. Это было величественное зрелище. Гигантский белый занавес поднимался над полем сражения. Еще через 10 минут сверкнуло солнце, туман рассеялся, и артиллерия снова обрушилась на передний край.

Когда наш артиллерийский огонь стал опять уходить в глубину обороны, финны покинули укрытия и вышли в траншеи, думая, что теперь пойдут вперед наши танки и пехота.

Враг жестоко просчитался. В траншеи, заполненные финскими стрелками, вернулись наши снаряды. Несколько раз тов. Кутейников переносил огонь на 400—500 метров в глубину и возвращал его обратно на передний край. Финны запутались. Они не знали, где начало, где конец артиллерийской

подготовки. Пехота финнов несла большие потери. Оставаться в укрытиях было нельзя, так как в любую минуту вслед за переносом огня могла начаться атака, но сидеть в траншеях под огнем наших батарей, было невозможно.

Ложный перенос огня, умело и точно примененный тов. Кутейниковым, был заимствован из опыта прорыва австрийского фронта летом 1915 года. Русские артиллеристы тогда удачно применяли этот способ подавления переднего края обороны.

Близился момент атаки. Наблюдатели артиллерийских групп сели в машины командиров танковых рот, стали рядом с командирами пехотных подразделений.

Загудели моторы танков. Суровая и сосредоточенная, поднялась пехота.

Взвились ракеты. Бросок!

На наблюдательных пунктах мы следили за сигналами пехотных командиров и наших передовых наблюдателей, которые шли рядом с ними.

Огонь переносился по заранее известным рубежам, и у нас было время наблюдать за действиями пехоты и танков. Пехота продвигалась неудержимо, то исчезая во рвах и воронках от снарядов, то появляясь. Она немного приостанавливалась, вела огонь и снова стремилась вперед. Танки шли спереди и на флангах.

Кстати, тут еще раз подтвердилась способность малокалиберной артиллерии бороться с надолбами. 45-миллиметровые и 37-миллиметровые орудия танков разбивали камни на куски. Танки двигались через проходы, сделанные ими же самими.

Наблюдательные пункты превращались в перерывах между командами о переносе огня в своеобразные «штабы последних известий». В глубину расположения наших частей мы передавали одну новость за другой.

— Подошли к проволоке!.. Вошли во рвы!.. Взяли первую линию траншей!.. Обходят центральный дот!.. На центральном доте — красный флаг!.. Ура, товарищи!

Один из свободных радистов перешел в это время на прием. Утреннее московское радио передавало вчерашнее запоздавшее сообщение: «На Карельском перешейке без перемен».

11 февраля на участке 123-й стрелковой дивизии траншеи и доты главной линии обороны противника были взяты.

Герой Советского Союза лейтенант
В. ФЕДОРОВ

Взаимодействие артиллерии и пехоты

Теперь, когда бои с белофиннами давно уже окончились и я задаю себе вопрос, чему научила меня, как командира, эта война, какой опыт я из нее извлек, я отвечаю: она научила меня понимать, ценить и использовать, как ничем непревзойденную, сокрушительную, поистине чудодейственную силу, взаимодействие разных родов войск и, в частности, взаимодействие артиллерии и пехоты. О конкретных эпизодах моей боевой практики, которые вскрывают, как много значит в современной войне взаимодействие, я и хочу рассказать.

13 декабря наш дивизион занял боевой порядок в районе Вихолы, действуя совместно со стрелковым полком. Перед нашей группой была поставлена задача — прорвать узел сопротивления противника.

Пехотная разведка установила комбинированную и сильно организованную оборону финнов, имевшую в своем распоряжении несколько дзотов, больших траншей и два дота. Когда были готовы исходные данные для стрельбы, мы стали ждать приказа о начале артиллерийской подготовки. Прибыл, наконец, приказ: 14 декабря, в 9 часов, огонь должен быть открыт. Рано утром, прежде чем уйти на наблюдательный пункт, я обошел свою батарею. Осмотр доставил мне много радостных минут. Радовали прежде всего люди, их нетерпение, волнующее ожидание. Ведь качество артиллерийской подготовки определяет успех действий пехоты. Как же не волноваться! Довольный настроением людей, удовлетворившись осмотром, который выявил полную готовность батареи вести огонь, я ушел на наблюдательный пункт.

Придя к себе, взглянул на часы. До 9 часов оставалось несколько минут. Навел бинокль туда, на притаившегося врага, укрытого в заснеженных укреплениях. В предрассветной мгле примеченные ориентиры были трудно различимы. Но постепенно глаза привыкали, и цель начинала прощупываться отчетливо. Прошло уже несколько минут. Тишина, стоявшая

вокруг, действовала утомляюще. Вызвал по телефону батарею. Слышимость хорошая. Далекий голос в этой тишине как-то по-особенному обрадовал. Перекинулся шуткой с телефонистом. А время, как назло, идет удивительно медленно.

Вдруг в этом снежном безмолвии раздался легкий, чуть уловимый звук выстрела, и в воздух взвилась стремительная, долгожданная красная ракета — «Начало огня!»

И сразу же заговорили все орудия нашего полка.

Артиллерийская подготовка продолжалась 30 минут. Наблюдение устанавливало, что снаряды падали точно. Видно было, как взлетали на воздух вражеские укрепления. Противник был точно распознан.

Артиллерия наша умолкла. Молчал и противник. На поле боя нахлынула тишина. Но это была особая тишина, длящаяся обычно всего лишь несколько мгновений. Сознание и опыт подсказывали, что именно сейчас воздух наполнится звуками движения наступающей пехоты. Я припал к стеклам стереотрубы и стал всматриваться в снежное поле, там уже должна была двигаться стремительная, неудержимая лава наших бойцов. Но снежные просторы были безмолвны.

Отчего же нет людей на исходном рубеже? Где залегавшие в том направлении роты? Приказ ясно говорил: после артиллерийской подготовки — атака. Уже во время стрельбы наших батарей роты должны были накапливаться на исходном рубеже и сразу же после прекращения огня артиллерии броситься на противника. Именно сразу же, тотчас же, чтобы не дать врагу опомниться, не дать ему возможности оправиться после артиллерийского обстрела. Так почему же медлит пехота?

Вот уже прошло двадцать, двадцать пять, сорок минут. Недоумение переросло в тревогу. И это чувство охватило всех людей нашего полка. Пехота начнет наступление с опозданием и поставит под угрозу все дело.

Так оно и вышло. В период артиллерийской подготовки противник увел свои силы из траншей и окопов, а после прекращения огня, не видя атакующей пехоты, он вновь быстро занял оставленные было позиции. Таким образом, пропустив время атаки, пренебрежительно отнесшись к принципу взаимодействия, пехота допустила крупную ошибку. Перегруппировавшийся противник встретил ее выход сильным ружейно-пулеметным огнем.

Это послужило для нас серьезным уроком. Вся моя дальнейшая боевая работа с этого момента во многом определялась организацией совместных действий со стрелковой ротой, которую поддерживала моя батарея. Было ясно, что взаимодействие — это такая сила, которая сама не возникает, которую надо создавать.

* * *

Получив приказ поддерживать стрелковую роту, я прежде всего поставил вопрос об отработке взаимодействия. Слаженная боевая работа обоих родов войск — это уже конкретная реализация плана взаимодействия. Ей должна предшествовать предварительная подготовка. Нужно добиться четкой, бесперебойной связи с пехотой, позволяющей моментально удовлетворять любой запрос и требование командования роты или батальона, а прежде всего — приучить бойцов ходить на коротких дистанциях за огнем нашей артиллерии.

Вместе с командиром роты я специально собирал пехотных младших командиров, а если позволяли условия, и красноармейцев, рассказывал им о действиях артиллерии, объяснял, как надо держать себя во время артиллерийской подготовки, говорил, насколько можно приближаться к разрывам своих снарядов, стараясь рассеять опасения бойцов.

Но этим я не ограничился. Я выносил свой наблюдательный пункт непосредственно к месту, где залегала пехота. Присутствие среди пехоты артиллерийского командира во время ведения огня укрепляет дух бойцов, вселяет в них бодрость, внушает веру в свою артиллерию. Это повышает также и ответственность артиллерийских командиров. Чувствуешь, как в таких условиях меткость огня является силой, помогающей организовать людей к бою.

11 февраля моей батарее предстояло поддерживать наступающую роту. Местность была лесистая, пересеченная. Цели просматривались плохо. Пришлось перенести наблюдательный пункт вперед и расположиться в 200 метрах от переднего края противника. Вместе со мной залегла и пехота. С этой дистанции укрепления были видны отчетливо. Предстояло подавить один дот и еще несколько огневых точек, не дававших нашей пехоте возможности вести наступление.

Устроившись на наблюдательном пункте, приступил к работе, но, видимо, мы были замечены, так как противник открыл огонь. Положение становилось напряженным, а уходить нельзя: именно отсюда удобнее всего подавить вражеские точки. Принимаю решение: оставаться здесь и немедленно открыть огонь. Работа на наблюдательном пункте требует спокойствия и сосредоточенности. Чуть отвлечешься и сразу можешь напутать в расчетах, а ошибка в расчете обесценивает работу всей батареи. Она может сорвать выполнение задания и обойтись дорого для сотен людей.

Еще в период боевой учебы в мирных условиях я натренировал себя так, что полностью отдавался наблюдению и расчетам, не реагируя на посторонние звуки или разговоры, не обременяя сознания посторонними мыслями. Лучше всего

удавалось мне это тогда, когда я что-нибудь напевал, т. е. напевал один мотив, беспрестанно повторяя одни и те же слова. Это как бы создавало заслон, отгораживающий мое сознание от всего лишнего, постороннего, рассеивающего.

Повторяю, напевать песенку во время работы на наблюдательном пункте стало моей привычкой. Так было и в данном случае. Открыл огонь, начал корректировать стрельбу и невольно затянул какую-то песенку. Лежу, наблюдаю, рассчитываю, передаю команды, весь погрузившись в работу. И вдруг, неожиданно для меня, эта привычка оказала мне услугу. Пригибаясь от беспрестанно свистящих пуль, ко мне подполз командир роты и говорит:

— Хорошо это вы придумали. Бойцы услышали, что командир запел, и им радостно стало. Ну, мол, дела хороши, если артиллерист песни поет.

Выслушал я эти слова и промолчал. Пусть, думаю, будет так. Мне важно, чтобы бойцы верили в своего командира, чтобы они доверяли артиллеристу.

* * *

В этом бою мы применили неожиданный для финнов маневр. До этого было так. Перед наступлением пехоты проводилась артиллерийская подготовка, причем начинали класть снаряды с переднего края, а затем переносили огонь в глубь обороны противника. Белофинны приметили нашу тактику, и как только мы начинали переносить огонь с переднего края, они спешили скопиться там. Поэтому, даже после успешной артподготовки, финны часто встречали нашу пехоту сильным ружейно-пулеметным огнем. Но мы вскоре разгадали эту уловку врага.

На этот раз огонь начали вести, как всегда. После обстрела переднего края сделали перенос огня в глубь, чтобы дать время финнам перебежать на место, уже обстрелянное нашими батареями. Перенос был ложным, и после него наш огонь вновь обрушился на передний край. Такая тактика артиллерии прямо ошеломила финнов, внесла полное смятение в их ряды. В то же время наша пехота, приучившаяся верить артиллеристам, привыкшая спокойно лежать вблизи разрывов своих снарядов, сразу, как только прекратился огонь артиллерии, бросилась в атаку и стала уничтожать оставшиеся силы противника штыком.

* * *

Проходили дни, наполненные большими, волнующими событиями. Сработанность с пехотой давала себя знать.

Н-скому стрелковому полку было приказано произвести разведку боем в районе Пиллиля. В состав разведки были включены артиллеристы. Руководить группой артиллеристов поручили мне.

Утром рота, выделенная в разведку, приступила к выполнению приказа. Двигаться пришлось по лесу. Я шел с левой группой, имея задание — не только обнаруживать огневые точки противника, но и поддерживать в случае нужды действия разведывательной роты огнем своей батареи.

Километра полтора прошли без особого труда. Никаких следов противника и его укреплений обнаружено не было. Но вот лес стал более редким, вдали появились просветы. Приняв меры предосторожности, вышли на край леса. Впереди — большая поляна, в конце которой расположена линия надолб и тянулись проволочные заграждения, дальше опять шел лес. Стало ясно: там, за этими укреплениями, притаился враг. Надо было осторожно двигаться дальше и точно разузнать расположение его огневых точек.

Поползли вперед. Но, видимо, за нами уже следили, так как тут же нас стали обстреливать. Мы залегли под бугром, у линии надолб, не досягаемых для вражеских пуль. Между тем противник обнаружил себя выстрелами. Выявилось, что впереди — комбинированный узел из трех дотов. Прорубленные со всех сторон просеки для обстрела делали позиции белофиннов особенно выгодными. Просеки были сделаны так, что они становились заметны только со стороны дота. Как кто-нибудь попадал на просеку,— немедленно подвергался обстрелу. Заношу себе в книжку данные о расположении дотов, приступаю к вычислениям. Затем передаю команду открыть огонь. Нужно заставить врага замолчать, а кроме того, лишить доты маскировки, чтобы разведчики смогли отлично выполнить задание.

Через несколько мгновений раздались разрывы снарядов. Начинаю корректировать стрельбу. Снаряды ложатся близко, в 150—200 метрах от нас. Но залегающая со мною рота стрелков спокойна. С любопытством и интересом они наблюдают разрушительную работу батареи. Под прикрытием нашего огня они уверенно и отважно подползают ближе к вражеским огневым точкам, тщательно разведывая местность вокруг них.

Стрельба продолжалась два с половиной часа. Затем был получен приказ командования: произвести отход разведывательной роты. Наступил наиболее тяжелый момент. Враг, заметив отступление роты, может ударить с фланга, обойти, отрезать дорогу назад.

Принимаю решение: рота пусть отходит, а я останусь, чтобы усиленным огнем батареи снова подавить противника, а потом перенести огонь частично на фланги и не допустить обхода. Рота пошла. Остаюсь вдвоем с телефонистом. Быстро подго-

тавливаю новые данные и приказываю телефонисту отходить. Он должен остановиться на определенном рубеже, передать на батарею новые установки и ожидать меня.

И вот я остался один. Впереди, в каких-нибудь 150 метрах, — противник. Но я не чувствую одиночества и заброшенности. Сознание, что у нас установлено точное взаимодействие с пехотой, вселяет уверенность в победе. Своим огнем я прикрываю отход разведывательной роты. А она, отходя, в свою очередь прикрывает меня пулеметным огнем. Согласованно действуя, мы создали огневой коридор, заставили противника замолчать, не позволили ему даже головы поднять.

Вслед за телефонистом вскоре ушел и я, чтобы задержаться на следующем рубеже. Так, от рубежа к рубежу и прошел весь путь отхода. На исходные позиции мы возвратились, выполнив задание командования. Укрепления противника разведаны и «раздеты»; рота вернулась из сложной разведки боем без единой потери. И всем нам, командирам и бойцам, было ясно, что успеху способствовало прежде всего умелое взаимодействие между пехотой и артиллерией.

Герой Советского Союза старший лейтенант
Г. ХАРАБОРКИН

Танки на высоте 65,5

В штабе танковой бригады я был назначен командиром 3-й роты. Ее личный состав имел крайне смутное представление о методах борьбы в укрепленных районах. Вообще экипажи не обладали еще должной выучкой, что объяснялось главным образом молодостью командного состава. Предстояло в короткий срок сколотить экипажи, научить их действиям против укрепленного района, да и самому получше «подковаться».

Наметив программу занятий, я приступил к делу. Провел командирскую разведку переднего края укрепленного района, отработал упражнение по курсу огневой подготовки. Много времени было уделено вопросам взаимодействия с подразделениями стрелкового полка, которым командовал майор Рослый.

Командиры машин и водители ходили в разведку, изучали подходы к дотам, характер противотанковых препятствий. Взаимодействие на наших занятиях осуществлялось полностью. Вместе с пехотинцами, артиллеристами и саперами рота училась в тех условиях, в которых ей предстояло вести бой.

Танкисты стали часто бывать у пехотинцев. Вместе обсуждали, как на данной местности действовать, чем танкист может помочь пехотинцу, и наоборот.

Особое внимание было обращено на готовность пулеметов к стрельбе в условиях больших морозов. Мы вымыли оружие бензином, насухо вытерли, и оно работало безотказно.

10 февраля, в 9 часов утра, я был вызван в клуб стрелкового полка. Это была просторная, хорошо освещенная землянка, где можно было свободно развернуть карту.

Командир полка отдал приказ о прорыве укрепленного района на высоте 65,5. Батальону капитана Сороки, согласно приказу, предстояло наносить удар в лоб. Моя рота придавалась этому батальону, получившему, кроме того, роту легких танков.

При уточнении вопросов взаимодействия я предложил бойцам и командирам стрелкового батальона засучить правый рукав белого халата: это необходимо было для того, чтобы танкисты могли отличать свою пехоту от вражеской. Помимо этого, я по-

советовал обозначать синими флажками стрелковые подразделения, находящиеся ближе других к противнику. Флажок означал, что впереди уже нет нашей пехоты, можно открывать огонь.

Оба предложения были приняты.

С командиром батальона сразу же установился тесный контакт. Вместе обсудили все детали взаимодействия. Согласно боевому приказу, порядок наступления и прорыва был таков: вперед идут тяжелые танки моей роты. За ними — легкие танки совместно с пехотой.

Отдал роте устный приказ. Лично проверил, доведена ли задача до бойца. Все знали ее досконально.

После ужина легли спать, чтобы хорошо отдохнуть перед боем. Перед тем, как самому пойти на отдых, я заглянул в землянку 3-го взвода. Командир его лейтенант Комлев доложил:

— Товарищ старший лейтенант, разрешите взводу пару песен спеть. Что бы вы хотели послушать?

— «Махорочку», — ответил я.

Эта песня мне всегда нравилась. Спели «Махорочку», и я приказал немедленно ложиться спать. Дважды проверив часовых, улегся и сам.

Проснулся в 5 часов утра. За час, оставшийся до подъема, многое передумал: о том, что вот настал день, когда я буду командовать ротой в бою, о долге своем перед Родиной, о людях, которых поведу на штурм.

Зашел к товарищу моему — старшему лейтенанту Кожанову. Он тоже собирался в бой и спросил меня:

— Как ты думаешь, что главное при атаке?

— Биться смело, храбро, решительно управлять ротой, не теряться, — ответил я. — Это главное. А если придется погибать, так погибнуть со славой, как подобает коммунисту.

Он сказал:

— Это верно.

Дежурный объявил подъем. Зазвенели котелки, начался завтрак. После завтрака я подал команду: «Заводи!» Загудели моторы. Командиры взводов доложили о готовности машин к бою.

В 8 часов прибыли на исходную позицию. В 9 часов 40 минут началась артиллерийская подготовка. Под гул ее приказал проверить бой пулеметов. Они работали отлично.

В 11 часов 20 минут поступил приказ — в атаку. Вывел на дорогу ротную колонну, и на второй скорости машины двинулись к высоте 65,5. До нее было 5 километров. В пути, возле высоты 54,4, я посмотрел на часы. В моем распоряжении имелось еще 15 минут, а до переднего края оставалось метров девятьсот, не больше. Остановил машину, подтянул роту, выслушал доклады командиров взводов. Все было в порядке. От-

крыл люк башни, в танк ворвался гул канонады. Это наша артиллерия продолжала вести огонь. Быстро съехать нельзя было, чтобы не попасть под снаряды своей артиллерии. Решил чуть выждать.

Наконец, пришла пора в бой. Скомандовал:

— На первой скорости и малом газу — вперед!

Пошли. Вскоре увидел надолбы и подал команду:

— Развернуться в линию взводных колонн.

До конца артиллерийской подготовки осталось полминуты. Водители прибавили газ. Стали подъезжать вплотную к первым надолбам. Здесь саперы сделали два прохода. Открыв люк башни, высунул голову и огляделся. Пехота залегла у надолб. Синие флажки. Значит, дальше наших нет.

Через проходы подошли ко второй линии надолб. В ней уже не видно было следов работы наших сапер. Развернутым фронтом стали преодолевать препятствия. Моя машина качалась с боку на бок, словно лодка на волнах. Увидел траншеи и финнов с автоматами и пулеметами. Слева впереди дотов большой ров. Подал команду:

— Через ров вперед!

Первым преодолела ров машина командира 3-го взвода лейтенанта Комлева. Правее меня шел танк командира 1-го взвода лейтенанта Мухина. Свою машину я направил за Комлевым. В две колонны рота перебралась через ров, затем развернулась, и завязался ожесточенный бой. Финны открыли ураганный огонь. Мы отвечали. Позади не было ни легких танков, ни нашей пехоты. Ясно, что их продвижению мешал огонь из дотов. И мы всей силой своего огня обрушились на их амбразуры и двери. Моя машина оказалась сзади одного из дотов. Увидел двери. Приказал командиру орудия обстрелять их. Он сделал три выстрела бронебойным снарядом. Три отверстия зияли в дверях.

Огневой бой разгорался с каждой секундой. Стреляли из всех машин на кратчайших дистанциях. Финны несли большие потери. Стали и мы нести урон. Вот под одной машиной клубы черного дыма. «Взорвано днище. Управление не работает. Мотор не заводится». Отвечаю: «Ждите пехоту. Ведите огонь вдоль дороги». По радио младший лейтенант Кирейчиков сообщил, что убит радист и что слева замечено финское противотанковое орудие.

Немедленно скомандовал лейтенанту Коробко — уничтожить противотанковое орудие.

Вскоре получил от него радиограмму: «Орудие слева у дороги уничтожено». Проверил, действительно так.

Не остался в долгу у финнов и сам Кирейчиков. Его машина наехала на пулемет и пулеметчиков, развернулась и раздавила их.

Излишнюю нервозность стал проявлять лейтенант Комлев. Он часто запрашивал меня по радио и мешал управлять ротой. Приказал ему прекратить частые запросы, вести огонь из орудия и пулемета вдоль дороги, с которой могли появиться финские «бутылочники».

Вдруг под моей машиной раздается взрыв. С соседнего экипажа мне передали, что на моей машине оторваны фальш-борт и передняя каретка. Но это повреждение не помешало продол-

жать бой и управлять им. Я непрерывно следил за действиями экипажей. В 1-м взводе не досчитал одной машины. Как оказалось, финский снаряд угодил ей в моторное отделение. Позднее этот танк удалось вывести к своим частям.

Наша пехота в сопровождении легких танков перебралась через ров и пошла на штурм. Мы ликовали — значит неплохо помогаем пехоте...

Высота 65,5 — один из самых укрепленных узлов — была взята!

Уже стало темнеть, когда, связавшись с командиром стрелкового батальона, я получил от него дальнейшие указания. Рота участвовала в закреплении захваченного рубежа.

В этот день, 11 февраля, моя рота понесла следующие потери: в четырех машинах имелись повреждения материальной части, причем две из них были выведены из строя; погиб один радист.

Мы же нанесли финнам значительно больший урон, уничтожив несколько противотанковых орудий, поддерживавших доты и дзоты, немалое количество пулеметов с расчетами и т. п. Рота своим огнем способствовала уничтожению ряда долговременных огневых точек и всей живой силы врага на данном участке.

В ночь на 12 февраля поступил приказ выйти из боя, заправить машины, пополнить боеприпасы. А в 10 часов 30 минут утра снова начались действия роты. Снова встретился противотанковый ров огромных размеров. Его не удалось сразу преодолеть. Кстати сказать, этот ров сослужил нашей пехоте немалую службу. Под прикрытием огня из танков стрелковые подразделения накопились во рву, использовав его как укрытие и рубеж для дальнейших действий.

Этот день и утро следующего дня прошли в приготовлениях к окончательному очищению укрепленного района от противника. Рота на танках доставила ко рву сапер и тол. В 9 часов 30 минут 13 февраля, когда саперы срыли бруствер и наложили фашины в ров, машины в развернутом строю преодолели его и двинулись вперед. Рота прорвала четыре ряда проволочных заграждений и врезалась в траншеи, где было много финской пехоты с автоматами и пулеметами. Наша пехота поднялась и вслед за танками ворвалась в траншеи. Завязался рукопашный бой.

Преодолев траншеи, рота настигла одну группу финнов. Они подняли руки.

Командир 1-го взвода прицепил к машине финскую противотанковую пушку и повез ее за собой как трофей.

Сопротивление финнов было сломлено. Многие из них стали сдаваться в плен. Часть финнов в панике отступала.

Вечером этого дня получили приказ отойти на отдых. Нас сменило другое танковое подразделение.

Рота участвовала после этого еще в нескольких атаках. Экипажи всегда были полны решимости любой ценой достичь успеха. Танкисты не жалели ни сил своих, ни самой жизни. Каждый был готов погибнуть, но с честью выполнить боевой приказ.

Красное знамя над дотом

Наши части уже стояли перед укрепленным районом, когда я вместе с другими младшими командирами прибыл на фронт. Около полутора месяцев, пока наш полк находился в землянках, я занимался со своими красноармейцами. Разумеется, эти полтора месяца дали мне возможность познакомиться с бойцами, а бойцам — со мной.

11 февраля утром, глядим, везут боеприпасы, хлеб, сухари, ветчину — давай, получай!

А тут началась артиллерийская подготовка. Ох, сильно взяли!..

Двинулись мы вперед. Наш взвод прикрывал правый фланг батальона. Снег, мороз. Где-то впереди уже завязался бой. А нас, шедших во втором эшелоне, белофинны, видно, старались оттеснить и остановить огнем. Здорово били. Но мы продвигались. Нас поддерживал взвод станковых пулеметов.

В одном месте с короткой дистанции застрочил по нас белофинский пулемет. Я приказываю своему легкому пулемету открыть огонь, а у пулеметчика задержка — ничего не получается. Схватил я сам пулемет, гляжу, а он весь снегом забился. Быстро прочистил пулемет, дал очередь по белофинну и уничтожил его.

В это время ранило моего командира взвода, командование взводом перешло ко мне.

Продолжаю движение.

Так мы достигли проволочной сети противника перед дотом. Здесь было указанное нам исходное положение. Мне удалось довести взвод без потерь в людском составе. Но связи с командиром роты я уже не имел. Провод, который мы тянули за собой, был порван огнем.

Белофинны вели ураганный огонь: и пули, и снаряды, и мины. Но через некоторое время огонь, замечаю, начинает стихать. Думаю, нельзя упустить случая.

Я приказал зарядить оружие, приготовить гранаты (гранат у нас было по две, по три, по четыре штуки на бойца) и, улучив момент, поднял взвод:

На взорванном белофинском доте

— Встать! За мной, ура!

Мы бросились через бреши, проделанные в проволочных заграждениях артиллерией, и чуть не с головой провалились в снег. Противотанковый ров!

Карабкаясь, выбрались на твердое место и с криком «ура» побежали вверх по скату высоты к доту. Дот уже подвергался перед этим артиллерийскому обстрелу и бомбежке. Он был оголен, но действовал. А траншеи в районе дота частью были уже захвачены нашей пехотой, но частью еще удерживались белофиннами, так что атака моего взвода была встречена огнем.

Это, однако, нас не задержало. Мы ударили так дружно, что белофинны стали разбегаться из траншей.

Я быстро добежал до амбразуры дота, метнул туда одну гранату, другую. Потом забежал сзади дота, бросил две гранаты внутрь через дверь (дверь была открыта, финны разбегались) и водрузил над дотом красное знамя.

Забрали пленных — кого еще с пистолетом, кого уже с пустыми руками.

— Чего, — говорим, — воюешь? Чего тебе надо?

А они руками разводят:

— Маннергейм... Маннергейм...

На другой день, углубившись в расположение противника, я со взводом выполнял задачу по блокированию дерево-земляных укреплений.

Взвод действовал совместно с танками. Было два пушечных танка, и я разделил взвод на две части. Танки пошли по лесу, проламывали дорогу, мы — за ними. Чем ближе мы подходили к белофиннам, тем яростнее они вели огонь.

Одно было спасение от огня — не отставать ни на шаг от танка, идти вплотную к нему сзади.

Но вот — противотанковый ров. Надо разведать дорогу. Мы — бух в снег и поползли. Стены у рва были отвесные, но в одном месте оказался отлогий переход. Им мы и воспользовались...

Уже кончился лес. Уже видны земляные укрепления. Идем на ближайшее, что в три амбразуры.

Танк примял колючую проволоку. Мы перешли через нее. Танк повел огонь. Белофинны начали швырять из траншей горящие бутылки с бензином, чтобы поджечь танк. Но мы выползавших подстреливали из винтовок.

Подойдя к укреплению, танк закрыл собой центральную амбразуру. Я с гранатами — к двери. Толстая деревянная дверь. Вышиб ее.

— Кто есть, выходи!

Стали вылезать пленные. Тех, кто еще пытался обороняться, мы уложили.

В дотах у них были устроены печки, нары. Но хлеба мы не находили. Рассмотришь, бывало, брошенный убегавшими паек: кусочек масла, кусочек колбасы. Бедновато, конечно.

Переночевав в этих укреплениях, пошли дальше.

Герой Советского Союза генерал-майор танковых войск
В. БАРАНОВ

В решающих боях

В первых же боях нам, танкистам, пришлось встретиться со сложной системой укреплений, искусственных и естественных. Болота, озера, валуны, густые лесные массивы, эскарпы, противотанковые рвы, надолбы из бетона и гранита, минные поля — все это были серьезные преграды.

В мирное время мы очень мало практически обучали экипажи, взводы и роты преодолевать противотанковые препятствия. На занятиях допускали условности и ограничивались теорией, а не тренировались по-настоящему. Мы не обучали экипажи отыскивать мины, обезвреживать минные поля. Наша рационализаторская мысль над этими вопросами работала недостаточно.

А с минными полями прежде всего столкнулись танки. Отсутствие опыта борьбы в таких условиях задерживало движение и действия подразделений. Танки действовали первое время медленно, осторожно, не выполняли своего назначения, не наносили молниеносных мощных ударов.

Потребовалось хорошо разведать линию Маннергейма, перегруппировать войска, организовать их, подготовить материальную часть, чтобы преодолеть все преграды, нанести сокрушительный удар противнику.

Во время этой передышки танкисты использовали занятые нашими войсками укрепленные рубежи, где имелись надолбы, противотанковые рвы, речушки с болотистыми берегами, и начали практиковаться в преодолении этих препятствий, в наступлении совместно с пехотой и саперами. Здесь танкисты научились разбивать надолбы снарядами своих пушек, а саперы — подрывать надолбы и рвы и сбрасывать с танков под гусеницы бревна, помогая танкистам преодолевать топь. Развернулась рационализаторская работа. На легком танке был сконструирован мост, который давал возможность быстро преодолевать рвы.

Действующей армии неоценимую помощь оказывал советский тыл. На вооружение частей стали поступать миноискатели, появились санные бронированные щитки для подвоза пехоты.

Боевая учеба на фронте сыграла большую роль. Танкисты, пехота и саперы научились действовать согласованно и оказывать друг другу помощь в бою. Боязнь противотанковых препятствий исчезла.

К началу февраля главная полоса линии Маннергейма была разгадана, узлы сопротивления изучены, и наши доблестные саперы упорно и настойчиво взрывали дот за дотом.

14 февраля, в 7 часов утра, был получен приказ штаба армии. В нем говорилось:

«Подвижной группе Баранова, в составе легкой танковой бригады и пехотного соединения, войти в прорыв на участке 123-й стрелковой дивизии. Захватив станцию Кямяря, удерживать ее до подхода наших частей, откуда вести разведку в направлении Кямяря—Хонканиеми. Выделить один танковый батальон и один стрелковый батальон для захвата Ляхде, затем повернуть на восток и захватить станцию Лейпясуо».

Захват пункта Ляхде позволял нашим частям зайти в тыл противника и окончательно сломить его упорное сопротивление в укрепленном районе Сумма—Хотинен. Захват станции Кямяря отрезал путь снабжения боеприпасами и продовольствием частей противника, действовавших восточнее высоты 65,5. Вместе с тем решался вопрос и о выходе в тыл финских частей, действовавших западнее и восточнее этой станции. Это способствовало развитию и расширению прорыва. Разгром белофинских резервов в районе станции Кямяря открывал лучшие подступы к Выборгу — через станцию Сяйние, Пиенперо, поселок Кямяря.

Ляхде была взята 15 февраля в 17 часов 30 минут.

Бои под Ляхде показали, насколько важно не только преодолеть линию обороны противника, но и умело вести борьбу внутри оборонительного узла. Преодоление полосы противотанковых укреплений не всегда еще полностью обеспечивало успех операции. Пропустив наши силы внутрь своего расположения и пользуясь искусно замаскированными прикрытиями, враг стремился обрушиться на нас с тыла, дезорганизовать наши действия и тем самым выиграть время для создания новых оборонительных рубежей.

Но нам удалось вскрыть слабое место противника. Разрывы между белофинскими частями давали возможность нашим танкам обходить их с флангов, а удара с флангов противник не выдерживал. Мы сумели учесть, в чем сила и слабость противника, и это помогло нам провести операцию под Ляхде с наименьшими потерями.

Наступала ночь. Танки остановились. Противник отходил к станции Кямяря. По данным разведки на станции сосредоточился белофинский полк. Из штаба армии поступило подтвер-

ждение приказа — захватить станцию Кямяря. И вот, впервые за все время операций, танки нашей бригады повели наступление ночью.

Ночное наступление танков не было предусмотрено уставами. Опыт войны с белофиннами показал, что танкисты могут действовать и в этих условиях, но только обязательно с пехотой и саперами. Интересно отметить, что в дальнейшем, действуя в направлении на Пиенперо — Пилпула — станции Перо—Репола, танкисты охотнее шли в наступление ночью, нежели днем. Ночью мы несли меньше потерь и всегда успешно продвигались вперед. Требовалось только хорошо организовать танковую и пехотную разведку, а после захвата укреплений надежно прочесывать пехотой занятую местность.

В 18 часов началось выполнение поставленной задачи. Ночь связывала движения в лесном массиве, приходилось продвигаться лишь по дороге, рассредоточиваясь в глубину и сокращая скорость движения в несколько раз. В голове шла рота разведывательного батальона. За этой ротой на расстоянии 200—300 метров двигался танковый батальон с посаженным на танки стрелковым батальоном. Так, батальон за батальоном, с пехотой на танках, на такой же дистанции шла вся моя группа.

Головные части двигались очень медленно, потому что вне дороги было трудно ориентироваться в лесном массиве. Мелкие группы противника, «бутылочники», разбросанные по пути, также замедляли наше движение.

В двух-трех километрах южнее станции Кямяря разведывательная группа и танковый батальон встретили надолбы и противотанковый ров. Подходы ко рву и надолбы были заминированы и охранялись двумя противотанковыми орудиями, ружейно-пулеметным и минометным огнем противника.

Выслали ночную разведку, чтобы установить систему обороны, сделать к утру проходы и разминировать минное поле вдоль дороги. Разведка к утру выполнила задачу. Она донесла, что метрах в четыреста-пятьсот правее и левее дороги танки могут двигаться. Тогда приняли решение — выполнять задачу по ранее намеченному плану, с выходом на фланги противника.

В 9 часов 16 февраля два танковых батальона с приданной им пехотой медленно двигались по глубокому снегу в лесу. Вскоре завязался бой за преодоление противотанкового рва. Танки вели огонь с места, находясь в 50—100 метрах от рва, а саперы и пехотные подразделения проделывали для них проходы.

На правом фланге противник фланговым ружейным и пулеметным огнем не давал саперам работать. Тогда командир стрелкового батальона решил обойти эту группу.

Трофейный танк

Пулеметная рота и часть танков сковывали противника с фронта, а одну танковую роту командир батальона тов. Смагин повел в обход. Белофинны были уничтожены.

Противник оказывал упорное сопротивление. Он прикрывал минированную дорогу противотанковыми орудиями и минометами. Для того чтобы заставить его замолчать, мы выставили большое количество танков, которые с места расстреливали огневые точки противника и этим обеспечивали работу сапер и пехоты.

На левом фланге танки встретили меньшее сопротивление. Вместе с пехотой они сумели зайти во фланг, имея весьма незначительные потери. Но одна из рот стрелкового батальона была остановлена белофиннами, вела упорный бой и не имела успеха. На помощь роте выслали три танка, и противник был уничтожен на месте, в своих укреплениях.

К 11 часам противотанковый ров был преодолен, и танки с боем ринулись на станцию Кямяря.

Оперативная группа штаба бригады двигалась за танковым батальоном. В районе противотанкового рва она была обстреляна ружейным и пулеметным огнем белофиннов, засевших в 100—150 метрах от дороги. Трех танков оказалось достаточно, чтобы уничтожить и эту группу противника.

По дороге на станцию Кямяря и в лесу валялись убитые белофинны, брошенное оружие, снаряжение и еще не расставленные мины.

В 14 часов станция Кямяря была взята. Танковый батальон с стрелковым батальоном захватил юго-восточную ее окраину, отрезая отход частей противника на восток. Другой танковый батальон, также совместно со стрелковым батальоном, отрезал врагу отход на запад. У белофиннов оставался один путь — на север, куда они впоследствии и стали отходить.

Отрезав противнику пути отхода, танковый батальон в полукилометре восточнее станции Кямяря уничтожил группу белофиннов в 600—700 человек. Этой группе уйти не удалось, потому что станция была уже захвачена нами, а дорогу преграждали подбитые машины противника. Саперные части подорвали железнодорожные пути с запада, чтобы финны не могли ничего увезти.

Боевые операции танковой бригады по захвату станции Кямяря показали, что мы достигли умелого взаимодействия различных родов войск. Мы наступали с посаженными на танки пехотой и саперами. И это имело весьма важное значение. Органическая увязка действий танков, пехоты и сапер дала нам возможность нанести врагу стремительный удар.

В боях за станцию Кямяря белофинны потеряли около 800 человек убитыми и до 250 человек ранеными, оставленными на поле боя. 120 человек были взяты в плен. Нами была захвачена артиллерийская батарея, уничтожено 10 противотанковых пушек, 12—15 станковых пулеметов, захвачено много винтовок, несколько автоматов, большое количество взрывчатых веществ и колючей проволоки. На станции противник оставил также один вагон винтовочных патронов, которыми наша бригада и пехота пополнили свои запасы. Кроме этого, удалось захватить восемь танков «Рено» и много продовольствия и обмундирования в земляных складах станции.

Захватом станции Кямяря группа выполнила поставленную ей задачу.

Лейтенант
И. АФОНИН

Из дневника сапера

Новый год встречал я на фронте, в дымной землянке, с новыми товарищами. Эта ночь была моим боевым крещением.

Чуть стемнело, когда я отправился с несколькими бойцами-саперами за передовую линию наших войск — взрывать финские противотанковые надолбы. Они возвышались в четыре ряда — гранитные, вкопанные в землю еще с осени. Подступы к ним были минированы, но глубокий снег покрыл мины и в значительной мере обезвредил их. За надолбами чернели проволочные заграждения, а дальше начинались финские траншеи.

Ползком мы поднесли заряды взрывчатого вещества и укрепили их возле двадцати восьми надолб. Заряды соединили детонирующим шнуром, чтобы все эти каменные глыбы взлетели на воздух одновременно. Боец Матвеев должен был зажечь бикфордов шнур. Остальные отползли немного в сторону, стремясь укрыться от осколков камней, — взрыв предполагался очень сильный.

Затаив дыхание, лежали мы в снегу, следя в темноте за фигурой оставшегося у надолб Матвеева. Вот вспыхнул желтый огонек спички в его руке. Но в ту же секунду раздался вражеский выстрел. Пуля ударила Матвеева в бедро. Финн — искусный стрелок — целился по огоньку спички. Но Матвеев, несмотря на тяжелое ранение, не выронил зажженной спички и подпалил бикфордов шнур.

У него еще хватило сил отползти на несколько метров, и потом он лишился чувств.

Ударил взрыв. Гранитные надолбы врага полетели в воздух, разбитые на куски. Мы кинулись к Матвееву. Боец Петров снял шинель. В рукава шинели мы просунули лыжи и уложили Матвеева на сделанные таким способом носилки. Затем ползком вернулись под пулями врага к своим.

Матвеева отправили на полковой медицинский пункт. Попрощавшись с доблестным товарищем, мы вернулись в свою

землянку. Стали сушиться, согреваться. В 12 часов мы поздравили друг друга с новым годом и с боевым крещением...

Финны обстреливали дорогу из минометов и орудий. Чтобы скрыть от них передвижение наших частей, саперы занялись установкой масок. Работать приходилось под огнем. Был ранен один красноармеец. Маскировочные сети все же были установлены, и противник не мог уже видеть движения наших частей по дороге.

Наша 123-я стрелковая дивизия стояла перед укрепленным районом. Надо было прорвать линию обороны — систему вражеских дотов.

В районе озера Сумма-ярви я отправился с небольшой группой бойцов и командиров в ночную разведку. Стояла леденящая стужа. Пока ползли, нам было тепло, но стоило на секунду задержаться, и холод мгновенно пробирался под шинели и ватники.

Этой ночью мне с группой товарищей удалось разведать дот № 0011 на высоте «Язык», что возле Сумма-ярви. Выяснили только приблизительное расположение дота, так как жестокий огонь противника не позволял нам получить более подробные данные. Полные сведения добывались обычно разведкой боем. Только так можно было установить количество амбразур дота, их расположение, секторы обстрела и систему траншей, связывающих доты, нащупать наиболее уязвимые места, выявить подступы, обнаружить «мертвые» пространства, которые не могли простреливаться врагом.

Мы деятельно готовились к общему штурму линии Маннергейма. Я входил в состав одной из блокировочных групп. В ночь на 11 февраля было получено приказание: после артиллерийской подготовки итти на подрыв дота № 006, что на высоте 65,5.

Туманным морозным утром началась мощная артиллерийская подготовка. Вслед за ней, под прикрытием огня артиллерии, части нашей дивизии двинулись штурмовать железобетонные сооружения линии Маннергейма, выбивать уцелевших финнов из траншей и окопов.

Мы, саперы, подвезли на лошадях к пункту исходного положения взрывчатое вещество, погрузили его здесь на самодельные санки, полозьями для которых служила пара лыж. Везли салазки два бойца. Кроме санок, были у нас лодочки-волокуши — они удобнее, легче скользят и не проваливаются в снег.

Санками и лодочками пришлось пользоваться только до линии финских проволочных заграждений. Около них местность была настолько изрыта нашими же снарядами, что мы вынуждены были нести взрывчатое вещество дальше вручную. Ящик в 50 килограммов нес один боец. Перепутанная проволока, воронки от снарядов, перепаханная артиллерийским огнем

земля, — все это затрудняло движение не меньше, чем вражеские пули. Мы потеряли несколько человек ранеными, но продолжали итти. Геройски вели себя бойцы Петров, Титов, командиры отделений Любимов и Голубков, старшина Писеев.

Взорванный саперами дот

Шаг за шагом продвигались мы вперед в грохоте боя, напрягая все силы и помогая друг другу, мокрые от пота, несмотря на мороз. Ничто не могло остановить нас.

Вот и дот № 006. Он имел два каземата. Один из них взорвала уже блокировочная группа, которую вел командир

Марков. Финны по подземной траншее перебрались в соседний железобетонный каземат. Тут подоспели мои саперы. С тыльной стороны дота они уложили к стальным дверям солидную порцию взрывчатки и взорвали вражескую берлогу. Вся прислуга дота погибла под глыбами железобетона.

С бойцом Григорьевым, награжденным впоследствии орденом Красной Звезды, пополз я к артиллерийскому сооружению. В руке у меня был топор с длинным изогнутым топорищем. Этим топором я подавал бойцам условный сигнал, когда надо было подтащить взрывчатое вещество.

Саперы сами, без помощи пехотинцев, окружили артиллерийское сооружение, заложили в стенке этого дота ящики со взрывчаткой, — и еще одна вражеская крепость была уничтожена.

Теперь бой кипел уже в глубине обороны. Пехотинцы истребляли огневые точки врага. Финны бежали по траншеям, по ходам сообщений, беспорядочно отстреливались, прятались в уцелевшие норы. Линия Маннергейма трещала по всем швам...

Не успели мы перевести дыхание, стряхнуть с себя землю, которой нас осыпали последние взрывы, как командир батальона через связного вызвал группу для выполнения нового задания.

Финны, спасаясь от нашей пехоты, скопились в дерево-земляном сооружении. Саперам было поручено покончить с ним. И вот саперы на плоском бревенчатом покрытии дерево-земляной огневой точки. Засевшие внутри финны яростно отстреливаются. Но судьба их решена.

Саперы разместили на покрытии дерево-земляного сооружения значительное количество взрывчатки. Подожгли бикфордов шнур. Грянул взрыв. Бревна, земля, камни, трупы финнов — все это высоко взлетело. Около 100 вражеских солдат было уничтожено взрывом. 13 человек, оглушенных или раненых, вытащили саперы из-под обломков.

Финский офицер, уцелевший от взрыва и взятый в плен, буянил, не подчинялся красноармейцам. Он был сильно пьян. Пришлось его связать. Когда финн протрезвился и понял, наконец, что именно произошло, он уже без сопротивления отправился в тыл. Только с ужасом оглядывался по сторонам, смотрел на дымящиеся развалины подземных крепостей.

Следом за пехотой мы шли по финским траншеям. Кругом были разбросаны шинели, халаты, шапки. Валялось много оружия, кучи патронов, бутылки с бензином, которыми финны, видимо, собирались забрасывать наши танки.

В конце траншеи виднелась полуоткрытая железная дверь. Подошли, прислушались. Внутри тихо. Решили разведать. Вместе со старшиной Писеевым и несколькими бойцами осторожно вошли в дот. Почти около самого входа стояла бочка

с керосином. Над ней был подвешен большой, килограммов на сто, заряд взрывчатого вещества. Видимо, финны хотели устроить ловушку. Мы взяли взрывчатку с собой, и она нам потом пригодилась.

Прошли по коридору дальше, увидели стальные щиты, толстые железобетонные перекрытия. Подземный ход вел оттуда в другую долговременную огневую точку. В подземелье тоже валялись оружие, патроны.

Осмотрели дот, позавтракали, а потом получили приказание — уничтожить это осиное гнездо. Заложили взрывчатое вещество. Писеев поджег шнур, и мы бросились в укрытие, залегли. Снова оглушительный взрыв потряс землю...

Вскоре мой взвод соединился со взводом тов. Маркова. На подступах к местечку Няюкки саперы разминировали дорогу и растащили завалы. Мост возле Няюкки был взорван отступающим противником, но мы нашли обход, завалили ручей бревнами, пропустили танки и артиллерию вперед.

В районе селения Хепоиотка дивизия вступила в жаркий бой с белофиннами, которые укрылись в дерево-земляных сооружениях, в окопах и в траншеях, защищенных противотанковым рвом, рядами надолб и проволоки. На помощь пришла авиация. Наши славные летчики с бреющего полета обстреляли вражеские позиции.

Вдвоем с одним из командиров мы пробрались через ряды надолб. Поднявшись ползком на высоту, я указал командиру путь, по которому двинулись потом наши атакующие части. Чтобы дать проход танкам, взорвали надолбы. При этом ранило бойца Иванова. Я перевязал его и отправил на танке в тыл...

Бои следовали один за другим.

Мы приближались к железнодорожной станции Тали, охватывая Выборг кольцом.

На подступах к станции Тали противник поднял шлюзы и затопил местность. Ледяная вода заполнила покрытые снегом низины, широко разлилась и, прибывая с каждой минутой, преграждала нам путь.

Саперы делали мосты из щитов, воздвигали под огнем противника переправу через затопленную низину, чтобы дать возможность пехоте продвигаться вперед.

Пулеметы финнов неистовствовали. Я воткнул в шапку-ушанку еловые веточки, чтобы обмануть финских наблюдателей. Моему примеру последовали красноармейцы. Ползком, местами в ледяной воде, подтаскивали мы щиты и наводили переправу.

Задание выполнили отлично.

Ночью нам удалось обсушиться возле маленьких костров, занавешенных плащ-палатками. Потом нашли более надежный

ночлег. Возле дороги стоял большой темный сарай, набитый сеном. Там можно было удобнее расположиться на ночь. Под сеном уже спали красноармейцы. Нашлось место и для нас.

Финское сопротивление было сломлено. Станция Тали была взята с боем, мы подошли к санаторию Койккала.

Бойцы шутили:

— Любопытно взглянуть, что за санаторий. Отдыхать в нем, пожалуй, не придется.

И верно, бой здесь был особенно горячим. Финны минировали дороги, взрывали мосты, — саперам досталось много хлопот.

Взрывами вражеских фугасов было подбито несколько танков. Я стал осматривать финские фугасы. Система их мне неизвестна. От ям, прикрытых деревянными щитами и наполненных взрывчаткой, шла проволока. Она тянулась в сторону финнов — значит, фугасы взрывались электрическим током. Но я обнаружил, что саперы, работавшие здесь до меня, перерезали провода — значит, сеть нарушена.

«Каким же способом, — думал я, — приводятся в действие эти фугасы»? Я обезвредил до этого по крайней мере несколько сот финских мин и фугасов. Приступил к привычной работе и разгадал устройство фугаса. Деревянный щит, когда на него надавливал груз, слегка оседал, а вбитый в дощечку простой гвоздь погружался в капсюль-детонатор. Нажимая на гремучую ртуть, заключенную в трубочке капсюля, гвоздь производил взрыв.

Разгадав эту новую для меня систему, я уже без особого труда быстро разрядил фугасы.

Мелкие, но все же опасные для танков мины засоряли дорогу. Боец Двуреченский повел вперед танки, широко расставив руки. Так он показывал танкистам безопасный, свободный от мин, путь. Все называли Двуреченского «живым семафором». Противник обстреливал дорогу из минометов, но Двуреченский смело вел танки, пока не окончился заминированный участок.

К ночи наши атакующие части заняли с боем санаторий Койккала. Я получил новое задание — строить штурмовой мостик вблизи шлюзов, на канале. Но выполнить его уже не успел — в 5 часов утра пришло известие о мире.

Младший лейтенант
ЛЕКАНОВ

Наша саперная группа

В конце декабря 1939 года приказом по части была организована группа из числа лучших бойцов и младших командиров саперного батальона 123-й стрелковой дивизии. Каждый из выделенных бойцов имел уже немалые боевые заслуги, проявил мужество и стойкость в разведках.

Группа усиленно готовилась к блокировке дотов на всем фронте дивизии, ведя в то же время разведку переднего края противника. Смельчаки-саперы учились искусно ходить на лыжах, перетаскивать на большие расстояния грузы взрывчатого вещества, маскироваться, а также наблюдать за противником.

Надо сказать, что белофинны очень искусно маскировали свои огневые точки и почти ничем не обнаруживали себя. Был такой случай. Старшина Бацин, заместитель политрука Голубев, я и боец Васин в ночь на 16 декабря скрытно подошли к первой линии надолб, чтобы с помощью взрыва сделать проход для танков. Оказалось, наши большие танки уже сумели пробиться за надолбы. Мы прошли за танками и стали вести наблюдение за вторым рядом надолб. Но тут сильный огонь из соседней огневой точки заставил нас покинуть место наблюдения и вернуться к своим.

Что же выяснилось впоследствии? Мы, оказывается, сидели, не зная того, на центральном доте узла сопротивления. И этот дот себя не обнаружил. По телефону из него сообщили о нас в соседний дот, и оттуда нас обстреляли.

В первое время, когда появлялись наши мелкие группы, доты не отвечали огнем. Финны стреляли только из траншей. И лишь тогда, когда мы стали производить разведку боем, удавалось выявить местонахождение дота, выдававшего себя огнем.

К назначенному дню прорыва линии Маннергейма наша саперная группа была хорошо подготовлена. Каждый боец мог заменить командира и даже руководить действиями группы при блокировке дота. Все мы приучились таскать на себе по ящику взрывчатого вещества. Разведав передние долговремен-

ные сооружения, мы перешли на левый фланг, где обнаружили самый большой дот № 0011. Он находился на высоте «Язык» и простреливал по просекам надолбы и траншеи вправо до дота № 006 и влево до озера Сумма-ярви. Этот дот и вся высота командовали над нашим левым флангом.

В день прорыва линии Маннергейма командир саперного батальона старший лейтенант Грабовой назначил мою группу в резерв. На дот № 0011 были направлены две блокировочные группы под руководством младших лейтенантов Маркова и Емельянова.

Час спустя пришел посыльный с приказом: командир части ждал нас на наблюдательном пункте.

— Блокировочная группа товарища Маркова, — сказал он мне, — лежит справа от дота в надолбах, прижатая к земле сильным огнем противника. Танки ей помочь не могут, так как склон высоты слишком крут. Другая группа, товарища Емельянова, действующая тоже справа, попала под ураганный минометный и артиллерийский огонь врага. Емельянов ранен. Немедленно выступайте со своей группой на помощь товарищам и уничтожьте дот № 0011...

Мы вышли из леса к высоте и сразу попали под минометный огонь. Ползком с тяжелыми ящиками взрывчатого вещества стали пробираться к траншеям. Я приказал бойцам снять маскировочные белые халаты, так как на черном фоне вспаханной снарядами земли они лишь демаскировали нас.

Был мороз, но все мы обливались потом. Наконец, добрались до ближайшей траншеи. Вместе с пехотинцами попытались осмотреть дот, но показавшийся в этот момент белофинн бросил в нас несколько гранат. Короткая очередь пулемета — и враг был уничтожен.

Белофинны заперлись в своей подземной крепости.

С ящиками взрывчатки мы пробрались на покрытие дота. Стали присматриваться, куда бы заложить заряд. Кругом земля. Дот пронизывал высоту, как тоннель.

Бойцы стали кидать гранаты в вентиляционные трубы дота, но это, видимо, не причиняло финнам особого вреда.

Тогда сапер Завьялов пробрался в траншею с тыльной стороны и приблизился к самым дверям дота. Хотя в дверях была щель, но оттуда огня не вели. Завьялов, видя, что противник не отвечает на его огонь, решил бросить гранату. Но только успел встать, как раздался выстрел, и отважный сапер упал.

Злость охватила нас.

Боец Мокров пробрался было сзади к Завьялову на помощь, но враг огнем заставил его лечь.

Надо было спасать товарищей.

Взрыв дота под Хотиненом

Как это сделать, смекнул сапер Солин. Он предложил завалить камнями двери дота.

Заметив это, белофинны открыли минометный огонь, но поздно. Дверь завалили камнями, щель закрылась...

Дот был огромный. Я понял, что взятого нами взрывчатого вещества будет недостаточно для подрыва его. Но итти в тыл за добавочной порцией взрывчатки — значит выпустить белофиннов из дота.

Уложили имевшийся заряд над дверью и произвели взрыв. Под его воздействием двери согнулись: белофинны в наших руках — не выйдут.

Пехота быстро окружила дот и заняла тыльные траншеи.

Я доложил о своих действиях командиру стрелкового батальона и отошел с группой на исходный рубеж, где командир части приготовил для нас взрывчатое вещество.

Мы вошли в состав блокировочной группы лейтенанта Прудникова. Надо было перенести на дот несколько сот килограммов взрывчатки. Несмотря на усиленный обстрел со стороны белофиннов, саперы дружно пробирались к доту. Потом стали вытаскивать из траншей ящики с взрывчатым веществом и укладывать их на левом каземате.

За ночь на доте выросла целая гора из ящиков с взрывчаткой. Пехота отошла в траншеи. По моему сигналу поднесли огонь к запальным трубкам.

Потрясающий грохот. Громадное пламя ударило в небо. Все мы были засыпаны землей. В ушах долго звенело, кружилась голова.

Подошли к месту взрыва. На всю его глубину — воронка диаметром до 10 метров. Железная арматура разлетелась вправ. Кругом метров на пятьдесят все почернело.

Громадный дот вместе со своим гарнизоном кончил существование.

Это было в 5 часов утра 12 февраля 1940 года.

Герой Советского Союза лейтенант
Ф. БАБАЧЕНКО

От высоты 65,5 к Выборгу

Наша 123-я стрелковая дивизия готовилась к прорыву линии Маннергейма. К нам непрерывно подвозили снаряды; многочисленные батареи располагались на укрытых позициях. Все мы знали, что наступает решительный час, и ждали боя, как праздника. Желание у всех было одно — поскорее покончить с врагом!

Дни и ночи проводил я в разведке на передовой линии. Как всегда, вплотную подбирался к противнику, уточняя данные для ведения огня.

В то время я был начальником разведки дивизиона. Мои разведчики и связисты — это в большинстве спокойные, храбрые люди, хорошо знающие свое дело, готовые выполнить любое, самое опасное поручение. Ведь по роду нашей службы приходится быть впереди расположения своих войск и часто пробираться к линиям противника под сильным огнем. Натянешь на себя маскировочный халат и, затаившись вблизи от вражеских укреплений, лежишь и наблюдаешь. Донимает мороз, чувствуешь, что весь застыл, а тут не то, чтобы пробежаться или похлопать руками, — пошевелиться нельзя. Движение демаскирует наблюдателя, выдает его врагу...

Дивизион наш действовал вместе с стрелковым полком майора Рослого. Полк штурмовал надолбы, проволочные заграждения, подбираясь к узловой финской позиции — высоте 65,5.

Когда последовал сигнал к атаке, все ринулись вперед. Бойцы обгоняли друг друга, и в шуме выстрелов гремели возгласы:

— Ура! За Родину, за Сталина, вперед!

Я продвигался вместе с пехотинцами. Наши снаряды рвались на высоте, за мною связисты тянули провод, и надо было, как только наши подойдут к переднему краю, дать сигнал для переноса огня дальше, в глубь оборонительной полосы противника. Этого пришлось ждать недолго. Торопливо выкрикиваю в трубку новые данные. Уже боец, первым ворвавшийся на высоту, сразмаху втыкает в снег древко знамени. И волна пе-

хотников катится вперед, преследуя бегущих финнов. Кое-где еще кипит бой, особенно в том месте, где расположилась финская артиллерия. Батареи наши бьют с удивительной точностью, снаряды ложатся близко перед наступающей пехотой, и бойцы радостно кричат:

— Здорово пристрелялись! Молодцы артиллеристы!

И вот важнейшая высота в наших руках. Захвачен целый дивизион тяжелых финских 152-миллиметровых орудий. Финны отступили так поспешно, что не успели испортить орудия, не успели увезти снаряды. Мы используем вражескую артиллерию без промедления. Развертываем орудия в сторону отступающих, открываем огонь...

...Утром стало известно, что наша дивизия награждена орденом Ленина, и это сообщение еще больше подняло дух бойцов. Помню, стоит под большой сосной, запорошенной снегом, политрук. Вокруг него толпятся бойцы, и он взволнованно говорит:

— Дивизия награждена за успешный прорыв линии Маннергейма. Товарищ Сталин уже знает, как мы выполнили его наказ...

Его прерывают восторженные возгласы. Нарастает мощный красноармейский порыв, к новому бою готовы все...

Начинается наступление на селение Селямяки. Наш дивизион придается полку, которому поставлена задача — взять высоту у селения. Надо подготовить данные для артиллерийского огня. Пробираюсь как можно дальше вперед, чтобы все разведать самому. У меня такой метод работы: все видеть своими глазами, чтобы не было никакой ошибки в вычислениях. Связисты тянут за мной провод, и мы, где можно, перебежками, а где ползком, двигаемся к расположению противника.

Перед высотой — открытое место, метров до пятисот в глубину. Это пространство надо пройти нашей пехоте под огнем белофиннов. Возле высоты торчат надолбы, а еще ближе к ней тянется противотанковый ров.

Полз я до тех пор, пока финны не взяли меня под перекрестный огонь. Все же нашел удачное место, откуда все было видно, осмотрелся, сделал вычисления и схватил трубку телефона. Первые снаряды рвались далеко, я давал поправки, пока не полетели в воздух тучи снега, мотки проволоки с деревянными кольями, обломки досок, бревна, тела белофиннов. Пользуясь замешательством, начавшимся среди финнов, я со своими связистами решил пробраться еще ближе к ним.

— Жарко там, — пробормотал один связист, — убьют...

— Со мной никогда не убьют, — отвечаю я. — Надо знать, как подобраться, да ближе — и безопаснее.

Мы поползли. Я решил проникнуть в противотанковый ров, проходивший всего в 70 метрах от неприятельского расположения. Там можно было хорошо укрыться, а кроме того, требо-

валось выяснить, нельзя ли что-нибудь сделать для свободного прохождения танков через ров. Оказалось, что из рва очень удобно наблюдать. Только успевай сообщать данные батареям.

Вот ураган огня обрушивается на белофиннов. Вокруг нас дрожит воздух. Противник огня почти не ведет: он деморализован, и наша пехота, пользуясь этим, подбирается ближе, готовясь к решительной атаке. Но надолбы, проволочные заграждения, дерево-земляные укрепления еще не сметены. Я решаю разрушить их до конца и поэтому прошу пехоту получше залечь. Огонь переношу еще ближе к себе. Теперь противотанковый ров, где мы залегли, находится почти в зоне нашего огня. Осколки падают совсем рядом. Вижу, как вдребезги разлетаются неприятельские укрепления.

Артиллерийская подготовка окончена. Вместе с пехотинцами я прорываюсь через проволочные заграждения. Не отставая от меня, бежит артиллерист-разведчик Калмыков с винтовкой наперевес. Передо мною финский блиндаж, прыгаю туда и натыкаюсь на двух офицеров. У меня винтовка со штыком, и я пускаю его в дело. Бойцы лавиной врываются в блиндаж. Финны почти никогда не принимают штыкового удара. И те, что уцелели после первого натиска, бегут или поднимают руки вверх.

Батальон капитана Кравченко занял селение Селямяки со всеми его укреплениями. Жестокий мороз, но бой так разогрел всех нас, что никто не чувствует холода. Кравченко ходит по селению, указывая, как надо укрепиться на ночь. Выдвигается сторожевое охранение, пулеметы искусно маскируются в снегу. Потом Кравченко проверяет посты, подсаживается к пулеметчикам, тихо разговаривает с ними. Только поздно ночью ложится спать.

На другую ночь получаем приказ захватить Кусисто и Ахолу.

Пристроились в лощинке на срубленных ветвях, прижались друг к другу. Калмыков, сладко затягиваясь махоркой и пряча огонек в сложенной ладони, мечтательно говорит:

— Тянем мы наш провод, товарищ командир, все дальше и дальше. Интересно бы знать, сколько его надо тянуть еще до Выборга?

А кто-то из темноты отвечает:

— Вот назавтра его до Кусисто протянешь, а там уже близко.

И верно, завтра Калмыков протянул провод до Кусисто.

Только не сразу удалось нам это. У самого Кусисто финны встретили нас ураганным огнем. Кравченко сердито кричит мне:

— Что же, Бабаченко? Давайте артиллерию! Скорей!

Калмыков уже устроил в снегу гнездышко, аппарат чернеет на подостланной шинели. Шрапнель завизжала над нашими головами — перелет, недолет, и после обычной вилки я перешел

на поражение. Кравченко с довольным видом помахал мне рукой и повел батальон в атаку. Через час мы были в Кусисто. Противник отошел к Хепонотке. Здесь дело было серьезнее. Вокруг Хепонотки у финнов было множество деревоземляных точек. А кроме того, за многочисленными крупными надолбами, искусно прячась в ямках, сидели их снайперы с автоматами. Наша пехота залегла.

Я пополз вперед и в сторону, отыскивая лучшее и близкое к противнику место для наблюдения. Облюбовал большой камень и устроился за ним. Пули щелкают о камень, но нас со связистом не достигают. Только мелкие осколки камня летят в стороны. Связался с дивизионом, батареи открыли огонь. Вижу, что снаряды ложатся хорошо, вскакиваю с трубкой у уха, чтобы проследить, вся ли площадь, занятая неприятелем, покрывается нашим огнем. Везде видны разрывы.

Хепонотка была взята без потерь с нашей стороны. У нас был только один раненый. Повсюду валялись убитые финны...

Скоро ночь, крепче мороз, и мы ищем, где бы нам расположиться на отдых. После разведки решили ночевать в имении Ахола, оставленном финнами. Осторожно пробрались в темные помещения, стали устраиваться там, кто как мог. И вдруг грохот разрывов, вой снарядов.

Очевидно, мы попали в ловушку, и враг обрушил огонь по заранее вычисленным целям. Бойцы стали выскакивать на двор, открыли беспорядочный огонь. Кое-кто заметался, ища выхода из окружения. Кравченко стал собирать людей, и тут его ранило в обе ноги.

Положение трудное. Ночь, мы окружены, и неизвестно, какие силы у противника. Но связь у меня с дивизионом не нарушена. Обхожу кругом двор и стараюсь выяснить по звукам выстрелов примерное расположение противника. Включаюсь в связь, сообщаю данные, и наши батареи создают перед имением завесу заградительного огня. Под защитой огня командир батальона начал выводить людей из имения.

Я лежу в воронке, сверху снег, а внизу вода. Командир говорит мне, что оставляет нам два пулемета и что мы должны не прекращать огня, пока батальон полностью не выйдет из окружения. Молча киваю ему головой — отвечать нет времени. Корректирую огонь до тех пор, пока мне доносят, что батальон уже занял новый рубеж.

Теперь надо уходить и нам. Командую бойцам об отходе, хочу подняться и не могу. Шинель моя так крепко примерзла к снегу, что лишь с большим трудом удалось ее отодрать. Валенки насквозь промокли, коленок не чувствую — отмерзли. Ковыляю кое-как, пули густо ложатся возле. Калмыков сердится.

— Все ушли, товарищ командир, одни мы...

— Идите и вы, — говорю ему, — я догоню потом.

Он с глубоким удивлением смотрит на меня и отрицательно качает головой.

Приходим в батальон. Все в полном порядке. Ранены только Кравченко и еще два бойца. Утром выяснили обстановку, открыли артиллерийский огонь и сильным броском заняли имение. В воронке нашел свою шапку, которую там оставил ночью.

Через два дня я был у станции Тали, когда наши части форсировали водную преграду. Финны открыли шлюзы, но нам все же удалось под прикрытием артиллерийского огня организовать переправу.

Это был один из последних боев, наши части уже охватывали Выборг и начали штурм города-крепости в нескольких пунктах. Мне посчастливилось одним из первых войти в Выборг. Я был назначен тогда командиром батареи и участвовал в штурме. И вот наши орудия катятся по улицам Выборга. Бойцы радостно и с гордостью смотрят вокруг: был неприступный укрепленный район — бесчисленные доты, деревоземляные огневые точки, траншеи, надолбы, проволочные заграждения, скалы, водные преграды, противотанковые рвы, минированные селения, — и все это взято и разгромлено силой советского оружия, храбростью и мужеством советских патриотов.

Прекрасно было это сознание в лучшие часы боевой жизни!

Прошло несколько дней. Как-то на рассвете, когда я спал, в комнату шумно ворвались товарищи. Вскакиваю, думая, что это боевая тревога. А они суют мне прямо в лицо «Ленинградскую правду». И в списке новых Героев Советского Союза я нашел свое имя.

Генерал-майор авиации
А. НОВИКОВ

Взаимодействие авиации с наземными войсками

Одной из главнейших задач, поставленных перед авиацией при наступлении Красной Армии на Карельском перешейке, было непосредственное содействие наземным войскам в прорыве укрепленной линии Маннергейма.

Тяжелые метеорологические условия: суровая зима с метелями, буранами и морозами, доходившими до 45—50 градусов, осложняли боевую работу войск. Наземная обстановка требовала от авиации, несмотря на все трудности зимнего периода, большой активности как при подготовке к прорыву главной оборонительной полосы, так и в период ее прорыва.

Для более тесного взаимодействия с наземными войсками части военно-воздушных сил были перебазированы на озера Карельского перешейка в 20—30 километрах от линии фронта.

К этому времени вся оборонительная полоса противника была сфотографирована и дешифрирована, узлы сопротивления вскрыты. Поэтому на авиацию были возложены конкретные задачи по разрушению оборонительных сооружений — дотов, дзотов и других фортификационных построек, а также по уничтожению и подавлению живой силы, средств обороны и резервов противника.

Современный общевойсковой бой требует взаимосогласованного и целеустремленного использования всех родов войск: пехоты, артиллерии, танков и авиации, объединения их усилий. Опыт борьбы на Карельском перешейке подтвердил это полностью. Взаимодействие решало успех боя.

Авиационные штабы принимали все меры для установления тесной и бесперебойной связи с наступающими стрелковыми корпусами. Для этого в первую очередь была создана служба делегатов связи, которые были посланы во все корпуса, действовавшие на направлении главного удара. Эти делегаты подбирались из числа наиболее тактически грамотных командиров авиации. Находясь непрерывно при командире стрелкового

корпуса, делегат связи постоянно информировал своего командира и его штаб об обстановке на фронте и всех ее изменениях. Он следил за продвижением своих войск и знал в каждый момент, где они находятся и какие задачи выполняют, а кроме того, немедленно информировал общевойсковой штаб о всех боевых вылетах авиации.

Личное общение авиационных и общевойсковых командиров всегда давало положительные результаты. Приведем такой пример.

В конце декабря один стрелковый батальон по льду перешел озеро Суванто-ярви и захватил участок берега у деревни Волоссула. Белофинны со всех сторон навалились на этот батальон, но своевременно вызванная авиация бомбометанием и атаками с воздуха помогла батальону удержаться и спасла его от поражения.

В наиболее ответственные периоды боя, особенно на решающих участках, в стрелковые корпуса выделялись небольшие оперативные группы в три-пять человек из состава высшего авиационного штаба, возглавляемые ответственным командиром. По существу эти командиры являлись уже делегатами командования. Они получали право самостоятельно решать на месте целый ряд важных вопросов, а когда требовала обстановка, — вызывать самолеты в воздух.

Весьма существенным был вопрос: как предотвратить удары с воздуха по своим частям и обстрел своих самолетов с земли? В условиях финляндского театра военных действий нашей авиации, поддерживающей пехоту, было трудно, а иногда и почти невозможно, точно определить с воздуха линию фронта и отличить свои войска от войск противника.

При совместных действиях пехоты и авиации на поле боя делегат связи особое внимание уделял проверке, как войска обозначают себя на достигнутых рубежах.

Пехота вначале неохотно обозначала свой передний край, особенно когда продвигалась вперед, а это затрудняло действия авиации по целям, находившимся в непосредственной близости от своих передовых частей. В дальнейшем это дело значительно улучшилось.

В зависимости от характера местности применялись различные способы обозначения войск. Днем на открытой местности использовали сигнальные полотнища защитного или красного цвета, ночью — фонари типа «Летучая мышь». На лесистых участках сигнальные полотнища были мало пригодными, так как плохо просматривались с воздуха. Здесь более эффективными оказались дымы и световые сигналы. Поскольку сигналы, подаваемые наземными войсками, могли быть замечены не только нашей авиацией, но и авиацией противника, они постоянно менялись. Дымовые шашки чередовались с ра-

кетами различного цвета и разными комбинациями полотнищ. В батальонах и ротах выделялись лица, ответственные за своевременную подачу сигналов.

Кроме всех этих средств, иногда практиковалось обозначение переднего края противника путем обстрела артиллерией.

В тех случаях, когда пехота надежно себя обозначала или с воздуха были хорошо видны резко очерченные ориентиры, авиация получала возможность действовать по целям в непосредственной близости от своих войск.

Так, при наступлении на Тайпаленском участке, в феврале, наши самолеты с успехом бомбардировали противника на расстоянии 400—500 метров от своей пехоты. Передний край обороны противника здесь резко вырисовывался на местности благодаря глубокому противотанковому рву, хорошо наблюдаемому с воздуха. В другом случае, на участке Ильвеса, 27 февраля, авиация также действовала в непосредственной близости от своих войск, атакуя противника на безымянном мысу (северный берег озера Яюряпяян-ярви). Этот мыс резко выделялся и служил хорошим ориентиром для самолетов при выходе на цель со стороны озера. С востока и запада к мысу прилегали позиции нашей пехоты. Мощный, согласованный по времени с действиями наземных войск, удар авиации обеспечил пехоте продвижение вперед. Противник понес большие потери и отступил.

На южном берегу реки Вуокси противник занимал ряд высот в районе отметки 16,2 и огнем с этих высот удерживал нашу пехоту в течение четырех дней. 23 февраля бомбардировочная авиация атаковала противника, расположенного на гряде высот вдоль южного берега реки Вуокси в удалении 500—700 метров от нашей пехоты. Атака авиации помогла нашей пехоте занять высоты.

Обычно бомбардировщики, стремясь оградить свои войска от случайных попаданий, действовали по целям, лежащим в глубине обороны, не ближе 800—1 000 метров от своих войск. Другое дело — истребители и вообще пикирующие самолеты. Они с большим успехом атаковали и более близкие цели. Не один раз помогали они своей пехоте, готовящейся перейти в атаку, расстреливая пулеметным огнем и уничтожая бомбами укрывающихся в окопах и хорошо замаскированных белофиннов, их огневые точки.

Опыт войны показал, что при совместных действиях авиации с наземными войсками на поле боя огромное значение имеет знание летным составом района и участков действий своих войск. Цели в этих случаях атакуются более уверенно и метко, а опасность поражения своих войск почти исключена. Поэтому при подготовке к наступлению практиковались выезды командиров частей и подразделений с их штурманами на наблюда-

Бойцы наблюдают за действиями советской истребительной авиации

тельные пункты дивизий и корпусов. Наблюдая, они получали совместно с пехотными и артиллерийскими командирами все характерные ориентиры, тщательно знакомились с расположением своих войск и войск противника, конкретно договаривались по всем вопросам взаимодействия.

Такой способ изучения местности, занимаемой противником, полностью себя оправдал, особенно, если он сочетался с ознакомительными полетами экипажей ведущих групп над районом предстоящих действий.

Для избежания обстрелов своих самолетов пришлось также провести ряд мероприятий. Прежде всего командование хорошо ознакомило войска с силуэтами и опознавательными знаками самолетов. Было категорически запрещено открывать огонь по самолетам без соответствующей команды. Войска своевременно предупреждались о всех вылетах и маршрутах полетов своей авиации. Были установлены сигналы для опознавания своих самолетов. На сигналы наземных войск они отвечали отзывом — покачиванием, горкой, пикированием или разворотом, а на высотах до двух тысяч метров — выпуском ракет установленного цвета.

Основным условием, которое обеспечивало успех взаимодействия авиации и наземных войск в боях на Карельском перешейке, была предварительная договоренность между командиром авиационной части или представителем командования военно-воздушных сил и командиром общевойскового соединения.

В подготовительный период к наступлению штабы взаимодействующих соединений обычно составляли общую плановую таблицу боя. В этой таблице были распланированы по времени и рубежам действия пехоты, артиллерии, танков и авиации. Устанавливались сигналы и средства взаимного опознавания и целеуказания, порядок прихода и ухода авиации с поля боя, намечались высоты бомбометания с учетом высоты траекторий артиллерийских снарядов. Обычно составлялась также единая ориентирная схема, на которой были намечены и занумерованы все основные цели. Одновременно отрабатывалась таблица радиосигналов для вызова авиации. Летный состав получал карты крупного масштаба, на которые наносил границы своего участка действий и цели. С началом наступления в план, конечно, вносились коррективы. Появлялись новые объекты, пехота требовала подавления тех целей, которые в данный момент мешали ее продвижению, и авиация немедленно вызывалась в воздух.

Цели в этом случае указывались по ориентирной схеме или по единой кодированной карте. Наземные войска, действуя на поле боя, также стремились целеуказанием с земли помочь своей авиации. Применялись стрелы, выкладываемые на командных пунктах, которые показывали направление на цели. Иногда артиллерия обозначала цели для авиации огневым налетом на них, стреляя дымовыми снарядами.

Исключительно важно было добиться быстроты оповещения летного состава о положении своих войск и иметь на аэродромах дежурные части, готовые к немедленному вылету. Большую роль играла широкая инициатива авиационных командиров, основанная на знании обстановки и глубоком усвоении замысла общевойскового командира. Появляясь внезапно над полем боя, наши бомбардировщики и истребители ошеломляюще действовали на противника.

В период с 11 по 19 февраля, тесно взаимодействуя с наступающей пехотой и артиллерией, авиация нанесла удар белофиннам. Она помогала артиллерии разрушать опорные пункты линии Маннергейма. О действиях и эффективности советской авиации Амстердамская радиостанция сообщала: «Русские войска, наступающие в секторе Суммы, поддерживаются авиацией. 200 советских бомбардировщиков ежедневно летают над полем боя, производя колоссальные разрушения».

Авиация несла непрерывное дежурство над полем боя, находясь там до тех пор, пока наша пехота не овладевала укреплениями противника и не закрепляла их прочно за собой. При поддержке авиации были последовательно прорваны также вторая и третья полосы обороны белофиннов на Карельском перешейке.

Вначале, с выдвижением наших частей для захвата плацдарма на побережье Выборгского залива, авиация получила задачу — не допустить оборонительных работ противника, не дать ему заминировать лед. Задача эта была выполнена систематическим бомбометанием и атаками истребителей по скоплениям финских войск и местам развертывания оборонительных работ.

Тесно взаимодействуя с наземными войсками, наша авиация вписала много славных страниц в историю воздушного флота Советского Союза во время боев с белофиннами, умножив славу Красной Армии.

Капитан

С. КУПЦОВ

Искусство штурмана

В дни штурма белофинских укреплений в районе Суммы, 11—13 февраля, немало пришлось поработать и нам, штурманскому составу боевой авиации.

13 февраля наша эскадрилья получила боевой приказ — разрушить дерево-земляные сооружения и уничтожить живую силу белофиннов в 2 километрах западнее Аутио. Наша девятка взлетела и легла на курс к линии фронта. Изучив район во время предыдущих полетов, я уверенно вел девятку на цель, несмотря на крайне неблагоприятную погоду.

У линии фронта облачность снизилась до 300 метров, видимость уменьшилась до полукилометра. В таких условиях роль ведущего штурмана особенно велика. Я непрерывно следил за картой и землей, одновременно контролируя курс по компасу. Основными ориентирами для точного выхода на цель были озера Куолема-ярви и Хатьялахден-ярви (мы их называли «штаны»), Сумма, дорога, идущая к этому пункту, Аутио и Хуумола.

Когда полетели над дорогой к Сумме, мы увидели наши войска. Они продвигались в сторону противника. Не теряя из виду дорогу (она была за лесом), девятка достигла Аутио. Над Аутио был сделан поворот влево. В это время я открыл люки — сигнал для ведомых: «приготовиться к бомбометанию». Через одну-две минуты мы у цели. Небольшой доворот на нее, и бомбы посыпались на головы белофиннов.

Домой мы вернулись целыми и невредимыми, хотя и нашли в наших самолетах пулевые пробоины.

Что поучительного было в этом полете для штурманов?

Все штурманы вели детальную ориентировку по карте крупного масштаба. В случае отрыва какого-либо экипажа от девятки, штурман мог бы самостоятельно привести самолет к цели. Ведомые штурманы непрерывно следили за действиями ведущего и автоматически их воспринимали и повторяли. Этому ведомые научились во время предыдущих боевых полетов. Штурманы Гройсман, Климов, Кирюхин, Нургалеев, Бра-

тяга замечательно сработались со мной, ведущим штурманом.

Следует отметить, что в воздухе я имел постоянного заместителя — капитана Кирюхина. У командира нашей девятки тов. Локотанова постоянным заместителем был тов. Трусов (ныне Герой Советского Союза). Его экипаж мог в любую минуту заменить нас в воздухе и повести эскадрилью на врага.

Обычно за 10—12 километров до цели для ориентировки и маневра мы переходили с десятиверстки на карту крупного масштаба. Зная, что над целью нас встретят огнем артиллерии или пулеметов, я примерно за 10 километров до цели изменял курс на 20—30 градусов. После двух-трех таких изменений курса я давал тов. Локотанову боевой курс на 30—40 секунд.

Правда, меняя курс, мы нередко попадали в зону огня зенитной артиллерии (в особенности над Выборгом, Тронгсундом и Раван-саари). В этих случаях мы применяли маневр не только по направлению, но и по высоте. Теряли 1 тысячу, а иногда и 2 тысячи метров высоты. На боевом курсе я производил боковую наводку, чтобы цель была на курсовой черте прицела. Это была нелегкая задача, так как решалась она в очень короткий срок. Скорость на боевом курсе всегда увеличивалась.

Когда, отбомбив, мы уходили от цели, зенитная артиллерия белофиннов вела огонь по нашим самолетам. Приходилось снова маневрировать, терять высоту, менять направление, чтобы уйти из зоны огня. У Выборга крупнокалиберная зенитная артиллерия белофиннов ставила заградительный огонь на высотах от 2 до 5 тысяч метров. Легкая артиллерия — полуавтоматы с трассирующими снарядами — била по самолетам на высотах до 3 тысяч метров.

Однако как ни изощрялась вражеская зенитная артиллерия, мы всегда свою боевую задачу выполняли.

Старший лейтенант

И. КОЛОСОВ

Связисты в бою

В период подготовки штурма линии Маннергейма связисты стрелкового полка майора Рослого с большим успехом работали по организации связи штаба полка с батальонами.

Все линии связи как к батальонам, так и во второй эшелон и к соседу, были исключительно двухпроводные. Каждая линия проводилась отдельно и подвешивалась на шестах и на деревьях не ниже 3,5—4 метров от земли, на расстоянии 50—60 метров от дорог. От узла связи линии расходились в разных направлениях, по канавам, вырытым в земле на протяжении 60—80 метров. Эти мероприятия исключали возможность одновременного повреждения нескольких линий от разрывов снарядов, мин или при движении танков.

Работа радиостанций была ограничена до минимума. Для дублирования применялись делегаты связи и пешие посыльные.

Несмотря на жестокие морозы, глубокий снег, а также сильный артиллерийский огонь противника, связь действовала без перерывов. Если и случались перебои в телефонной связи, главным образом от артиллерийского обстрела, то они быстро устранялись.

11 февраля, когда батальоны после артиллерийской подготовки стремительно двинулись на прорыв линии Маннергейма, отважные связисты ни на шаг не отставали от передовых подразделений.

Устанавливая связь с батальонами, телефонисты ползком, по глубокому снегу под ураганным артиллерийским и пулеметным огнем противника тащили на себе и на лыжных установках катушки кабеля и телефонные аппараты.

12 февраля лейтенант Ваштакин, командир отделения Погодин и красноармеец Суволин в течение нескольких часов, под убийственным огнем, исправляли многочисленные обрывы кабеля, пробираясь по глубокому снегу от одного повреждения к другому. Снаряды рвались в 10—15 шагах от отважных связистов. Их засыпало землей, воздухом отбрасывало катушки, рвало провода.

Выбитый из своих железобетонных гнезд, враг делал отчаянные усилия, чтобы удержаться на последнем рубеже обороны линии Маннергейма — в роще «Фигурная». Но отважные батальоны полка майора Рослого выбивали его и оттуда. Враг отлично понимал, какое значение имеет в бою связь, и старался выводить связистов из строя. Их подстерегали «кукушки».

Все три связиста, о которых сказано выше, были ранены. Делая друг другу перевязки, они не уходили с поля боя и отправились на медицинский пункт только тогда, когда белофинны были выбиты с занимаемых ими позиций.

Подразделения быстро продвигались вперед. Начальники направлений связи успевали только прокладывать линии за батальонами. Но надо было еще снимать остающийся кабель.

Чтобы своевременно обеспечить кабелем команды 1-го взвода, начальник связи полка младший лейтенант Епишин поручил командиру 2-го взвода лейтенанту Симагину собрать весь оставшийся на пути движения полка кабель, отремонтировать его и по мере надобности доставлять в 1-й взвод.

С этой ответственной задачей тов. Симагин справился отлично. Днем и ночью, в мороз и метель собирали связисты кабель. Порванный снарядами и минами, спутанный танками, казалось бы негодный, кабель быстро ремонтировали, перематывали на катушки и в срок доставляли его туда, где он был нужен. Немало собрали и трофейного финского кабеля, который также использовали на пополнение убыли.

Когда был ранен командир отделения Погодин, младший командир тов. Виноградов принял командование отделением, обеспечивавшим связь со 2-м батальоном. От высоты 65,5 до станции Тали и дальше вел Виноградов свое отделение, ни разу не теряя связи с полком.

13 февраля, под огнем засевшей на правом фланге группы белофиннов, это отделение установило связь с командиром батальона. Ночью связь была прервана. Ежеминутно рискуя жизнью, бойцы Егоров и Васильков быстро восстановили линию.

В бою в районе станции Кямяря, находясь под беспрерывным обстрелом из орудий, минометов и пулеметов, Виноградов со своим отделением поддерживал бесперебойную связь командира полка с батальоном. Снаряды противника один за другим рвали кабель, пули свистели над головой, но бойцы, руководимые отважным Виноградовым, продвигались — где ползком, где перебежками — от укрытия к укрытию, от одной воронки к другой. Они быстро находили и устраняли повреждения.

От сильного мороза микрофон отказывал в работе — мембрана обмерзала, угольный порошок отсыревал. Но и здесь находил выход командир отделения. Он дал указание

надсмотрщикам — держать трубку телефонного аппарата за пазухой, чтобы порошок и мембрана просыхали, согреваемые теплотой тела.

Станция Тали, переправа через реку и весь путь, по которому была проложена линия к командиру 2-го батальона, непрерывно обстреливались белофиннами. Враг применил здесь против нас новую преграду — воду; он пытался затопить местность и остановить наше движение. Но большевики привыкли преодолевать любые преграды. Прошли стрелки, прошли и связисты.

Пробираясь через водные преграды, под огнем снайперов и разрывами снарядов, Виноградов со своим отделением в жестокую стужу проложил линию по кустам и деревьям, а в затопленном пространстве — на жердях, и снова связь была бесперебойной.

В трудные минуты всегда воодушевлял связистов заместитель политрука Пиксаев. Сильный, смелый и энергичный, он, продвигаясь ползком, тащил на себе 3—4 катушки кабеля. Когда требовалось срочно исправить повреждение под огнем противника,— заместитель политрука шел с надсмотрщиком на линию. Бойцы гордились им, заражались его кипучей энергией и творили чудеса отваги.

Все связисты отделения Виноградова награждены орденами и медалями. Сам тов. Виноградов удостоен высшей награды страны — звания Героя Советского Союза.

Младший комвзвода
ПОДЭРНИ

Топограф-разведчик

Я служил младшим командиром во взводе топографической разведки штабной батареи и хорошо понимал всю серьезность своих обязанностей. Ведь от качества работы нашего взвода зависели успешные действия полка.

10 февраля мне пришлось корректировать стрельбу 1-го дивизиона по белофинским траншеям. Я сидел у стереотрубы на своем наблюдательном пункте, оборудованном на опушке леса.

Впереди расстилалось болото с мелким кустарником. За болотом чернела группа сараев, слева от них была роща под условным названием «Молоток», а справа, через ручей, тянулась серая дорога, размешанная гусеницами наших танков.

Вражеские траншеи пересекали дорогу, огибали группу сараев и круто заворачивали к роще «Молоток», где находились доты. Наши снаряды рвались в траншеях, на брустверах и в ходах сообщения; в воздух взлетали колья с колючей проволокой, куски гранитных надолб и черные столбы развороченной земли.

Белофинны метались под губительным огнем, спеша уйти от бойниц, скрыться в блиндажах. Когда они исчезали там, артиллерия разом умолкала. Наша пехота, окопавшаяся в снегу, поднималась и шла в атаку. Белофинны, заметив пехоту, выскакивали из своих щелей, но едва успевали занять места у бойниц, как наша пехота по сигналу ложилась, и артиллерия снова открывала огонь.

Так мы выматывали противника, готовясь к прорыву.

Разумеется, белофинны догадывались о существовании нашего наблюдательного пункта. Однако точное место его они определить не могли и ежедневно стреляли из минометов наудачу.

Вот и сейчас в воздухе послышался резкий, неприятный свист, и около восьми мин разорвалось вблизи наблюдательного пункта. Но безрезультатно.

Наблюдательный пункт, устроенный в виде небольшого сруба с накатом толстых бревен, удалось хорошо замаскиро-

вать. Мы сделали искусственный снежный бугор и обсадили его елками и березками. Прорыли в снегу скрытый ход сообщения.

Командир полка, подозвав меня, приказал засечь группу сараев. За этими сараями скрывались минометы и противотанковые пушки, стрелявшие по нашим огневым точкам.

На мензуле я работал быстро и четко. Вместе с бойцом Савченко мы сориентировали планшет, провели направление на указанные цели.

Затем перешли ближе к передовым линиям, чтобы засечь другие точки. Здесь пришлось работать мне одному, а Савченко караулил, взяв оружие наизготовку.

Нас заметили белофинны и начали обстреливать из автоматов. Пробили мне противогаз, полу шинели, расщепили треногу мензулы, но мы и не думали ни о чем, кроме порученного нам дела.

Я быстро проводил карандашом линии на планшете, высчитывал расстояния до цели. Когда сильно застыли руки, на помощь мне пришел Савченко. Он снял координаты точек, и мы, явившись на наблюдательный пункт, доложили командиру полка о выполнении приказа.

Командир полка приказал выкатить одно орудие на открытую позицию, чтобы в упор расстрелять сараи и спрятанные за ними пушки и минометы.

Мы с Савченко помогли огневому расчету выкатить орудие на опушку леса. Я тотчас сел у стереотрубы наблюдать за стрельбой.

Орудие било часто и метко. Левый сарай осел и развалился. Взметнулись в воздух бревна второго сарая, а вслед за ними полетел как будто ствол миномета. Из уцелевших сараев стали выскакивать фигуры в белых халатах. Они стремились уйти в глубь обороны, но их настигала наша шрапнель.

Командир собрал нас, разведчиков-наблюдателей, и объяснил боевую задачу. Он закончил так:

— Необходимо рассмотреть поближе укрепления противника и точно отметить их на планшете огня.

Мы с Савченко вызвались это сделать. Запаслись патронами и гранатами, захватили с собой планшет, компас, артиллерийскую линейку и двинулись в сумерках к вражеским укреплениям. Подползли к гранитным надолбам и увидели деревянный блиндаж, из которого стрелял пулемет, а левее, в окопе — противотанковое орудие, потом несколько дзотов на опушке рощи «Молоток».

Все эти огневые точки мы засекли и нанесли на планшет. Вернулись на свой наблюдательный пункт в 5 часов утра, усталые, продрогшие, но с гордым сознанием, что приказ выполнен. Командир полка остался доволен нашей работой.

Утро 11 февраля было сначала туманным, а затем взошло солнце, стало морозно. Далеко через леса и болота разносился мощный гул нашей артиллерии.

Однако белофинские мины продолжали рваться возле нашего наблюдательного пункта, изрыли все вокруг воронками. Мы перенесли наблюдательный пункт вперед, ближе к своей пехоте. Прямо в снегу вырыли яму, поставили два броневых щитка и укрепили стереотрубу, обвернутую для маскировки бинтом.

Артиллерийская подготовка с каждой минутой усиливалась, разрушая укрепления врага и давая возможность нашей пехоте подтягиваться вперед. Пехота сосредоточивалась, готовая к атаке.

Я испытывал огромное желание пойти с пехотинцами. Настроение было какое-то спокойное, гордое, не чувствовалось ни малейшего страха.

— Товарищ майор, разрешите сходить с пехотой в атаку,— обратился я к командиру полка.

— А кто огонь будет корректировать,— строго сказал майор,— кто огневой планшет будет вести? Надо точно обеспечить огневой вал, сейчас наша пехота пойдет в атаку.

Вслед за грозным шквалом огня и дыма перебегают наши бойцы, все ближе к переднему краю вражеской обороны. Танки, гудя моторами и стреляя на ходу, рвут колючую проволоку, перебираются через траншеи.

Мы двинулись со вторым эшелоном пехоты. Связисты под свист пуль и мин наращивали кабель, передавая команды. Впереди гремело наше русское прославленное «ура», стучали безотказно «Максимы», рвались ручные гранаты...

Вот уже развевается красное знамя. Люди, спаянные единым наступательным порывом, идут дальше.

Вот и развалины хваленых дотов. Кругом все перепахано разрывами снарядов. Железные балки, куски бетона, броневые плиты валяются на подтаявшем снегу.

Когда упряжки с орудиями подъехали к разгромленному участку, наводчик Лякин, посмотрев вокруг, засмеялся:

— Вот так компот!

Герой Советского Союза политрук
А. ПАВЛОВ

Захват финских противотанковых пушек

Это было в середине февраля. Мы наступали очень быстро и, заняв деревню Ляхде, вышли на опушку леса. Но едва углубились в лесную чащу, как натолкнулись на два блиндажа. Пришлось временно задержаться, окружить блиндажи, блокировать выходы и уничтожить засевшего в них противника.

Временная задержка дала возможность белофиннам закрепиться примерно в одном километре от блиндажей. Противник заминировал пригодный для прохода танков участок и установил по обочинам дороги противотанковые пушки. Замаскировавшись, финны поджидали подхода наших танков и пехоты.

Минные поля вынуждали танки двигаться вдоль дороги и таким образом подставлять себя под огонь противотанковых пушек. Белофинны подпустили нас на близкое расстояние и прямой наводкой открыли по танкам огонь бронебойными снарядами. Головной танк был подбит. Глубокий снег и отсутствие лыж лишили пехоту возможности взять пушки атакой. Несколько осколочных снарядов заставило нашу роту прильнуть к земле. Пехота залегла, танки остановились.

Я лежал на левой обочине дороги и вскоре метрах в шестидесяти от себя обнаружил замаскированную пушку. Оценив обстановку, я быстро принял решение. Левая сторона дороги, где я находился, не обстреливалась. Следовательно, можно было под прикрытием мелких насаждений удалиться на некоторое расстояние от дороги, попытаться обогнуть пушку с левого фланга и уничтожить прислугу.

Я бросился влево от дороги, пополз вперед. Затем изменил направление и выполз в тыл пушке. Теперь она находилась между мною и нашими танками. Ничто не могло помешать мне выполнить свой замысел. Среди грохота разрывов и ружейной стрельбы никто не различит одиночные выстрелы винтовки.

Спрятавшись за кустом, я быстро вскинул винтовку и тремя выстрелами уничтожил прислугу противотанковой пушки. Но

на войне всегда надо быть настороже. Подкарауливая врага, сам можешь оказаться для него мишенью. Так и случилось. Неподалеку от себя я увидел финна. Он целился в меня. Я припал к земле. Пуля пролетела над головой. Тогда я вновь вскинул винтовку и нажал спусковой крючок. Финн больше не встал.

Теперь надо было во что бы то ни стало заставить замолчать вторую пушку. Заметив, что у дороги залегло несколько наших бойцов, я подполз к ним. Несколько минут, и вот уже наши гранаты летят в сторону пушки. Следом за гранатами бросились и мы сами.

Это было настолько неожиданно для финнов, что они растерялись. Пушка смолкла. Прислуга побежала в лес. И сразу поднялась наша пехота.

Не теряя времени, мы развернули обе пушки и остаток снарядов пустили по убегающим белофиннам. Затем стремительным броском заняли следующий рубеж — противотанковый ров, расчищая путь для развития дальнейшего наступления на станцию Кямяря.

А. ЕЖОВ

Всегда с пехотой

Вплотную прижимаясь к разрывам своих снарядов, прорывая в снегу канавки, наши бойцы метр за метром упорно продвигались вперед. Батальон старшего лейтенанта Чекрачева находился в низине. Справа от нее белела высота, названная «Огурцом», влево шел ров, упирающийся в другую высоту. На «Огурце» — железобетонная долговременная огневая точка, на других участках — дерево-земляные укрепления, а впереди всего этого — минные поля, проволочные заграждения, завалы.

Пехотинцев поддерживал дивизион Героя Советского Союза старшего лейтенанта Большакова. Война сдружила Чекрачева и Большакова, они стали поистине неразлучны. Лишь иногда командир дивизиона вырывался немного вперед, чтобы «самому увидеть кое-что новое». После таких «вылазок» он еще энергичнее выполнял заявки своего друга.

Там, где недавно высилась темная стена леса, начали появляться большие просветы. Но Большаков знал, что враг залег в свои звериные норы, что он отсиживается до поры до времени. Стоит артиллерии прекратить огонь и пехоте пойти вперед, как белофинны выползут из блиндажей, застрочат из пулеметов, встретят наступающих перекрестным и кинжальным огнем. Значит, надо стрелять так, чтобы враг не мог снова подняться. И батареи все усиливали и усиливали огонь. От разрыва снарядов стонал вековой лес.

— Ну, как, помогает? — обращался Большаков к Чекрачеву, закуривая очередную папиросу.

— Помогает! — отвечал командир батальона и добавлял: — Давай еще!

Смуглое, худощавое, чисто выбритое лицо комбата было спокойно. Он отличался поразительной выдержкой, умением быстро и точно оценивать обстановку, мгновенно принимать правильные решения.

Не уступая Чекрачеву в хладнокровии, Большаков радовал товарищей теплой шуткой.

— Дам, дам огонька! — говорил командир дивизиона и потирал раскрасневшиеся руки. Перчаток он не носил, его согревал, как он говорил полушутя, полусерьезно, «неукротимый боевой азарт».

Командир 6-й роты младший лейтенант Поляков, находившийся на правом фланге, сообщил, что расположенная напротив долговременная огневая точка подает признаки жизни.

Герой Советского Союза старший лейтенант Н. Большаков

Белофинны обосновались на выгодном рубеже и простреливают местность впереди и с флангов. Пехотинцы пробовали подойти к точке, да пока ничего не вышло.

Комбат передал сообщение Большакову, тот подал команду на батареи. Над вражеским дотом стали вздыматься столбы земли и снега.

— Ну, как? — справился через несколько минут Большаков.

— Живет, подлая!

Мгновенная тень пробежала по лицу командира дивизиона.

— Живет! — повторил он.— Не пронимает, значит. А ну, попробуем другим способом.

И связист стал передавать приказ:

— Командиру батареи младшему лейтенанту Балякину. Выкатить одно орудие на опушку леса и вести огонь прямой наводкой.

Не теряя ни минуты, артиллеристы подвезли орудие на лошадях, потом потащили его на руках. Дьявольски трудное

было дело. Снег — по пояс, дороги нет, на каждом шагу — пни, сучья, сваленные деревья. Но политрук Кострикин, старшина Соловьев, младший командир Сергеев и другие старались в поте лица и вскоре установили гаубицу.

Наводчик Биличенко прильнул к панораме.

— Готово!

— Огонь!

Грохнул выстрел. Из ствола орудия вырвалось пламя. На высоте «Огурец», где находился дот, взвихрился снег.

— Теперь подействует! — рассмеялся Большаков.

— Да, похоже! — улыбнулся и командир батальона.

Бруствер окопа начали лизать пули. Противник ожесточился. Наши артиллеристы несли ему гибель, и он стремился предотвратить ее.

Люди в окопах еще плотнее пригнулись к земле, но наблюдение не прекратилось.

— Смотри, смотри, перебегают! — крикнул Чекрачев Большакову.

Белофинны действительно группами выскакивали из дота и бросались влево, в ров. Крепко досталось им от «гостинцев» Большакова.

Комбат кинулся к телефону и приказал:

— В атаку!

Командир 6-й роты Поляков мгновенно передал приказ взводам. Политрук Алексеев крикнул:

— Вперед, за нашу Родину!

Почти одновременно бойцы услы
Голубева:

— Бежим, ребята! Бей врага!

Отделения поднимаются и, поддержанные шквальным огнем пулеметчиков, мчатся вперед. Командир дивизиона переносит огонь артиллерии на следующий рубеж. Вот, натолкнувшись на огонь, роты залегли. Однако всем ясно, что врагу нанесен чувствительный удар и сопротивляются лишь жалкие остатки его. Чекрачев снова командует:

— Вперед! Вперед!

Идут танки. Они рвут проволочные заграждения. За танками бегут, увязая в снегу, бойцы. Враг не выдерживает, пускается наутек. Его накрывает огонь дивизиона старшего лейтенанта Большакова, бьют красные пехотинцы. Они врываются в белофинские траншеи, перескакивают через трупы вражеских солдат, через поваленные снарядами деревья и бегут вперед, вперед.

В тот день стрелковый батальон старшего лейтенанта Чекрачева, круша и уничтожая врага, прошел несколько километров. Потом — небольшой перерыв. Надо подтянуть артиллерию, чтобы ее огнем снова прокладывать пехоте путь вперед. Штаб

батальона разместился в просторной финской землянке. Иззябший и проголодавшийся Чекрачев приказывает принести обед.

Но короток отдых. Вернее, отдыха совсем нет. Уже получен прнказ продолжать наступление. Проверив, все ли люди накормлены, Чекрачев созывает командиров и ставит перед каждым очередную боевую задачу. А старший лейтенант Большаков передвигает дивизион на новые позиции.

Младший лейтенант
Н. КОНДРАТЬЕВ

Пленные

Вечером 17 февраля, после занятия станции Кямяря, наш полк свернул влево по дороге, ведущей к Выборгскому шоссе.

Прошли километра три. Ночь стояла тихая, звездная. Позади в небе виднелись отсветы горящей станции, где-то слышалась отдаленная стрельба. 2-й батальон, шедший головным, неожиданно наткнулся на дорогу, не обозначенную на карте. Из лесу дорога спускалась в низину, а оттуда вела к крутому лесистому косогору. На косогоре — тщательно замаскированные, просторные финские землянки. Их было много, должно быть, тут стояла в резерве одна из финских частей, брошенная теперь на выручку разгромленной линии Маннергейма.

Разместились в первой линии землянок. Спим. Просыпаемся утром, узнаем от дозоров: в соседних с нами землянках — финны.

— Откуда же финны? — спрашиваем.

— Пришли и залегли, — отвечают дозорные.

— А чего же вы не подняли тревогу?

— Зачем? Только вспугнули бы их. Драться они с нами все равно не стали бы: едва на ногах стоят. Должно быть, с линии.

Окружаем землянки. Действительно — финны. Приказываем сложить оружие. Бросают на землю винтовки, автоматы, пистолеты, ножи, патроны. Угрюмые, понурые лица. Цвет кожи землистый. У многих — седые волосы. Почти у всех пляшут руки и чувствуем, не от испуга перед пленом, а, должно быть, от пережитого в дотах ужаса.

Финны молчат. Их много, и все пришибленные, потерянные. Молчим и мы. Вдруг откуда-то сверху косогора раздается тонкий, с восторженно-истерическими нотками, голос:

— Я швед!.. Я швед!.. Я швед!..

Оборачиваемся: от верхней землянки спускается к нам по косогору молодой человек, лет двадцати пяти, в легком пальто,

в шляпе, в ботиночках с острыми лакированными носками. Идет, приплясывая от холода, руки подняты вверх, а сам заискивающе улыбается и все повторяет:

— Я швед!.. Я швед!.. Я швед!..

Подошел, оглядывается, кому бы сдаться в плен. Красноармейцы с ненавистью смотрят на этого хлыща в лакированных ботиночках. Из добровольцев, должно быть. Добровольцем против нас, советских людей, пошел... Бродяга!

Пленные

Увидев, что ни сочувствия, ни одобрения не встречает, швед некоторое время сконфуженно топчется на месте под суровыми взглядами людей, потом, желая, видимо, тронуть наши сердца, опять произносит:

— Я швед...

— Замолчи! — обрывает его красноармеец. — Не швед ты, а дерьмо. Всю свою нацию опозорил...

Финны улыбаются. Должно быть, и они не особенно в ладах с этими молодчиками, завербованными за границей.

По косогору разносится запах кухонь. Красноармейцы подходят к кухням с котелками и возвращаются к землякам в клубах дымящегося борща, с буханками только-что выпеченного вкусного армейского хлеба.

В группе пленных — движение. Лица финнов вытягиваются, глаза с жадностью смотрят на хлеб, борщ. Многие протягивают руки, просят сдавленным голосом:

— Хлеба, товарищ...

Командиры распорядились накормить пленных. Им дали по котелку борща, дали хлеба, шпику, чаю, сахару.

Как они ели! Руки пляшут, глаза воровато снуют. Им словно не верится, что в руках у них хлеб — настоящий хлеб!

И тут вдруг прибывает к нам командир 3-го батальона капитан Кравченко. С ним красноармейцы, у них тюки финских листовок и прокламаций. 3-й батальон, оказывается, заночевал в даче какого-то русского эмигранта. В подвалах дачи красноармейцы обнаружили финскую военную типографию, печатавшую «обращения к красноармейцам», листовки, прокламации.

А «обращения» эти и листовки вот какие. На одной напечатано жирным шрифтом:

«Красноармейцы! Поворачивайте штыки в землю, сдавайтесь в плен. Мы вас будем кормить маслом, сыром, шоколадом... Пленные красноармейцы получат по стакану вина в день...»

Смотрим на листовки, на пленных финнов, поедающих наш борщ и хлеб. Думаем: этакая ирония судьбы! Нам предлагают масло, сыр, шоколад, вино, а сами рады кусочку нашего хлеба. Тьфу!

Финны позавтракали, просят закурить. Вспоминаем про листовки, становится противно. Но, думаем, не эти люди печатали листовки. Эти — обманутые, они поддались на гнусную шовинистическую пропаганду своих поработителей, не знали, что делают. Вытаскиваем папиросы, угощаем:

— Курите... Да вперед умнее будьте. Не против нас воевать вам надо, а против своих господ, против тех, кто обманывал вас, кто ожесточил вашу душу...

Курят, улыбаются...

Герой Советского Союза политрук
Н. ЛЫСЕНКО

Штурмовые дни

Когда стало известно о начале боевых действий в Финляндии, я подал командованию рапорт с просьбой отправить меня на фронт. После некоторых формальностей моя просьба была удовлетворена. Вместе со мной отправились на фронт еще сотни добровольцев из нашего соединения.

На Карельский перешеек мы прибыли в самый разгар боев, 27 февраля, и нас направили в 123-ю стрелковую дивизию.

Была морозная ночь. Мы шли лесом, продираясь сквозь деревья. В темноте, наконец, добрались до своей части. Я был назначен комиссаром батальона. Не успел осмотреться и познакомиться с командирами и бойцами, не успел даже подсчитать, сколько коммунистов и комсомольцев в батальоне, как начался бой. Финны пробовали охватить нас с флангов. Пользуясь тем, что кругом был густой лес, они пробрались к нам в тыл, но мы опрокинули их и соединились со своими...

Бои шли непрерывно, днем и ночью. Озверелые шюцкоровцы дрались отчаянно и, хорошо зная местность, вредили нам чем могли. Но бойцы и командиры нашей дивизии дрались еще отчаяннее. Не щадя своих сил и жизни, они беспощадно громили белофиннов.

Никогда не забуду, как мы прорвались к шоссейной дороге, ведущей на Выборг. Дорогу прикрывала хорошо укрепленная высота «Подошва». Три больших дота и несколько траншей, колючая проволока и широкая полоса воды, выпущенной финнами из шлюзов, защищали эту позицию. За ней лежала станция Тали.

Весь день 6 марта прошел в бою. Ночь не прекратила боя. Очень мешала нам вода, не дававшая возможности подобраться к противнику. Глубина ее достигала двух с половиной метров, она была ледяная и обжигала, как огнем, тех, кто пытался войти в нее.

Командир батальона выбыл из строя, я заменил его. Получил приказ — во что бы то ни стало взять высоту «Подошва». Обошел бойцов, побеседовал с ними, объяснил задачу.

Огонь противника был так силен, что связь с полком временно прервалась. Пришлось действовать по собственной инициативе. Ночью, под незатихающим огнем финнов, мы начали строить плоты-мостики и по ним перебирались на ту сторону. Те, которые перебрались первыми, в ожидании товарищей залегали под надолбами и камнями.

Наступило утро. Финны заметили нас, стали поливать свинцом из автоматов. До вечера лежали мы на снегу, медленно замерзая и не имея возможности пошевелиться. Я приказал выставить станковый пулемет, чтобы он своим огнем прикрыл нашу атаку. Пулемет был уничтожен. Тогда командир 6-й роты тов. Кацубинский взял другой пулемет и бросился на то же место. Как только пулемет заработал, я вскочил и кинулся в атаку, увлекая за собой бойцов.

Сейчас не расскажешь, что было тогда. Финны били по нас из автоматов, пулеметов и орудий. У меня были наган и две ручные гранаты. Со мной продвигались помощник начальника штаба тов. Рыбин, впоследствии награжденный орденом Ленина, младший лейтенант Юрченко, боец Сидавский и другие. Противник был хорошо замаскирован, его не было видно, только огонь хлестал сквозь амбразуры.

Я добежал до колючей проволоки в четыре кола, а рубить ее нечем. Тут наш комсорг сзади бросает мне лопату. Хватаю лопату и рублю изо всех сил проволоку. На секунду останавливаюсь и бросаю в противника гранаты — думаю хоть на мгновение ослабить его огонь.

Подбежал Сидавский и тоже стал рубить лопатой проволоку. Через проходы в проволоке пробегают бойцы и с громкими криками забрасывают амбразуры ручными гранатами. Воодушевление так велико, что уж никакая сила не может нас остановить.

Вскакиваем на купол дота, и вдруг огонь гремит нам навстречу. Оказывается, что за первым дотом расположен второй, который до тех пор не обнаруживал себя. Я скомандовал: «В атаку!» — и побежал ко второму доту.

Навстречу мне выскакивает офицер с винтовкой, стреляет мимо, потом повертывает винтовку и заносит приклад над моей головой. А у меня как на грех, наган в кобуре и уже нет времени его достать. Под ногами толстый сук, хватаю его и колочу офицера. Он падает. Финны, выскочившие из дота, толпой набегают на меня. Но тут Юрченко, Сидавский и другие бойцы опрокидывают финнов, и мы по их пятам врываемся во второй дот. Внутри дота завязывается рукопашный бой. Одни финны дерутся, другие подымают руки. Не успели мы взять их, как кто-то кричит снаружи:

— Тут еще один дот!

Вскакиваю, быстро собираю бойцов. Третий дот был пушечный, орудия бьют по нас прямой наводкой, чуть не в упор. Вдруг чувствую, что на меня падает что-то страшно тяжелое, и теряю сознание...

Герой Советского Союза политрук Н. Лысенко

Очнулся по дороге на перевязочный пункт. Меня несут на носилках, в голове острая боль. Проходит полчаса, вносят меня в большую палатку. Тут же, на носилках, врач делает мне перевязку.

— Пустяки, — весело говорит он, — легкая рана осколком. Через недельку починим вас.

Хорошо ему говорить — через недельку, а ведь у меня дело, бой у меня не закончен...

Полежал часа три, и стало мне легче. Оглянулся — никто на меня не смотрит. Я тихо выбрался из палатки, пошел обратно на фронт. Шел долго. На месте дотов никого уже не было — бой ушел дальше. Решил двигаться на станцию Тали. По дороге в лесу встречаю двух наших командиров товарищей Кацубинского и Красноkуцкого и с ними семь бойцов. В бою они оторвались от полка, имели стычку с финнами, отбросили их и теперь обсуждали, куда двигаться. Я предложил итти к станции Тали, на выстрелы, что доносились оттуда. Под-

считали наши силы. Нас десять человек, да, к тому же станковый пулемет.

— Целая часть, — шутя говорит Кацубинский, — большие дела можно сделать.

Идем по лесу, наблюдаем, и вот показались строения, вьются рельсы: станция Тали. Выслали разведку. Оказалось, что станция занята финнами. Их много, не меньше полуроты. Посовещались и решили атаковать. Силы распределили так: Красноkуцкий, хороший пулеметчик, действует с правого фланга, я с автоматом — с левого, а лейтенант Кацубинский с «главными силами» при нашей поддержке атакует. Со станции в лес вилась дорожка. Мы ее взяли под обстрел. Зашли со всех сторон, открыли огонь и начали так громко кричать «ура», точно штурмовал станцию по крайней мере батальон.

Получилось превосходно. Финны в панике бросились в лес, Красноkуцкий и я косили их, не переставая кричать, а «главные силы» под командой Кацубинского бросились в атаку. Паника у финнов поднялась такая, что они бросили обоз, поезд, стадо рогатого скота, очистили маленький офицерский блиндаж.

Мы торжествуем, подсчитываем трофеи, как вдруг с финской стороны ударил снаряд, потом второй, третий... Не успели мы подумать, что делать, как стали падать снаряды и с нашей стороны. Финны знали, что мы на станции, а наши думали, что станция занята финнами. Все мы кинулись в блиндаж. Волной воздуха от разорвавшегося снаряда меня швырнуло на землю, и товарищи втащили меня внутрь блиндажа.

Финны, пришедшие в себя после паники, стали наступать на станцию, а мы били по ним из их же оружия. Блиндаж был прекрасно оборудован, имел круговой обстрел, и патронов было достаточно. Шесть часов мы дрались с финнами, до тех пор пока на станцию не пришел наш полк.

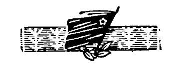
Коротким, энергичным ударом финны были отброшены. Тем временем подошла и танковая часть. Командиры с удивлением спрашивали нас, как мы взяли и удержали станцию против таких сил противника. Не верили, что нас было только десять человек. Шутя, называли нас «отдельным полком, решившим самостоятельную тактическую задачу».

Утром 13 марта наш полк находился северо-восточнее Выборга. Бой шел горячий. Поддержанные соседними частями, мы, несмотря на сильный огонь противника, двигались вперед на северо-запад, охватывая Выборг. Форты и доты, окружавшие город, были под сплошным огнем нашей артиллерии. Взлетали на воздух тела орудий, обломки укреплений, колы, обмотанные колючей проволокой. Мощные танки прорывали укрепленную полосу, разгромленную и разрушенную артиллерией, и за танками шла пехота. Город был уже в наших руках, как

вдруг ровно в полдень по всему фронту прекратилась стрельба. После ужасного, непрекращавшегося грохота странной показалась нам наступившая тишина.

В первое время нам казалось, что не все еще кончено, что жестокий и коварный враг еще попытается сопротивляться. Но вскоре мы воочию убедились, что все его силы истощены. Ведь вся мощная и, как утверждала буржуазная печать, «неприступная» линия его укреплений была взята нами, и в боях полегли лучшие кадровые части врага.

Проходили дни, и вот 21 марта я узнаю, что указом правительства мне присвоено звание Героя Советского Союза. Это был самый волнующий день в моей жизни. С гордостью я вспомнил весь свой путь от голодного, босого батрачонка до большевика, члена партии Ленина — Сталина, до политработника Красной Армии.

В осажденном танке

Шли упорные бои на подступах к Ляхде.

К исходу дня танковый батальон, встретив сильно обстреливаемый противотанковый ров, остановился и тщательно замаскировал свои машины в густом лесу.

Командир взвода, получив боевую задачу, собрал командиров машин и тихо отдал приказ:

— Впереди противотанковый ров. Задача нашего взвода: под покровом темноты прорваться через препятствие и обеспечить продвижение батальона.

Точно уяснив задачу, командиры танков разошлись к экипажам, и через несколько минут машины понеслись на врага.

Стемнело. На левом фланге танк под командованием заместителя политрука Кучерова быстро приближался к противотанковому препятствию. Командир машины видел вспыхивающие за рвом огоньки и слышал дробный стук пуль о броню танка. Он закрыл люк, плотно прильнул глазом к прицелу и начал искать огневые точки противника.

Среди многочисленных вспышек тов. Кучеров заметил длинный язык пламени. Не было сомнения — это стреляла противотанковая пушка. В одно мгновение он навел орудие. Раздался выстрел, второй, третий... Пушка белофиннов замолкла.

Еще несколько пушек заставил замолчать Кучеров. Он стрелял метко, спокойно, уверенно, в то время как танк подходил к препятствию.

Перед глазами водителя Чижова внезапно открылась глубокая яма. Противоположная стенка ее, высотой свыше двух метров, была отвесная. Водитель мгновенно понял: в этом месте препятствие не преодолеть. Он сделал разворот вправо и повел машину вдоль рва, стремясь найти более отлогое место для прохода.

Вдруг сильный удар сотряс башню. Яркий огонь ослепил глаза. Водитель потерял ориентировку, и машина под сильным креном сползла в ров.

Командир танка упал.

— Ранен, — тихо простонал тов. Кучеров.

Чижов и башенный стрелок Петельчук бросились к выбывшему из строя командиру, сделали ему перевязку.

Затем водитель снова сел за рычаги управления, включил заднюю скорость и попытался выйти из рва. Гусеницы буксовали. Вскоре разорвалась левая гусеница, и машина перестала даже вздрагивать. Пришлось заглушить мотор.

Диск луны закрыли густые тучи. Стало еще темнее. Что делалось снаружи, где находились остальные танки, экипаж не знал. Выйти из машины невозможно было — свинцовый дождь поливал броню. Решили остаться в танке и, если придется, драться с врагом до последнего патрона.

Вскоре экипаж услышал какой-то шорох. Вслед за этим последовали два взрыва. Осада танка началась.

Чижов поднялся на командирское место и увидел, что задний пулемет поврежден. Он хотел поставить запасный пулемет, но тут снова донеслись шорох и металлический звон у крышки моторного люка. Спустя минуту, водитель сквозь заднее отверстие шаровой установки заметил пламя.

Было ясно, что белофинны забросали танк бутылками с горючим веществом, от которого загорелся мотор. Чижов помнил, что в этом случае самый лучший способ борьбы с огнем — сдувание воздухом частиц горючей жидкости с танка. Теперь наступило время проверить свои знания в бою.

Чижов бросился в отделение управления. Энергичный нажим на кнопку стартера, и мотор заревел. Водитель доотказа нажимал на акселератор, давал полные обороты двигателю. Сильная струя воздуха от вентилятора сбрасывала с мотора горящую жидкость. На этот раз опасность была устранена.

Через несколько минут белофинны снова забросали танк бутылками. Опять пламя охватило моторную часть. Чижов еще раз завел двигатель, дал ему полные обороты и потушил пламя.

Но тут пришла новая беда: от проникновения отдельных частиц горящей жидкости воспламенилась электропроводка. Об этом доложил башенный стрелок. Тогда Чижов схватил огнетушитель и быстро погасил огонь.

Белофинны не унимались. Решив, что бутылками не удастся поджечь машину, они облили горючим веществом и подожгли узелок с личными вещами танкистов, находившийся снаружи, вблизи бокового бензобака.

Эти вещи, конечно, не полагалось возить снаружи танка, но экипаж, как видно, не придавал большого значения такому отступлению от уставных правил. Теперь эта оплошность обернулась против самих танкистов.

Вспыхнуло огромное пламя. Угроза смерти нависла над экипажем: вот распаяется броня, взорвется бензобак, и тогда все кончено. Чижов и Петельчук и на этот раз не растерялись.

Водитель на мгновение приоткрыл верхний люк и бросил в горящий узел гранату. Это же повторил и башенный стрелок. От разрыва гранат узелок отлетел в сторону.

С большими усилиями Петельчук повернул башню и дал несколько пулеметных очередей. Группы белофиннов разбежались. Все затихло.

Время тянулось мучительно медленно. До рассвета было еще далеко. Прошло полтора часа, и снова раздались два взрыва: белофинны пытались подорвать машину. Но советская броня выдержала.

Не смогли сломить железную волю танкистов и многочисленные атаки белофиннов. Как только они подползали к машине, Чижов и Петельчук быстро бросали из люков гранаты. Но запас гранат приходил к концу. Экипаж пустил в ход пистолеты.

Оба танкиста напряженно наблюдали через триплекс. Вот Петельчук заметил подползающего к танку врага. Он быстро открыл боковую заглушину, прицелился и выстрелил из револьвера. Белофинн упал.

В беспрерывной борьбе проходила ночь. Начало светать. Улучшилось наблюдение. Обороняться стало легче. Танкисты отчетливо видели, как группы белофиннов ходят по траншеям. Хотелось открыть огонь из орудия, но выведенная из строя башня не поворачивалась.

Так на протяжении двадцати одного часа мужественно оборонялись танкисты в своем осажденном танке. Они отражали все атаки врага, все его попытки взорвать машину, пока свои не пришли на помощь. Доблестный экипаж был выручен из осады.

Командир и его бригада

Когда я вспоминаю боевой поход, совершенный нашей легкой танковой бригадой во время боев против белофиннов, в моей памяти всегда возникает образ неутомимого командира бригады товарища Лелюшенко.

Этот человек успевал бывать всюду. В один и тот же день его плотную фигуру могли видеть и в землянке, где помещался наш штаб, и в боевой машине у танкистов, и на передовой линии у пехотинцев, и на узкой дороге к позициям, где возникала очередная «пробка»... Бесстрашный в бою, простой и заботливый к бойцам и вместе с тем беспощадно требовательный, таким остался в памяти участников похода этот замечательный командир, ныне Герой Советского Союза генерал-майор Лелюшенко.

Помню берега Тайпален-йоки. Над этой бурной рекой, которая упорно не замерзала, несмотря на суровую зиму, всегда клубился холодный туман. Вспоминаю морозное утро 15 декабря 1939 года, когда началось боевое крещение нашей бригады. Всю ночь командиры были заняты приготовлением к решительной атаке. Утром наши артиллеристы открыли шквальный огонь. Сотни орудий, расположенных на узком фронте в 3 километра, сотрясали воздух непрерывным гулом. Пехотинцы, готовясь итти в атаку, залегли в лесу. Наши боевые батальоны должны были их поддержать.

К концу артиллерийской подготовки танки направились на опушку леса, к своим исходным рубежам. Вместе с тов. Лелюшенко мы обходили экипажи, провожая в бой танкистов. Каждого из них Лелюшенко знал в лицо и для каждого находил бодрые напутственные слова.

Артиллерийский концерт еще не затих. Снаряды свистели и выли, грохотали орудия, расположенные рядом с танками. Приходилось кричать, чтобы пересилить этот шум. Командиры взводов сговорились со связистами о сигналах по радио, сверили часы... Замелькали сигнальные флажки — по машинам!..

Еще несколько минут, и танки, ломая кусты и деревья, вырвались на открытое место и пошли в атаку...

Перед самым выходом танков, когда наша артиллерия немного затихла, белофинны, молчавшие до этого времени, открыли шквальный огонь по опушке леса. Снаряды разрывались над нами, срезая осколками верхушки деревьев. Мы бросились на землю в какую-то наспех вырытую ямку. Затем, дождавшись передышки, перебежали в блиндаж артиллерийского пункта и стали следить за ходом атаки.

Изумительное мужество показали в этом бою наши танкисты. Перед ними был враг серьезный и упорный. Белофинны долго готовились к обороне и тщательно приспособились к местности. Обрывистые берега реки и озера, густые леса и незамерзающие болота ограничивали фронт атаки. Узкий участок более-менее проходимой местности был перерезан противотанковым рвом и находился под сильным обстрелом. На другом берегу рва, на краю густого леса, расположились белофинны. Но танки не останавливались перед препятствиями. Они в щепы ломали колья проволочных заграждений, с невиданным упорством преодолевали ров, быстро проносились через открытые участки, уходя от огня вражеских орудий.

С напряженным волнением следил за атакой товарищ Лелюшенко. Внешне он оставался спокойным, но был момент, когда он не смог сдержать своего боевого порыва. Ближайшее пехотное подразделение отстало от своих танков. Лелюшенко выбежал из блиндажа и с наганом в руке бросился впереди пехоты. Пехота поднялась в атаку за командиром.

Первый бой не обошелся без потерь для нашей бригады. Несколько танков было подбито и подожжено снарядами. Некоторые не смогли преодолеть рва, пересекавшего поле атаки. Но большинство отважных танкистов прорвалось в глубокий тыл врага. Целыми часами они вели там бой, уничтожая огневые точки, выбивая противника из блиндажей и загоняя его в глубь леса...

Танки командиров Прошина и Гандарина одними из первых прорвались в расположение противника. Проезжая вдоль опушки леса, Гандарин заметил колеса пушки, которую белофинны выталкивали из блиндажа, чтобы открыть огонь по идущему рядом танку Прошина. Белофинны уже наводили пушку, когда Гандарин ударил по ней осколочным снарядом. Финский артиллерист упал на орудие. Еще два белофинна в белых халатах, выскочив из блиндажа, кинулись к орудию, но в это время танк Прошина вплотную подошел к ним и открыл в упор такой огонь, что пушку отбросило дулом в блиндаж. Танкисты поехали дальше, выбивая врагов из укрытий.

Командир танка заместитель политрука Константинов уничтожил станковый пулемет противника, вывел из строя дот и прорвался в тыл врага. Но выстрел противотанковой пушки разбил ходовую часть боевой машины, и она остановилась. Поврежденный танк превратился в настоящую крепость в тылу врага. Константинов вел непрестанный огонь из пушки и пулемета. Шесть раз белофинны пытались подойти к танку и

Танки доблестной бригады тов. Лелюшенко идут на штурм высоты Кирка Муола

поджечь его, но живыми не возвращались. Отбив белофиннов, командир танка вышел из машины, вооруженный гранатами, и с боем прорвался к своей пехоте.

Но, несмотря на отвагу наших бойцов и командиров, первый бой не привел к решительным успехам, главным образом потому, что не было достаточно взаимодействия между танками и пехотой. Не все пехотные подразделения сумели вовремя поддержать натиск танков. Многие из пехотинцев инстинктивно оттягивались, отставали... Им казалось, что на танках сосредоточен весь огонь противника и поэтому безопаснее следовать на расстоянии. На деле оказывалось обратное. Противник отсекал своим огнем пехоту от танков. Отставшие пехотные подразделения лишались поддержки боевых машин и не могли преодолеть огневой завесы. В свою очередь,

танкисты, прорвавшиеся в тыл врага, не смогли завершить своих успехов. Многие из них вели бой до глубокой ночи, но, израсходовав боевые комплекты, возвращались обратно, не закрепив того, что по существу было уже завоевано.

Тут же, на исходных позициях, тов. Лелюшенко встречал возвращавшихся танкистов и в беседах с ними уже намечал план будущих действий. Мы собирали сведения о расположении противника, его потерях и силах, узнавали, кто из экипажей еще не вернулся, чьи танки остались на поле боя и какие в первую очередь можно отвести назад... Над полем сражения еще проносились снаряды, вспыхивали осветительные ракеты. Пехота закреплялась на новых рубежах, окапывалась в захваченном противотанковом рву. Приводили себя в порядок экипажи вернувшихся танков...

Поздно ночью, когда немного стихли заботы этого боевого дня, я прилег отдохнуть под танком. Усталость была так сильна, что я тут же заснул на снегу под холодной стальной броней.

Спал я плохо и несколько раз просыпался от холода. Уже светало, когда я услышал, что кто-то меня окликает. Это был командир бригады тов. Лелюшенко. Он ехал к передовым позициям, стоя на тракторе. Его комбинезон был замазан нефтью и маслом. Он был все так же неутомим и энергичен, несмотря на следы бессонницы и напряжения, которые проступали на его лице. Видно было, что нелегко дались ему эти тракторы, которые пришлось «вытаскивать» из глубокого тыла по узким дорогам, забитым всевозможными боевыми машинами и повозками.

— Все в порядке, — сказал он, улыбаясь. — Организовал трактористов. Вот уже привели машины. Сейчас поведем людей вытаскивать танки!..

...В период затишья, наступившего после первых боев, вся бригада брала пример со своего неутомимого командира, который поддерживал в танкистах высокий боевой дух и твердую уверенность в решительной победе.

— Полный прорыв вражеских позиций пока не удался, это мы должны заявить прямо, — говорил он командирам. — Но никто не может бросить упрека нашим танкистам. Они дрались героически и сделали все, что могли. Теперь наша главная задача — подготовиться к следующим боям и научить пехоту действовать совместно с танками.

Подготовка шла полным ходом. Поврежденные танки уводились с поля боя буквально из-под носа неприятеля. Эта работа производилась преимущественно по ночам, и в ней участвовали бойцы всевозможных подразделений, проявляя отвагу, ловкость и изобретательность.

Политработники бригады собирали танкистов по землянкам. Командиры, отличившиеся в боях, рассказывали, как надо находить огневые точки, уничтожать противотанковые пушки и ускользать от их огня... Однажды по инициативе тов. Лелюшенко мы собрали орденоносцев. На этом совещании было решено послать лучших танкистов в пехотные части, чтобы рассказать, как надо действовать в бою совместно с танками. В дальнейшем, на всем протяжении военных действий, такая тесная, дружная связь с пехотой стала у нас традицией.

После первых боев к нам стали поступать многочисленные заявления от красноармейцев и работников хозяйственных подразделений. Они просили зачислить их в боевые экипажи, чтобы заменить выбывших товарищей и отомстить врагам. Некоторые из этих просьб были удовлетворены командованием. Бывшие писаря и связисты принялись овладевать новой специальностью.

Неподалеку от позиций, близ местечка Хатаккала был организован походный учебный танкодром. Здесь проходили свою выучку будущие башенные стрелки и водители танков, здесь же сколачивались блокировочные группы — пехотинцы, танкисты, саперы, которые приучались к совместным действиям. Танкисты сажали к себе в башню пехотинцев, вселяли в них уверенность в мощь этой машины, показывали, как устроены прицелы, как бьет пушка, как действует огнемет... Из снежных сугробов были сделаны копии финских дотов. Подрывники приучались ползком за танками подкрадываться к ним, быстро и сноровисто подкладывать тяжелые ящики, обозначающие связки тола... Пехотинцы привыкали пользоваться танками как бронированной стеной и не отрываться от них в атаке...

Чтобы рассеять у бойцов предвзятое мнение, их сажали в снежные доты, устраивали «амбразуры» и заставляли глядеть на поле боя глазами противника: «Смотри, вот за танками ползут пехотинцы. Соображай сам, кого легче поразить пулями из дота — тех, которые отстали от танков, или тех, которые ползут рядом с ними».

Стремление постоянно повышать боевую выучку людей — характерная черта тов. Лелюшенко. Еще до начала военных действий он нередко заставлял меня и других политработников посещать полигон, участвовать в учебной стрельбе или же усаживал вместе с собой и заставлял по винтику разбирать прицельные приспособления и затем снова собирать их, чтобы заучить наизусть. Случалось, что командир бригады неожиданно вызывал к себе танкистов или заходил к ним в землянку и учинял им настоящий экзамен.

— Ну-ка, товарищ младший лейтенант, отвечайте быстро: огонь из пулемета, дистанция 600 метров, на какое деление поставить прицел?

И если танкист медлил или сбивался, командир сурово заявлял:

— Слабо, слабо!.. Это вы мне должны знать до тонкостей. Я еще раз спрошу.

И танкист принимался изучать все «до тонкостей», зная, что этот второй раз может наступить в любой момент. Память у командира была поразительная, он никогда не забывал людей, с которыми встречался.

Так и сейчас, в напряженные дни, во фронтовой обстановке, среди важных и ответственных дел, тов. Лелюшенко находил время следить за учебой своей бригады, вникать во все мелочи боевой подготовки. Нередко случалось, что он сам «принимал зачеты» от будущих танкистов. И одним из первых пришел к нему в землянку портной хозяйственного подразделения тов. Налетов. В несколько дней он изучил пушку и пулемет, научился ловко и быстро заряжать их на ходу танка, уверенно пользоваться панорамой. Налетов ответил на все вопросы командира бригады и получил новую специальность башенного стрелка.

«Переподготовка» в Хатаккала дала прекрасные результаты. Все танки до одного были уведены с поля боя. Многие из них были отремонтированы. Люди, усвоившие боевой опыт, ждали первого приказа, чтобы итти в бой. Бригада стояла наготове, еще более мощная и грозная, чем она была до первых атак...

В начале февраля 1940 года наша бригада была переброшена на новый участок фронта для прорыва укрепленной полосы в центре Карельского перешейка.

Упорные атаки под местечками Кююреля, Ойнала, Кирка Муола неизменно кончались нашей победой. Враг отступал на север. И наряду с прославленными экипажами таких командиров, как Прошин, Серебряков, Максимов, Моисеев, Семенной и другие, в этих боях отличились и воспитанники нашей «походной академии», в том числе бывший портной Налетов.

Вначале танк тов. Налетова ходил только в разведку. Затем он выполнил небольшое боевое задание вместе со стрелковым подразделением. Во время боев за высоту Кирка Муола тов. Налетов был уже опытным танкистом и показал чудеса храбрости. Были дни, когда его танк несколько раз ходил в атаку. Так, однажды он совершил два боевых рейда на высоту Кирка Муола, где укрепились белофинны, и обнаружил на скате горы искусно замаскированный дот противника. Налетов попросил разрешения пойти в атаку в третий раз. Прорвавшись к укреплению на быстром ходу, он снаряд за снарядом выпускал по железной двери дота, пока противотанковая пушка не повредила машины. Осколками брони ранило экипаж. Налетов, с помощью других танкистов, отвел в тыл раненых товарищей, а сам, без шапки, разгоряченный, взволно-

ванный, пошел в свою часть. Встретив нас, он обратился к тов. Лелюшенко:

— Товарищ командир! Разрешите мне закончить дело. Мой танк подбит. Дайте мне другую машину. Ручаюсь, что дот будет уничтожен.

Налетов получил разрешение и немедленно отправился в четвертую атаку. На этот раз отважный танкист пробил отверстие в железной двери дота.

На помощь ему был прислан огнеметный танк. Струя огня хлынула в образовавшееся окошко, и дот был уничтожен.

В разгар жестоких боев в районе Муола—Ильвес я вместе с тов. Лелюшенко отправился на передовые позиции, находившиеся вблизи Кангаспелты. Когда мы возвращались к деревне Сювеноя, где была расположена наша бригада, навстречу попались запряженные лошадью сани, в которых ехало несколько командиров. Мы посторонились, чтобы дать им дорогу. Вдруг Лелюшенко воскликнул:

— Да это командующий фронтом товарищ Тимошенко!.. Поехали за ним!..

Следом шли вторые сани. Мы вскочили в них на ходу и поехали за первыми санями. Сзади нас сопровождал броневик. Спустя полчаса, мы были на командном пункте стрелковой дивизии, куда направился товарищ Тимошенко. Передовые позиции находились отсюда совсем близко. Слышалась артиллерийская канонада. Среди орудийных выстрелов можно было различить своеобразные гулкие хлопки минометов. Это финны вели огонь по захваченным нами дотам.

Товарищ Тимошенко несколько минут пробыл в избушке у командира и затем вышел оттуда на крыльцо. Ему доложили о нас.

— Ну, как дела, товарищи танкисты? — весело обратился он к нам: — Приходилось встречаться с дотами?

— Все в порядке, товарищ командующий, — ответил тов. Лелюшенко. — Не только встречались, но и брали доты.

— И сейчас тоже?

— И сейчас. Их у нас за Кангаспелтой оказалось препорядочно.

— Как они здесь устроены? Где находятся?

— Совсем недалеко, товарищ командующий. Пройти деревеньку, затем немного леском, и начнутся первые доты. Они уже нами захвачены...

Разговор шел так оживленно, что мы чуть было не пригласили товарища Тимошенко лично пойти посмотреть эти доты, но во-время спохватились, поняв, какому риску мы могли подвергнуть командующего фронтом.

Товарищ Тимошенко на несколько минут вернулся в избушку, где ему нужно было вести срочный разговор по теле-

фону, а затем снова вышел на крыльцо. На этот раз его обращение к нам носило характер ответственного боевого задания.

— Мы стоим перед большим укрепленным районом, — сказал он. — Здесь у финнов главный узел сопротивления. Его надо во что бы то ни стало разрубить. Вам, танкистам, ставлю задачу: взять станцию Хейниоки, пересечь железную дорогу. Готовьтесь крепче. Тщательно проверьте материальную часть, чтобы ни одна машина не подвела вас в бою.

Обращаясь ко мне, командующий фронтом спросил:

— А как, товарищ комиссар, боевой дух у танкистов?

— Разрешите заверить, — ответил я, — люди горят желанием итти в бой. Они готовы выполнить любую задачу.

— Главное — не страшитесь железобетона. У нас уже есть опыт, как обращаться с ним. Действуйте решительней вместе с пехотой. И как только противник дрогнет, — не давайте ему опомниться, расширяйте прорыв и двигайтесь в рейд на Хейниоки!

В тот же день, вернувшись в бригаду, мы рассказали бойцам и командирам о встрече с товарищем Тимошенко. Боевая задача, которую поставил перед нами командующий фронтом, вызвала новый прилив энергии. Тов. Лелюшенко проводил совещания с командирами о подготовке материальной части. И снова, как это уже было много раз, он сам появлялся всюду, залезал в танки, проверял надежность моторов, орудий, прицелов, испытывал знания экипажей...

В несколько дней укрепленный район под Ильвесом был прорван. В этих боях танкисты научились применяться не только к местности, но и к погоде. Особенно удачны были атаки ночью или в снегопад, когда видимость становилась плохой и противнику приходилось вести огонь наугад. Танки выходили в атаку после тщательной разведки, ведя машины по заранее примеченным ориентирам. Атака производилась на несколько соседних дотов одновременно, чтобы не давать им возможности поддерживать друг друга. Танки вплотную подбирались к дотам, надвигались корпусом на их амбразуры, лишая возможности вести огонь. На броне танков подвозили несколько сот килограммов тола. Подрывники сгружали его у стен дота и поджигали шнуры. Затем атакующие отходили на безопасное расстояние, и через несколько минут сильный взрыв извещал о том, что дот навсегда выведен из строя.

Прорвав Ильвесский узел укреплений, бригада устремилась в рейд и к 28 февраля подошла к станции Хейниоки. Танки были выстроены у опушки леса. Сам командир бригады, надев маскировочный халат, скрытыми подступами подобрался почти к самой станции и определил, откуда лучше и удобнее вести атаку.

Белофинны заградили путь к станции тремя линиями надолб. Это были самые крупные надолбы из встречавшихся на пути бригады. Первый ряд проходил в редком лесу около станции, второй и третий — перед самым железнодорожным полотном. Тов. Лелюшенко отдал приказ саперам танковой бригады немедленно устроить проход. Тола нехватало, и задача казалась невыполнимой. Но бойцы знали, что в такой обстановке тов. Лелюшенко не признавал никаких отговорок. Боевая находчивость помогла им выйти из затруднения. Красноармеец

Герой Советского Союза танкист Н. Русин беседует с оставшейся на месте молодежью финской деревни

саперной роты тов. Ромадин предложил использовать против надолб финские мины. Он проворно собрал их на минном поле, которое было устроено финнами неподалеку от станции. Мины были подложены под гранитные глыбы и взорваны. Надолбы разлетелись на тысячи осколков. Путь танкам был открыт.

Первым двинулся в атаку на станцию командир роты лейтенант Дадаждаюв. Вплотную за его танком ринулись пехотинцы. Они выбили белофиннов из траншей перед станцией и заняли траншеи. Но в это время открыли огонь финские станковые пулеметы и автоматы, укрывшиеся в самом здании станции. Немедленно против них были отправлены огнеметные танки. Они дали несколько огнеметных залпов, и дом, в котором засели белофинны, вспыхнул, как стог сена...

В ночь на 29 февраля станция Хейниоки была занята нашими частями. Боевой приказ товарища Тимошенко был выполнен.

Прорыв укрепленного узла и занятие станции Хейниоки означали крупное поражение белофиннов. Противник спешно отступал к северо-западу, все еще продолжая сопротивляться. Танковая бригада с прежней неутомимостью продолжала свой рейд.

И снова длинной колонной двинулись по дорогам танки и грузовики, артиллерийские повозки и орудия, кухни и обозы. И вместе с бригадой то в легковой машине, то в крытом грузовике продолжал свой путь тов. Лелюшенко. И не раз еще во время этого рейда танкисты слышали мощный, энергичный голос своего командира:

— Что там задержались? Опять завалы? Взорванный мост? А ну, дайте мне боевую машину, поеду погляжу сам.

Воентехник 2 ранга

В. МАКСИМОВ

О боевой выдумке и находчивости

Главное в боевых условиях — не унывать и не теряться ни при каких обстоятельствах. Мы, танкисты бригады, которой командовал тов. Лелюшенко, побеждали потому, что никогда не теряли бодрого духа и умели находить выход из любого положения. Что бы ни случилось с нашими бойцами и командирами, им никогда не изменяли боевая выдумка и находчивость. И чем труднее и опаснее была обстановка, тем более упорными становились танкисты, так как они только и ждали случая померяться силами с настоящими трудностями.

Какой героический подъем охватил, например, всех командиров и красноармейцев бригады, когда она восстанавливала свои силы после первых жестоких боев у Тайпален-йоки. Люди из подсобных подразделений наперебой рвались в боевые расчеты, чтобы заменить выбывших товарищей... В числе погибших в первом же бою был любимец бригады, отважный командир роты Руфов, с которым я вместе кончал военную школу. Я пришел к командиру бригады тов. Лелюшенко с просьбой разрешить мне занять место погибшего друга и взять на себя командование боевой ротой.

Неподалеку от передовых позиций у нас возникла целая походная школа, в которой готовились водители и башенные стрелки из бойцов подсобных подразделений. Ее в шутку так и называли «академией». И с каким жаром овладевали «академики» новой специальностью! Какие замечательные бойцы выходили из них!

А одновременно с подготовкой людей полным ходом шла «охота за танками», которые были подбиты врагом и остались на поле боя после первых атак. Танки уводились по ночам, иной раз буквально из-под носа врага, спешно ремонтировались и снова снаряжались в бой. И в этом деле, так же как и в боях, наши танкисты показывали такую творческую выдумку, которая появляется у человека только тогда, когда он делает что-либо «за совесть», как говорится, от всей души...

Особенно отличались танкисты роты Моисеева, во главе со своим командиром, который погиб впоследствии под Хейкурил-

лой, где белофинны устроили засаду. Всегда останется в памяти танкистов этот замечательный командир! Был он высокий, широкоплечий, едва в люк пролезал, и наверно тесно было ему в танке орудовать... По званию он был старшим лейтенантом, но танкисты прозвали его «страшным лейтенантом»... И действительно — страшен он был для врагов!.. Где пройдет танк Моисеева — не жить белофиннам. Но не было лучше и веселей товарища в своем родном кругу.

Бывало в походе застопорится где-либо колонна, вылезет он из командирского люка и встанет на башне во весь свой рост:

— А ну, друзья, пошли помогать саперам!

И пойдет разбирать завалы. Как возьмется за бревно — нет бревна на дороге. Любил он браться за самую тяжелую работу...

И вот с таким же азартом он и его танкисты работали вместе с техниками и саперами над спасением подбитых машин.

Не все танки можно было одинаково легко привести в свою часть. Некоторые из них застряли далеко от наших позиций, иногда даже в тылу противника. Нужно было проявить немало отваги и ловкости, чтобы спасти такую машину. «Охотники» заранее, иногда по нескольку раз ходили в разведку, изучали каждый бугорок, иногда маскировали место, куда должен был подойти трактор, насыпая там снежный завал... Саперы выравнивали землю под танком, чтобы он легко, без задержки сдвинулся с места. И в самое «тихое» время, часа в 2—3 ночи, осторожно, на малом газу подходил к этому месту трактор. Зато когда зацепляли танк тросом за серьгу, тут уж шумели во всю — давали полный газ и неслись вместе с ним по полю, прыгая по кочкам, под выстрелы и разрывы вражеских снарядов. Этот огонь велся врагами наугад и обычно безрезультатно.

Однажды произошел исключительный случай. Орудуя в тылу врага, танк из роты Моисеева попал на болото, покрытое сверху тонким льдом. Танк провалился и увяз до самой орудийной башни. Казалось, спасти его невозможно. Нельзя было подобраться к нему на тракторе — белофинны находились недалеко и вели огонь из пулеметов и автоматов. Моисеев даже награду назначил: кто вытащит танк — получит конфету. И пошло из-за этой конфеты целое соревнование...

На помощь прислали боевую машину, зацепили завязший танк тросом и попробовали тащить. Конечно, легко сказать — «зацепили тросом». А как это сделать, когда танк вмерз в болото и серьги у него в ледяной воде, а кругом — трескучий мороз и ветер, а финны все время постреливают, и мины рвутся неподалеку... И нашлись же такие люди, нашелся меха-

ник-водитель Мушанов, который вышел из танка, скинул гимнастерку, залез в воду и проделал эту операцию на морозе так просто, как будто всю жизнь занимался такими делами...

Но хотя и зацепили трос за серьги, а ничего не вышло. Боевой танк буксовал, изрыл гусеницами всю землю, но не мог вытащить своего увязшего в болоте «товарища».

Тогда придумали наши техники замечательную вещь. Взяли они танк, присланный на подмогу, привязали его накрепко к дереву, сняли одну гусеницу и прицепили трос за зубья ведущего колеса. Был танк боевой машиной, а стал — лебедкой!.. Теперь уже не забуксуешь!

И действительно, буксовать танк не смог, но случилась другая беда. Сначала трос стал наматываться на ведущее колесо, и уже дрогнул было завязший в болоте танк, но натянулся трос до предела и порвался. Казалось, делать больше нечего. Более длинного и прочного троса не было под руками. Но тут на помощь пришел танкист Вострохов, один из самых активных «охотников за танками». Он обладал изумительными способностями разведчика, все знал, все видел, везде у него появлялись дружки и приятели. Разузнал он, что у финнов в этих местах был раньше паром через Тайпален-йоки. А раз был паром, значит где-нибудь есть и трос. И вот поднял он на ноги всех своих дружков — артиллеристов и пехотинцев, которые расположились поблизости, а на утро сообщил:

— Есть! Нашел! Целый рулон троса оставлен белофиннами в лесу недалеко от реки! Боюсь только брать — вдруг минирован.

Трос, оставленный белофиннами, оказался действительно длинным и прочным. Но хоть не рвался он, а все же не выходила машина из болота, потому что трос был направлен слишком полого, и танк не столько поднимался кверху, сколько упирался в берег болота, а дальше не шел. Но тут уж на помощь пришли саперы, которые приспособили небольшое устройство из деревянных брусьев, перекинули через него трос, и застрявший танк гладко и плавно поднялся на берег...

Велика была наша радость, когда танк, вытащенный из болота, был торжественно приведен. Но Моисеев так и не знал, кому же присудить конфету — слишком уж много участников проявили в этом деле свою ловкость и находчивость!..

Во время войны с белофиннами наши бойцы и командиры находили немало простых и остроумных приемов, которые получали потом всеобщее признание. Вот, например, танки идут в атаку по снежному полю. За каждым танком остаются две глубокие, хотя и узкие колеи — следы от гусениц. Пехотинцы и саперы с успехом пользовались этими дорожками, чтобы ползти в них на боку вслед за танком, укрываясь от пуль

неприятеля. Этот прием был узаконен. Водители танков получили строгий наказ — не давать во время атаки обратного хода.

Иногда танкам приходится двигаться в лесу среди деревьев, густо покрытых снегом. Стряхиваясь с ветвей, снег засыпает панорамы и смотровые щели. Приходится постоянно вылезать наружу и очищать приборы. Но достаточно сговориться с артиллеристами — они дают по лесу шрапнельную очередь, и весь снег сразу стряхивается на землю так чисто, как будто по веткам прошлись метлой.

В нашей бригаде был случай, когда благодаря своей находчивости танкисты оказали артиллеристам подобную же дружескую услугу. Это было в районе Ильвеса. Из одного дота, расположенного в лесу, противник вел сильный огонь по пехоте. Артиллеристы навели на дот тяжелое орудие. Они предполагали тяжелыми снарядами разбить его стены, но лес мешал вести огонь. Тогда командир ближайшего танка в два захода проложил через лес такую просеку, что орудие смогло бить по доту прямой наводкой.

На всю бригаду прославился механик-водитель Никита Григорьевич Зюкин. Его отвага и находчивость помогли завладеть важным дотом в Ильвесском узле. Этот дот, стоявший в лесу, представлял собой мощное укрепление. Из дота белофинские автоматчики вели сильный огонь по нашей пехоте.

Два раза танки подходили и обстреливали железобетонную крепость из пулеметов и пушек, но дот продолжал жить. Ночью танк Зюкина снова пошел в атаку, но метров за пятьдесят от дота машина застряла и не могла сдвинуться с места. Тогда отважный водитель в темноте по снегу подобрался к доту с ящиком гранат, залез на него и сел верхом на башню. Услышав, что танк остановился, белофинны открыли амбразуру, но закрыть ее они уже не смогли. Зюкин, сидя на башне и перегнувшись сверху, одну за другой стал бросать в амбразуру ручные гранаты.

— Сюда, товарищи! — крикнул он пехотинцам и танкистам, — дот наш!..

Блокировочная группа беспрепятственно подошла к доту и взорвала его.

Никогда не унывали наши танкисты. Они умели изменять условия по-своему не только в боях, но и на отдыхе и в покое. А это было не менее важно. Надо представить себе обстановку: долгие зимние ночи, снег и морозы, почерневшие трубы деревень, сожженных шюцкоровцами, надо представить себе эту обстановку, чтобы понять, как много значило в перерыве между жестокими боями найти место, где бы можно было помыться, согреться, поспать...

Бойцы получают подарки, присланные ленинградскими рабочими

Как ни хорошо работали наши саперы, но далеко не всегда удавалось устроиться в землянках или в крытых утепленных машинах. Трудно было расположиться и внутри танка — там слишком холодно и тесно. Но танкисты сумели оборудовать себе целый «дом отдыха» на задней броне машины. Плиты этой брони образуют слегка наклонную плоскость, на которой может свободно улечься весь экипаж танка. Брезент, которым покрывают машину от непогоды, танкисты спускали с орудийной башни так, что он образовывал над броней целый навес. В этой палатке можно было укрыться от ветра и снега. Но как уберечься от холода? Правда, задняя броня нагревается от мотора, но этого недостаточно.

Танкисты нашли выход. У края броневой площадки устроен так называемый карман воздушного охлаждения. Особый металлический щиток отбрасывает горячий воздух, выходящий из мотора. Танкисты перевернули этот щиток так, что направили весь поток теплого воздуха внутрь брезентового навеса. На задней броне стало так тепло, что можно было и поспать, и высушить валенки, и даже согреть консервы, держа их над самым карманом. Надо было только следить, чтобы под брезент не проникал угарный газ из глушителя.

Танкисты ухитрились даже устроить в своем «доме отдыха» электрическое освещение, пропустив из башни через люк 12-вольтную лампочку.

Преследуя врага, боевые танковые батальоны иногда отрывались от своих баз, но это не мешало танкистам регулярно устраивать себе горячую баню.

Для этой цели применялись те же брезенты. Их раскидывали в виде палатки прямо на снегу или на льду озера. Старые бензиновые бочки ставили «на попа», внизу вырезали отверстия для топки и поддувала, сверху надевали железную трубу, которую выводили наружу из палатки. Получались превосходные печи. В качестве теплого пола применяли солому или хвойные ветви с уложенными на них досками. Вместо шаек в дело шли цинковые ящики из-под патронов. В такой бане устраивали настоящую русскую парную — достаточно было плеснуть воду на раскаленные железные печи...

Годовщину Красной Армии — 23 февраля 1940 года — танкисты нашей бригады встречали в местечке Сювеноя, неподалеку от Ильвеса, где был расположен мощный узел белофинских укреплений. Был самый разгар боев за прорыв главной укрепленной полосы противника. Накануне танковая рота в жестоком кровопролитном бою помогла захватить и взорвать пять вражеских дотов. В самый день годовщины несколько танковых подразделений снова ушло в очередную атаку...

Те танкисты, которые в этот день оставались дома — в землянках или у своих машин, решили торжественно и организованно встретить праздник. За дело взялись горячо и быстро. Из тех же брезентовых полотнищ, растянутых на кольях, была устроена громадная палатка вместимостью человек на двести. В этом брезентовом «ресторане» вместо столов были расставлены ящики из-под снарядов, покрытые чистыми простынями или халатами. По углам были гирляндами развешаны 12-вольтные лампочки, работающие от танковых батарей.

Каждая часть имела в этом «ресторане» свой богато уставленный стол. Аккуратно разложили подарки, полученные от трудящихся: коробки с конфетами и печеньем, папиросы «Северная Пальмира», всевозможные консервы и шоколад толстыми плитками.

На этом торжественном вечере были и доклады и выступления. Замечательно прошла художественная часть. Нашлись в бригаде свои певцы, рассказчики и музыканты. Достали гитару и баян... Хором спели любимую походную, на мотив песни кочегара:

Раскинулись ели широко,
В снегу, как в халатах, стоят...
Засел на опушке глубоко
В земле белофинский отряд...

А бой шел совсем неподалеку. Он продолжался всю ночь. В самый разгар вечера среди музыки и праздничного шума доносились разрывы снарядов, от которых дребезжали на столах кружки и консервные банки...

Когда танкисты расходились по своим землянкам и машинам в темную холодную ночь, до них донесся сильный взрыв, от которого задрожала земля, — еще один вражеский дот кончил свое существование. И уже трещал белофинский укрепленный район. Уже рвался он под ударами красных бойцов — людей, которые не теряются ни при какой обстановке, которые умеют с песнями отдыхать и работать и с песнями побеждать.

Младший политрук
С. ТРОЙНИН

Непредвиденный случай

Я так и не помню, как мы попали на это проклятое озеро. В ту минуту я был увлечен боем. Красный деревянный домик с провалившейся крышей был еще цел, и оттуда — мне это хорошо было видно в панораму — били по нашей пехоте финские пулеметчики. Три снаряда я пустил по домику прямо с хода... Точно! Механик-водитель кричит:

— Дом загорелся.

Я уже сам знаю, что загорелся. Но тут гляжу в смотровую щель — слева, недалеко от танка, столбом поднялся снег с землей и дымом. По разрыву понял, что бьет миномет. Ладно, думаю, лишь бы не пушка. Надо все-таки найти, откуда он бьет. В оптический прицел я разглядел рядом с домом подозрительный бугорок и яму. Чую, что здесь и засел минометчик. Засек я его, пушку навел, кричу башенному:

— Сергеев, заряжай!

Дал осколочным. Показалось мало, надо еще. И вдруг — ничего больше в прицеле не вижу, как будто его снаружи накрыли белым халатом... Думаю: финны на танке!.. Когда же успели подобраться?.. Скорее люк на защелку!

И только подумал об этом, — из щелей люка полилось что-то холодное. Сначала мелькнула мысль: это бензин! Я знал, что финны пытались иногда поджигать наши танки, бросая в них бутылки с горючей жидкостью. Но растер, понюхал — бензином не пахнет. Вода!

И тут в один миг сразу все понял. Еще когда я вел огонь по красному домику, то видел, что сползает наш танк все ближе к берегу озера. Это меня немного встревожило. Правда, лед был уже крепкий, надежный, но накануне наша авиация здорово бомбила эти места, и на льду могли оказаться провалы. Хотел я предупредить механика, чтобы взял он в сторону, да так и не успел.

В первую минуту, уразумев, что танк тонет, признаться, я немного струхнул. Случай был совсем непредвиденный... Вдруг заглох мотор, и стало слышно, как со свистом бьет во все щели

вода. Мой механик-водитель Кирсанов, видно, еще и не понял, что случилось. Хороший был парень, на работе старательный, смелый. Не водитель — золото. Мотор заглох, а он крутит ручку, все хочет запустить магнето...

— Бросьте, — говорю, — Кирсанов, крутить. В воду попали. Айда за мной, будем вылезать...

А тут башенный стрелок Сергеев кричит мне сбоку:

— Готово, товарищ командир!..

— Что готово?

— Заряжено.

Мне даже смешно стало. Ну, думаю, команда моя боевая — на дне сидит, а все воюет...

— Какое там «заряжено», когда мы в воду попали. Тонем!

— Да ну?!. — Он даже обиделся: — А я то при чем, товарищ командир?..

Спокойный парень. Первый раз шел в атаку, а в танке сидел, как дома на печи.

— Да не при чем, а вылезать надо. Снимайте валенки, легче будет!

Сам я тоже валенки скинул, наган захватил... Ведь наверху не к себе домой попадешь, а, может быть, прямо финнам навстречу... Взялся за ручку люка — страшно стало, не скрою, да деваться некуда!.. Вдохнул воздуху как можно больше, люк откинул, — и вода хлынула в танк!..

Как меня водой обожгло — слов таких нет! Все помутилось в глазах. Помню только, оттолкнулся ногами от башни — и вверх! Как в детстве бывало во время купанья, нырнешь глубоко, тянешься кверху, и вот уж дыхание на исходе, а все над тобой вода. Больше всего я боялся, что меня присосет ко льду. Вот оно — так и есть, ткнулся головой об лед. Взмахнул рукою, выронил наган — не до него уж, и вдруг нащупал расщелину между льдинами. Собрал все силы, уперся. Льдина подалась, и меня вытолкнуло наверх, в прорубь...

Вынырнув, я схватился руками за край льдины и прилег на нее грудью, чтобы перевести дыхание. Но едва приподнялся, чтобы вылезти из воды, как сразу пули засвистели над ухом, и мелкие льдинки, как звездочки, брызнули. Так и есть — ждали проклятые враги, заранее пристреляли место, где провалился наш танк.

Одним броском я вылез из воды, подполз к берегу и спрятался в колею танка. Это у наших бойцов было самое надежное место во время атаки. Там, где танк проходит по снегу, остается от гусениц узкая, но довольно глубокая колея. Боец ложился в нее боком и так полз на одном боку. Только я, конечно, не сразу пополз. Лег лицом к проруби и стал ждать товарищей.

Полминуты не прошло, — вылезает из воды мой башенный. Видно, здорово пробрало парня. На коленки стал, фыркает, отряхивается, как тюлень. Кричу ему:

— Ложиться надо! Подшибут!

Подполз он и лег со мною рядом.

Ну, а Кирсанов? Давай же, друг, вылезай!.. Что же ты, Кирсанов?.. Прождали минут пять, десять... Нет никого. Уж весь танк, наверно, залило водой, уж и прорубь давно перестала пузыриться. Нет никого.

— Ну,—говорю, — Сергеев, простимся с товарищем. Поползем к своим. Только на колени нельзя подниматься — убьют...

А кругом бой, как всегда. Воют и рвутся снаряды, свистят пули... Мне этот концерт уже был хорошо знаком, только за Сергеевым слежу, он еще новичок, нет-нет да поднимет голову над снегом.

Где-то неподалеку пикируют наши истребители. Как соколы— упадут вниз, обстреляют противника и снова вверх.

— Здорово, — говорю, — наши «ястребки» исповедуют белофиннов!

— Товарищ командир, — отвечает Сергеев, — как бы они к нам не нагнулись. Еще по ошибке примут за чужих.

— Ну вот еще. Они своих по ухватке узнают. Давайте ползти скорее, по-боевому!

А сам едва дышу. Сначала в горячке о морозе даже не думал, а как стали ползти — пробрало до костей. Был ясный, солнечный день. Но мороз, что за мороз!.. Руки мои закостенели. Одежда проледенела насквозь. Одно хорошо — ноги в порядке. Я их еще чувствовал, пальцами шевелил. Живы, работают... Полз я в одних носках, но только носки эти не простые. Они были шерстяные, толстые, в две основы и попались мне в подарок от учительницы из Челябинска. Носки я всегда надевал. Они-то и спасли мои ноги.

Так мы ползем к своим, видим — подбираются к нам два пехотинца в халатах. Мы залегли в воронку, поджидаем их. Пехотинцы приблизились и говорят:

— Товарищи танкисты! Мы к вам по приказанию командира. У нас видели, как ваш танк потонул, вот мы и пришли спасать вас. Только пока мы ползли, у нас одного бойца в ногу ранило.

— Чего же нас спасать? Теперь уж его спасать надо, а мы и сами дойдем. Тащите раненого сюда в воронку, да перевяжите.

Раненого притащили. У него было прострелено бедро. Был он бледный, испугался сначала, но потом ободрился, повеселел. Бойцы вытащили медицинский пакет, забинтовали, перетянули рану потуже, чтобы кровь не шла, и унесли его обратно в траншею. До нее уже было недалеко.

Едва мы добрались до траншеи, бросились по ней, пригнувшись, чуть не бегом. Скорее! Скорее куда-нибудь, где можно спастись от мороза.

Неподалеку находился батальонный наблюдательный пункт и там, — землянка, только в этот день брошенная финнами. Влезли мы туда чуть живые. Помню, рука моя ударилась об стол и загремела, как чужая. Я ее не чувствую, а она гремит... Меня хотели раздеть, но не могли — вся одежда замерзла, стояла колом. Ее разрезали ножом, и я вылез из нее, как из брони. Растерли нас спиртом с головы до ног, тут же нашли какое-то брошенное финнами барахло — маскировочный халат, офицерский полушубок, сапоги...

Хотелось выпить воды. Мне протянули флягу. Я взял ее, полфляги выпил, и понять не могу, что я пью. Только потом расчуял:

— Да это же водка!

— Ну, и ладно! Ложитесь и не разговаривайте!

Я лег на нарах. Накрыли меня, чем могли, и я заснул. И так заснул, как никогда еще в своей жизни. И не слышал я ни снарядов, ни криков, и не было никакой боли — ничего не было, кроме здорового и крепкого сна.

Проснулся, когда была уже глубокая тьма. И первое, что услышал: наши части продвинулись дальше, финны сбиты с позиций, и уже горит перед нами деревня — верный признак того, что враг отступает. Командир пехотного батальона попрощался с нами. Командный пункт уходил дальше, вперед...

Мне и Сергееву надо было итти в обратную сторону — на исходные позиции, где стоял наш танковый батальон. Проводить нас взялся политрук-пехотинец, которого контузило во время боя. Так мы и пошли в темную ночь — два обмерзших танкиста в финской одежде и один контуженный пехотинец.

Без всяких приключений добрались до опушки леса, где находились исходные позиции. Рядом с танками, вернувшимися после боя, стояла крытая санитарная машина. В ней было тепло, горела железная печка, и на скамейке отдыхал командир нашего танкового батальона капитан Лихачев. Он не узнал меня, обмерзшего и распухшего, в финском шлеме и полушубке.

— Тройнин? Да нет... Тройнин! Вы ли это? Садитесь.

Я стал было докладывать обо всем, что случилось, но командир перебил меня:

— Это я и так знаю. Ну, потонула машина — вытащим. Кирсанова очень жалко. Но хорошо хоть вы-то двое спаслись. Ведь мы вас уже похоронили... Ну, а теперь — марш в госпиталь, подлечиться. Смотрите, как руки-то разнесло!..

И правда — руки у меня были обморожены крепко, но, к счастью, все обошлось удачно. Только на пять дней выбыл я из строя. Вскоре вытащили из озера машину, и даже наган

мой водолазы нашли подо льдом. Только с Кирсановым расстались мы навсегда. Там его и похоронили под тремя деревьями, что росли возле озера и каким-то чудом уцелели от снарядов. Из медной снарядной гильзы вырезали мы звезду, натерли, чтобы блестела, как золото, и прибили к столбику над могилой боевого товарища.

А сами пошли в дальний путь преследовать уже крепко побитого, но все еще упорного врага.

И много еще было боев, много подвигов совершили наши бойцы, много рассказов ходило среди танкистов. Про случай со мной скоро забыли, и только временами товарищи нет-нет да и подшучивали надо мной, вспоминая, как я купал свой танк в озере.

Герой Советского Союза полковник
Д. ТУРБИН

Артиллерия при прорыве переднего края обороны в районе Пуннус-ярви

Январь 1940 года. Мы стоим у озера Сувапто-ярви. В последнее время наступили относительно спокойные дни. Изредка то здесь, то там завязывается артиллерийская перестрелка, и потом опять тишина на всем фронте.

— Товарищ майор, — спрашивают меня бойцы, — скоро начнем наступление? Скучно сидеть без дела.

Действительно, скучно. Не меньше их я стремился к большому делу, и в один из последних дней января написал командованию докладную записку, в которой просил при производстве прорыва оборонительной полосы поставить мой гаубичный полк на главном направлении.

30 января я был вызван в штаб корпуса.

— Ваша просьба удовлетворена, — сказал мне командир корпуса. — Прорыв намечается в районе озера Пуннус-ярви.

По приказанию комбрига я в тот же день выехал на рекогносцировку. Пробираясь вдоль озера к месту будущих наблюдательных пунктов и огневых позиций, я имел возможность разглядеть, что творится на противоположном берегу, занятом противником. Несколько огневых точек, замеченных мной, были тогда же занесены на карту, но это еще не указывало, где фактически проходит передний край обороны белофиннов.

Мои расспросы у командиров, занимавших этот участок, тоже ни к чему не привели. Мне говорили о проволоке в шесть кольев, находившейся на противоположном берегу, о рогатках, расставленных на озере, но все это я видел сам. Самое же главное — огневая система белофиннов была им также неизвестна.

Вот почему, выбрав в указанном мне районе наблюдательные пункты для себя и командиров дивизионов, я решил одновременно установить добавочные наблюдательные пункты по другую сторону озера в районе соседней дивизии у мыса Мюх-

кюрниеми и у сгоревшего хутора Мякеля. Оттуда прекрасно просматривался передний край обороны белофиннов и часть его глубины.

Почти в сумерки я закончил рекогносцировку. На карту нанесены будущие наблюдательные пункты командиров дивизионов, мой наблюдательный пункт и все то, что я успел заметить у противника. К этому же времени я имел грубую наметку будущего расположения огневых позиций. Теперь мне предстояла чрезвычайно серьезная задача — перебросить весь полк с озера Суванто-ярви к озеру Пуннус-ярви. А расстояние это для гаубиц не малое — 70 километров в большой мороз по сильно пересеченной местности вдоль фронта противника.

Марш в новое место расположения был совершен в течение следующей ночи. На подъемах бойцам приходилось буквально на себе вытягивать орудия. Несмотря на всю тяжесть перехода, он был совершен дисциплинированно и организованно. К утру 1 февраля мы уже находились на новых позициях.

Фронт есть фронт, здесь свои будничные заботы, здесь свой распорядок. Обязанность командира не только заботиться о выполнении поставленной ему задачи, но и о создании, я бы сказал, «жилищных условий» для своих бойцов. Приготовив в течение дня основные орудия к бою и закончив пристрелку, я одновременно позаботился о том, чтобы бойцы вырыли и замаскировали землянки, отогрелись перед боем.

Все, казалось, было уже у нас готово, когда прибыл приказ о том, что в силу сложившихся обстоятельств нам предстоит действовать на новом участке, там, где я еще раньше расположил добавочные наблюдательные пункты.

2 февраля, обойдя озеро Пуннус-ярви, полк вышел в район сожженных белофиннами селений Мякели, Химала и Ниемеля и в тот же день приступил к разведке противника.

Заняв указанный мне район, я с первого же дня связался с майором Ерохиным, чей полк мне приказано было поддерживать. Наши наблюдательные пункты находились в 50 метрах друг от друга, таким образом, мы постоянно были информированы о том, что каждый из нас заметил у противника.

Точно так же действовали командиры дивизионов и командиры батарей.

С первого же дня я так и поставил вопрос: куда движется командир роты, туда должен двигаться и командир батареи. Дальнейший ход событий показал, какое значение это имело для боевого успеха.

С первого взгляда в нашей жизни как-будто ничего не изменилось. Каждый день разведка сообщала о новых обнаруженных у белофиннов огневых точках, о поведении противника, о том, что его основные силы разместились в селениях Кул-

тала, Пуннус и других, что там у них прекрасно оборудованные теплые общежития.

Вот почему, готовясь к прорыву и ведя огонь по обнаруженным огневым точкам, я решил одновременно выкурить белофиннов из их общежитий, заставить их почувствовать мороз, чтобы в решительную минуту их моральное состояние было уже достаточно подорвано.

Герой Советского Союза полковник Д. Турбин

Мы стали бить осколочными гранатами по строениям, где засел враг. 30—40 гранат было достаточно для того, чтобы поджечь одно строение, а так как мы выбирали для стрельбы ветреную погоду, то огонь с одного строения перебрасывался на соседние, и белофинны убегали оттуда толпами в лес. Легкая батарея, специально выделенная для этой цели, сопровождала убегающих шрапнелью.

Так, в предвидении прорыва мы заранее выкуривали врага из его нор. С 1 по 10 февраля гаубичный артиллерийский полк вел огонь по отдельным обнаруженным минометным батареям, проделывал проходы в проволоке, разбил и поджег жилища, в которых отсиживался враг.

Конечно, и белофинны не дремали. Условия наблюдения были у них значительно лучше наших; они видели большую часть нашей глубины. Достаточно было, чтобы какой-нибудь

Батарея обстреливает белофинские укрепления

наблюдательный пункт плохо замаскировался, как белофинны открывали по нему огонь. Если ночью по дороге проезжала машина с недостаточно затемненными фарами, то сейчас же и здесь возникали разрывы неприятельских гранат.

Все это делало нас с каждым днем осторожнее и, я бы сказал, мудрее. Противник нас многому научил.

Наконец, наступило 11 февраля — день прорыва. Накануне ночью я выдвинул по одной гаубице от каждой батареи на исходный для наступления пехоты рубеж. Гаубицы были вынесены сюда на руках, чтобы не привлечь внимания противника малейшим шумом. Их задача была сопровождать пехоту в момент атаки не только огнем, но и колесами, расстреливать прямой наводкой те огневые точки противника, которые оживут после артподготовки, когда мы перенесем огонь в глубь его обороны. Во главе этой группы гаубиц стоял опытный артиллерист капитан Шубодеров.

На остальные орудия возлагались артиллерийская подготовка и организация огневого вала во время атаки пехоты. Каждый артиллерийский командир знал ближайшую и последующую задачи поддерживаемого им подразделения. Он знал, что сначала пехота займет рощу «Дыня», потом будет наступать на рощу «Петух», что надо заранее подготовить огонь против предполагаемой контратаки противника. Накануне вече-

ром я еще и еще раз проверил, как налажено взаимодействие артиллерии с пехотой и танками, начальник штаба полка капитан Парфенов проверил наличие таблиц огня.

— Помните, — в последний раз предупредил я своих подчиненных, — ни на шаг от пехотного командира. Командир батареи с командиром роты должны быть неразлучны.

Мы проверили время, все часы были поставлены по моим, и командиры разошлись по своим местам.

9 часов 11 февраля. Снимаю телефонную трубку, отдаю приказ начать артиллерийскую подготовку. 2 часа 20 минут длится огненный смерч. В течение первых и последних десяти минут артиллерийской подготовки огонь ведется с предельным темпом. Трижды в процессе артподготовки мы делаем ложные переносы в глубину обороны противника, главным образом в район его минометных батарей, и таким образом дезориентируем его.

Во время артподготовки артиллерия противника несколько раз пыталась обрушиться на наступающую пехоту и наблюдательные пункты артиллерии поддержки пехоты, но группой артиллерии дальнего действия с помощью самолетов-корректировщиков была быстро обнаружена и подавлена.

С началом атаки противника мы организовали огневой вал, сопровождающий движение танков и пехоты. Однако одновре-

менно с этим ожили и уцелевшие огневые точки белофиннов.

Запомнился мне такой эпизод. Два наших танка, подойдя к проволочным заграждениям, стали проделывать в них проходы. Особенно красиво действовал один из них, который сделал несколько рейсов вдоль и поперек проволочных заграждений, так что пехота сразу получила несколько проходов. Казалось, что он уже заканчивает свою работу, когда противотанковая пушка белофиннов открыла по нему огонь.

— Товарищ майор, — докладывает мне мой адъютант тов. Целовальников, — центр опушки «Дыня» — противотанковая пушка противника ведет огонь.

Вот она произвела еще один выстрел по маневрирующему танку. Мимо!

Я уже хочу снять телефонную трубку и передать приказ о подавлении орудия противника, как вижу, что оно разлетается вдребезги. Это капитан Шубодеров, во-время заметивший орудие белофиннов, прямой наводкой одной 152-миллиметровой гранатой вывел его из строя. Позже, заняв передний край обороны, мы обнаружили, что уничтоженное нами противотанковое орудие было установлено на специальном катке и подымалось из глубины.

Гаубицы, выделенные для непосредственного сопровождения пехоты и танков, с честью выполнили свою задачу.

Успех артиллерии в этом бою был достигнут тем, что артиллеристы ни на шаг не отставали от пехоты. Командира батареи лейтенанта Коломейцева, ныне Героя Советского Союза, знал буквально каждый боец поддерживаемой им роты. Достаточно было кому-либо из бойцов заметить огневую точку белофиннов, как он сейчас же передавал по цепи:

— Лейтенант Коломейцев, у отдельного дерева — пулемет противника.

Так же дружно работал с пехотой и лейтенант Маврин. Будучи ранен, он продолжал бой и шел вперед рядом с командиром поддерживаемой им роты.

Во время огневого вала были случаи, когда та или иная рота попадала под огонь фланкирующих пулеметов. Тогда командир батареи, сопровождающий ее, докладывал по телефону:

— Участвовать в огневом вале не могу. Перехожу к подавлению мешающих нашему продвижению пулеметов.

Как только он кончал с этим, командир дивизиона опять брал батарею в свои руки и включал ее огонь в огневой вал, движущийся впереди наступающей пехоты.

Таким образом, быстро перестраиваясь, мы добивались окончательного очищения всего района от отдельных оставшихся огневых точек противника. Одновременно этим же была достигнута значительная экономия снарядов.

Прорвав передний край обороны белофиннов, пехота стала со всех сторон обтекать рощу «Дыня». Минут через сорок роща полностью была в наших руках. Тотчас же сюда были переброшены все основные наблюдательные пункты командиров батарей. Сюда же выдвинулся командир 3-го дивизиона старший лейтенант Черкинский.

Наступление на рощу «Петух» происходило значительно быстрее. Этому особенно содействовала темнота. В темноте противнику труднее вести огонь по наступающему. Вражеская артиллерия, боясь себя обнаружить, умолкла, и наша пехота подверглась только незначительному воздействию минометов, стрелявших невпопад.

К этому же времени дивизионы полка были переподчинены командирам батальонов и действовали по их заявкам. Пехота залегла перед рощей «Петух», заняв траншеи отступившего противника. Для того чтобы отбить возможные контратаки врага, я организовал заградительный огонь по опушке рощи. Одновременно группа разведчиков с пулеметами под командой старшего лейтенанта тов. Черкинского также изготовилась против контратак противника.

К 21 часу боевой порядок гаубичного артполка был уже на подступах к роще «Петух».

Так был прорван передний край обороны белофиннов в районе Пуннус-ярви.

Рукопашная схватка

Молодецкий русский штык с давних времен зарекомендовал себя как грозное оружие ближнего боя. Во время боев с финской белогвардейщиной мне пришлось на практике убедиться, какую неоценимую услугу оказывает штык каждому бойцу в рукопашной схватке.

Впервые моему отделению пришлось участвовать в рукопашном бою перед высотой Н., где особенно сильно укрепились белофинны. Наш взвод получил задачу: наступать в направлении этой высоты и атаковать огневую точку невдалеке за проволочным заграждением.

К действиям подготовились хорошо. В назначенное время выступили с исходного положения. Вначале продвигались беспрепятственно. Но как только вышли на открытую местность, белофинны начали обстреливать нас из автоматов и винтовок.

Поползли. Маскировка была исключительно хорошей, некоторые бойцы чуть ли не зарывались в снег и ползли почти под ним. Все же огонь не прекращался.

Когда до проволочного заграждения оставалось не больше ста пятидесяти метров, огонь еще более усилился. Особенно нас беспокоил огонь пулемета, стрелявшего откуда-то справа.

Командир взвода приказал действующему со взводом противотанковому орудию уничтожить пулемет противника. Надо сказать, что артиллеристы действовали образцово: после третьего выстрела белофинский пулемет замолк навсегда.

Мы снова поползли. Белофинские стрелки продолжали стрелять. По звукам выстрелов мы определяли, что стрельба ведется с близкого расстояния. И, действительно, бойцы стали докладывать мне, что они видят белофиннов, залегших перед проволокой.

Приказал: ручному пулемету находиться на правом фланге отделения, а ружейному гранатомету — на левом.

Ручной пулеметчик тов. Зиборов, как и всегда, действовал замечательно. Он умело выбирал место для стрельбы, во-время

открывал огонь в нужных направлениях. В большинстве случаев даже не приходилось подавать ему команды, куда надо вести огонь, он сам решал эти вопросы. Не хуже его действовал и ружейный гранатометчик красноармеец Кибальцов. Видя, куда ведут огонь ручной пулемет и стрелки, он находил для себя цели, укрывшиеся за какими-нибудь местными предметами, и вел по ним огонь.

Взаимодействие огневых средств в отделении получалось замечательным, оно обеспечивало стрелкам почти беспрепятственное продвижение вперед.

Наше отделение подползало к белофиннам все ближе и ближе.

— В атаку, за мной! — скомандовал я своему отделению.

Бойцы, как один, поднялись и бросились вперед. Находясь впереди своего отделения, я не забывал о том, чтобы видеть его и управлять им. Пулеметчик Зиборов шел вместе с отделением и на ходу вел огонь. Стрелки во время атаки в наиболее удобных местах на ходу производили один-два прицельных выстрела по противнику, потом снова шли вперед. Все это обеспечивало нам беспрерывное движение вперед, а главное — непрерывный огонь.

Мы пошли в штыки.

Белофинны вылезли из своих снежных нор и тоже было двинулись в рукопашную схватку, но быстро замялись, оста-

новились, стали озираться по сторонам. Когда мы были уже около них, они, почувствовав свою гибель, начали отчаянно сопротивляться. Началась рукопашная схватка.

Трудно передать, как она происходила. Помню только одно, что в этой схватке я заколол трех врагов, мельком видел, как бойцы моего отделения поднимали на штыки белофиннов. Запомнил и такой момент. На красноармейца Кирпонос бросились три человека, положение его было не из легких. Но вот на выручку к товарищу бежит боец тов. Сибуряк. Они вдвоем уложили трех белофиннов и продолжали прокладывать себе путь вперед штыком и прикладом.

Эта схватка продолжалась не больше четырех-пяти минут. Всех, кто охранял проволочное заграждение, мы уложили.

Расскажу о другой штыковой атаке.

...Мы были перед высотой, на которой противник хорошо укрепился. Там были не только долговременные сооружения, но и окопы, траншеи, ходы сообщения. Нам приходилось наступать по открытой местности, где каждая кочка и камень были пристреляны.

Предстояла очередная атака. Зная особенности рукопашного боя в окопах и ходах сообщения, я предупредил об этом бойцов, напомнил им первую схватку, которая проходила в сравнительно легких условиях.

До окопов противника осталось несколько метров. Началась усиленная огневая подготовка: стреляли бойцы, ручные и станковые пулеметчики. Этот момент мы использовали для того, чтобы как можно ближе подобраться к окопам противника. Применялось не только переползание по-пластунски, некоторые бойцы ползли даже под снегом.

Подан сигнал. Имея уже опыт непосредственной штыковой схватки, бойцы ринулись на врага. Я заметил, что каждый боец идет с винтовкой не так, как нас этому обучали, а выносит ее далеко вперед, приклад не прижимает к правому бедру, а держит его на несколько сантиметров перед собой. Этот прием полностью оправдал себя: чем дальше вперед подана винтовка, тем больше вероятности поражения противника. Такой прием приводит врага в замешательство.

Ворвались в окопы. Противник не выдержал натиска и отошел. В этой схватке нам приходилось применять, как правило, длинный укол. Этот прием, между прочим, очень эффективный, разящий, его надо отработать в совершенстве.

...Подошли к основной линии обороны. Здесь командир приказал организовать наиболее тщательную разведку, чтобы потом действовать наверняка.

Ночью получили приказ — продолжать наступление. Ночная темень помогла нам почти незаметно окружить противника. Когда он это почувствовал, то начал вести по залегшим бой-

цам убийственный огонь и из долговременных сооружений и из пулеметов, находившихся в полевом прикрытии этих сооружений. Наш командир вызвал артиллерийский огонь. Снаряды ложились точно на высоте, окруженной нами, но занимаемой пока еще противником.

Используя огонь нашей артиллерии, мы начали продвигаться вперед. Это делать было нелегко; противник огрызался, ведя огонь из винтовок, автоматов и пулеметов. Но наша артиллерия и пулеметы сделали свое дело, противник вскоре замолчал. Мы бросились в атаку.

Подбежали к окопам. Они были полной профили. Тут я понял, что предстоит наиболее серьезное дело. Предупредил своих бойцов о том, чтобы выручать друг друга. Все это делалось на ходу, раздумывать было некогда.

Ворвались в окопы. Часть бойцов отделения двигалась по брустверу и зорко наблюдала за тем, чтобы откуда-нибудь не выскочила контратакующая группа и не напала на наших бойцов.

В этих окопах пришлось много поработать. Здесь мы применяли не только штык, но и приклад, а нередко и гранату, бросая ее за очередной изгиб окопа.

Исход боя и здесь был в нашу пользу, как и в последующих схватках. Объясняется это высокой подготовкой наших бойцов, их решительными действиями и непреклонной волей к победе.

Во время боев я убедился, что итти в атаку на 100—150 метров, не делая коротких остановок, нецелесообразно, так как бойцы при этом расходуют свои силы, да и потери увеличиваются. Мы действовали по-иному: каждый боец делал короткую перебежку, залегал, через несколько секунд снова перебегал. Это давало ему возможность и отдохнуть и скрыться от выстрелов противника.

Существенным недочетом являлось то, что мы действовали не на лыжах. Нередко получалось, что противник оставлял свои позиции и удирал, а без лыж его не догонишь.

Хитрый метод применяли белофинны при отступлении. Мне не один раз приходилось наблюдать, когда они, убегая на лыжах, брали подмышки автоматы и отстреливались, не приостанавливая своего движения.

Основное, что требуется при рукопашной схватке, это не теряться. Решительное движение вперед производит на противника потрясающее впечатление, а нашим бойцам придает больше решительности и уверенности.

Боевое содружество

Вспоминая о боях на Карельском перешейке, я часто думаю, как велика роль совместных действий танкистов и пехоты. Именно тесный контакт с пехотинцами, дружная, согласованная работа с ними позволили нам успешно решать боевые задачи и при наступлении на Пиенперо и при штурме высоты 10,7.

Болото в районе местечка Пиенперо, не замерзавшее даже в самые суровые морозы, и гранитно-бетонные надолбы, расставленные в четыре ряда, исключали возможность развертывания танков. Между тем как раз здесь белофинны оказывали самое яростное сопротивление. Трижды наши бойцы поднимались в атаку и трижды под ураганным огнем врага вынуждены были залечь.

Приказ говорит коротко и ясно: во что бы то ни стало танки должны очистить путь пехоте и своим огнем прикрыть ее действия. Продумав обстановку, я приказал лейтенанту Селянкину разбить бетонные надолбы выстрелами из танковых пушек. Тем временем остальные танки должны были с помощью пехоты сковать огневые точки врага, мешавшие выполнению нашей задачи.

Лейтенант Селянкин отлично сделал свое дело. Следуя боевому девизу советских танкистов «Встретил препятствие — сокруши его», он открыл ураганный огонь. Куски бетона и гранита — вот все, что осталось от недавних мощных препятствий. Воспользовавшись проходами, танки рванулись вперед к опушке леса, где засел враг. Пехота пошла за ними, прикрываясь броней машин.

Если стрелки отстанут, то они могут попасть под огонь минометов и пулеметов противника. Поэтому я внимательно следил за действиями стрелков, непрерывно поддерживал связь с командирами стрелковых батальонов. Едва пехота залегала, я возвращал танки обратно и подавлял огневые точки белофиннов, мешавшие ее продвижению. Такие возвращения назад,

конечно, снижают темпы наступления, зато практический результат их очень значителен.

Непосредственно под Пиенперо мы встретили в лесу сильно укрепленный участок. Шесть раз танки врывались на опушку леса и лишь на седьмой им удалось смять огневые точки белофиннов, разрушить вражеские укрепления. И опять успех

Герой Советского Союза
старший лейтенант С. Говоров

решило взаимодействие с пехотой. Следовавшие за нами стрелки завершили бой танков штыковым ударом, наголову разбив противника.

Спустя несколько дней после взятия Пиенперо, я со своей танковой ротой перешел в распоряжение командира стрелкового полка. Вместе с этим полком мы повели наступление на высоту 10,7.

Как сейчас помню, в районе высоты стоял густой туман. Лес был непроходимый, и единственная узкая дорога оказалась, по обыкновению, минированной.

Посоветовавшись со мной, командир полка принял решение, которое впоследствии целиком себя оправдало. Танковые взводы получили приказ двигаться в лоб противнику по дороге, вслед за дозорными танками, которые очищали путь от мин. Одновременно стрелковый полк двумя колоннами

углубился на 150 метров в лес, по обе стороны дороги. Таким образом, противник, оборонявшийся на высоте 10,7, был зажат в клещи с фронта и флангов.

Прикрывая действия пехоты и имея довольно обстоятельные данные о расположении огневых точек белофиннов, танкисты вели меткий, сокрушительный огонь. Они буквально срезали верхушки деревьев, откуда стреляли белофинские автоматчики. Кучность попаданий наших снарядов была хорошей, и немало вражеских огневых точек вскоре замолкло навсегда.

Во время боя мой танк подбили. Механик-водитель Аверин свернул в лес. Мы осмотрели машину и с грустью установили, что ходовая часть ее повреждена. Я приказал экипажу оставаться на месте и побежал к разведывательному взводу лейтенанта Маковского. Но, пройдя несколько шагов, услышал характерный шум снаряда и тут же укрылся за большим камнем.

Очнулся я лишь минут через сорок. Возле меня сидели боевые друзья — Аверин и Коршунов — они растирали мне грудь снегом. Снаряд попал в камень, за которым я укрылся, и контузил меня. Самочувствие было неважное, но я вновь принял на себя руководство боем и позабыл о контузии.

Зажатый в клещи противник, неся большие потери, оставил высоту 10,7 и отступил. По пятам врага мы подошли к деревне. После артиллерийской подготовки пехота под прикрытием танкового огня двинулась вперед. Есть поговорка: «Услуга за услугу». Нечто похожее было и у нас. Пехотинцы перекинули через противотанковый ров бревна. Танкисты перебрались по ним на другую сторону рва и, уничтожая гусеницами проволочные заграждения, сметая огнем вражеских пулеметчиков и стрелков, помогли пехоте достойно закончить наступление.

Не выдержав нашего натиска, белофинны бежали, оставив много пленных, а также две противотанковые пушки, пулеметы, автоматы и массу другого оружия.

Для наших танкистов и пехотинцев, если они действуют в содружестве, нет никаких преград.

Лейтенант
Г. РЕШЕТНИКОВ

Танковый десант

К нам подошли двенадцать танков и остановились. Танкисты высовывались из башен, смотрели на сбор пехоты. На утоптанном снегу площадки строились бойцы.

Наша стрелковая рота получила боевое задание: совместно с танками ворваться в тыл противника и занять станцию Кямяря. Быстро, без единого лишнего движения, пулеметчики поместились на танках, стрелки — на прицепах. Взревели моторы, и стальные сухопутные броненосцы двинулись вперед. Молодые деревья с треском валились наземь, осыпая пехотинцев снегом. Противник встретил танки огнем, но они шли вперед, отстреливаясь на ходу.

Танк — вообще грозное оружие. А танк с пехотой и пулеметчиками — это сила, способная вконец деморализовать врага. Правда, десант на танках, забравшись в тыл противника, рискует попасть в затруднительное положение, особенно если у противника сильная артиллерия. Но белофинны боялись 123-й дивизии, называя ее «дивизией коммунистов», они испытывали панический страх перед нашими гигантами-танками, и поэтому нет ничего удивительного, что мы решили пойти на это рискованное предприятие.

К тому же танковый десант был соответствующим образом подготовлен. Артиллерия хорошо «обработала» местность, а что не успели сделать артиллеристы, доделали летчики. Почти на каждом шагу мы натыкались на глубоко вскопанные окопы, на разбитые надолбы. Вражеские позиции, многочисленные укрепления, которыми хвастались белофинны, оказались разрушенными. Везде валялись ящики со снарядами, пулеметы, минометы, винтовки, каски, обоймы, полевые бинокли. Все свидетельствовало о крайней растерянности противника, о паническом бегстве. И наш танковый десант не замедлил воспользоваться этим. Мы настойчиво продвигались в тыл врага.

У станции Кямяря десантники встретили каменно-земляные огневые точки, надолбы, проволочные заграждения. Три танка прорвали проволоку, саперы занялись уничтожением надолб. На утро мы пересекли железную дорогу. К тому времени подошли передовые подразделения полка. Произошел жаркий бой, окончившийся разгромом белофиннов. Станция Кямяря была занята.

Герой Советского Союза старший лейтенант
А. КОЛОМЕЙЦЕВ

Белые гаубицы

Наш гаубичный артиллерийский полк 11 февраля был придан стрелковой дивизии. Ее задачей было: взять перешеек между озерами Пуннус-ярви и Киркко-ярви. По перешейку протекал ручей, вокруг лежало замерзшее болото.

Полк, одному из батальонов которого была придана моя батарея, своим правым флангом упирался в залив озера Пуннус-ярви. Здесь проходило шоссе. Мост через ручей был взорван, дорога минирована.

Противник укрепился на опушках рощ «Круглая» и «Дыня». Опрокинуть его лобовой атакой не удалось.

Нас разделяло всего 400 метров. Спокойным и мертвым казалось поле, покрытое чистым, нетронутым снегом. Но как только поднималась наша пехота, возникал шквальный огонь пулеметов и автоматов.

Ночью мне приказали выдвинуть одну гаубицу для стрельбы прямой наводкой. Это был единственный способ прочистить путь пехоте. Мы решили, что наша серая гаубица слишком четко будет выделяться на снегу, и выкрасили ее белой эмалевой краской. На опушке леса отрыли окопы, ниши для снарядов и уложили в них полный боевой комплект.

Над полем кружила метель. Пользуясь этим, мы еще ночью вывезли орудие на позицию. Когда рассвело, гаубица на фоне наметенных за ночь сугробов была почти незаметна.

Батальон пошел в наступление. Из рощи, занятой финнами, раздались первые выстрелы, и сейчас же наша гаубица, из которой стреляли прямой наводкой, снесла первую группу деревьев на опушке, откуда велся огонь.

Теперь маска с противника была сорвана. Видно было, как финны отползали в глубь леса, спасаясь от нашего губительного огня. Но я бил по лесу бронебойными снарядами с взрывателем замедленного действия, и они буквально косили деревья, лишая финнов последнего укрытия.

На одной из высот перед рощей мы обнаружили пулеметный окоп финнов. Из глубины леса к нему вел ход сообщения.

Эта цель была передана двум другим гаубицам, и минут через десять холм вспахали снаряды. Рощу «Дыня», в которой пытался укрыться противник, мы «вырубили». Между прочим, нас так и называли потом — лесорубы. Деревья, вырванные с корнем, расколотые в щепки, взлетали вверх вместе с черными фонтанами земли.

Нас обстреливали, но беспорядочно и вслепую. Я боялся за свою гаубицу. Если бы ее обнаружили, нас расстреляли бы в упор. Наша ставка была на быструю и точную стрельбу. Мы не давали опомниться белофиннам, посылая снаряды в каждое подозрительное пятно, появлявшееся на снежной поверхности окрестных холмов.

Пехота шла вперед, прижимаясь вплотную к разрывам наших снарядов. Она находилась на бросок гранаты от рощи, когда мы перенесли огонь на фланги и в глубину. Бойцы укрывались в воронках, в оставленных финнами окопах.

Противник отступил, но недалеко. Следующими опорными пунктами его сопротивления были деревня Мэро и опушка леса в 600—700 метрах от уничтоженной нами рощи. Они были сильно укреплены. За тремя рядами каменных надолб шли 5—7 рядов колючей проволоки. В деревне сосредоточивались пулеметные гнезда.

Белая гаубица и здесь сослужила нам службу. Наблюдательный пункт надо было выбрать где-нибудь совсем близко от деревни. Не было времени рыть специальный окоп. Но фугасный снаряд гаубицы сделал это лучше, чем мы могли предполагать. Мы с телефонистом удобно устроились в воронке.

Один пехотный взвод уже прошел через надолбы. В это время я разрушал фундаменты оставшихся в деревне домов, за которыми укрывались пулеметные расчеты и автоматчики белофиннов. Взвод входил в деревню. Я переносил огонь от дома к дому. Вслед за разрывами перебегала пехота...

14 февраля на наш участок прибыла специальная рота, и наступление возобновилось. Легко одетые, вооруженные автоматами, бойцы пошли с правого фланга батальона по берегу Пуннус-ярви.

Рота быстро миновала надолбы и без потерь подошла к проволоке. За проволокой простиралось открытое снежное поле. Как только бойцы начали резать проволоку, огонь противника заставил их залечь. Где-то на соседних высотах скрывались пулеметные гнезда. Но где?

Два дня назад я не оставил камня на камне от крупной постройки на возвышенности, что за рощей. Но сегодня там, среди развалин, осыпался снег, на солнце сверкали белые каски. Присмотрелись внимательнее и обнаружили, что укрепление находится метров на двадцать ниже фундамента здания, на склоне высоты, обращенном к нам.

Наша рота лежала на снегу, в каких-нибудь ста метрах от этого укрепления, очевидно, представлявшего собой пулеметный блиндаж. Его надо было уничтожить во что бы то ни стало, иначе финны перестреляют всю роту.

Я приказал самому слаженному расчету батареи одним орудием, стараясь действовать как можно точнее, открыть стрельбу. Осторожно, убавляя по одному делению прицела и потом по делению уровня, мы подводили снаряды к цели.

Вот блиндаж нащупан. Рвущиеся снаряды, вздымая облака пыли, груды кирпича и земли, ложатся вплотную друг к другу. Можно разглядеть, как в промежутках между разрывами из-за обломков поднимаются финские снайперы и стреляют по залегшей роте.

Когда мы выпустили несколько десятков снарядов, из блиндажа выскочили двенадцать финнов и пустились бежать, пытаясь скрыться за высотой. Бугор был окутан дымом разрывов. Но командир роты заметил, что противник оставил блиндаж. По его команде рота встала. Наши автоматчики, перепрыгивая через проволоку, неслись к высоте с криками «ура»...

Я передал на батарею приказ перенести огонь на три деления вперед, чтобы отрезать противнику пути отхода. Рота уже прошла высоту, обходя ее справа, над берегом озера. Через пять минут наш наблюдательный пункт расположился в разрушенном блиндаже.

Мы с любопытством осматривали укрепление, еще недавно служившее целью для наших гаубиц. Это были два подземных убежища, перекрытые шестью накатами бревен и соединенные глубоким ходом с развалинами здания. Пятиметровые козырьки из бревен прикрывали амбразуры, и поэтому было так трудно различить издали огонь и дым разрывов. Я насчитал пять пробоин от своих снарядов. Финны оставили в блиндаже два крупнокалиберных пулемета и два 75-зарядных автомата. В развалинах здания мы обнаружили разбитый станковый пулемет, трупы одиннадцати солдат и двух офицеров...

Следующей ночью противник от нас оторвался. В равных условиях финны всячески старались уклониться от боя. Весь день мы без единого выстрела шли по сосновому лесу. Финны отступали к укрепленному району, который находился на противоположном берегу реки Салмен-кайта. Все деревья и кустарники на подходах к переправам были срублены.

Оборудовать здесь наблюдательный пункт мне невольно помогла наша авиация — мы снова устроились в глубокой воронке — на этот раз от авиабомбы.

Наступление батальона было затруднено условиями местности. Ширина реки — метров тридцать, но подступы к ней открыты, и проволочные заграждения шли даже по льду. На опушке леса виднелись каменные надолбы.

Выкатить тяжелую артиллерию на открытые позиции — это было единственным выходом. Мои гаубицы обладали недостаточной пробивной силой, чтобы разрушить два дота, стоявших в лесу. Но когда подошли 152-миллиметровые пушки, мы стали вести комбинированный огонь по наблюдательным колпакам дотов. Вскоре стальные башенки были расколоты и снесены.

Наши снаряды изменили лицо местности: опушка занятого финнами леса отошла на 200 метров вглубь — все деревья на переднем крае были сбиты нашим огнем. Тогда командир группы Герой Советского Союза полковник Турбин перешел на стрельбу залпами. Два артиллерийских полка, в которых каждая батарея точно пристрелялась по переднему краю противника, открывали огонь одновременно. Снаряды ложились все дальше и дальше. Короткие интервалы между разрывами умело использовала пехота, делая 30-метровые перебежки.

К утру 23 февраля была форсирована река Салмен-кайта. Наша пехота засела сперва в воронках, а затем, пробираясь между каменными надолбами, между рядами проволоки, между дотами, бойцы поползли в глубь леса.

Начинался обход участка укрепленной линии.

Противник отходил в глубину, но пытался зацепиться за рубеж реки Вуокси.

Утром 5 марта пехотный батальон под прикрытием моей батареи занял важные высоты на подступах к опорной линии сопротивления. На одной из самых важных высот расположились наблюдательные пункты артиллерии.

Днем на эту высоту была произведена контратака белофиннов.

На высоте в момент контратаки были: начальник штаба дивизиона Боков, командир 8-й батареи Швецов, я, связисты и разведчики двух наших батарей.

Левый фланг наступавшего батальона, который мы прикрывали огнем, попал под сильный перекрестный огонь белофиннов и начал отход. Несколько бойцов подошло к нам.

Отход нашего левого фланга мы обнаружили только по приближающимся крикам и близким разрывам ручных гранат. Надо было уходить, но за эту высоту мы дрались двое суток и отдавать этот решающий в наступлении пункт, с которого просматривалась вся оборона белофиннов, было бы преступлением.

Мы решили принять бой. В сплошном лесу мы расположились так: Боков со станковым пулеметом устроился наверху, на обрыве, ниже, в воронках от своих же снарядов, сели мы со Швецовым. Два дня назад здесь были финны. Теперь сидели мы.

Лес вокруг был искалечен нашими снарядами. Мы стояли в сплошном буреломе, где и на 10 шагов трудно было раз-

Бронекупол дота, отброшенный взрывом на 70 метров

личить человека. Первого финна, поднявшегося за сваленной сосной с гранатой в руках, я заметил в 20 шагах и в этот же момент у меня над головой пронеслись пули пулеметной очереди Бокова. Финн рухнул в снег, граната разорвалась у него в руке. Через мгновение на высоте закипел бой. Мы стреляли в упор и в нас стреляли так же. Гранаты рвались совсем рядом. Упал раненный осколком Швецов. Вся задача в этом лесном бою заключалась в том, чтобы увидеть друг друга. Это было не так легко.

Бой продолжался в течение часа. Едва лишь стала ослабевать первая атака, как мы подняли бойцов. Нельзя было дать противнику опомниться. С криками «ура» мы бросились вперед. Очевидно думая, что высота охраняется крупным подразделением, финны начали отходить. Контратака была отбита, ночью высоту занял специальный лыжный батальон.

В этот же день командир группы приказал мне поставить две гаубицы на открытой позиции для прикрытия левого фланга. Ночью батальон переправился через реку и ночью же около двух своих белых гаубиц я был ранен.

Полковник
И. ПОДФИЛЛИНСКИЙ

Боевой опыт артиллеристов

Сто пять дней борьбы с белофиннами многому научили артиллеристов Красной Армии. Накоплен огромный боевой опыт, к которому мы должны отнестись с большим вниманием. Особенно широкой разработки и изучения требует опыт взаимодействия артиллерии с пехотой.

Приведу несколько примеров, которые показывают, как артиллеристы, стремясь оказать наибольшую помощь пехоте, вырабатывали новые методы применения своего оружия и выжимали из артиллерийской техники все, что она могла дать в бою.

В бою под Реполой мы провели длительную артиллерийскую подготовку к наступлению. Под прикрытием артиллерийского огня пехота подползала все ближе к траншеям белофиннов. Снаряды рвались уже в двухстах метрах от пехотных подразделений. Но когда наши стрелки поднялись для броска в атаку, их встретил сосредоточенный ружейный и пулеметный огонь белофиннов с тех же самых позиций, откуда мы только-что перенесли огонь в глубину.

Пехота залегла. Артиллеристы чувствовали себя неважно. В чем было дело? Ведь живая сила в траншеях противника была подавлена — иначе быть не могло! Откуда же взялся такой огонь? Мы снова перенесли огонь на передний край, пошли в разведку вместе с пехотинцами, и наблюдатели стали внимательно следить за противником. Оказалось, что финны поняли нашу тактику и отползали от артиллерийского огня, пользуясь скалами, надолбами и рвами, не назад, а вперед. Они подползали на 50—70 метров к нашей залегшей пехотной цепи. Снаряды рвались позади белофиннов, и хотя те оставались в опасной зоне, но все же были вне пределов массированного огня.

Белофинны учли, что пехота не поднимется для броска, пока огонь не будет перенесен в глубину, а во время переноса они успевали вернуться назад, в первую линию своих траншей. В надолбах оставались лишь автоматчики и снайперы, которые прикрывали короткий отход подразделений.

Если бы артиллерийские начальники не имели тесной связи с пехотными командирами, следующий бросок мог стоить больших потерь нашей пехоте. Стало ясно, что шаблон в организации огневого сопровождения не годится.

Где же был выход?

Приблизить огонь артиллерии к пехоте для ее броска в атаку? Этого сделать нельзя. Но ведь можно приблизить не весь огонь? И почти в одно и то же время на фронте и в штабах, на позициях тяжелой артиллерии, и у полковых артиллеристов, и минометчиков возникла гениальная по простоте мысль, пригодная не только для парирования этого частного тактического приема белофиннов, но и при многих иных положениях.

Это была идея организации огневого налета сообразно системам орудий. В то время когда тяжелые 203-миллиметровые гаубицы били по траншеям белофиннов, минометы, полковые и противотанковые пушки вели огонь по надолбам и противотанковым рвам впереди траншей. Податься вперед белофиннам было нельзя, но наша пехота могла продвигаться, так как эллипс рассеивания различен для снарядов 203-миллиметровых орудий и, например, 45-миллиметровой пушки.

Таким образом, тактический прием финнов был обезврежен.

В этом же бою под Реполой, когда противотанковым пушкам в числе других легких систем пришлось вести огонь по полосе надолб, мы обнаружили новое замечательное качество этого орудия-лилипута.

Проделывать проходы в надолбах для наших танков было сложным делом. Тяжелые гаубицы, разрушая надолбы, вместе с тем вырывали на месте прохода глубокие воронки, мешавшие движению танков. Орудия меньшего калибра выворачивали надолбы, разбрасывали их, но не разбивали камня. А стрельба 45-миллиметровых пушек по надолбам дала неожиданный результат. На дистанции от 300 до 600 метров при прямом попадании снаряда 45-миллиметровой пушки надолбы, даже очень крупные, раскалывались на части. По таким камням танки уже могли идти.

В оперативной зоне заграждений, где основной работой тяжелой артиллерии было разрушение дерево-земляных сооружений и подавление артиллерии противника, у нас даже не возникла мысль о том, что тяжелые орудия могут быть использованы для стрельбы прямой наводкой по укреплениям врага с дистанции 300—400 метров. Мы, конечно, допускали возможность такого частного случая. Но о массовом применении этого метода не думали.

В правой группе войск на Карельском перешейке были впервые применены для стрельбы прямой наводкой тяжелые орудия, и это дало прекрасные результаты. Опыт показал, что для

разрушения бетонного дота средней мощности прн стрельбе одннм тяжелым орудием с закрытых позиций требуется ие менее 80—100 снарядов, а главное, много времени. Стрельба же прямой иаводкой нз 152-миллиметрового орудия н в особенности комбинированный огонь 203- н 152-миллиметровых орудий разрушали дот 20—25 снарядами (четыре-пять прямых попаданий), причем времени на это требовалось во много раз меньше.

Бывали случаи, когда третий или четвертый снаряд уже сносил броневой купол дота. Все больше и больше становилось батарей, разрушавших доты именно при помощи такого метода, целиком оправдавшего себя.

Даже эти немногие примеры показывают, как внимательно должны мы изучать опыт боевых действий на Карельском перешейке, чтобы использовать его и в учебе и в будущих боях.

На лыжах по пятам врага

Командир полка тов. Младенцев (ныне Герой Советского Союза) поставил нашему батальону боевую задачу преследовать противника, отходящего к местечку Кангаспелта.

Батальону выделили 14 танков, на которые мы и рассадили бойцов. На танки мы поставили также все станковые и ручные пулеметы роты.

Вечером 16 февраля боевые машины вместе с пехотинцами двинулись по дороге вслед за отступавшими белофиннами.

4-я лыжная рота тов. Голубева получила приказ: прочесать лес в 500 метрах правее дороги, откуда противник вел огонь, и после этого следовать лесом параллельно дороге к местечку Кангаспелта.

Лес был частый. Мороз — 49 градусов. Снег глубокий и рыхлый, на лыжах идти нелегко. То и дело на снегу попадались лыжни, проложенные противником. Иногда сквозь тишину прорывался треск автомата — это белофинны, засевшие на деревьях, пытались остановить роту. Бойцы 1-го взвода сняли четырех «кукушек». А бойцам 2-го взвода, идущим левее 1-го, на перекрестке дорог попался финский дозорный. Он пытался уйти на лыжах по проторенной лыжной тропе, но его окружили, и он был вынужден сдаться. Пленный оказался младшим сержантом. При допросе он подробно рассказал о дотах, которые находились сразу за Кангаспелтой.

Недалеко от местечка Кангаспелта белофинны устроили засаду. Свыше 100 лыжников-белофиннов залегли в лесу рядом с дорогой, по которой должны ехать наши танки с пехотой.

Как только показались танки, раздались выстрелы. С треском и шипеньем разрывались мины. Танкам развернуться на дороге было невозможно. Бойцы-пехотинцы залегли и из-за танков начали вести огонь по противнику. Все были удивлены, когда увидели, что белофинны вдруг стали беспорядочно убегать. Вскоре мы услышали выстрелы в глубине леса. Оказалось, наша 4-я рота с другой стороны наткнулась на эту же засаду белофиннов.

Бойцы с трудом верили, что по глубокому снегу так быстро, почти не отставая от танков, прошли лыжники 4-й роты.

Таким образом, с помощью лыжников засада была снята. Более десяти белофиннов осталось на снегу.

4-я рота получает приказ обойти отходящего противника и ударить во фланг белофиннам, находящимся в Каигаспелте. 5-я рота наступает в лоб, а 6-я идет во втором эшелоне.

Герой Советского Союза
майор С. Младенцев

Снова впереди рота тов. Голубева. Бойцы на лыжах достигают линий надолб и проволочного заграждения, расположенных перед Каигаспелтой.

Политрук 4-й роты тов. Кулалаев обнаруживает у крайнего дома огневую точку противника. Он берет с собой отделение и, под прикрытием кустарника, на лыжах продвигается вперед. На пути встретился финский часовой. Он охранял дорогу, поперек которой было поставлено проволочное заграждение. Кулалаев из пистолета расстреливает часового в упор. Проволочное заграждение распутано, и рогатки отнесены в стороны. Приказ: одному отделению продвинуться вперед и достичь дома, а другому — поддерживать движение огнем.

Через несколько минут дом занят. Находившиеся в нем четыре финна убиты. Бойцы захватили станковый пулемет.

Под прикрытием двух отделений к дому подошла и вся рота. Здесь бойцы, по приказанию тов. Голубева, вырыли окопы и поставили дозоры. Командир принимает решение — оставить по два пулеметчика у станковых и ручных пулеметов и одного стрелка от каждого отделения, остальных бойцов послать греться в дом.

Противник заметил, что в доме появились люди, и открыл огонь. Тов. Голубев пытался установить связь с батальоном и сообщить о создавшемся положении. Было известно, что боевое охранение батальона находилось за километр от Кангаспелты. Четыре раза прокладывали связисты линию и безрезультатно. Мины рвали кабель. Противник усилил обстрел дома. Некоторые бойцы были ранены. Командир роты приказал бойцам выползти из дома и занять места в вырытых окопах.

Наконец, на рассвете, пришли и танки, но они действовать не могли, так как всюду были заложены мины. Кроме того, у финнов было не менее четырех противотанковых орудий, которые немедленно открыли огонь по нашим танкам. Но рота продолжала удерживать занятый рубеж. Политрук тов. Кулалаев залег между двумя коровами, убитыми белофиннами, и через оптику снайперской винтовки наблюдал за полем боя. Он заметил, что не менее десяти белофиннов вытягивают на гору противотанковую пушку. Политрук подал команду: «Пулеметы, прямо дом, левее 0-30, по группе противника огонь!» Два станковых пулемета открыли огонь. Пять белофиннов, срезанных пулями, упали в снег.

Один из белофиннов подкрался к берегу, залег и стал смотреть в нашу сторону. Но Кулалаев с одного выстрела уложил финского наблюдателя.

Три белофинна заползли в дом, достали веревку и пытались накинуть петлю на орудие, чтобы притянуть его к себе, но политрук Кулалаев зорко за ними следил. Вот он вывел из строя одного белофинна, другого, третьего.

Вскоре пришли 5-я и 6-я роты. Кангаспелта была полностью очищена от белофиннов.

На следующий день 4-я рота на лыжах выбивала белофиннов из хуторов близ Кангаспелты.

Младший лейтенант
БУРМИСТРОВ

Саперы подрывают надолбы

Утром 18 февраля мой взвод получил приказание сделать проходы в линии надолб за станцией Кямяря, занятой еще накануне нашими частями. Этот участок имел большое значение. Тут скрещивались три дороги — пути отступления противника.

В 11 часов мы подошли к нашей основной позиции. Под прикрытием огня стрелковых подразделений и взвода танков двинулись дальше. Выйдя из леса, мы сразу же попали на открытую местность; слева от нас — незамерзающее болото, справа — две высоты. Двигаться дальше можно было только по дороге.

Разумеется, дорога, так же как и обе высоты, была минирована противником.

Посылаю красноармейцев Олейника и Голомыза расчистить дорогу для танков, сам остаюсь со взводом. Тем временем наша пехота вышла на второй рубеж, и сразу же противник открыл по ней бешеный огонь. Начали отвечать наши танки. Стрелки сначала залегли, но вскоре поднялись, и пехота вышла к третьему, последнему рубежу. Теперь наступила наша очередь действовать — рвать надолбы.

До надолб было метров семьдесят пять, а в тридцати метрах за ними находились белофинны. Мы были впереди пехоты. Главное, как доставить тол к надолбам? Долго раздумывать не пришлось. Заместитель политрука Шаранда взвалил на плечи ящик с 50 килограммами тола и во весь рост опрометью бросился к надолбам. За ним, тоже с ящиками тола на плечах, кинулись бойцы Олейник, Мирко, Грачев, командир отделения Рудько. Вся пятерка уже у надолб, все целы и невредимы. Наблюдаю за ними, вижу — показывают мне толовую шашку. Значит, не могут решить, где делать проход. Тогда я оставляю своего помощника со взводом, а сам перебегаю к надолбам. Там стоял наш танк, севший «гитарой» на камень. Саперы помогли ему слезть с гребня, а танкист, видя, что нас обстреливают фланкирующим пулеметным огнем,

подошел и прикрыл нас корпусом танка. Сразу начали вязать заряды, но работать приходилось лежа. Огонь такой, что головы нельзя поднять. Все-таки заложили заряды, пора подрывать. Но куда тут отбежишь? Обстрел не стихает. Решили: всем оставаться рядом с местом взрыва под защитой соседнего камня.

Рвали первую 50-килограммовую группу зарядов. Бойцы уткнулись головами под камень. Мирко поджигает. Взрыв. Осколки разбитого камня бьют по ногам, по каске, по туловищу.

Спрашиваю, все ли живы. Отвечают, что все. Второй заряд зажигаю сам,— опять взрыв и опять все целы. Вижу улыбающиеся лица своей боевой пятерки — проход для танков готов.

Лежим у развороченных надолб. Ждем, когда пройдут танки. Пехота еще не двигается. Вдруг Мирко запел украинскую песню. Мы дружно ее подхватили. Песня стала громче, и стрелки слышат ее. Раз мы здесь поем, позади люди тоже веселеют. Один за другим бойцы стали перебегать к надолбам, накапливаться для броска в атаку. Мимо прошли танки. Вот они уже по ту сторону надолб. Начался разгром врага.

Как дела? — Нормально!

Это уже стало простой и веселой традицией в истребительном полку. Вы спрашиваете у любого летчика:

— Как дела?

В ответ задорно блеснут молодые глаза, лицо, потемневшее от зимних ветров и стужи, озарится победной улыбкой, и летчик коротко скажет:

— Нормально!

Лейтенант Виктор Григорьевич Масич произносит это слово удивительно спокойно и в то же время с какой-то лукавой многозначительной усмешкой.

Лейтенант Масич на земле может показаться малоподвижным и даже неловким. Отец его работает грузчиком в Хабаровском порту. Виктору Масичу всего 23 года, а он уже три года служит в авиации: в летчики он пошел в 1936 году вместе со своими сверстниками-комсомольцами.

В первый же день войны против белофиннов Масич сказал на митинге летчиков:

— Я хочу итти в бой коммунистом.

Он был принят в партию, и 1 декабря в звене с Сергеевым и Петровым уже штурмовал в Выборге белофинский воинский поезд...

...Вот он ходит вразвалку около своего самолета, заставленного молодыми елками.

Синий снег скрипит под его тяжелым шагом. Он поглядывает на небо, на линию горизонта небольшими карими глазами. Изредка поджимает обветреные толстые губы. И весь он — в своем меховом комбинезоне и лохматых унтах, высокий и широкоплечий — похож на молодого добродушного медведя.

Над озером сияет голубое утро. На лапах могучих елей, обступивших невысокий обрыв берега, сверкают ледяные сосульки. Дышится радостно и легко. Скоро — весна, 1 марта. Неужели весна? Да, завтра начнется весна, 1 марта. Масич улыбается.

От командного пункта — в деревьях на берегу — бежит командир. Звучит команда:

— По самолетам!

Над аэродромом дымной дугой взлетает сигнальная ракета. И, словно ракета — влетает в кабину самолета лейтенант Масич.

Механики и мотористы растаскивают маскировочные елочки. Подъезжает, круто тормозит стартер. Мгновенно взревывает мотор. От винта в глубь леса стремится вихрь, неистово мотая ветви сосен и елок.

Командир дает старт. Масич ответно поднимает руку в огромной, с раструбами, перчатке. Его самолет трогается, и вот уже мчится по льду с нарастающим звенящим гулом. Позади вздымается серебряная снежная вьюга. Самолет взмывает в кованo-звонкую синеву неба. И это уже не машина: живую и страстную волю свою вдохнул в металл летчик-истребитель Масич!

Вслед за Масичем так же стремительно поднялись и пристроились к нему летчики Блинихин и Кульман.

* * *

Командир истребительного полка майор Зеленцов проводил взглядом звено Масича, посланное в разведку.

— Чем-то еще порадует нас мой тезка! — певучим задушевным тенором говорит Виктор Владимирович Зеленцов. Масич — лучший разведчик во всем полку. Позавчера в звене с летчиками Сахаровым и Девяткой Масич снова разведал белофинский аэродром около Иматры. Майор Зеленцов выслал туда пятерку с Масичем же во главе. И летчики расстреляли на взлете с аэродрома четыре вражеских самолета, зажгли ангары и навесы и ушли назад — патронов было уже мало.

Над озером — просторном и идеально ровном аэродроме — в звоне моторов, в треске опробываемых пулеметов шествует солнечный ликующий день. Из-за леса появляются серебряные силуэты наших бомбардировщиков. Они делают круг над озером. Вон — ведущий метнул ракету. И над аэродромом взлетает ракета.

Майор Зеленцов приветно машет рукой выруливающему на старт комиссару полка, неустрашимому истребителю и сердечному товарищу батальонному комиссару Леонтию Игнатьевичу Яковенко.

Бомбардировщики замкнули круг над озером, легли на курс и исчезли в голубом океане. Комиссар Яковенко собрал свою эскадрилью и бросился вдогонку — прикрывать бомбардировщиков. Ну, у Яковенко все будет в порядке. Это уже вторая война у него, пять крупных воздушных боев, три вражеских самолета, сбитых коллективно, вместе с товарищами. И здесь комиссар уже успел в первой же воздушной атаке под Вы-

боргом сразу зажечь белофинского истребителя. А на земле Леонтий Игнатьевич — сухой и крепкий, как железо. Он напористый физкультурник,— неутомимый и деятельнейший комиссар. Он знает всех летчиков и инженерно-технический персонал отлично. Он всегда с людьми. Узкое лицо с глубоко запавшими глазами сурово, но это — до первого разговора. Рабочий из Донбасса, Леонтий Яковенко — человек большого ума и горячего сердца. С ним легко и спокойно и на земле и в воздухе.

Это он предложил не предавать суду военного трибунала летчика Романова, когда тот однажды заблудился, а в другой раз сел вне аэродрома и разбил самолет.

— Сломать человека всегда сломаем, сил достаточно. А давай-ка еще поддержим и проверим.

Но самому Романову Яковенко без пощады высказал все.

— Разбил машину, стало быть, не хочешь летать, драться с врагами Родины — так оно и получается! Ты это пойми!

Романов понял: теперь у него уже шестьдесят боевых вылетов, бой, — и товарищи молчаливо договорились: забыть о тех его проступках — выправился человек.

Майор Зеленцов — круглолицый, румяный, коренастый — бежит меж сосен в землянку — на командный пункт. От железной печки пышет жаром. Дежурный командир докладывает:

— Скоро подойдут еще бомбардировщики. Итти в прикрытие эскадрилье Гонтаренко.

Майор Зеленцов снимает шлем, кивком головы отбрасывает густые темнорусые волосы, неспешно и веско отдает приказания.

Снаружи доносится хлопок сигнального выстрела, потом звенящий рев мотора. Земля содрогается. И из глубины неба неумолчно гремят моторы.

С фронта каждый день приходят хорошие вести. На фронте победа! Надо доводить дело до конца. И погода — чудесная погода! Вон как ярко блестит хвоя сосен и елей, какие резкие тени на сверкающем снегу. Летчики уже устали — вылетать приходится по четыре раза, по пять раз за день.

На лице майора Зеленцова вспыхивает усмешка. Когда лейтенанту Светлову было приказано не лететь и дать свой самолет, чтобы на нем слетал другой летчик, тот прямо отрубил:

— Лучше я погибну в бою, чем буду прозябать на земле!

Последнее время и больных совсем не стало,— врачи удивляются, разводят руками. Майор вспоминает про письмо шофера Афанасьева из госпиталя: «Возьмите меня, я в полку скорее поправлюсь»,— и отдает приказание выслать за ним «эмочку».

Майора вызывает к телефону командующий военно-воздушных сил армии. Лицо майора застывает, словно литое из металла.

В это мгновение он жалеет, что нет комиссара Яковенко,— тогда тот остался бы, а он сам вылетел бы. А сейчас — нельзя.

Через две минуты Зеленцов ставит задачу капитану Петрову, командиру эскадрильи:

— Пойдете в разведку. Вот здесь, по данным армии, садились самолеты врага. А на всей Вуоксе тщательно наблюдайте за водой. Финны хотят взорвать шлюзы. Уже третий раз спрашивает о воде комбриг. Ниже 2 тысяч метров не спускайтесь! Самолетов не увидите — полосы на озере увидите и разглядывайте по ним, где самолеты.

Ушла в воздух и эта эскадрилья. Где же Масич? — думает Зеленцов.

* * *

Лейтенант Масич ведет звено истребителей в тыл белофиннов. На земле, внизу чернеют огромные лесные массивы. Изредка под солнцем зеленеет сосновая грива на высоком бугре. На озерах кое-где безжизненно, мертво вспыхивают, сняют льды.

Уже позади линия фронта, обозначенная гигантской цепью озер, бело-розовыми облачками снарядных разрывов. Над финской стороной стелются зловещие черные космы пожарищ: отходя, враг сжигает за собой все.

В лесу, по накатанной дороге движутся от фронта легковые автомобили.

— Начальство белофинское! — злорадно думает Масич и, качнув самолет с крыла на крыло, переводит его в пике. Хорошо видно, как из автомобилей выпрыгивают фигурки, разбегаются. Масич нажимает гашетки своих пулеметов. Боевые друзья его — Блинихин и Кульман — тоже штурмуют врага. Фигурки падают, чернеют на снегу, над автомобилями — огонь и дым.

Звено истребителей продолжает грозный полет. Здесь уже глубокий тыл врага. На линии железной дороги летчики замечают воинский эшелон. Они опять пикируют, делают круг, другой, третий, пока расстрелянный паровоз не окутывается облаком пара, а над вагонами не взметнулось пламя.

Масич улыбается под шелковой маской и вновь поджимает толстые губы. Все это хорошо, но не главное. Надо найти и уничтожить самолеты врага. И Масич с жарким нетерпением ведет свою машину глубже, дальше в тыл врага, зорко разглядывая опушки рощ и перелесков, — особенно на берегах озер. Вот и район Имола.

— Неужели перебазировались отсюда? — негодует Масич. И вдруг в сердце его стукнуло: у кромки леса над озером впереди выруливают два коротких, тупорылых «Бульдога».

Масич опять качнул самолет, глянув на друзей. Блинихин вслед за ним на полном газу ринулся на врага. Лейтенант Кульман летит выше, охраняя товарищей от неожиданностей.

Масичу отчетливо видно, как Блинихин подходит с хвоста к «Бульдогу»; вот вспыхнули голубые трассы пуль, и пламя охватило врага.

Масич нажимает гашетки. Впереди, совсем близко, переворачивается вражеский самолет, рушится вниз. Масич, проносясь вперед, смотрит, как яркое пламя вспыхивает над центропланом.

— Нормально! — радостно про себя говорит Масич. И, глянув вокруг и вверх, невольно пригибается над ручкой управления: над ним спереди — всюду самолеты врага, и небо словно муравейник.

Навстречу мчится яростный «Бульдог».

— Врешь! Свернешь! — Масич бесстрашно идет в лобовую атаку.

— Только бы с хвоста не подобрались! — мелькает у него мысль. И голова его сейчас — словно на шарнире: надо видеть все вокруг. «Бульдог» издали открывает огонь. Красные трассы его пуль легли прямо к мотору Масича. И он с захолодевшим сердцем чувствует, как ударились пули. И сам бьет по врагу. Но тот отваливается в сторону. А мотор сильно дымит. Два цилиндра разбиты. Где же боевые друзья? Масич оглядывает небо. И видит: к хвосту его самолета уже вяжется «Фоккер», справа под углом 90 градусов пристроился «Бульдог» и бьет прямо в кабину. Стучат пули, в лицо Масича бьют осколки стекла, щепки.

Масич выводит свою машину из-под удара сзади и тут же, схватив в прицел «Бульдога», кладет в него меткую очередь. И этот враг — сбитый — рухнул вниз.

Но тут — с обеих сторон его атакуют враги. И к хвосту снова вяжется «Фоккер».

А мотор дымит все сильнее.

— Неравный бой! Товарищей нет — им самим, видно, трудно сейчас. Враг считает, что это уже верная добыча...

Масич видит, как слева возникает красная трасса пуль и движется к нему. Вот она уже идет по крылу, прямо к центру. Враг бьет в упор с хвоста. Еще мгновенье... Масич срывает самолет вправо, в пике. Трасса финских пуль где-то там. Как ослепительно сияет все вокруг. Еще повоюем.

Масич выхватывает самолет из пике у самых верхушек елей и ведет его к линии фронта, в нашу сторону. Он делает резкую змейку. Летит, едва не цепляясь за иззубренные вершины леса.

Старательно избегает пролетать над снежными полянами, над открытыми местами — лес все же маскирует его от врага сверху.

Враги снова гонятся над ним. Заходят с хвоста. Набирают высоту и бросаются на него. Вокруг прямо снуют вражеские пули.

У Масича кончились патроны. Совсем вплотную добираются обнаглевшие белофинны. Вдруг подумалось, что если б так

близко летели свои, он смог бы рассмотреть черты лица. Тотчас в лицо брызнули осколки, щепки. Масич — безоружный и яростный — кидает свой самолет боевым разворотом на врага, и тот трусливо отваливается в сторону.

— Боитесь? — Учтем!

Ни на секунду не теряясь, Масич маневрирует: то мечется в сторону змейкой, то кидается в ложные атаки.

Впереди уже видна линия фронта с ее дымками разрывов, но как далеко до нее! А мотор обрезает. Обернувшись, Масич видит в хвосте «Фоккера». Пули вспарывают фюзеляж.

На мгновенье Масичу кажется, что все уже кончено. Но — он уже вывел самолет из-под прицельного огня. Гордый, смелый дух его пламенно протестует:

— Поддаться врагу? — Никогда!

Снова — змейка. Из патрубков хлещут длинные языки пламени. Сзади — густая дымная полоса. Вдруг исчезают вражеские самолеты. Внизу — знакомые места, линия фронта, и там — свои.

Блинихин и Кульман вернулись с десятками пробоин. Майор Зеленцов и комиссар Яковенко, возвратившийся с боевой работы, выслушивали их донесения около самолетов. Тут же собираются свободные летчики. Они расспрашивают, а в глазах бушует гневная отвага и ненависть к врагу. И все тяжело переживают:

— Масича нет! Неужели погиб?

По синему холодному небу проходят легкие белые облака. Очень ярко зеленеет хвоя. На снегу лежат короткие плотные тени — солнце в зените. И никто не отрывает глаз от горизонта — там, за берегом озера — за рощицами и буграми.

Майор Зеленцов совещается с комиссаром Яковенко. У обоих суровы лица: неужели Масич погиб? — Масич — добродушный и грозный, застенчивый и неустрашимый, с первого часа войны ни на один день не выбывавший из полка, вдохновенный участник всей боевой работы полка!

Полк разведывал глубокие тылы врага, прикрывал корректировщиков, разведчиков, бомбардировщиков, расстреливал обозы и эшелоны, бросался на батареи и разгонял артиллерийскую прислугу, штурмовал пехоту.

За озером Суванто-ярви батальон Героя Советского Союза старшего лейтенанта Куксова попал в трагически тяжелое положение. Ночью он прошел по льду и ворвался в расположение финнов. Те перешли в контрнаступление. Одну за другой отбивали наши герои злобные атаки врага. Патроны были на исходе. Тогда майор Зеленцов позвал на помощь своих истребителей. И Яковенко, и Масич, и Блинихин и многие другие полетели на подмогу друзьям-пехотинцам. Истребители подоспели во-время: белофинны прижали батальон Куксова к самому обрыву, к озеру Суванто-ярви.

Лейтенант Сергеев ясно увидел, как один красноармеец отползал, спасая раненого товарища. Сердце его остро резанула тревога за тех, на снегу.

— Друзья мои, сейчас мы поможем!

Комиссар Яковенко спикировал прямо на группу белофиннов, затаившихся в траншее, и выжег ее каленым огнем своих пулеметов.

Истребители рьяно гонялись на бреющем полете за разбегавшимися финскими солдатами. Они пикировали на белофиннов и после того, как вышли патроны,— ревом моторов леденя подлые души врагов.

Батальон вышел из окружения. Полку была объявлена благодарность.

Через несколько дней звено лейтенанта Маева сбило над озером Муола-ярви четыре вражеских самолета. Летчик Эмиров был тяжело ранен в руку, в машине было перебито управление руля поворота, в плоскостях и фюзеляже — до сотни пробоин. Но Эмиров вернулся, лечится здесь, в полку, каждый день бывает на аэродроме.

— А Масич? Что с Масичем?

* * *

Зеленцов и Яковенко вызывают майора Якова Гиль и старшего лейтенанта Ефимова.

Майору Гиль, помощнику командира полка, ставится задача: с группой в двадцать три истребителя вылететь в район Имола, найти и уничтожить врага. Огромный широкоплечий майор Гиль нетерпеливо переминается. На круглом лице его — смуглый густой румянец. Светлые прозрачные глаза горят. Богатырь — ему ничего не стоит сделать за день шесть-семь вылетов.

— Вы возьмете двенадцать самолетов, а старший лейтенант Ефимов с одиннадцатью машинами будет прикрывать вас сверху! — говорит Зеленцов.

— Держите своих в кулаке, без горячки!

Командиры коротко и вдумчиво советуются, предугадывая все возможности и случайности.

Здесь же, на снегу, возле самолетов они собирают истребителей. Командир ставит боевую задачу.

Майор Гиль делает шаг вперед. Он говорит о Родине, о Сталине, о высоком счастье быть сталинским соколом. Он говорит:

— Если будем настойчиво жать — врагу некуда уходить. Тут их только и бить. Мы пойдем двумя группами. Из боя никто не уходит. Биться — до конца!

Летчики грозным хором отзываются:

— Мы не уйдем! Будем бить до конца!

Вновь взлетает ракета. Ревут моторы. Снежный ураган бушует над озером, заламывает ветви деревьев на берегу.

Истребители пристраиваются на кругу, ложатся на курс и тают вдали.

— Жизнь — большая река! — неожиданно говорит Зеленцов, обращаясь к Яковенко.— А Гиль — герой!

— Ладно, ладно! — Яковенко дружески хлопает по плечу Зеленцова.

Слева, над перелеском, появляется, растет точка. Зеленцов и Яковенко и все оставшиеся не спускают с нее глаз.

Самолет с ходу идет на посадку, он уже бежит по льду. Навстречу с восторженными криками бегут товарищи.

И вот Масич грузно переваливается через борт кабины. Зеленцов с тревогой спрашивает:

— Ну, как дела?

Он уже успел рассмотреть десятки пробоин: когда их сосчитали — их оказалось 80!.. Виктор Масич добродушно улыбается:

— Получилось нормально!

Майор Яков Гиль ведет свою группу прямо к району недавнего боя. Старший лейтенант Ефимов со своей группой летит выше метров на шестьсот.

Майор Гиль, оглядываясь, видит стремительную и стройную стаю своих истребителей. С ними, с боевыми друзьями, не раз уже был он в бою. Три дня тому назад с Плотниковым и Гонтаренко, не дожидаясь подхода своих, Гиль атаковал в воздухе восемнадцать самолетов противника. С первой же атаки зажгли три «Бульдога». А воздушный бой над Выборгом — это еще в декабре, тогда Гиль тоже запалил ведущего у белофиннов, подобрался с хвоста на 100 метров и ударил!

Внизу — леса, озера.— «Поохотиться бы в этих краях!» — вдруг думает Гиль, страстный охотник.

Сияет лучезарный день. Самолеты уже в глубоком тылу врага. В стороне Выборг — сплошная зловещая завеса дыма,— горит Выборг, горит! Летят самолеты, летят мгновенья. Бензина в баках остается лишь на короткий бой и на обратный путь.

Майор Гиль уже с досадой осматривает лесистый материк, воздушный океан. Где же враг? Внизу, впереди, из-за леса на озеро движутся пять точек. И еще показались пять самолетов врага на льду.

— Ну, получите — за Родину, за Масича, за всех!

Майор качнул самолет и ринулся в пике. В одно время с ним заметили врага и старший лейтенант Плотников и другие. Следом за майором и они пикируют, и по вражеским самолетам уже хлещет ливень огня.

Все это занимает неуловимые мгновенья. Но и в них, в эти мгновенья, с восторгом расстреливая врага,— словно ливень пуль мчался из глубины его пламенного сердца,— майор Яков Гиль холодным и сильным разумом своим охватывал и контролировал все, что происходило вокруг.

Еще не отняв пальцы с гашетки пулеметов, он оглядел и землю и небо. И он увидел со стороны запада на высоте 2 500 метров десятка два самолетов противника.

В то же мгновенье, резко качнув самолет, майор Гиль вырывает его из пике и делает горку — навстречу врагу.

Летчики повторяют маневр командира. Майор Гиль видит справа и слева Охотникова и Гонтаренко,— свое звено.

Самолеты противника мчатся прямо на звено Гиля. Это почти лобовая атака, но у врага неизмеримое преимущество: высота.

Майор Гиль, выбрав себе «Бульдога», видит, как тот стреляет, и трассы вражеских пуль, вздрагивая, бьют прямо по мотору Гиля.

Майор взвешивает молниеносно: стрелять по мотору, но летчик закрыт им, и он стреляет чуть ниже. И в этот же миг вырывает свой самолет вверх. Вражеская машина проносится под самолетом Гиля.

Крутнув головой, майор очень хорошо видит, как враг перешел в отвесное пике, и огромное пламя сразу обняло его.

Но в это же мгновенье в хвост самолета майора заходит другой «Бульдог». Он совсем близко. Сейчас по нему хлестнет вражеская очередь... «Бульдог» вдруг сваливается вправо, вслед за ним пикирует, гонится старший лейтенант Плотников. Он уже успел зажечь «Фоккера», направив в того под прямым углом горячую струю пуль, и с усмешкой подумал, что уж очень быстро воспламеняются эти «Фоккеры».

Тут он видит, что командиру грозит гибель, бросается на выручку, отбивает врага и строчит по нему из своих пулеметов, пока не видит охватившие его языки огня.

Выйдя из пике и набирая боевым разворотом высоту, Плотников видит у себя в хвосте «Бульдога», а в хвосте у того — наш самолет. И как Плотников спас майора Гиля, так и его спасает старший лейтенант Иванов.

— Друг! До самого гроба — брат и друг! — думает Плотников.— Вот она, наша сила — дружба в бою!..

Сделав вираж, Плотников видит: один наш истребитель идет в лобовую атаку, а в хвост к нему уже подбираются два «Фоккера».

Плотников бросается и отбивает их. Майор Гиль, после того как товарищ спас его от гибели, набирает высоту. От самой земли и до высоты в 4 тысячи метров — пронзительный рев моторов. Огненные мечи трасс и сухой треск пулеметов — молниеносная карусель воздушного боя — незаметно для летчиков переместились от озера на десяток километров.

Падают вниз, пачкая зловещим черным дымом лазурь неба, объятые пламенем «Фоккеры» и «Бульдоги».

Победа! Буйная радость охватывает майора. Он ищет добычу и находит ее. Внизу лейтенант Полухин гонится за врагом, а к нему уже подходит «Бульдог». Майор бросает боевую машину туда, на врага, дает очередь, другую. От «Бульдога»— черный дым, и он исчезает.

В небе только наши! Майор Гиль настойчиво качает самолет с крыла на крыло.

Наконец, собрались, построились и, как хозяева, уходят истребители из глубокого вражеского тыла. Нехватает старшего лейтенанта Ефимова. Он никогда больше не вернется на родной аэродром. Там, над озером, когда группа майора Гиля завязала бой, Ефимов со своими летчиками атаковал нижние самолеты врага. Он сбил одного. Погнался за другим. Тот в пике, и Ефимов следом, пока не вогнал врага в лес, но и сам не успел выхватить самолет из пике. Лейтенант Терпугов видел, как погиб командир: самолет его срезал вершины елей, отскочили плоскости, потом в куски разлетелся фюзеляж.

* * *

Победно ревут в небе моторы. Майор Зеленцов и комиссар Яковенко выбегают из землянки встречать группу майора Гиля. И Масич — с ними. Над самолетами его звена уже работают инженеры и техники.

Один за другим садятся летчики, вздымая серебряные бураны, и выруливают самолеты на места.

Зеленцов и Яковенко подходят к машине Якова Гиля.

— Ну, как дела?

Тот кладет на борт кабины могучую руку и, перегнувшись, кричит весело и лукаво:

— Нормально!

А сбито и уничтожено было в этом воздушном бою 20 самолетов врага.

Весь бой длился 8 минут.

Капитан
В. САВАШКЕВИЧ

Случай на станции снабжения

Работа станции снабжения Лейпясуо не прекращалась ни на минуту. Ночью 26 февраля работники станции, нагрузив большую колонну автомашин снарядами, продовольствием и горючим, приготовились к приему нового поезда с боеприпасами. В 2 часа ночи дежурный по станции красноармеец Ларченко сообщил мне как коменданту о прибытии поезда № 541. Был отдан приказ подать поезд на артиллерийский склад и приступить к разгрузке. Вокруг бушевала канонада. Значительное число наших батарей, расположенных рядом со станцией, вело огонь по финским укреплениям, находившимся на расстоянии каких-нибудь 2½—3 километров.

Прошло несколько минут, как вдруг сквозь грохот орудий послышались резкие взрывы рядом со станционным зданием. На путях вспыхнуло зарево.

Пожар! Тревога! Оказалось, что снаряд противника разбил крышу одного из вагонов прибывшего поезда и своим взрывом подорвал несколько находившихся там снарядов. Загорелись стенки вагона, ящики, укупорка. Постепенно накаляясь, взрывались все новые и новые снаряды. Дело принимало очень серьезный оборот, так как возникла непосредственная опасность взрыва всего состава, а значит и находящегося рядом склада. Это грозило значительной катастрофой. Отвратить ее можно было единственным способом: вывести поезд из-под обстрела противника.

Тов. Ларченко, не боясь взрывов, произвел отцепку горящего с одной стороны вагона. Два паровоза подошли с разных сторон, чтобы прицепиться и увести поезд. Но кочегар одного из паровозов не решился близко подойти к горящему вагону и произвел новую отцепку, оставив рядом с горящим еще четыре вагона. Паровозы ушли, уводя голову и хвост поезда. А огонь уже успел переброситься на соседний вагон. Тогда начальник станции тов. Ходоскин, командиры и бойцы железнодорожной части вручную выкатили три уцелевших вагона

за пределы склада. Во что бы то ни стало нужно было спасти четвертый, уже загоревшийся вагон. Лейтенант Вятских, младший командир Федотов и я отвели этот вагон. Вместе с подбежавшими бойцами мы начали засыпать его снегом и ломать стенки, чтобы предупредить взрыв от перегревания снарядов. Внутрь вагона сначала прыгнул тов. Федотов, но, отравленный дымом, вынужден был выскочить обратно. На его место вскочили помкомвзвода Малашенко и красноармеец Серов. Они быстро начали выкидывать снаряды на руки подбегавшим бойцам. Вагон был разгружен с непостижимой быстротой, хотя снаряды и были горячими.

Несмотря на то, что часть путей была разрушена, к вагону с рвущимися снарядами подошел бронепаровоз и быстро сбил огонь водой из пожарного рукава. Взрывы прекратились. От начала до конца пожара прошло всего 40 минут. В следующие полчаса станционные пути были восстановлены благодаря исключительной энергии железнодорожной части и ее командира майора Маришева.

Через 1 час 10 минут после первого взрыва станция уже продолжала нормальную работу по снабжению войск.

Хладнокровие и быстрота действий предотвратили большую опасность.

Капитан

А. ТУЗОВ

Звери!

Наши бойцы, ворвавшиеся с боем иа станцию Лейпясуо, обратили вннмание иа отсутствие раиеиых и убитых финских солдат. А у отступавших в беспорядке белофиннов потерн должиы были быть особенио велики. Загадка скоро разъяснилась. Вдоль дороги стояли большие сараи. Стали осматривать их. Оказалось, что два сарая набиты тяжело раиеиыми и убитымн белофинскими солдатами. Раиеиые, поверх которых были иакиданы трупы, стоиали. Вся эта груда тел была густо обложена соломой. Отступавшие белофиины готовились, видимо, сжечь своих раиеиых н убитых вместе с сараем. Они не успели этого сделать потому, что иаша атака была стремительной.

А иекоторое время спустя, при прорыве укрепленной линии под стаицией Кямяря, мы иашли страшиое подтверждеине нашнм догадкам. Подойдя к иескольким горящнм дзотам, иаши бойцы распахиули дверь одного нз них. Прямо иа иас выставились иоги горящих трупов. Полыхающая пламенем землянка была доверху набита трупамн. Былн здесь н еще живые солдаты. Из огня доиосились стоиы.

Пять другнх горевшнх дзотов также были иаполнеиы убнтымн н раиеиыми солдатами...

— Если своих раиеных жгут, то что же делают с нашими? — возмущенно говорнлн бойцы.— Это ие люди, а сущие звери!

☆

Капитан
ЧУДЕСЕНКО

Дорога к победе

Роща «Узкая» была исходным рубежом нашего наступления. Впереди рощи на 350—400 метров раскинулось болото Суурсуо. С обеих сторон болото примыкало к озерам. По самой середине его тянулась линия проволочных заграждений. Перед проволокой и за нею враг поставил фугасы, а сам засел за болотом в дотах и дзотах.

Каждый метр «болотной площади» просматривался финскими наблюдателями, простреливался из нескольких огневых точек во всех направлениях.

На нашей стороне, в роще, шла подготовка к прорыву вражеских укреплений.

Днем на северной опушке рощи десятки бойцов, напрягая зрение, следили за снежной гладью болота. Ночью разведчики уточняли дневные наблюдения и боем определяли расположение противника.

Саперы работали по ночам. Из глубины леса носили они бревна на опушку рощи. По ночам морозы настолько усиливались, что даже жаркая работа не согревала бойцов. Они часто останавливались, клали бревна наземь, снимали с рук теплые перчатки и с ожесточением терли щеки и нос. Затем снова брались за дело.

В тылу, метров за восемьсот от нашей передовой линии, другая группа сапер рубила срубы из бревен. Сделав ночью такой сруб и поставив на полозья, выдвигали его на опушку, на исходную линию, облепляли снегом. Получалась передвижная огневая точка для пулемета.

Еще глубже в тылу саперы соорудили макет белофинского дота в натуральную величину. У макета происходили тактические учения всех родов войск. Бойцы и командиры репетировали предстоящее наступление. Артиллеристы выталкивали из-за укрытий пушки, поставленные на гигантские лыжи; пулеметчики тренировались в скоростном окапывании, практиковались в быстрой изготовке к ведению огня; стрелки вели наблюдение, отыскивали так называемые мертвые секторы,

а затем короткими перебежками и ползком подбирались к макету дота; танкисты, преодолевая препятствия, быстро подходили к доту и корпусом машины заслоняли амбразуру.

Среди бойцов, отрабатывающих взаимодействие, много сапер. Одни из них двигались на танке со взрывчаткой, другие ползли в цепи стрелков, волоча за собой санки, нагруженные толом. Сапер легко было отличить по зажигательной трубке, которая, словно черная змея, обвивалась у них вокруг шеи. Неподалеку работала группа сапер-разградителей. Они учились расчищать лесной завал. В руках у них были железные тросы, канаты, стальные «кошки», приспособления, похожие на гарпуны китобоев, миноулавливатели и щупы для отыскивания мин.

Лучшие саперы, прозванные в батальоне «истребителями мин»,— младший лейтенант Середа и помощник командира взвода Наймибудко — учили красноармейцев, только что прибывших на фронт, как обезвреживать мины. Разложив перед слушателями до полутора десятков белофинских мин и фугасов различного образца и действия — зеленые тарелки, корявые ящики и т. д.,— «истребители» показывали молодым саперам, как надо действовать. Они вынимали капсюли и требовали от каждого новичка, чтобы тот установил, а затем извлек мину. Если при извлечении мины слышался щелчок взрывателя, неопытный красноармеец выслушивал строгое назидание.

— Если так будете извлекать мину, сами взорветесь...

Только что сапер Виноградов успешно проделал проход в проволочном заграждении в шесть рядов кольев: взрыв образовал проход шириной в 10 метров.

Указывая на работу Виноградова, командир отделения Даушев сказал своим бойцам:

— Всегда так делать проходы.

По соседству с отделением Даушева работали саперы «второго сорта». Так у нас в шутку называли себя писаря, ездовые. Они готовились стать нашим резервом: учились отыскивать и обезвреживать мины, заготовляли щиты для щитовой дороги и т. д.

Команды, отряды, подразделения, отдельные бойцы и командиры всех родов оружия добились слаженности действий. Боевая задача была доведена до каждого красноармейца.

Приближался час наступления. Очередная сводка инженерной разведки гласила:

— «Мороз 38 градусов. Слой снега на болоте — 47 сантиметров. Слой промерзания под снегом — 3—4 сантиметра. Болото для танков непроходимо».

Вслед за этой сводкой наш батальон получил приказ из восьми слов:

«Ночью построить дорогу через болото Суурсуо, пропустить танки».

Честь строить дорогу в эту ночь выпала на долю сапер «второго сорта» — писарей, ездовых, шоферов. Основные саперные подразделения в строгом порядке, как вчера во время учений, двинулись на исходные рубежи со своими боевыми средствами. Только по взглядам бойцов и командиров, по выражению их лиц можно было догадаться, что предстоит не учение, а более серьезное испытание мужества и волевых способностей каждого.

При заготовке бревен саперы допустили неосторожность — не замаскировали штабели, и вот сейчас на бревна каждые 3—5 минут прилетают мины. Прижавшись к земле и переждав разрывы мин, саперы вскакивают, поспешно подхватывают бревна и относят их на строящуюся дорогу.

...Наступление началось.

Вот, миновав рощу «Узкая», на болото вышла наша пехота. Бойцы прикрываются стальными щитами, установленными на лыжах. Двигая щиты перед собою, пехотинцы ползут вперед, часто проваливаясь в снег и в незамерзшие полыньи болотной грязи. Вот уже они преодолевают проволочные заграждения.

В ночь вспыхивают ракеты. Огненные нити трассирующих пуль беспрерывно прорезают тьму. Герои-саперы продолжают работу, — дорога через Суурсуо растет, она подходит уже к середине болота.

Все чаще вспыхивают вражеские ракеты, и за каждой вспышкой следуют пулеметные очереди. Летят сотни светящихся пуль. Они вырывают из строя отдельных бойцов.

Пулеметный огонь белофиннов еще больше усиливается. Остается один способ подноски бревен — ползком. Двое бойцов ложатся ничком наземь. Каждый взваливает на шею конец бревна и, плотно прижимаясь к снегу, перемешанному с болотной грязью, ползком двигается к месту, где наращивается дорога. Тяжелые бревна грязной и мокрой корой больно давят шею, струйки тающего снега протекают за воротник. Но стремление выполнить боевой приказ заставляет забывать о тяжести труда и смертельной опасности. Саперы знали, что строили дорогу к победе!

Наша пехота перешла болото и уже ворвалась в рощу «Редкая», занятую белофиннами.

Между тем дорога готова!

Один за другим танки пересекают болото и по дороге победы мчатся к роще «Редкая». Они помогают пехоте громить врага.

Из блокнота помощника начальника штаба полка

На снегу заячий след. Кругом огромные сосны. На хвое снег, отягощающий ветви. Тишина. Здесь война прошла стороной, напоминаем о ней только мы сами.

Глубоко проваливаясь в снег, мы идем на поиск стрельбища. Полк давно уже отдыхает после боев у Хотинена.

Мы нашли не одно подходящее место, но ни мне, ни моему спутнику не хочется покинуть этот прекрасный уголок. Однако пора итти в штаб.

Майор Роднов, рассеянно выслушав мой доклад, молча кивает головой. Он чем-то занят. Я отхожу. Меня ждет почта — письмо от жены. Быстро пробегаю его с начала до конца, затем долго читаю. Учится жена, растет сын. Как всегда, после прочтения письма на душе становится радостно.

Начальник штаба, подозвав, говорит шопотом:

— Стрельбы завтра не будет, мы выходим на фронт. Я сейчас выезжаю ознакомиться с участком, вы остаетесь за меня.

Конец выжиданию. В бой. Это хорошо. Значит, подготовка завершена, скоро решающий удар, победа.

* * *

Я еду верхом вдоль двигающейся колонны.

Проверяю меры противовоздушной обороны. Все наготове, хотя никто не верит в возможность нападения финских самолетов. Мы знаем силу нашей авиации, мы спокойны за воздух. Он надежен, как надежна наша земля, что под нами и позади нас.

Колонна идет по озеру. На берегу знакомые места. Здесь мы шли по пути к Хотинену. Теперь тут хорошие дороги. Только ряды надолб, проволока да взорванный мост рядом с новым, построенным уже советскими людьми, напоминают о том, что здесь было.

Начинается район огневых позиций тяжелой артиллерии. Мы проходим, а мощные гаубицы методично работают, посылая

врагу снаряд за снарядом. Они стоят у самой дороги, задрав вверх жерла. Уважение к ним особенно возросло, когда сразу заговорили четыре гаубицы.

Лошадь моего ординарца встала на дыбы, меня оглушило. На момент я потерял ориентировку. Мне показалось, что снаряды рвутся вот здесь, где-то рядом, и это не мы стреляем по белофиннам, а наоборот. Такое впечатление от выстрелов, оказывается, не у меня одного. Ординарец торопится проехать «опасное» место. Его лошадь нервно вздрагивает. Мой конь к разговору гаубиц относится стоически.

Батарея, выждав глухой, но достаточно мощный разрыв очереди, послала следующую.

Я быстрее поехал вперед. Начинают попадаться следы боя. То здесь, то там встречаются воронки. Кое-где рядом с красивой сосной торчат безобразные рваные пни. Но это только кое-где, а в целом сосновый лес стоит ровным строем по обе стороны нашего пути.

* * *

Снова поворот направо, и мы прибыли в назначенное место. Походное охранение сменяется сторожевым.

Всю ночь бойцы рубят деревья, роют сопротивляющуюся промерзшую землю. Лопатам помогают кирко-мотыги, и к утру батальон старшего лейтенанта Анискова, рота связи, пешие взводы разведывательной роты уже спят в землянках.

Днем работы продолжаются. Землянка оперативной группы за ночь наполнилась водой. Надо рыть новую. Хорошо, что сообразили сделать помост, а то проснулись бы в воде. Трудно все-таки в лесу городскому человеку. Чувствуешь какую-то беспомощность, на самого себя досадно.

Пришлось выбрать для землянки район повыше, но зато и потруднее. Здесь надо было пробить мерзлый грунт, а потом уже лопата пошла легко. Возились долго, но зато землянка получилась замечательная.

* * *

Батальон тов. Помельникова, преодолевая незначительное сопротивление белофиннов, уверенно овладевает рощей «Язык».

«Язык» — это лесной полуостровок, с трех сторон окаймленный речонкой. От последнего северо-западного его выступа до переднего края укрепленного района врага остается метров восемьсот. Дальше — открытое пространство. Километрах в полутора на северо-восток — знакомые доты Хотинена. Против них, на том самом месте, которое занимали мы, стоит сменившая нас дивизия. Теперь это наш правофланговый сосед. Он

уступает нам часть своего участка, сужая фронт удара. Становится ясно, что главный удар наносится где-то здесь. Весь вопрос — когда.

Итак, «Язык» занят. Вправо к соседней дивизии и влево к мельнице у реки, к соседнему полку, потянулись траншеи. Это — «выдумка» нашего комбрига.

Траншеи эти дают возможность развернуть для броска значительную часть дивизии. Работы идут по ночам. Каждый день траншеи растут, пока, наконец, не вытягиваются по всему фронту. Правее нас, в стык с соседней дивизией входит наш другой полк. Мы теперь находимся в центре. На «Языке» кипит жизнь. Строятся наблюдательные пункты полка, дивизии, артиллеристов. Участки быстро заселяются. Противник методически простреливает рощу. Она день ото дня редеет, но работы не прекращаются.

Комбриг здесь частый гость. Он ходит не в валенках, как большинство, а в сапогах, как бы подчеркивая свое презрение к морозу, хотя минус 40—45 — это, по правде говоря, довольно забористая температура. Его мужественная фигура часто появляется и на наблюдательных пунктах, и в штабах, и у землянок бойцов.

* * *

Батальон Анискова занимается боевой подготовкой. Разведчики готовятся к ночному поиску. Саперы с выделенным на помощь им нарядом делают съезд на новую дорогу. Работа всюду кипит.

Штаб должен думать обо всем. Не выпускаешь из рук блокнота с записями приказаний командира полка, личными заметками. То что-нибудь записываешь, то что-нибудь проверяешь. Непрерывно являются начальники служб — то с докладами, то с заявками.

Вот докладывает о состоянии конского состава начальник ветеринарной службы военврач 3 ранга Мещерский. Деловой, знающий работник.

Лошади в полку всегда в хорошем состоянии, потому что за небрежный уход доктор налетает петухом, не считаясь с рангами.

* * *

До штаба батальона иду без халата. Тут патруль проверяет пропуск и требует маскировки. Дальше — роща «Язык». Дорога здесь просматривается белофиннами, и патруль направляет стороной не в меру храбрых и любопытных гостей, бравирующих бесстрашием и привлекающих огонь на постоянных обитателей «Языка».

В мою задачу сегодня, кроме прочего, входят и контроль над маскировкой всех специалистов, находящихся на передовом участке, и сокращение потока любопытствующих из тылов.

Справа и слева у дороги, по тропам непрерывно движутся бойцы: кто в чистеньких белых, кто уже в грязноватых «земляночного» цвета халатах.

Блокнот, как всегда, в руках. Надо потребовать, чтобы телефонные провода были отнесены в сторону от тропы, надо сделать больше троп, надо замаскировать их со стороны врага.

В конце «Языка» — сожженный домик. В его погребе теперь телефонная станция. То тут, то там ложатся белофинские снаряды. Со свистом над головой непрерывно проносятся наши снаряды. Это действует успокаивающе. Своя артиллерия, ведущая огонь, всегда хорошо действует на психику.

* * *

Дни полегоньку вползли в февраль, дни идут. Пора бы начинать.

Пока удается спать более или менее регулярно.

Роты готовятся к бою. Разведывательные партии полка побывали уже на обоих возможных направлениях нашего движения: на северо-западе — в роще «Угольник», на северо-востоке — в роще «Пистолет».

Последняя — это игра природы. Снимок рощи, сделанный с самолета, не оставил никаких сомнений относительно ее названия. Мы ориентировали артиллерию так: «дульная часть «Пистолета», и нас прекрасно понимали.

Над нами через равные промежутки времени пролетают и возвращаются «девятки». Мы ревниво считаем возвращающиеся самолеты. Только раз их возвращалось восемь. Все наблюдавшие нахмурились.

Ночью летают «контрабандисты». Белофинские самолеты не решаются днем залетать в наше расположение. Ночью они смелее. Их окатывают дождем трассирующих пуль. Впрочем, финские самолеты у нас — редкие гости даже ночью.

Сегодня торжественный день. Вызывают для получения правительственных наград за участие в боях у Хотинена. Я побрился даже с одеколоном. Едем в штаб дивизии, затем в штаб корпуса уже большой группой. В фронтовой обстановке торжественно звучат слова члена Военного Совета:

— Поздравляю вас с высокой наградой.

Каждый из сотни присутствующих внешне спокойно принимает знак высокой оценки своих действий. Но внутреннее волнение чувствуется в напряженной походке, в некотором срыве голоса. Трудно быть совершенно спокойным в ту минуту, когда большое удовлетворение, гордость, огромная благодар-

ность правительству за высокую оценку твоих действий переполняют сердце.

Растаяла на столе горка красных коробочек. Член Военного Совета извинился за скромность обстановки.

— В другой раз это будет иначе.

Автомобили с потушенными фарами развозят нас по боевым постам.

Под утро я крепко сплю на своем куске помоста, в землянке. Сплю недолго, продолжая во сне думать и о прошлом и о будущем. Но даже и во сне мне не думалось, что решающий момент так близко. Не снилось мне также, что сплю я авансом за всю наступающую неделю.

* * *

На правом фланге видно в бинокль, что к безобидным по виду бугоркам движутся танки и вокруг них — черные и белые точки.

По мере приближения точек бугорки окутываются дымом. Артиллерия щедро «поливает» бугорки, расположенные глубже, правее и левее штурмуемых. Вокруг них все бушует и ревет. Видно, как разбитые в щепки деревья высоко взлетают в воздух вместе со снегом и землей.

То исчезая, то вновь появляясь, маленькие точки достигают бугорков и, немного покружившись возле них, отлетают в стороны.

Начались бои мелких подразделений. Там было тяжело и не так картинно, как это казалось нам сквозь призмы стекол, но там были герои, и мы восхищались ими.

Ночью, когда полк организовал на своем направлении поиск одним подразделением, страшный взрыв раздался перед фронтом соседа. Один из хотиненских дотов взлетел на воздух.

Мы ждали приказа.

* * *

Вечером получили приказ о переходе 11 февраля в генеральное наступление по всему фронту. Полк занялся подготовкой. Проверялись люди, проверялось и подгонялось снаряжение, подвозились патроны. В оперативной части — все новые лица. Прибыли поддерживающие танкисты. Дала о себе знать поддерживающая артиллерия. Доложил о входе в подчинение командир минометной батареи.

Командиры батальонов, получив на местности задачу, ставили задачи младшим начальникам.

Из второго эшелона выдвигался вперед батальон капитана Петраковского. Мы не спали уже двое суток. Подразделения получали новые районы. Штабные командиры разводили их, показывали, объясняли, проверяли.

Полковая артиллерия встала на указанные позиции. Налево налажена связь с братским полком. Вправо с этой целью послан командир-связист. Заместитель начальника штаба по тылу доложил о боевом питании, о продовольствии, о санитарном обеспечении.

Герой Советского Союза
А. И. Петраковский

Командир 6-й роты лейтенант Аверкин пришел просить поставить роту на самый ответственный участок. Рота клянется первой ворваться в расположение врага.

Спать не хочется, да уж и некогда. К утру штаб передвинулся на километр вперед, чтобы лучше управлять боем.

Точно по плану заработали пушки. Снаряды свистели над головой все чаще. Захлопали трехдюймовки, мягко заухали гаубицы. Посвистывание снарядов уже сливалось в непрерывный свист, отдельные выстрелы — в сплошной гул. Противник, изредка отвечавший на наш огонь, сейчас окончательно умолк.

Война шла теперь только там, на их стороне. У нас стало спокойно: ни мины, ни пули. Все живое, что было против нас, вжалось, втиснулось в землю.

Несколько раз артиллерия переносила огонь в глубину и несколько раз возвращала его вновь, дезориентируя врага.

Батальон Петраковского занимал исходные позиции.

Наконец, по заготовленному ночью мосту через речонку двинулись вперед танки. Пехота, не дождавшись их, пошла в наступление раньше. Танкам пришлось догонять пехоту...

В итоге дня передовые огневые точки, фланкировавшие огонь перед «Пистолетом», два ряда проволочных заграждений, траншеи и соединительные ходы противника были в наших руках.

Танкисты восторгались действиями батальона Петраковского.

— Таких нам, знаете, еще не приходилось видеть... Ну, если бы не снег...

Снег сильно связывал. Ночью саперы расчищали дорогу к роще «Угольник». Белофинская артиллерия всю ночь сходила с ума. Осветительные ракеты превращали ночь в день.

Батальон Петраковского держался на захваченном участке и не шел вперед.

* * *

Отправляюсь к капитану Петраковскому с приказом командира полка во что бы то ни стало захватить высоту Безымянная.

Уже светало. Первую половину пути удалось совершить длинными, но неутомительными перебежками. Когда вышел на бугорок, огонь усилился. Мои очки, видно, привлекали внимание белофиннов. Пришлось начать переползание.

Маскировочный халат стеснял движения. Подтягиваешь вперед колено, но не всегда продвинешь вперед корпус, скорчишься при этом, а выпрямиться трудно. Попробовал перебегать — еще хуже.

Пули все чаще врезались в снег возле меня. Очки покрылись корочкой льда. Огонь усилился, а я, протирая стекла, усердно и зло ругал свою близорукость.

Без очков я совсем не мог ориентироваться. Провожатый показал направление, и я вновь пополз. Посвистывания участились. Мы были на самом бугре. Переползать стало опасно, я решил двигаться дальше перебежками.

Быстро поднявшись, — халат меня уже не вполне маскировал, но зато и не мешал, — я пробежал десяток метров и свалился в снег. По месту падения посыпало «горохом», я откатился метров на пять левее, защищая руками очки. Оглянувшись назад, я увидел, что один из провожатых лежал ничком.

Возле него на снегу было красное пятно. Второй полз за мной. Повторив перебежку, я откатился вправо. У проволочного заграждения свалился в огромную воронку, где уже было около двадцати человек.

Находившийся в воронке старший лейтенант Николаев ввел меня в курс обстановки и сказал, где найти Петраковского.

Отдохнув, выползаю на край воронки и быстрым броском пробегаю несколько шагов. Тут неподалеку траншея.

Штаб батальона найден. Сообщаю капитану все, что было приказано командиром полка. Артиллерийская подготовка вот-вот должна начаться, но... по нашему району с Кархульского направления заухала тяжелая артиллерия противника.

Капитан Петраковский решает использовать воронки от снарядов как укрытия. Часть людей постепенно переходит в эти воронки. Наша артиллерия открывает ответный огонь.

Снаряды белофиннов ложатся все ближе. Советуемся и решаем разойтись с капитаном Петраковским в разные места, чтобы в случае гибели одной группы командиров — другая смогла обеспечить руководство.

Вдруг белофинская артиллерия смолкает. Слышен только непрерывный гул наших тяжелых орудий.

Артиллерийская подготовка продолжена, чтобы дать батальону время для перегруппировки.

Перебило часть проводов. Телефонисты под огнем налаживают связь. Развертывается радиостанция. По телефону уточняем время начала атаки. Артиллерия переносит огонь в глубину. Петраковский дает сигнал.

Я беру на себя связь с артиллерией и штабом полка. Во главе передовых подразделений идет в бой комиссар

батальона. Штыками и гранатами бойцы очищают дзот за дзотом, траншею за траншеей. Финны боятся штыка и, отстреливаясь, отходят. Лишь в одном месте, где было шесть бойцов во главе с младшим командиром Шиловым, около пятнадцати финнов попробовало кинуться в контратаку... Только половина из них сумела отойти.

Успех по всему участку, но подходят финские резервы, и нам приходится перейти к обороне. То там, то тут появляются обходящие группы противника. Дивизион тов. Соловьева работает без устали. Он аккуратно выполняет заказы и подчас самостоятельно отражает контратаки.

Под руководством Петраковского отбито уже пять атак противника. Группы белофиннов, удерживающиеся на обоих флангах, лишают нас подвоза боеприпасов. Раненые, собранные у командного пункта, не могут быть отправлены в тыл.

Перебита телефонная связь, и вдруг сразу умолкают радиостанции. Снаряды и мины, взрываясь, создают впечатление снежной бури. Белофинны создали заградительный артиллерийский огонь, чтобы лишить нас подвоза боеприпасов и подхода резервов. С опушки леса сквозь этот ураган, невредимый, с запиской от майора пробирается боец Медведев.

Майор Роднов информирует: «Справа и слева вас обошли группы белофиннов. Усильте охранение штаба».

Коротко, но ясно. Никому не говоря о содержании записки, принимаю возможные меры. Под рукой у меня около восемнадцати бойцов и два станковых пулемета. Надеюсь, что хватит. Усиливаю наблюдение.

Надо вывезти раненых. Пишу в штаб полка, прошу прислать танки с бронесанями. Сюда они доставят пищу и боеприпасы, назад увезут раненых.

С запиской уходит все тот же Медведев. Вместе с ним на ремонт линии идут связисты Ягудин и Баранов.

Я не вижу обходящих групп белофиннов, но чувствую пригибающий к земле свист их пуль. Выход из окопа находится под огнем невидимых автоматчиков. Я устраиваю бруствер и наблюдаю за полем. Двумя станковыми пулеметами прочесываю лес, где должны находиться обходящие группы противника.

Огонь по району нашего штаба стихает. Командир взвода связи младший лейтенант Нечаев докладывает: телефонная линия восстановлена. Медведев, оказывается, уцелел, и по телефону я уже слышу, что танки выйдут немедленно.

Немного спустя, ко всеобщей радости, возвращаются починившие линию Ягудин и Баранов. Баранов ранен в руку, Ягудин имеет пять пробоин в противогазе и развороченный пулей подсумок.

С новой радиостанцией прибывает командир радиовзвода лейтенант Тихонов. Связь заработала, как говорят, «на все сто». Прибыли танки с боеприпасами. Тяжело раненые отправлены в тыл.

С высоты 38,2 пришел капитан Петраковский. Батальон закрепился на высоте, но при попытке выйти на дорогу Кархула — Сумма был отбит подошедшими резервами белофиннов. Люди окопались, идет огневой бой. Финны отчаянно сопротивляются, пытаясь взять нас в мешок.

Подходит второй эшелон дивизии. Теперь связь с тылом обеспечена. По докладам наблюдателей, белофинны, пытавшиеся отрезать штаб группы, откатываются.

Темнеет.

Организую вывод легко раненых. Информирую высший штаб о положении: кое о чем открытым текстом по телефону, кое о чем кодом по радиостанции. Даю заявку артиллерии на обеспечение флангов группы, ворвавшейся в глубину обороны белофиннов. Проверяю правильность кодирования карт у начальника штаба батальона. Получаю от Петраковского данные для составления доклада штабу дивизии и, поддерживая раненого комиссара батальона тов. Молоткова, ухожу в тыл.

Навстречу идут носильщики за тяжело ранеными.

* * *

День уходит на организацию решающего удара. Задача — прорвать всю глубину обороны и выйти в тыл белофиннам. К ночи сводный батальон со старшим лейтенантом Шибаловым и политруком Вакулиным во главе выступает на исходные позиции. Шестая бессонная ночь. Мне итти с батальоном.

По уже проложенной саперами дороге батальон двинулся вперед.

Через полчаса боевое охранение, а вместе с ним и батальон, шедший на сокращенных дистанциях, попал под жесточайший фланговый огонь. Над нашими головами проносилось огромное количество пуль. В морозном воздухе трескотня выстрелов была особенно звучной. Батальон залег.

Было решено выбросить влево взвод стрелков, усиленный пулеметами. Через полчаса слева в треск автоматов влилось татаканье наших пулеметов,— мы уже научились определять систему пулемета по звуку.

Огонь автоматов по нашему расположению затих, а через несколько минут и совсем умолк. Линия огня сильно вытянулась влево. С фронта начался огонь финских станковых пулеметов.

С рассветом загремели орудия нашей артиллерии. Связь в этот день работала прекрасно. Через минуту после каждого разговора с капитаном Соловьевым огонь его дивизиона обрушивался точно на заказанный участок.

Штаб устроился у изгороди. Докопались в снегу до земли, но углубиться не сумели. Поставили два щитка. Это был наш наблюдательный пункт.

В щели щитков я оглядывал район белофиннов. Видно было, как наши роты под прикрытием артиллерийского огня медленно, но верно двигались вперед. Левый фланг дивизии продвигался все ближе к противнику. Центр и правый фланг отставали.

Время артиллерийской подготовки истекало. Наступил срок атаки. Но вдруг ожившие огневые точки противника (некоторые на флангах, некоторые даже, казалось, с тыла), да еще огонь минометных, до тех пор молчавших, батарей и шрапнель заставили роты залечь.

Из подразделений потянулись раненые. Минометный огонь белофиннов был довольно точно направлен. Возле нашего командного пункта трижды разорвалось по четыре мины.

Я уже забыл об опасности и не потому, что привык к ней. К смертельной опасности, по-моему, никто привыкнуть не может, ее все стараются избежать. Но чувство долга, чувство ответственности перед Родиной — это сильнее смерти. Нервы донельзя напряжены.

Наконец, удалось приблизительно выяснить, откуда стреляет противник. Приданная тяжелая артиллерия получила задачу, и в направлении указанных нами районов понеслись сокрушающие советские снаряды. Стрельба оттуда стала заметно ослабевать.

Я, что называется, сидел на телефоне, корректируя огонь, ставя задачи артиллерии. Темп огня наших пушек казался мне замедленным. Соловьев, командир приданного дивизиона, сообщил уже, что загорается краска на орудиях, а я все требовал огня и огня. Докладывали, что «роты ползут» вперед, и сам я видел это. Еще немного. Еще огня.

Но вот роты просят прекратить артогонь... Началась атака.

Прокатилось «ура», и мертвое поле ожило, ощетинилось штыками и... пошло вперед.

Вместе со вторым эшелоном бросился и я.

Справа пошли в атаку соседние полки. Лавина недавно лежавших, а теперь неудержимо несшихся вперед людей ворвалась в рощу и овладела высотой 38,2.

Вскоре мы достигли дороги Кархула — Сумма. Линия Маннергейма была прорвана и на этом участке.

В одном из захваченных дзотов я начал развертывать командный пункт полка. Через полчаса, написав подробное донесение и установив телефонную связь и охранение, вздремнул... и проспал двенадцать часов.

Герой Советского Союза капитан

Д. ШЕВЕНОК

Разрушение дотов

Нет, совсем не такой в Финляндии лес, как на нашей Украине. Высокие сосны, в обхват, стоят на снегу, как нарисованные. Ветви вверху, а книзу голо, словно стоишь не в роще, а в какой-то пещере с колоннами. Звезды мигают, холодные, спокойные. Снег падает тихо, прямо в глаза. Выстрелы орудий звучат издалека протяжно, как трубы.

На огневой позиции ко мне подошел политрук.

— Ну, что? — спросил я его.

— Ничего,— говорит,— товарищ командир. Обстановка подходящая.

Вызов командиров тяжелых батарей последовал в эту же ночь. Приказ есть приказ. Не хотелось уходить от бойцов. Сидели они в только что выкопанной землянке и пели украинские песни. Постоял я у входа, прислушался. В песнях — гай под горой, речка блестит, вишни цветут, месяц плывет над Днепром. Посмотрел вокруг — синие сосны, белый снег. Вошел в землянку.

— Спойте, товарищи, еще одну песню.

— Разрешите спросить, товарищ командир,— говорит радист Гаганенко, — вам какую? Веселую или грустную?

— Давайте,— говорю,— такую, чтоб холодно не было.

Спели они мне про белые гречанки. Вышел я из землянки, прошелся еще раз по батарее, проверил посты, огладел гаубицы, потрогал, как-то будут работать. И ушел с капитаном Реутовым в лес.

Начальника артиллерии дивизии я встретил в овраге, в 300—400 метрах от фронта. Слева, судя по карте, было озеро, в него впадала небольшая речка. По рассказам товарищей я знал уже, что здесь, на линии Муолаа — Ильвес, кончалось белофинское предполье. Пехотные части и танки пробовали ворваться с хода в укрепленный район, но не смогли.

— Вот тут,— сказал начальник артиллерии,— где-то в углу, между озером и речкой, стоит дот. Ну, а где точно — узнайте сами. Попытки пехоты продвинуться по реке и озеру успеха не

имели. Чуть ли не десяток пулеметов на пространстве в 300 на 400 метров. Дот нужно подавить во что бы то ни стало...

Ушел начальник артиллерии. Остались мы одни. Передал приказ — выслать разведчиков и вести телефонную линию. Сел на пень,— было о чем подумать.

Радиостанция, установленная возле, вела себя странно. Радист, чертыхаясь, налаживал связь. В эфире было, как

Герой Советского Союза капитан Д. Шевенок

в сумасшедшем доме. Финны перехватывали позывные наших станций, настраивались на их волну и поднимали такой лай, треск и шум, что работать было почти невозможно.

Потом уже много раз приходилось встречаться с этой брехней в эфире. Работать радистом в боевой обстановке сложно. Необходимо уметь разбираться в любой разноголосице. Тут нужна особо высокая квалификация, нужно успеть поймать каждый, иногда секундный, интервал в работе финских мешающих станций. Таких радистов у нас было только два — Гаганенко и Щиколев.

...Я полагаю, что из тех указаний, которые дал Народный Комиссар Обороны о приближении боевой подготовки к условиям реального боя, надо сделать специальный вывод насчет радистов. Над полем тактических занятий, как и над полем боя, должен быть трудный эфир.

...Ночь близилась к концу. Сыпался с веток снег. Подошло к концу и мое раздумье.

Пока не явились мои бойцы, надо было узнать, где же он, этот проклятый дот, и решить, где быть наблюдательному пункту. Судя по сообщениям начальника артиллерии, амбразуры дота вели огонь во фланги наших наступающих частей и были видны только с фланга. Значит, надо ползти в лес, выйти к доту с направления его обстрела.

Из оврага, в котором я сидел, сначала вправо, а потом влево, шла в сторону дота узкая канавка — не то замерзший заливчик, не то высохшее русло речки. Канава эта, конечно, простреливалась из дота. Не такие уж дураки белофинны, чтобы оставить незащищенным этот подход. Но в то же время канава была единственным местом, по которому можно было пробраться в угол между речкой и озером. Подождать людей? Но к людям у меня было особое отношение. Зачем я их буду таскать с собой по канаве? Заметят белофинны — ни один из этой канавы не вылезет, а не заметят — и один все сумеет разведать.

— Товарищ боец,— сказал я радисту.— Придут остальные, пускай посидят — я вернусь. Ну, а если через два часа не вернусь, — вызовите с батареи политрука Костюка и передайте ему вот это...

На листке блокнота написал я Костюку распоряжение начальника артиллерии, нарисовал приблизительную схему района, где расположен дот, и пополз.

Шагов через двести канава круто сворачивала в сторону. Влево от меня под деревьями был какой-то большой бугор с тремя соснами. Не дот ли? Подполз к бугру. Тишина. Подобрался метров на пятьдесят. Опять тихо. Подполз на сорок. Снег, как снег, сосны, как сосны. На одной из них кора сбоку содрана пулями. На снегу видно, что содранная кора отлетела в нашу сторону. Стало быть, стреляли не отсюда. Я подполз вплотную к бугру, стал осматривать его и так и сяк, ощупывать и ногами и руками. Нет, не дот. Вернулся опять в канаву. И метров через двести впереди, на пригорке, зачернела еще одна группа деревьев. Справа — замерзшая речка. Дальше, за пригорком, уходила белая гладь запорошенного озерного льда. Что здесь за пригорок у горла реки? Чуть стало светать. Я заметил, что по бокам канавы исцарапанных пулями деревьев становится все больше и больше, а вскоре увидел серый металлический отсвет на пригорке и черную щель в снегу. Стало еще светлее. Щель обозначилась резче. Стало видно полосу стального купола, ее гнутый изгиб.

Обратно я полз уже целиной. Пересек поляну, оглянулся, выбрал, где встать. Подходящее место нашел на лесной опушке. Отсюда до дота было метров девяносто-сто. Другого места для наблюдения не было. Так, сначала ползком, а потом уже во весь рост, когда очутился за деревьями, я вернулся к своим. В это время уже совсем рассвело.

* * *

Телефонист, узнав, где находится дот, установил аппарат и усиленно начал работать лопатой. Разведчики — тоже.

— Стараетесь, товарищи? — спросил я.

— Стараемся, товарищ командир,— ответили они.— Не знаем, как из этой самой доты, но своим снарядом убить определенно могут...

Я знал, что мы находимся в эллипсе рассеивания снарядов своей же батареи. Абсолютно точной стрельбы из орудий, да еще на расстояние в семь километров, не бывает. Снаряды покрывают определенный участок площади, густо собираясь к его центру. Безопасная зона находится не ближе чем в 200 метрах от основной массы разрывов на поражение.

И все-таки перенести наблюдательный пункт было некуда. В 130—150 метрах от дота в окопах, укрытых за лесом, лежала пехота.

Командир роты, узнав о наших приготовлениях, прислал мне пулеметный расчет со станковым пулеметом. Охрана наблюдательного пункта была необходима. Финские лыжники могли подойти к нам и с фланга и с тыла. Пулемет, ленты и одного пулеметчика я оставил, остальных отослал обратно. Своих тоже вернул — оставил одного разведчика и одного связиста. Вместе со мной на наблюдательном пункте осталось четверо.

Потом я пошел к командиру роты.

— Ну, товарищ старший лейтенант? — встретил он меня.

— Вот что, товарищ лейтенант,— сказал я ему.— Отползайте со своими бойцами еще метров на сто. Эллипс рассеивания — неприятная штука!

Пехотный командир был понимающим человеком. Уже через несколько минут по одному, по два пехотинцы стали отходить на свою вторую линию.

— Все? — спросил я через некоторое время.

— Все, — ответили мне.

Я вернулся на пункт. Можно было начинать пристрелку, но оставалась невыполненной еще одна задача. На пункте, как я уже сказал, нас было четверо. Не очень крупное подразделение, но и его следовало рассредоточить.

Мы будем находиться не только под обстрелом финских снарядов и пулеметов, но и под своими снарядами. Если одного убьют, вести огонь должен другой. Стало быть, надо разместиться так, чтобы прямое попадание снаряда не могло вывести из строя сразу всех. Мы расположились на расстоянии 15 метров друг от друга. На самом удобном месте, с которого был виден пригорок, лег я сам, вправо от меня, ближе к пехоте, лег разведчик, слева — телефонист, еще дальше, на фланге, — пулеметчик. Пункт был готов к открытию огня.

Репер для переноса огня нужно было найти за целью и начинать стрельбу с перелетов. Всякий иной метод, например, попытка вести огонь сразу на поражение, был бы непростительно легкомыслен. Я подал первую команду, зная заранее, что снаряд разорвется в 500—600 метрах за целью. Так оно и случилось. Медленно, от деления к делению, я приближал разрывы к пригорку.

— Левее 0-02,— говорил я.— Прицел... Огонь!

— Выстрел! — отвечали мне с огневых позиций.

На сосновой ветке передо мной лежал секундомер. Около 20 секунд снаряд летел к цели. Было время нырнуть в окоп, вплотную прижаться к земле. И вот он проносился над нами с глухим ворчанием, сметая с деревьев снег, и разрывался. Осколки свистели вокруг, и сосновые ветви падали в снег.

Я подвел разрывы вплотную к доту. Наводка была исключительно точной. Ни один из снарядов не разорвался ближе, чем в сорока метрах от нас.

Белофинский дот-великан, превращенный в развалины

Заботясь о людях и о самом себе, я проявил оплошность. Удалил от себя телефониста и был вынужден громко подавать ему команду. Нас слышали в доте. По крайней мере, до нас доходили крики финнов. Через несколько минут вражеские орудия начали нас обстреливать. Это было неприятно.

Тогда мы стали временно умолкать. Стреляли 5—10 минут и вдруг переставали вести огонь. Финны думали, что разгромили нас, и также прекращали стрельбу. Тогда мы открывали огонь снова. Так продолжалась эта дуэль наших тяжелых гаубиц с финскими пушками. Дот огня не вел. Как потом оказалось, он был фланкирующим и не имел амбразур в нашу сторону. Из соседнего дота не видели нас за деревьями.

Через 15—20 выстрелов первый снаряд попал в дот, рикошетировал, разорвался в стороне, но все же свалил одну из росших на доте сосен. Еще через несколько минут снаряд сорвал «подушку» дота. Справа пошла пехота, но залегла. Дот открыл огонь. И вот, наконец, снаряд разорвался прямо на куполе. Из дота бегут финны. А мой пулеметчик за деревьями их не видит. Еще одна оплошность. Сразу же, только выбежав, финны снова проваливаются под землю. К доту, как выяснилось позже, был проведен глубокий ход сообщения. А ведь если бы мы предусмотрели это раньше, наш пулемет скосил бы врагов в самом начале их бегства.

Мы вернулись на батарею и улеглись спать.

* * *

21 февраля началась артиллерийская подготовка. Через четыре часа она кончилась, пехота пошла. Но, не пройдя и километра, легла снова. Сзади первой линии дотов у финнов была вторая, еще более сильная, еще лучше замаскированная.

Мощные долговременные огневые точки здесь были созданы по лучшим французским образцам. Огневая разведка их с даль-

него расстояния не дала ощутительных результатов, да и не могла дать. Мы не знали, где они расположены. Надо было не только разрушать, но и находить эти чудовища. 24 или 25 февраля лейтенант Тарасов, ныне Герой Советского Союза, первым вывез свое тяжелое орудие для стрельбы по доту прямой наводкой. 26 февраля такой же приказ получил я.

— По какому доту вести огонь? Куда вывозить орудие? — спросил я старшего командира.

Он ответил, что предоставляет батарее самую широкую инициативу.

— Стрелять хочется всем,— сказал он,— но стрелять по доту прямой наводкой будет тот, кто обнаружит его. Понятно, товарищ старший лейтенант?

Да, понятно. Я взял с собой младшего лейтенанта Мордасова, приказал трактористам приготовить два лучших трактора, проверить орудия и опять ушел в разведку.

Слово «ушел» никак не определяет способа нашего передвижения. Мы собственно не ползли, а извивались ужами где-то между снегом и землей. Так мы пролезли надолбы, «подошли» к проволоке, огляделись по сторонам — никаких признаков дота не было. Спокойные и одинаковые виднелись то тут, то там бугорки, камни, сугробы. Снег набивался за шиворот, а особенно в валенки. Потом я уже приспособился — сверх валенок надевал еще одни штаны. Проволока казалась бесконечной.

И вдруг, на наших глазах один из снежных сугробов, безобидных на вид, повернул свою верхушку, осыпая снег. Мы даже и не думали о том, что финны повертывают башню дота, может быть разглядев наше приближение. Цель была найдена, вот в чем все дело!..

В 300 метрах от дота одно из моих орудий встало на открытую позицию. Мы вывезли его в ночь с 26 на 27 февраля. Саперы, по пояс в снегу, работали целый день и часть ночи, прокладывая дорогу тяжелым тракторам. К утру все было готово.

Опять приходилось итти к пехоте. Я уже не хотел выпустить на этот раз гарнизон дота.

Командир батальона встретил меня недоверчиво. Несколько дней подряд вели артиллерийские полки огневую подготовку атаки. Но каждый раз, когда пехота подымалась для броска, ей приходилось залегать под жестоким огнем. Все было вокруг изрыто воронками от наших снарядов, а доты жили.

Надо было как-то убедить товарищей в том, что никакая сталь, никакой бетон не выдержат наших снарядов. На огневую позицию я пригласил с собой начальника штаба батальона. Не помню сейчас фамилии этого лейтенанта. Мы пришли. Наводка была уже закончена.

— Огонь!

Первый же снаряд попал в левый край снежного сугроба, и, когда улеглись обратно на землю осколки камня и тучи песка, мы увидели, что сугроб почернел, под снегом появилась глянцевитая стальная стенка, рухнуло дерево, что росло на сугробе, и наружу вылез смотровой купол.

Финны даже не успели организовать огня по нашей открытой позиции. Второй снаряд пронесся мимо, в каких-нибудь двух метрах, но третий ударил в основание купола, и мы уви-

Основание бронекупола, разбитого артиллерией

дели, что его огромная стальная толща развалилась, словно расколотая гигантским топором.

Я оглянулся на начальника штаба батальона. Он стоял, подавшись вперед, напряженный, словно окаменевший. Многое он видел, но вот этого не приходилось.

— Добре? — спросил я.

— Здорово,— сказал он.— Очень здорово. Хватит.

Но я уже имел опыт борьбы с этими коробками. Даже с виду уничтоженный дот, разделенный на отсеки, может еще жить и вести успешную стрельбу по наступающей пехоте. Дот нужно было занять. Я предложил командиру батальона начать движение к доту с фланга. Пехота поднялась. Дот молчал. Но мы продолжали стрельбу. Вот отвалился железобетонный угол с правого края, лопнула напольная стенка.

— Хватит... Куда вы... Довольно! — говорил мне начальник штаба батальона.

Я продолжал вести огонь. Пехота залегла недалеко от дота, на расстоянии короткого, энергичного броска. Последний снаряд. Бросок. Дот занят. Казалось, что мы снесли его с лица земли. Но когда наши славные пехотинцы проникли в глубокие отсеки, они нашли там двух контуженных финнов и спаренную пулеметную установку.

Батальонный комиссар

Я. ПОТЕХИН

Находчивость

В бой пошли наши танки. Одним из них командовал младший командир Симен. Танки шли лесом, болотом.

По броне часто стучали пули, но не могли пробить стальных стенок советской машины.

То из пушки, то из пулемета вели танкисты огонь по белофинским укреплениям. Симен был доволен работой своих подчиненных.

Подошли к надолбам. Недавно артиллеристы вели по ним огонь. Кое-где гранитные глыбы были разбиты. Этим воспользовался механик-водитель Морозов и смело повел машину через препятствия.

Вражеские пули не переставали стучать по броне. В ушах стоял сплошной звон. Вот что-то глухо ударилось о броню и разбилось.

Командир танка догадался, что это такое. Но о своей догадке никому ничего не сказал. Танк попрежнему двигался вперед.

— Товарищ командир, танк горит,— доложил башенный стрелок.

— Знаю... Вперед! — ответил Симен.

Оказывается, одному белофинну удалось подползти к танку и бросить на него бутылку с горючим. Это угрожало гибелью экипажу. Могли взорваться бензиновый бак, снаряды и патроны.

С каждой секундой повышалась температура. Командир думал, как спасти людей и боевую машину. Остановить танк и всем выскочить из него? Нельзя — белофинны ведут сильный огонь из винтовок и пулеметов. Вернуться в расположение своих войск и там потушить горящую машину? Но и это не выход из положения.

Температура в танке все выше и выше. Уже трудно дышать.

Впереди — небольшой лесок. Над низкими березами и сосенками высоко поднимаются стройные ели. Их ветви пригибаются под толстым слоем снега.

— Вот это хорошо, — думает командир танка.

Прильнув к смотровой щели, он определяет расстояние до деревьев.

— Водителю Морозову,— командует Симен,— вести танк на большую ель!

Механик-водитель понял командира. Повернув машину вправо, он дал полный газ.

Попрежнему стучат пули о броню танка. Попрежнему из горящей машины летят пулеметные очереди и пушечные выстрелы в сторону врага.

Вот уже несколько метров осталось до ели.

— Скорей, скорей! — шепчет командир.

Сильный толчок, и через мгновение — мягкие удары сверху. Большие комья снега падают на танк, сбивают пламя.

Ни на минуту не прекратив боевых действий, машина Симена продолжала выполнять задачу.

Полковой комиссар
М. ПОГАРСКИЙ

Орденоносная дивизия

Стрелковая дивизия, которой командовал тов. Черняк, вступила в бои позже других частей и соединений. Однако это не помешало ей в кратчайшие сроки воспринять боевой опыт, накопленный нашими войсками в первые дни войны на Карельском перешейке. Заняв в середине декабря отведенный ей участок на фронте, дивизия тут же приступила к учебе под руководством своего боевого командира тов. Черняка (ныне генерал-лейтенант, Герой Советского Союза). Успех предстоящих схваток с противником зависел от того, насколько быстро и глубоко изучат красноармейцы и командиры основные приемы финской тактики, научатся парировать коварные удары из-за угла и овладеют искусством ведения боя в лесисто-болотистой местности в условиях суровой зимы. Днем и ночью в тылах частей шли учебные занятия, сочетаясь с боевыми действиями на фронте.

— Если хорошо будем учиться,— говорил тов. Черняк бойцам и командирам,— легче одержим победу над врагом...

23 декабря части дивизии держали первый боевой экзамен. В этот день противник замыслил нанести внезапный удар 3-му батальону.

Батальон стоял в двух километрах южнее селения Кюриоля. Справа лежало озеро Юск-ярви, слева — местечко Паркилла. Сосредоточив в районе Кюриоля свыше двух батальонов, белофинны решили окружить и уничтожить наше передовое подразделение. Два их отряда направились на фланги батальона по озеру Юск-ярви и со стороны местечка Паркилла, а третий отряд должен был пройти к деревне Сормула и ударить по батальону с тыла.

Совершая свой обходный маневр, третий отряд противника наткнулся у деревни Сормула на саперную роту дивизии. Рота только что расположилась на отдых, и, конечно, встреча с противником оказалась для нее совершенно неожиданной. Однако никто не поддался панике. Хладнокровный и

решительный командир роты тов. Первунинский сумел организовать достойный отпор противнику. Рота заняла боевой порядок и в течение двух часов геройски сражалась с белофинским отрядом, значительно превосходящим ее численно. Отбив несколько атак, саперы перешли в контратаку, и противник вынужден был отступить, оставив на поле боя убитых и раненых.

Но, отходя, белофинны все же обошли деревню Сормула с северной стороны и проникли в тыл 3-го батальона.

Командир дивизии тов. Черняк, ознакомившись с обстановкой, приказал выслать два отряда на помощь окруженному батальону. Кроме того, в тыл наступающему противнику были брошены кавалерийский эскадрон и моторота.

На белофиннов, окруживших было наш батальон, обрушились неожиданные удары с флангов и с тыла. Они сами попали в расставленные ими сети. И теперь их единственным стремлением было поскорее убраться во-свояси из расположения негостеприимной дивизии. Но не так-то легко было это сделать. Противнику пришлось оставить на поле боя больше 140 убитых, много пулеметов, сотни винтовок и автоматов.

После этого боя белофинны уже не решались предпринимать наступления на участке нашей дивизии.

Дивизия продолжала сражаться и учиться. С боями она преодолевала предполье, подходя все ближе к главной оборонительной полосе противника. Герои-разведчики, проникая в глубь обороны белофиннов, добывали ценные сведения о расположении дотов и дзотов, об огневой системе укрепленного района. Тов. Черняк, анализируя и сопоставляя материалы допросов пленных и перебежчиков, все точнее выявлял обстановку, в которой предстояло действовать дивизии. Это дало возможность заранее подготовить бойцов и командиров ко всему, с чем им пришлось столкнуться впоследствии.

На учебных полях дивизии, которые находились невдалеке от линии фронта, были построены макеты дотов. Они в точности воспроизводили те сооружения, которые удалось разведать в укрепленном районе противника. Блокировочные группы, созданные тов. Черняком, ежедневно осваивали сложное искусство захвата железобетонных крепостей. Командир дивизии внимательно следил за действиями обучаемых, при малейшей неточности возвращал их к исходным рубежам, заставляя вновь повторять операцию. Здесь же, на учебных полях, отрабатывалось взаимодействие пехоты с танками и артиллерией.

Дивизия занимала ответственный участок фронта.

В январе в дивизию прибыл член Военного Совета корпусный комиссар (ныне Начальник Главного управления политической пропаганды армейский комиссар 1 ранга) товарищ Запоро-

жец. Он подробно ознакомился с состоянием подготовки к штурму линии Маннергейма и обратил внимание командира и комиссара дивизии на необходимость более тщательной отработки действий блокировочных групп.

Герой Советского Союза генерал-лейтенант С. Черняк

— Вы должны ежеминутно помнить,— указал товарищ Запорожец,—что задача вашей дивизии чрезвычайно сложна и ответственна. Первый боевой экзамен, который вы держали 23 декабря, показал, что дивизия способна справиться с поставленной перед ней задачей. Мобилизуйте же весь личный состав на борьбу за новые успехи, за новые победы. Добейтесь, чтобы ваша дивизия стала орденоносной...

Товарищ Запорожец побывал во многих подразделениях дивизии. Он особенно интересовался, как готовятся к штурму низовые звенья — взвод, рота. Перед отъездом, собрав командование дивизии и частей, товарищ Запорожец сказал:

— Заметно, что вы провели большую работу по подготовке к наступлению. Обращайте еще большее внимание на взвод, роту. Именно от этих подразделений зависит общий успех, успех всего дела...

Приезд товарища Запорожца и его указания внесли новую струю воодушевления в ряды бойцов и командиров. Все по-

клялись друг другу: «Завоюем орден на боевое знамя для нашей дивизии!» Подготовка к штурму развернулась еще шире.

Тесня противника, дивизия все ближе подходила к главной оборонительной полосе его и, наконец, 17 февраля вплотную приблизилась к переднему краю укрепленного района Муола — Ильвес. Предстояли решающие бои.

Укрепленный район, который должна была прорвать дивизия, являлся одним из важнейших узлов сопротивления линии Маннергейма. Он прочно запирал перешеек между озерами Яюряпяяи-ярви и Муола-ярви. Передний край финской обороны на всем протяжении был оплетен четырьмя рядами проволочных заграждений, опоясан противотанковыми рвами и четырьмя ярусами массивных надолб. Между рядами надолб и проволочных заграждений находились минные поля.

Подход к оборонительным сооружениям противника усложнялся еще и тем, что местность перед передним краем была открытая, скрытые подступы отсутствовали. Вся местность простреливалась ружейным и пулеметным огнем в несколько слоев с господствующей высоты юго-западнее пункта Мутораита.

Протяжение фронта прорыва равнялось полутора километрам. Чтобы создать на этом участке большой перевес над противником, тов. Черняк решил, нанося главный удар левым флангом двумя полками, повести дивизию в наступление в одном эшелоне, а полки главного направления — в трех эшелонах. Таким образом, полки получили узкие полосы для наступления, что позволило им достигнуть решающего превосходства в силах.

Штурм укрепленного района начался в двадцатых числах февраля. Накануне артиллерия заняла огневые позиции для стрельбы прямой наводкой. Саперы проделали проходы в проволоке и надолбах. Каждая блокировочная группа была нацелена на определенную долговременную точку.

Выйдя после артиллерийской подготовки на линию надолб, пехота вынуждена была залечь, так как финны встретили ее ожесточенными шквалами огня из неразрушенных дотов. Противотанковые орудия противника мешали продвижению танков. Блокировочные группы были прижаты к земле.

Артиллерия усилила огонь по амбразурам дотов и дзотов, стараясь принудить их к молчанию. Пользуясь пургой и наступающими сумерками, блокировочные группы стали подползать к дотам.

Особенно мешала нашему продвижению мощная железобетонная точка, находившаяся на правом фланге противника. Она вела сильный фланкирующий огонь по подступам к укрепленному району. Справедливо считая этот дот основным в системе огня противника, командир дивизии приказал коман-

На снимке (слева направо): комбриг Голушкевич, корпусный комиссар А. Запорожец, командарм 2 ранга В. Грендаль, бригадный комиссар К. Рябчий

диру полка тов. Тованцеву во что бы то ни стало захватить правофланговый дот. Эта задача была поручена 9-й роте под командой тов. Бекетова. Вечером группе Бекетова, преодолевшей громадные трудности, удалось оседлать дот и двумя взрывами вывести его из строя. Благодаря смелым действиям группы Бекетова (ныне Герой Советского Союза) в огневой системе противника образовалась брешь. Наступающие подразделения дивизии после этого проникли в глубь белофинской обороны и блокировали все доты первой линии укрепленного района. Дивизия захватила восемь крупных железобетонных сооружений и шесть сильно укрепленных деревоземляных точек.

24 февраля в дивизию прибыл командующий фронтом командарм 1 ранга товарищ Тимошенко. Ознакомившись с действиями дивизии, товарищ Тимошенко указал, что необходимо еще большее массирование артиллерийского огня, еще более широкое применение артиллерии крупных калибров для стрельбы прямой наводкой.

— Бойцы и командный состав дивизии, — сказал командующий фронтом,— действовали очень хорошо. Через три дня вы должны мне доложить, что ваша дивизия окончательно разгромила укрепленный район.

— Есть, товарищ командующий,— ответил командир дивизии. — Приказ будет выполнен точно в срок.

После отъезда командующего фронтом в частях и подразделениях начались митинги. Командиры и политработники разъяснили бойцам задачу, поставленную командующим, и сообщили о том, что командующий одобрил действия дивизии.

Воодушевленные похвалой товарища Тимошенко, бойцы и командиры единодушно заявляли:

— 28 февраля от укрепленного района не останется камня на камне...

Готовясь нанести новый, решающий удар противнику, командиры устраняли все недостатки, мешавшие тесному взаимодействию родов войск на поле боя. Воинский дух подразделений был теперь крепок, как никогда. Дивизия уже преодолела мощные препятствия на своем пути, и это укрепляло уверенность в окончательной победе. Все с нетерпением ждали часа, когда будет получен приказ о нанесении врагу решающего удара.

Осуществляя указания командующего, тов. Черняк широко применил тяжелую артиллерию для подавления и разрушения долговременных точек с открытых позиций. На основе имеющегося опыта была выработана особая тактика. Огонь вели одновременно не менее, чем по трем дотам узла сопротивления. Заставляя молчать эти точки, артиллерия тем самым нарушала всю огневую систему противника и обеспечивала действия блокировочных групп.

Захватывая дот за дотом, дивизия продвигалась вперед, в глубину укрепленного района. Утром 28 февраля она заняла последний оплот противника на этом участке — Ильвес. Таким образом, один из мощных укрепленных узлов Карельского перешейка был разгромлен. В этом районе дивизия захватила и подорвала в общей сложности 27 железобетонных огневых точек и 20 каменных и дерево-земляных сооружений.

К концу дня 28 февраля тов. Черняк позвонил в штаб армии. К телефону подошел товарищ Запорожец.

— Товарищ член Военного Совета,— сказал командир дивизии,— доношу, что приказ командующего фронтом выполнен: укрепленный район Муола—Ильвес окончательно разгромлен и разрушен.

В ответ товарищ Запорожец заявил:

— Военный Совет армии поздравляет вас и весь личный состав дивизии с блестящей победой. Военный Совет армии представил дивизию к награждению орденом Ленина.

Вскоре орден Ленина — знак славных подвигов — украсил боевое знамя Н-ской стрелковой дивизии.

☆

Полковник
А. ТОВАНЦЕВ

Приказ командующего выполнен

Полк получил приказ: в 12 часов 20 февраля атаковать противника в направлении Ильвес и овладеть селениями Маттила и Ирьенахо.

Накануне дня атаки я произвел, совместно с командирами батальонов, начальником артиллерийской группы и командиром гаубичного артиллерийского полка, рекогносцировку местности и принял решение. Фронт атаки — 500 метров. Полк наступает тремя эшелонами.

Ночью батальоны заняли исходные рубежи и окопались. Противник не заметил нашего выдвижения и вел лишь слабый минометный огонь.

В 9 часов началась артиллерийская подготовка. Полковые и батальонные пушки разрушали в это время надолбы и проволочные заграждения, которые находились в 200 метрах от нашего расположения.

Ровно в 12 часов 3-й батальон, действовавший в первом эшелоне, достиг первой линии надолб. Здесь он был встречен сильным пулеметным огнем из дотов и дзотов и артиллерийским огнем из района Ирьенахо.

За надолбами были новые препятствия и минное поле. При поддержке гаубичного полка бойцы, работая по пояс в снегу, уничтожали препятствия. Пулеметы, батальонные и полковые пушки вели огонь по амбразурам и заставили противника замолчать. К вечеру батальон атаковал финские укрепления и овладел двумя дзотами и дотом № 1, который был блокирован группой бойцов 9-й роты во главе с тов. Бекетовым (ныне Герой Советского Союза). Это был мощный дот, размером 35 $\times$ 12 метров, с тремя казематами, тремя пулеметными амбразурами и металлической башней, вооруженной пулеметом.

Противник несколько раз переходил в контратаку, но был отброшен.

Между тем саперы приступили к подрыву дота. Первый взрыв разрушил две амбразуры, вторым была уничтожена

металлическая башня, и только после третьего взрыва дот раскололся на две части.

Уничтожение дота обеспечило продвижение батальона к лесу, что южнее Муола. Здесь батальон был встречен пулеметным огнем со второй линии дзотов, а также дотов № 2, 3 и 4. Путь к этой линии преграждали ряды надолб, проволочные заграждения и минные поля.

3-й батальон приступил к разрушению препятствий перед дотами № 3 и 4. В это время из-за правого фланга был введен в бой 2-й батальон.

В течение двадцати двух часов подразделения полка разрушали препятствия, рубили в лесу просеки в направлении дотов, а артиллерия уничтожала дзоты. Ночью 22 февраля 3-й батальон был выведен во второй эшелон, а его место занял 1-й. В следующие два дня 1-й и 2-й батальоны закончили расчистку леса для обстрела, проделали проходы в препятствиях, разведали секторы обстрела дотов и обнаружили доты № 5, 6, 7, 8.

Теперь картина была ясна. Перед полком находилась целая группа из восьми железобетонных дотов. Размер некоторых из них достигал 40 $\times$ 20 метров, а количество амбразур — шестивосьми. Над дотами имелись вращающиеся бронированные башни. Все железобетонные огневые точки, соединенные между собой ходами сообщений, были оплетены проволочными заграждениями в четыре-пять рядов. Перед проволочными заграждениями тянулись гранитные надолбы.

От дотов по лесу шли в разных направлениях замаскированные просеки для обстрела наступающих. Головной дот имел возможность обстреливать весь район расположения остальных огневых точек, прикрывая их от атак.

Я со штабом полка еще 21 февраля перешел в разрушенный дот № 1, откуда и руководил боем. 24 февраля меня вызвал к телефону командир дивизии тов. Черняк:

— С вами будет говорить командующий фронтом товарищ Тимошенко,— сказал он.

Звук от нажима клапана: трубка передана. Не дожидаясь вопроса, я говорю:

— У телефона майор Тованцев. Я вас слушаю.

Товарищ Тимошенко спрашивает:

— Где вы находитесь?

— В захваченном нами доте № 1, в трехстах метрах западнее Каяво.

— Можно к вам приехать?

— Нельзя, дот находится на совершенно открытом месте и сильно обстреливается противником.

— Что сейчас делает полк?

— Разрушает дзоты, уничтожает препятствия, разведывает секторы обстрела дотов.

— Сколько дотов перед вами?

— Целый узел сопротивления — восемь дотов и тридцать дзотов.

— Когда вы ими овладеете?

— Через два-три дня все они будут уничтожены.

— Как чувствуют себя бойцы и командиры?

— Отлично. Геройски дерутся, достойны похвалы...

Селение Хотинен после прорыва линии Маннергейма

Товарищ Тимошенко потребовал, чтобы через три дня я доложил ему об уничтожении всего узла сопротивления.

Отвечаю:

— Есть, ваш приказ будет выполнен в точности!

На этом разговор закончился.

Вызвав к телефону командиров батальонов, я сообщил им о разговоре с командующим. Вскоре о приказе товарища Тимошенко узнали все бойцы, командиры и политработники. Весь полк загорелся желанием поскорее выполнить боевой приказ командующего.

Начались жестокие бои за овладение дотами.

Опыт захвата первого дота помог нам выработать стройную систему блокирования железобетонных сооружений.

Перед выходом блокировочной группы артиллерия большой мощности и полковая артиллерия начинали обстрел дота прямой наводкой, заставляя противника прекратить огонь и укрыться в казематах. Через полчаса блокировочная группа с запасом взрывчатых веществ под прикрытием артиллерии про-

биралась к доту. Затем, придвинувшись к сооружению, она залегала в 75—100 метрах от него. Как только артиллерия переносила огонь вглубь, группа броском, чтобы не дать возможности противнику опомниться и открыть стрельбу по наступающим, «седлала» дот, закладывала взрывчатку в амбразуры и, отойдя, поджигала шнур.

Эта система блокировки оказалась правильной и пом нам выполнить задачу.

25-го и 26-го были разбиты и захвачены дзоты, а 27 февраля разрушены все доты. От укрепленной линии района Ирьенахо, который, по единодушному мнению иностранных военных специалистов, был неприступен, остались одни лишь развалины.

У меня было вполне естественное желание лично доложить товарищу Тимошенко о выполнении приказа. Но связаться с ним я не мог. Поэтому, позвонив в штаб корпуса, я попросил доложить командующему фронтом, что его приказ выполнен.

Герой Советского Союза М. Бекетов

В ночь с 16 на 17 февраля стрелковый полк под командованием майора Тованцева с боем продвигался вперед.

К вечеру полк достиг Кангаспелты. Подтянув за два дня свои части, он в ночь на 20-е занял исходное положение в лесу перед укрепленной линией в районе Каяво — Ирьенахо, на берегу озера Муола-ярви. 20 февраля, в 12 часов, по приказанию командира дивизии 3-й батальон был брошен в атаку. Встреченный ураганным огнем противника, он продвигался вперед с громадными трудностями. Преодолев надолбы, батальон был вынужден залечь.

Особенно сильный огонь велся с холма, находившегося в 100—150 метрах. Одной своей стороной холм близко подходил к берегу Муола-ярви. Здесь была совершенно открытая местность. С левой стороны, примерно в полукилометре от холма, находилась небольшая рощица.

По силе и сосредоточенности огня было видно, что полк имеет перед собой не просто оборонительную линию, состоящую из траншей и дерево-земляных пулеметных гнезд, а целую систему укреплений, построенных по последнему слову современной техники.

Высланные к холму разведчики часа через полтора донесли, что это не что иное как дот, который, помимо амбразур, имеет стальную вращающуюся башню кругового обстрела.

Командованию полка стало ясно: дот является преддверием ко всей системе укреплений на данном участке и своим огнем охраняет подступы к укрепленной линии первого пояса.

Дот надо было взорвать. Эта ответственная и сложная задача была поручена командиру 9-й роты младшему лейтенанту Бекетову.

В 14 часов, получив от командира 3-го батальона старшего лейтенанта Смолькова приказание о блокировке и уничтожении дота, Бекетов созвал своих командиров. Он вывел их к опушке леса, откуда были видны дот и все простирающееся перед ним

поле, и сказал, обращаясь к командиру 2-го взвода младшему лейтенанту Козлову:

— Вы возьмете из своего взвода двенадцать человек, один станковый и два ручных пулемета и поведете наступление на правый угол дота со стороны рощи. Это нужно для того, чтобы отвлечь огонь противника в вашу сторону. Я же с десятью бойцами 1-го взвода и саперами и с другим станковым пулеметом постараюсь пробраться к доту с левой стороны. Понятно?

— Понятно, товарищ командир, — ответил Козлов.

— По местам!

Через 20 минут группа под командой Козлова стала пробираться к роще. Противник, заметив продвижение взвода, открыл по нему огонь. Сперва он вел стрельбу из нескольких пулеметов, но потом, по мере продвижения взвода вперед, сосредоточил на нем огонь всех своих средств.

— Хорошо! — воскликнул Бекетов, наблюдая за продвижением Козлова. — Люди готовы? — обратился он к командиру 1-го взвода младшему лейтенанту Белову.

— Готовы, товарищ командир.

— За мной! — скомандовал Бекетов и, пригибаясь, побежал вперед. За ним кинулись командир взвода и бойцы.

Пробежав метров сто, Бекетов бросился на снег. Дал группе минутную передышку и поднял людей для второго броска.

Противник, сосредоточив огонь на правом фланге, видимо, не замечал группы Бекетова.

— Хорошо, — вслух подумал Бекетов и, подняв людей в третий раз, увлек их за собой к надолбам. Надолбы совсем уже близко, до них каких-нибудь 20 метров... Но тут противник, заметив ловкий маневр Бекетова, открыл по его группе сильную, но беспорядочную стрельбу.

— Ложись! — крикнул Бекетов и, бросившись на снег, пополз к надолбам.

Рядом с ним ползли бойцы Бочин, Макарычев и Миронов.

Вот один из них, на минуту задержавшись, извлек из снега мину и осторожно отложил ее в сторону. Вот другой вынул мину, третий...

— Черти! Везде понатыкали! — выругался Бекетов и быстро отдернул назад занесенную было руку. Перед ним в пяти сантиметрах торчал из снега минный капсюль.

Осторожно разгребая снег, он обнажил мину, вывернул капсюль и отбросил в сторону...

Гранитные надолбы, за которыми лежал Бекетов со своими бойцами, тянулись в три-четыре ряда от берега Муола-ярви по всему полю и уходили куда-то в глубь леса. А вслед за надолбами шли хитроумно сплетенные проволочные заграждения в четыре-пять рядов, каждый в четыре кола, с минными заграж-

дениями между проволочными кольями, с завалами и фугасными ловушками.

До дота было не более 100 метров.

Сделав две-три бесполезные попытки пробраться к проволоке, Бекетов решил дождаться темноты.

Герой Советского Союза М. Бекетов

Лежа за надолбами, он вспомнил, как совсем недавно при атаке он, выброшенный из финской траншеи противотанковой миной, с отказавшимися действовать ногами трое суток пролежал за стальными щитками в непосредственной близости к противнику. Вспомнил, как он, еще плохо владеющий ногами, тайком ушел из госпиталя и какой переполох был из-за этого среди врачей. А вот теперь он лежит и не чувствует никакой боли. Как бы проверяя, что это действительно так, Бекетов приподнял согнутые в коленях ноги и постучал ими одна о другую. Тотчас же над головой засвистели пули.

— Вот дьяволы, нельзя ногу поднять...

Через час пошел снег, который, усиливаясь с каждой минутой, вскоре, словно белой занавесью, закрыл дот.

— Пора, — решил Бекетов и, подозвав к себе сапер Горнова, Ямалова и Бувашкина, двинулся с ними к проволочным заграждениям.

Скрытые снеговой завесой саперы, вооруженные ножницами, ползком подобрались к заграждениям и прорезали проход. Минут через двадцать бойцы один за другим переползли за линию проволочных заграждений.

Противник вел сильный, но беспорядочный огонь. Пули жужжали над головами, где-то поблизости рвались снаряды и мины. До дота оставалось метров шестьдесят.

— Товарищ командир, — останавливая Бекетова, произнес старшина Рубцов, — станковый пулемет снарядом разбило.

— А пулеметчик?

Рубцов опустил голову.

Бекетов на секунду задумался и твердо произнес:

— Возьмите командира отделения и ползите обратно в батальон за пулеметом. Возвращайтесь как можно быстрее.

— Есть возвращаться быстрее, — ответил старшина и пополз обратно.

Бекетов продолжал подбираться к доту. Обстрел усиливался.

Продвигаясь одним из первых, Бекетов заметил впереди ров. Спустившись в него, он с облегчением вздохнул. Пули свистели высоко над головой. Один за другим в ров спустились остальные бойцы и, попав в «мертвое» пространство, сразу повеселели.

Выглянув из рва, Бекетов увидел, что часть финского гарнизона вышла из дота и заходит ему во фланг со стороны озера. Позади дота тянулась глубокая траншея, служившая одновременно и защитой для тыльной части дота, где не было амбразур, и ходом сообщения к другим дотам.

Бекетов принял решение — отрезать траншею от дота, чтобы ни из траншеи в дот, ни обратно финны ходить не могли. Для выполнения своего плана он приказал установить пулемет между двух бугорков. Оттуда можно было вести прицельный огонь по траншее. Первая же пулеметная очередь вызвала панику среди финнов, находившихся в траншее. Но Бекетов ясно видел, что одного пулемета недостаточно.

Противник, желая вывести пулеметный расчет из строя, повел по нему огонь из автомата.

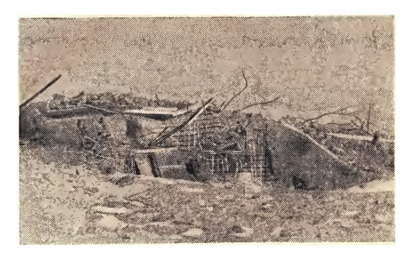
— Подавить огневую точку на левом углу дота, — приказал Бекетов.

Пулеметчики перенесли огонь, и через несколько минут автомат замолчал. В это время подползли старшина Рубцов и командир отделения, которые приволокли с собой станковый пулемет и четыре коробки патронов.

Из пулемета открыли огонь по группе противника, заходящей во фланг от озера. Бекетов же с саперами стал пробираться к доту с левой стороны.

Но когда подползли к доту, то увидели, что заложить взрывчатое вещество в амбразуру нельзя. Оттуда финны вели огонь из автомата. Группа вынуждена была залечь под стенами дота.

Наблюдая за амбразурой, Бекетов заметил, что финский автоматчик слишком увлекся стрельбой и выставил кончик ствола на несколько сантиметров наружу. Бекетов подтянул к себе чью-то винтовку, приподнялся на ноги и притаился за углом. Когда автоматчик на минуту прервал стрельбу, Бекетов изо всей силы ударил прикладом по высунувшемуся кончику ствола. В доте что-то упало, охнуло, раздался стон. Саперы,

Дот, взорванный саперами

пользуясь моментом, сунули взрывчатые пакеты в амбразуру и подожгли фитиль. Раздался взрыв, послышались крики, но дот остался невредим.

— Здорово! — сквозь стиснутые зубы произнес Бекетов.

В это время, пользуясь паникой в доте, командир взвода Белов со своей группой бросился в траншею и занял ее. Бекетов взобрался с саперами на перекрытие дота и пополз к башне. Из башни открыли огонь.

Укрывшись за громадным бугром снега, стали обсуждать, что делать. Саперы Бувашкин и Марусеев предложили ряд планов, и в конечном итоге было решено взорвать башню. Бувашкин и Марусеев ползком добрались до башни, заложили под ее основание ящики со взрывчатым веществом, отползли за бугор. Через несколько секунд раздался взрыв, и башня чуть накренилась вперед, потеряв способность вращаться.

Взрывчатки больше не было.

— Плохо дело, — сказал Бекетов, обращаясь к саперам.

— Ничего, товарищ командир, — успокаивающе ответил подползший к нему сапер Горнов, — если вы один час здесь продержитесь, мы успеем подтащить взрывчатое вещество.

— Хорошо, — сказал Бекетов, — постараемся продержаться, только поторапливайтесь.

Саперы под прикрытием ночи поползли обратно, а Бекетов, несмотря на сильный огонь противника, остался лежать на доте.

Огонь теперь вели уже из соседнего дота. Бекетов приподнялся, чтобы лучше разглядеть, откуда стреляют. Над его головой тотчас же зажужжали пули. Он снова лег. Пули летели градом. Видимо, какой-то снайпер пытался сбить его с дота во что бы то ни стало.

Пролежав с час, Бекетов решил проведать Белова. Соскользнул с дота и стал пробираться вдоль левого угла дота. Только успел добраться до траншеи, которая служила ходом сообщения к первой двери, как открылась вторая дверь, и оттуда раздались выстрелы. Бекетов быстро повернул кругом и начал отползать правее. Тут он наткнулся на группу Белова.

— Возьмите Бочина и ползите к двери с противоположной стороны, — приказал Бекетов Белову. — Как доберетесь, хватайте за скобу и не давайте закрывать, а мы с Мироновым отсюда подползем к двери и бросим гранаты.

Белов и Бочин двинулись в обход, а Бекетов и Миронов — прямо к двери.

Через несколько минут план был близок к выполнению. Бекетов, приподнявшись, крикнул:

— Бросай!

Две гранаты полетели в пасть двери. Одна разорвалась на пороге, другая в глубине. Бочин схватился за ручку, но в этот момент открылась дальняя дверь, и автоматчик повел огонь по Бочину. Тот, выпустив ручку, залег за камни, а в следующее мгновение выскочивший из дота финн захлопнул дверь.

Тем временем противник, выбитый из траншеи, оправился от паники и открыл сильный огонь. Группа залегла вдоль задней стенки дота. Тогда начался обстрел из двери справа. Пришлось отвести группу в ров и усилить пулеметный огонь. Сапер все не было, а время шло.

— Товарищ командир, удалось восстановить связь, — протягивая ему трубку, сказал связист. — Говорит командир полка.

— Что?.. Около самого дота. Как?.. Да нет, совсем рядом. Да какие там 40—50 метров. Я только что слез с дота. Нам взрывчатые вещества нужны... Как можно больше...

— Что там? — спросил Белов.

— Командир полка говорит, что в течение двух часов не получал от нас сведений и беспокоится, что с нами.

— А саперы где?

— Вышли, говорит, полчаса назад.

Разговор оборвался. Прошло минут двадцать. Но вот, наконец, показались саперы, которые с трудом тянули за собой лыжные санки, доверху нагруженные ящиками.

— Белов с Ямановым и Мироновым пойдут за мной, — сказал Бекетов. — Начнем с левого угла. Пулеметчикам обеспечить прикрытие, не давать противнику перейти в контратаку.

Через минуту группа в пять человек двинулась к левому углу дота. Противник, заметив движение, открыл огонь из всех амбразур. Группа залегла.

— Гранаты к бою! — приказал Бекетов. — Огонь! И пять гранат, описав дугу, разорвались у самого дота.

Огонь смолк, но не больше, как на полминуты. Снова команда, и снова замолкает на полминуты огонь.

Бекетов прикидывает на-глаз расстояние, и для него ясно, что гранат нехватит, чтобы подойти к доту. Значит, напрасны все усилия! Отказаться от уничтожения дота?

— Набрать камней! — крикнул Бекетов. Через несколько минут в карманах и за пазухой у каждого было по десятку увесистых гранитных осколков.

— По команде в один-два приема кидайте по два камня, а гранаты буду бросать только я, — распорядился Бекетов и, отобрав гранаты, рассовал их по карманам.

— По доту огонь!

Описав в воздухе дугу, около дота упали семь-восемь камней и гулко разорвалась одна граната.

Продвинулись на пять метров, и снова раздалась команда, снова полетели камни и разорвалась граната. После шестого броска добрались до левого угла. Быстро заложили в амбразуры два ящика со взрывчатыми веществами, зажгли шнур и отбежали в сторону. Взрывом вырвало левый угол.

Через несколько минут был взорван фугас под левой дверью, и группа поползла к башне.

Заложив ящики под башню, Бекетов отбежал с саперами метров на семьдесят. Чтобы лучше видеть, он поднялся на колени. Прошла секунда, другая, и вдруг темноту прорезала, как молния, яркая вспышка. Оглушительный взрыв потряс воздух.

— Товарищ командир, вас к телефону!

Снова говорил командир полка.

— Дот взорван, товарищ командир, — доложил Бекетов.

Герой Советского Союза лейтенант

Л. ТАРАСОВ

Странички из дневника

Свой взвод я принял накануне отъезда нашей 203-миллиметровой батареи на фронт. С людьми пришлось знакомиться в пути. Серые шинели, чуть взволнованные лица, пытливые глаза. Все вроде одинаковые.

— Красноармеец Лапин?

— Здесь, товарищ лейтенант.

— Красноармеец Рахимзянов?

— Здесь, товарищ лейтенант...

Через несколько дней все эти люди будут в бою. Как они будут вести себя?

Первая же читка газет в вагоне дала мне возможность понять настроение бойцов. Страна провожала нас в бой, кипящая негодованием против провокаторов войны. Это отражалось на страницах печати и глубоко западало в душу моим красноармейцам. Первые сводки с фронта, первые корреспонденции о боях они выслушивали, затаив дыхание.

Выгрузившись из эшелона, мы еще некоторое время стояли в резерве. Весь взвод жил в одной землянке, все люди вместе, работать с ними было легко. Один предгрозовой час больше сплачивал людей, чем месяцы мирной жизни.

Шли боевые дни...

К началу прорыва линии Маннергейма мой взвод уже был готов к выполнению любой боевой задачи командования. Появились во взводе свои отличники и герои. Красноармеец Лапин под огнем финских пулеметов доставлял боевые листки свежего выпуска бойцам. Боец Рахимзянов на себе вытаскивал раненых с поля боя. Здесь же, на фронте, они оба были приняты в партию.

* * *

На участке дивизии, действовавшей в направлении Ойнала, до нашего прибытия не было удачных попыток стрельбы по дотам прямой наводкой. Один из командиров по-

пробовал вывезти орудия на открытую позицию, но попал под сосредоточенный огонь противника и вернулся.

В 3 часа ночи 25 февраля я получил приказ вывезти орудие и прямой наводкой уничтожить дот. Стрельбу прямой наводкой мой взвод начинал первым.

Обстоятельства складывались неудачно. Дот был закрыт высоким строевым лесом. Наша огневая позиция простреливалась фланкирующим огнем финской пехоты и снайперов. По саперам, пытавшимся расчистить для нас сектор обстрела, белофинны вели сильный огонь. Саперы, имея потери, отошли.

Но другой позиции не было. Нигде больше нельзя было подойти на такое близкое расстояние прямо к напольной стенке дота.

Мы приняли решение остановиться именно здесь. Орудие вывезли двумя тракторами и развернули его под огнем так, чтобы избежать нужды в последующих доворотах. Это дало нам возможность быстро и без особого труда вести стрельбу.

Командир орудия тов. Степкин, видя, что саперное подразделение отходит под огнем белофиннов, не расчистив в лесу сектора для обстрела, предложил:

— Один выход у нас — уничтожить лес снарядами.

Я согласился с ним.

Восемью гранатами мы расчистили дорогу бетонобойным снарядам. В лесу образовалась прогалина шириной до двух метров и длиной в 70 метров. Дот открылся. В этот день мы десятью снарядами успели наполовину разрушить его. На ночь отвезли орудие на километр назад и утром снова вернулись.

За трое суток стрельбы прямой наводкой по дотам, находясь под сильным пулеметным и минометным огнем противника, мы потеряли только одного человека.

Объясняется это просто. Неподалеку стояли наши танки. Командование разрешило мне использовать их для броневого укрытия огневой позиции. Загородившись танками сбоку от фланкирующего огня, укрыв бойцов в хорошо оборудованных окопах, мы чувствовали себя спокойно.

Но не всегда ведь рядом с артиллеристами будут стоять танковые части. В военно-исторической литературе недавно были опубликованы материалы о дискуссии, которая возникла еще во время русско-японской войны по поводу прикрепления к 76-миллиметровым пушкам броневых щитов, укрывающих расчет от пулеметного и ружейного фронтального огня. Тогда оспаривалась возможность вооружения орудия броневым щитом. Говорили, что броневой щит утяжелит систему и т. д. и т. п.

Но впоследствии щит был принят повсюду в артиллерии как необходимое дополнение к любому орудию. Сейчас, когда значительная часть орудийных систем переведена на механическую тягу и вопрос об утяжелении системы стоит по-иному, вполне можно улучшить конструкцию орудийных щитов. Опыт финской войны показывает, что противотанковые, полковые и даже тяжелые пушки и гаубицы будут часто стрелять на минимальных дистанциях не только от первой полосы заграждений, но и от долговременных сооружений противника. Орудийные расчеты, находящиеся на открытых огневых позициях, будут часто попадать под фланкирующий огонь неприятельских снайперов и пулеметов.

Возникла необходимость вооружения артиллерии боковыми броневыми щитами. В тяжелых батареях они могут быть складными, на петлях, как ширмы. Доставлять их к огневой позиции можно теми же буксирующими тракторами. В противотанковой артиллерии нет необходимости отделять щиты один от другого; противотанковики говорят, что им будет достаточно одного, вогнутого полукругом, щита, который сумеет защитить от обстрела с флангов.

* *

28 февраля, утром, когда уже был прорван фронт и стремительно развивалось наступление, мы получили предметный урок от командующего фронтом товарища Тимошенко. По дорогам, входя в прорыв, двигались тяжелые батареи вместе с массами пехоты и легкой артиллерии и загораживали дорогу. Неожиданно на этот участок прибыл товарищ Тимошенко и подъехал к нам.

— Послушайте, — сказал он нам. — Разве вы сами не понимаете, что сейчас, когда развивается прорыв, пехоте в первую очередь нужны батареи групп поддержки, нужны пулеметы, противотанковые пушки, легкая артиллерия. Вы неплохо поработали, но дайте поработать другим.

Товарищ Тимошенко приказал нашим тяжелым гаубицам свернуть в сторону, открыть проход танкам и другим более подвижным и более необходимым резервам.

Приказание было выполнено. Буквально на наших глазах марш стал приобретать порядок и быстроту.

Прорыв развивался, части начинали штурм последних укреплений перед Выборгом.

Герой Советского Союза младший лейтенант
А. СИРОТКИН

Вместе с танкистами

Нашему батальону было приказано овладеть селом Кюрноля. Когда мы стали подходить ближе к селу и вышли на открытую местность, белофинны с опушки леса открыли по нашей роте огонь из автоматов.

Командир пулеметного взвода Крутов быстро выдвинул станковые пулеметы, и они подавили вражеские огневые точки. Под прикрытием танков рота начала овладевать селом. Белофинны оказывали сильное сопротивление. Из домов, каменных сараев и садов они вели бешеный огонь.

Двигаться вперед было почти невозможно. Мы решили сделать обход во фланг. Танки в это время двигались по дороге. Белофинны, опасаясь окружения и потери путей отхода, подожгли село и отступили.

Преследуя их, мы достигли деревни Самолла, которая находилась на расстоянии 800 метров от деревни Муолаа. Десятки дерево-земляных и железобетонных укреплений стояли на нашем пути.

Получив сведения от полковой разведки, командир батальона Фролов поставил командиру роты Сниеву задачу — овладеть окраиной деревни Муолаа и точно разведать местность. Моему взводу была поставлена задача продвинуться вперед, за надолбы, к красному домику, что находился в пятидесяти метрах правее одного из дотов. Оттуда я должен был разведать точное расположение дотов и выходы из них.

Мы двинулись вперед. Перед нами находились надолбы и проволочные заграждения. Я приказал отделению тов. Бугрова сделать проход в проволочном заграждении. Бойцы Першин и Ласков малыми саперными лопатами в несколько минут перерубили проволоку. По сигналу «проход готов» я повел взвод вперед, к домику. Продвигаться пришлось ползком. Под прикрытием темноты взвод расположился около домика. Каждый боец окопался. Мы вели бдительное наблюдение за противником.

Днем мы отчетливо увидели, что перед нами три дота, расположенных в шахматном порядке. Овладеть ими без предварительной артиллерийской подготовки было чрезвычайно трудно. Перед дотами проходили проволочные заграждения, минное поле и вражеские окопы.

Герой Советского Союза
младший лейтенант А. Сироткин

Мы возвратились и передали командиру полка тов. Младенцеву (ныне Герой Советского Союза) добытые сведения. Он приказал артиллеристам открыть огонь по обнаруженным укреплениям. Артиллерия в течение всего дня била по ним, а ночью командир полка приказал нашей роте занять доты.

Со своим взводом я вышел на опушку леса, а затем, чтобы скорее продвинуться к дотам, мы пошли по шоссе. Вскоре достигли окраины деревни Муолаа. Здесь сосредоточилась вся рота. В это время к нам подошли танки. Подскакивая на кочках, они помчались вперед. Вслед за танками побежали и мы. С их помощью мы без потерь и быстро проскочили большое открытое снежное поле, укрылись в овраге, что находился рядом с речкой, и ползком начали продвигаться к дотам, накапливаясь у надолб.

Ночь была темная. Огонь противника стал слабее, пошел снег. Я со своим взводом пробрался к тому месту, где утром стоял красный домик. Теперь он уже был разбит нашей артиллерией. Но место нам было хорошо известно, и даже в темноте я знал, где находятся огневые точки противника.

От этого разбитого домика я и начал вести наступление на дот. Впереди всех ползли бойцы отделения Бугрова. Я полз за ними, а сзади — весь взвод. Подползли к траншеям белофиннов. «Хозяев» там уже не было. В это время с левой стороны стали подползать бойцы 3-го взвода. Мы окружили дот. У выхода, перед стальной дверью, я поставил ручной пулемет. Подошедшими саперами дот был взорван.

Хорошо зная расположение двух остальных дотов, благодаря предварительной разведке, я со своим взводом блокировал их. Саперы взорвали и эти два железобетонных укрепления.

На месте я узнал, что траншеи из этих дотов вели к опушке леса. По ним-то белофинны и удрали сначала в лес, а оттуда ко второй полосе своих укреплений — Ильвесу.

Мы продвинулись вперед почти на 200 метров, миновали небольшой смешанный лес, вышли на чистое поле и увидели домики, где час назад находились белофинны. Сжечь дома финны не успели. Здесь собрался весь батальон. Отсюда без остановок пошли вперед, преследуя противника. Мой взвод — на правом фланге. Принимая все меры предосторожности, он вел усиленную разведку впередилежащей местности.

Вдруг два бойца доложили мне, что впереди какой-то подозрительный снежный бугорок.

— Товарищ командир роты, — сказал я, — разрешите разведать бугорок и рядом стоящий с ним сарай!

Мне разрешили, и я пошел вперед со своим взводом. Мы обнаружили траншею. Несколько бойцов пошло по траншее, остальные двигались расчлененным строем по открытому полю.

Траншея вывела под самый сарай, наполненный сеном, а бугорок оказался дотом. Я выставил ручные пулеметы и вместе с заместителем политрука тов. Ермаковым вошел в дот. Мы открыли тяжелую железную дверь, зажгли спичку и пошли по коридору вдоль стены. Затем нам попалась керосиновая лампа. Зажгли ее и осмотрели все помещения. Белофинны очень спешили: здесь осталось 15 ящиков патронов, 60 артиллерийских снарядов.

Командир роты разрешил нам три часа отдохнуть в доте (вторые сутки не спали). В нижнем этаже было помещение для жилья. Там на нарах разместились все бойцы моего взвода. Вокруг дота и в траншее мы расставили дозоры и посты.

Как выяснила полковая разведка, впереди и метров на двести правее находился большой дот, из которого финны вели сильный огонь. Командир полка поручил лично мне захватить и этот дот. Мы начали продвигаться к нему ползком. Когда подползли шагов на пятьдесят, белофинны открыли убийствен-

ный огонь. Мы отошли. В это время появились наши танки, и за ними мы быстро пошли вперед. Неожиданно белофинны из окопов, прикрывавших дот и траншеи, начали бросать в танки десятки бутылок с воспламеняющейся жидкостью. Танкам стало невозможно подступить к доту. Тогда я приказал бойцам штыком и пулей уничтожать белофиннов, пытавшихся поджечь наши танки. Выполняя этот приказ, бойцы проявили исключительную отвагу.

Четыре танка подошли к доту и начали вести огонь в амбразуры. В это время наши бойцы расстреливали финнов, побежавших по траншеям.

Командир саперного взвода Воинов вместе со своими бойцами немедленно приступил к подрыву дота. Взрывчатые вещества положили в коридор, зажгли фитиль, закрыли дверь и дали сигнал — красную ракету. Бойцы и танки отошли назад. Прогремел взрыв, и стену толщиной в два метра отнесло метров на десять в сторону. Внутри дота рвались боеприпасы, горело финское военное снаряжение.

Боевая задача, поставленная командиром полка, была выполнена.

Капитан

КОВАЛЕЦ

Взаимная поддержка в бою

Ранним утром 20 февраля наша эскадрилья получила задание: разрушить в глубоком тылу противника важнейший железнодорожный узел Хапамяки, через который проходило снабжение белофинской армии.

Утро было ясное и холодное. Мороз на земле доходил до 45 градусов.

Капитан Серегин построил эскадрилью и дал последние указания:

— Главное, товарищи, поддерживайте друг друга в воздушном бою. Защищай соседа, и он защитит тебя. Бомбардировщику очень трудно вести бой в одиночку. Наша сила — в тесном взаимодействии. Поврежденные в бою машины не бросайте, сопровождайте их до своей территории.

Капитан Серегин указал на трудности взлета, сообщил предполагаемые метеорологические условия на пути к цели, и экипажи разошлись по самолетам, приготовленным точно к сроку. Об этом позаботился технический состав, работавший всю ночь, не считаясь со временем, не обращая внимания на жесточайший мороз.

Летчики еще раз проверили перед взлетом работу приборов, стрелки-радисты опробовали пулеметы, и вот высоко в воздух взвилась зеленая ракета.

Тяжело нагруженные машины пошли на взлет по покрытому снегом полю аэродрома, медленно набирая скорость. Как только они оторвались от земли, летчики сразу убрали шасси.

Машины построились, легли на курс и вскоре уже летели над территорией врага, сопровождаемые нашими истребителями.

... Через полтора часа после вылета истребители отвалили от нас; мы остались одни.

А через 15 минут мы по горизонту заметили много черных точек: вражеские истребители!

Для обороны этого пункта белофинны стянули самые лучшие самолеты. И вот на высоте 7 тысяч метров завязался жаркий бой между нашими бомбардировщиками и белофинскими истребителями.

Противник подверг нас «психической атаке». Он стремительно ринулся в упор, пытаясь расстроить нас и бить по частям. Истребители его с огромной скоростью мчались в лобовую атаку; казалось, вот-вот самолеты столкнутся в воздухе. Но, не меняя курса, не нарушая строя, мы попрежнему шли вперед. Только вперед... И не выдержав, на расстоянии 40—50 метров от наших ведущих, противник внезапно менял курс. «Психическая атака» не помогала. Мы еще теснее примкнули к ведущему, еще крепче держали строй своих бомбардировщиков, помня, что именно в крепком строю наша сила.

После первой лобовой атаки противник снова ринулся на нас, но уже с разных направлений; истребители неслись на нас спереди и с боков, атакуя каждый бомбардировщик поодиночке.

Я был крайним фланговым и видел, как прямо на меня в лобовую атаку устремился истребитель и с дистанции 300—400 метров открыл огонь из пулеметов. Ринулся целый ливень трассирующих пуль, ливень, в котором можно было различить то красные, то синие, то белые, то зеленые струи. Еще крепче стиснув штурвал, я все так же вел свою машину, крикнув по переговорному аппарату стрелку-радисту старшине Гребенцову:

— Истребитель впереди!

Он открыл по врагу яростный огонь. Мы сблизились. Я уже думал, что столкновение неизбежно, потому что сам не собирался уступать врагу дорогу, не собирался ни на один градус изменить полет по боевому курсу, но он не выдержал и свернул.

Передо мной на одно мгновение мелькнула голова противника, я увидел черный шлем, кислородную маску, и сразу его машина стала на крыло, «животом» к моему самолету.

Этим мгновением и воспользовался Гребенцов. Он пустил в «живот» вражеского истребителя очередь из своего пулемета. Я увидел, как, беспомощно кувыркаясь и оставляя за собой клубы черного дыма, вся охваченная пламенем, машина врага пошла к земле. Услышал в микрофоне радостный взволнованный голос стрелка-радиста:

— Один готов!

И еще через секунду он крикнул уже другим голосом:

— Еще один увязался!..

Донеслись глухой стук и трескотня по машине. Посмотрел на крыло; на нем одна за другой появлялись пробоины.

Приглушенный наушниками ворвался новый звук — застучал наш пулемет: это Гребенцов давал очередь огня. Крикнул ему в трубку микрофона:

— Где истребитель?

— Под хвост забрался! Не могу достать! Отверните ручку!

Значит, враг сидел в мертвом конусе, где его нельзя было добыть нашим огнем.

Я резко дал правую ногу, истребитель опоздал повторить мой маневр и снова зайти под хвост. Он оказался в поле действия пулеметов моего стрелка, и тот моментально сбил противника.

Так мы вели этот бой на высоте в 7 тысяч метров, при 60-градусном морозе, но во время боя мы мороза и не чувствовали, наоборот, всем было жарко.

Это был один из самых продолжительных воздушных боев: он длился 25—27 минут. И главное, ведя бой, мы в то же время точно выдерживали курс и шли на заранее намеченной высоте. Противник потерял семь истребителей, остальные обратились в бегство.

Воздушный бой закончился перед самой целью. Никакие вражеские силы, никакая опасность не смогли помешать нам выполнить ответственнейшее боевое задание.

Бомбы на железнодорожный узел были сброшены.

Белофинны открыли по нашим бомбардировщикам заградительный огонь из малокалиберных орудий, но он нам не причинил никакого вреда.

Цель была поражена, задание выполнено отлично!

... Еще во время боя с истребителями я заметил, что у меня стал «барахлить» левый мотор. Когда взяли курс от цели, я стал отставать, терять высоту.

А до нашего берега нужно «топать» еще около трех часов. Вскоре левый мотор совсем сдал. Я уменьшил скорость до предела, чтобы не терять высоту и поберечь здоровый мотор. Да и радист кричал мне в трубку переговорного аппарата:

— Товарищ командир, поберегите мотор, патронов осталось очень мало. А за связь с воздухом не беспокойтесь!..

— Ничего, как-нибудь дотянем! — успокаивал я его, хотя лететь еще оставалось около двух с половиной часов, большей частью над вражеской территорией. Положение было трудное.

От эскадрильи я отстал.

Не успели мы долететь до полуострова Ханка, как меня стали преследовать два истребителя «Фоккер Д-21».

С нашей машины была отправлена радиограмма, в которой мы просили прикрыть нас. Радиограмму отправили, надеясь, что в этом районе оперируют наши бомбардировщики, которые откликнутся на призыв.

Тем временем вражеские истребители зашли сзади и ринулись в атаку.

Мой стрелок выпустил несколько очередей, но вскоре его пулемет замолчал.

— Уходить надо. Патроны кончились! — услышал я его голос в микрофоне.

Казалось, уже ничто не может спасти нас от близкой и неизбежной гибели. И горько стало мне при мысли, что я, сын железнодорожного мастера, недавний подручный слесаря, обученный летному делу и воспитанный великой партией большевиков, должен погибнуть в этом бою, когда есть еще столько сил и знаний. Мысль бороться до конца, без остатка отдать все силы любимой стране, нашему общему бессмертному делу сверлила мозг.

Оглянулся по сторонам, увидел: на помощь мне спешит бомбардировщик. Рискуя жизнью, летчик, ведший эту машину, ринулся в атаку на вражеские истребители. Завязалась короткая стычка, и атака «Фоккеров» была отбита.

Я еще не знал, кто этот отважный летчик, но сердце мое переполнилось горячей благодарностью.

Вот она, взаимная выручка в бою!

Под нами Финский залив. Оглянувшись, я увидел, что справа ко мне пристроился бомбардировщик, спасший меня. Он летел на таком близком расстоянии, что я различил его номер и узнал, что ведет эту машину мой лучший друг Дима Найдус. Это он выручил меня из беды, спас от гибели! Я покачал самолет с крыла на крыло в знак привета, в знак того, что я здоров. Он мне ответил тем же самым и помахал затянутой в перчатку рукой...

Когда прилетели на свой аэродром, я увидел, что самолеты нашей эскадрильи уже зарулили на стоянку.

Первым на посадку пошел капитан Найдус и за ним я.

Во время выравнивания мой радист крикнул мне в микрофон:

— Смотрите, товарищ командир, нам все машут!

Но целиком поглощенный посадкой, я не мог смотреть в сторону, хотя очень было интересно увидеть, как товарищи встречают нас.

Когда сел и соскочил с крыла на землю, увидел большую группу своих товарищей, которые приветливо махали нам руками. Среди них стоял мой замечательный боевой друг Дмитрий Найдус.

Мы крепко с ним расцеловались. Отовсюду неслись приветствия товарищей, которые, обступив нас, поздравляли с благополучным исходом жаркого, рискованного дела.

Подошел полковник Александров. Он поцеловал меня и сказал, указывая на Найдуса:

— Я же говорил, что эти двое никогда не пропадут!

Так закончился этот полет на Хапамяки.

После Дима Найдус говорил мне:

— Я увидел, что ты отстаешь, и приказал своему стрелку Балакину следить за тобой. Но ты подошел ближе, и я было успокоился. Все же понял: у тебя один мотор не работает. Потом оглянулся — тебя не видно. Отстал! Тогда я развернулся влево, отошел от строя, чтобы найти тебя, и вижу, какую-то машину догоняют два вражеских истребителя. Ну, тут нельзя было терять ни секунды! Дал полный ход, стал подходить и вижу — да ведь на хвосте бомбардировщика чернеет твой номер — шестой. Это на тебя наскочили истребители! И до чего же я разозлился на них. Как ты и заметил, я развернулся и бросился прямо на них, а эти «Фоккеры» не выдержали огня моего стрелка Балакина и удрали. Потом я ринулся за тобой, когда ты вошел в пике, хотя после этого пике у меня уши до сих пор болят.

Так говорил мой друг Найдус. В бою я всегда иду рядом с ним и знаю, что в любом деле можно положиться на таких людей, как капитан Найдус.

Возвратившись из полета в глубокий тыл противника, я с грустью осмотрел свою машину.

Она была вся в пробоинах. Стало очень жаль ее, и я сказал технику Заходченко, который вместе со мной осматривал бомбардировщик:

— Эх, завтра мне не удастся полететь!

И было очень тяжело сознавать, что товарищи снова пойдут на выполнение боевых заданий, а я останусь на аэродроме. Какою завистью к товарищам переполнялось мое сердце — ведь у них машины в порядке, и ничто не помешает их вылету.

Но Заходченко ответил мне:

— Идите, отдыхайте спокойно. Не расстраивайтесь: завтра ваша машина будет в порядке. Даю вам слово!..

И я ушел обрадованный. Я знал, что если Заходченко дал слово, то выполнит его. И он выполнил, хотя это стоило ему бессонной ночи и напряженного труда...

К утру моя машина была отремонтирована, и снова я вел ее в глубокий тыл противника, радуясь, что опять иду громить зарвавшегося врага, который надолго запомнит удары нашей эскадрильи.

Старший лейтенант
Н. ФОМИЧЕВ

Бой за „Высоту с камнем"

Хорошо организованная система пулеметного огня и снайперы-«кукушки» защищали подступы к высоте, а склоны ее были пристреляны белофинскими минометчиками. Наша часть получила приказ — овладеть этой высотой.

Ранним утром началась артиллерийская подготовка. Тридцать минут громили наши орудия «Высоту с камнем». Мы двинулись в атаку. Приумолкший под артиллерийским обстрелом противник встретил наступающие подразделения ураганным огнем автоматов и пулеметов.

«Высота с камнем» не уступала нашему напору. Первая атака не дала успеха. Был какой-то секрет в обороне этой высоты, еще нам не известный.

Начались разведывательные поиски. Вскоре разведка донесла, что на противоположном склоне высоты расположены блиндажи и землянки. Стало ясно: когда мы открывали артиллерийский огонь, белофинны покидали передний край обороны и отсиживались в укрытиях. А как только мы пытались перейти в атаку, противник вновь занимал гребень высоты и встречал нас сокрушительным огнем.

Секрет разгадан.

По приказу командования, пять станковых пулеметов были оставлены на месте, чтобы своим огнем отвлечь внимание противника. Два подразделения наступали с фронта, а третье — с правого фланга. Артиллерии было приказано быть наготове и только по заявке давать огонь.

С наступлением сумерек бойцы стали ползти вперед, каждый в указанном ему направлении. Пять станковых пулеметов с места обстреливали высоту. Бойцы рыли проходы в снегу, головой пробивали снеговые пласты, бесшумно ползли на склоны «Высоты с камнем». Когда до белофиннов оставались последние десятки метров, огонь нашей артиллерии отрезал противнику путь к блиндажам. В этот момент бойцы, достигнув высоты, ринулись в атаку.

Мы занимали землянки, штыками опрокидывая группы оборонявшихся белофиннов. Остатки разгромленного вражеского отряда бежали, оставляя по дороге оружие, лыжи, обмундирование.

Удачный замысел, мужество бойцов, целую ночь прокладывавших себе путь в снегу, стремительность их натиска обеспечили победу. «Высота с камнем» была взята.

Лейтенант

С. ШИЯНОВ

Герой-связист

Красноармеец Егоров в бою под деревней Сеппяля давал связь командиру взвода лейтенанту Серегину. Взвод Серегина шел впереди. Он пробился за надолбы и цепко вгрызался во вражеские укрепления.

— Товарищ командир, я ранен, — сообщил вдруг по телефону Егоров.

Я немедленно послал двух бойцов, чтобы они оказали первую помощь Егорову и приняли от него связь. Но в это время уже не было никакой возможности пробиться к камням, среди которых находился Егоров: нигде огонь белофиннов не был таким жестоким, как в этом месте. Оба посланные мною связиста не смогли подойти к Егорову: они были ранены в самом начале пути.

До этого боя Егоров не был в числе особенно дисциплинированных красноармейцев. Он порой даже казался мне нытиком, а теперь, в момент величайшей опасности, неожиданно раскрылась мужественная и благородная душа этого человека.

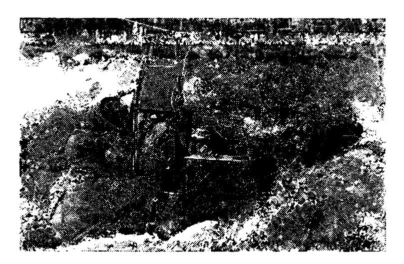
— Товарищ командир, — сказал он по телефону, — не посылайте никого ко мне, я останусь один. Не хочу, чтобы люди гибли из-за меня...

«Но как же он, раненый, будет держать связь?» — думал я. А ведь телефонная связь с передовым взводом была особенно необходима именно сейчас.

Через несколько минут я сделал попытку связаться по телефону с Егоровым. Велика же была моя радость, когда я снова услышал его голос:

— Я буду все время держать связь, — сказал он. — Что бы ни случилось, трубку из рук не выпущу...

— Перевязку себе сделали?

Полевая радиостанция

— Перевязку сделать невозможно. Как только шевельнешь рукой или ногой, сразу огонь усиливается.

Так до ночи, не сходя со своего боевого поста, держал связь Егоров.

Ночью огонь ослабел, и боец, раненный в ногу и спину, приполз к нам...

Младший командир
М. БУЛАТОВ

Как мы взорвали дот с пятнадцатью шюцкоровцами

В день Красной Армии, 23 февраля, мне с группой бойцов нашего саперного взвода было приказано взорвать дот. Взяв с собой пару сотен килограммов взрывчатого вещества, мы двинулись в путь. Обошли дот с тыла. Вдруг видим, к амбразуре подходит наш танк. Только он приблизился, белофинны закидали его из амбразуры бутылками с какой-то жидкостью. Одна из бутылок попала на заднюю часть танка, и машина загорелась. Мы начали подавать танкисту сигналы, показывая, чтобы он отъезжал в тыл. В это время бойцы Чупин, Захаров, Сухарев и Сазонов под огнем противника подобрались к горящему танку и стали кидать на него снег, стараясь погасить пламя. Вскоре это им удалось сделать.

Тем временем подошла еще одна боевая машина. Это приехал наш командир взвода младший лейтенант Гордюшов и привез нам еще взрывчатки.

Я доложил командиру взвода, что дот со стороны амбразуры взорвать трудно. Целесообразнее взорвать его сверху — начать с броневого купола, а потом в самый дот опустить ящик взрывчатого вещества с коротким шнуром и оглушить шюцкоровцев. Так и решили поступить. Под купол подложили 75 килограммов взрывчатки и подожгли шнур. Раздался взрыв. Он был силен, но купол дал только трещину.

Тогда мы решили подорвать дот по-другому. Приготовили взрывчатку, шнур и капсюль. Одного красноармейца посадили на огнеметный танк, чтобы он подавал танкисту знаки, когда жечь амбразуры и когда прекращать огонь.

Вот наш боец, поместившись за башней танка, командует:

— Дай огня!

Танкист дает огонь. Боясь быть сожженными, белофинны укрылись в глубине дота. Тогда я решил вылезть из танка и по-

слушать, что делается в доте. Услышал разговор. Ах так! Влезаю на дот, кричу:

— Сдавайтесь, гады!

Но белобандиты молчат. Тогда я бросил в отверстие башни гранату. Она взорвалась, и в доте вспыхнуло пламя. Это за-

Убежище внутри дота

горелись бутылки с жидкостью, которые белофинны припасли для поджигания наших танков. Вскоре я услышал стоны и непонятный шум.

Танкисту тем временем подали сигнал, чтобы он дал огня по амбразурам и затем сразу прекратил его. Тот так и сделал. В один миг мы подскочили к амбразурам, заложили в каждую по два ящика взрывчатки и зажгли огнепроводные шнуры.

Когда произошел взрыв, амбразуры разорвало. Вместо них зияли большие отверстия. Вот эти-то отверстия и начал танк беспрерывно поливать огнем. У дверей дота с пулеметом и гранатами стояли бойцы. Белофиннам был отрезан путь к отступлению.

Через некоторое время мы прекратили огонь из танка и бросили в дот четыре ящика взрывчатки. Танкистам предложили отвести танк. Внутри дота произошел сильный взрыв. Купол сбросило, дверь вылетела. В доте — ни звука. Тогда мы доложили командованию, что дот обезврежен.

Нам приказали вынести убитых из дота. Когда мы начали выносить трупы, к нам бросились белофинны из других дотов и начали обстреливать из автоматов. Бойцов-пехотинцев они оттеснили от дота, а мы остались в нем. Ну, думаем, будем сражаться, а из дота — ни шагу!

Правее, в двадцати метрах от дота, расположился наш станковый пулемет. Пулеметчик, видя, что на него движутся белофинны, не растерялся, подпустил их поближе и открыл по ним сильный огонь. Но все же белофиннам удалось бросить к нам в дот гранату, осколками которой ранило командира отделения Краснова.

Вдруг мы слышим, что наш пулемет ведет огонь одиночными выстрелами. Тогда выполз из дота отделенный командир Сазонов, подобрался к пулеметчику и подал ему новую ленту с патронами. Пулемет снова начал косить белофиннов. Враги не выдержали и убежали. Много их погибло от метких выстрелов пулеметчика.

В доте оказалось 15 убитых шюцкоровцев.

Спасая раненых

Наш танк, выдвинувшийся на 200—300 метров вперед, был подбит противником и отрезан от пехоты. Политрук доложил, что в танке осталось двое раненых, которые решили не покидать свою машину.

На дороге, которая вела от нас к подбитому танку, снарядом вражеского противотанкового орудия была подбита вторая наша боевая машина. В боевом отделении танка взорвались снаряды и диски с патронами. Вся машина была охвачена пламенем. Добраться до нее было очень трудно. Противник, чтобы не дать нам возможности под покровом ночи подойти к танку, поджег метрах в ста от него большое здание. Пламя освещало все подступы к танку.

Комиссар батальона вызвал меня к себе, объяснил создавшуюся обстановку и, выделив в мое распоряжение необходимое количество бойцов, приказал во что бы то ни стало добраться до танка и оказать экипажу помощь.

Двинулись в путь. В нашем распоряжении имелось два станковых и несколько ручных пулеметов. По мере продвижения к танку мы оставляли по обочинам дороги бойцов с задачей вести наблюдение и отражать попытки противника окружить и отрезать нас.

Противник неоднократно пытался своим огнем задержать наше продвижение, и нам то и дело приходилось зарываться в снег. Особенно яростным стал огонь белофиннов, когда мы были уже возле танка. Несмотря на все попытки врага не допустить нас к машине, нам все же удалось до нее добраться. Мужественным танкистам была немедленно оказана помощь, и они были отправлены в ближайший медицинский пункт. Через полтора часа были эвакуированы с поля боя и оба подбитых танка

Капитан
М. ШЛЯПНИКОВ

Не щадя жизни...

Огневой взвод младшего лейтенанта Мартьянова следовал за пехотой, не отставая. Он всегда сопровождал пехотинцев огнем и колесами. Его не останавливали ни глубокие снега, ни надолбы, ни проволочные заграждения. Часто артиллеристам приходилось тащить орудия на руках. На помощь им приходили стрелки. И благодаря общим усилиям пушки продвигались вперед.

Так было и 21 февраля, когда наш полк начал наступление на укрепленную линию противника за рекой Салмеи-Кайта.

Прежде чем вступить в бой, огневой взвод должен был переправиться через реку. Но лед посреди реки дал широкую трещину, и кони не смогли взять это препятствие. Артиллеристы выпрягли коней. Под огнем они на руках перебросили орудия через трещину.

Переправившись на другой берег, огневой взвод продолжал движение. Колеса орудий утопали в снегу. Артиллеристы на плечах вытаскивали орудия из сугробов и шли за пехотой.

Белофинны обстреляли огневой взвод из дерево-земляного укрепления. Их огонь мешал также продвижению пехоты. Младший лейтенант Мартьянов приказал взводу развернуться и повел огонь прямой наводкой по дзоту, который находился в 150 метрах от орудий. Состязание длилось недолго. Один за другим посылал Мартьянов снаряды прямо в амбразуры, и дзот, обваливаясь, стал умолкать.

Стрелки захватили дерево-земляное укрепление. Одно орудие двинулось дальше, туда, где пехота штурмовала два дота противника. Мартьянов остался на месте с другой пушкой и выполнял задачи, которые ставил ему командир наступающего батальона.

— Видите пулемет противника у отдельного дерева, что возле рощи? — обращался к Мартьянову командир батальона.

— Вижу, — следовал ответ, и меткие снаряды летели в цель.

Противник сосредоточил огонь на этой пушке. Падали люди, появились раненые и убитые. Вышел из строя командир орудия, наводчик... Но Мартьянов не ослаблял огня.

— Видите ожившую амбразуру дота? — спрашивал его командир батальона.

— Вижу, — коротко отвечал Мартьянов и прямой наводкой бил по амбразуре.

Вышел из строя заряжающий. Теперь Мартьянов один работал почти за весь расчет. Был сильный мороз, но пот градом струился по его лицу. Казалось, что этот человек не знает, что такое усталость. Он действовал пушкой так, как снайпер действует винтовкой. Ствол его пушки неизменно повертывался туда, откуда грозила опасность пехоте.

Мартьянова ранило в ногу, но и тогда он не отошел от орудия...

Ночью финны предприняли контратаку, пытаясь отрезать нашу пехоту, захватившую две железобетонные огневые точки. Мартьянов снова на посту. Из своего орудия он обстреливает наступающего противника. Бой длится долго. Но вот орудие замолкает...

Оно замолкло потому, что пуля пронзила комсомольский билет и сердце отважного артиллериста Василия Мартьянова.

Он погиб в тот момент, когда финны уже отступали, оставив на поле боя десятки солдат и офицеров, скошенных огнем пулеметов и мартьяновской пушки.

Младший лейтенант
Н. КОНОВАЛОВ

Высота с двумя дотами

Командиру нашего батальона капитану Василенко была дана боевая задача: овладеть высотой с двумя дотами на восточном берегу озера Суванто-ярви, в 4 километрах севернее реки Тайпален-йоки.

15 февраля, перед рассветом, мы расположились на опушке леса. Лес спускался почти к самому берегу озера. Впереди нас лежало покрытое снегом поле, а за ним тянулись проволочные заграждения и траншеи белофиннов.

В день наступления погода выдалась ясная. Стоял 45-градусный мороз. Тов. Василенко приказал 4-й роте вести наступление лесом и кустарником, что на правом фланге нашего батальона. 5-я рота должна была двигаться по берегу озера. Пулеметная рота наступала в лоб.

Штурм начался артиллерийской подготовкой. Артиллеристы обрушили на высоту всю мощь огня своих орудий. Авиабомбы вздыбили мерзлую землю и подняли ее на воздух вместе с обломками укреплений. Наши батареи обстреляли также и мыс Пантониеми, который находился за высотой. Мы двинулись на штурм высоты.

Подошли к проволочным заграждениям. Прорезая проволоку, бойцы миновали заграждения и достигли первой траншеи.

Белофинны открыли с мыса ружейно-пулеметный огонь. Заработали десятки минометов. Снег почернел от разрывов мин.

Бойцы 4-й роты, достигшие траншеи, из-за сильного огня противника начали было отходить. Тогда командир роты приказал младшему комвзвода Ващенко зайти со взводом во фланг противнику и уничтожить станковые пулеметы, расположенные у самого гребня высоты. Ващенко провел своих бойцов к высоте. Пулеметы находились влево от них. Четырьмя гранатами Ващенко подбил два пулемета, а бойцы из винтовок открыли огонь по белофиннам. Оставшиеся в живых враги удирали по направлению к дотам.

В это время наша 5-я стрелковая рота зашла во фланг противнику с озера и, ворвавшись в его расположение, вступила в рукопашную схватку.

Пулеметная рота, развивая успех, двинулась на гребень высоты.

Белофинны отчаянно сопротивлялись. Они приложили все силы к тому, чтобы не допустить нас на гребень высоты, где находился их основной оплот — доты № 7 и 8. Разгорелась жестокая схватка.

Наконец, враги не выдержали нашего натиска и по траншеям начали удирать в лес. Красноармеец Телешев стал метать в них гранаты. Бойцы передавали ему гранаты, точно по конвейеру. Увлекаемые Телешевым, бойцы продвигались вперед.

Командир взвода лейтенант Прусс прыгнул во вражескую траншею. Навстречу ему бежал финский офицер. Белофинн что-то злобно крикнул и прицелился в лейтенанта, но Прусс выстрелил первым.

— Получай, враг, от советского командира! — крикнул он и бросился снова вперед.

Боец Яблочкин неожиданно вплотную столкнулся с белофинном. В руке у бойца была граната, но он не успел поставить ее на боевой взвод. Раздумывать некогда. Яблочкин размахнулся и ударил офицера гранатой по голове. Тот упал. С другого конца траншеи бежало еще три шюцкоровца. Яблочкин на этот раз успел отвести у гранаты предохранитель и бросил ее в белофиннов.

Командир батальона капитан Василенко через связных отдавал приказания:

— Командиру пулеметной роты Бельскому продвинуться вперед, поставить станковые пулеметы на гребне высоты, бить по отступающим белофиннам.

— Блокировочным группам во что бы то ни стало взорвать дот № 7.

Капитан Василенко по телефону передал командиру стрелкового полка полковнику Пименову просьбу о возобновлении артиллерийского огня по мысу Пантониеми, откуда белофинны вели по батальону артиллерийский и минометный огонь. Заказ Василенко артиллеристы выполнили немедленно.

По выходе из траншеи, на самой высоте, бойцы попали под сильный ружейно-пулеметный огонь. Били из дота. Лейтенант Прусс с бойцами ползком подобрался к вражескому укреплению. Из-за укрытия Прусс крикнул:

— Сдавайтесь!

Гарнизон дота ответил огнем из автоматов.

Саперы вскоре взорвали дот вместе с белофиннами. Прусс осмотрел обломки укрепления. У одного убитого офицера он

Наблюдательный броневой колпак дота (Вяйсяненский укрепленный узел)

нашел планшет с картой укрепленного района. Этот планшет был доставлен командиру батальона.

Второй дот находился левее. Он был разбит нашей тяжелой артиллерией. Но все же там, среди обломков бетона и железа, притаившись сидели четыре автоматчика. Их заметил младший командир Кошкаров. Он подполз к ним с тыла и двумя гранатами уничтожил их.

Минуя траншеи и воронки от снарядов и авиационных бомб, комсомольцы-пулеметчики Романов, Дудко, Русляков, Германов доставили пулеметы на гребень высоты и расстреливали убегающих шюцкоровцев.

Младший комвзвода Ващенко, взяв двух человек из пулеметного расчета, кустарником, скрытно зашел в тыл отступающему врагу. Поставив пулемет под срубленную снарядом сосну, Ващенко открыл огонь по группам финнов, которые бежали в лес и на мыс Пантоинеми.

Большая группа врагов убегала по траншее, спускавшейся с высоты к озеру. Они были встречены нашими бойцами, зашедшими им во фланг.

Раздался окрик Шарапова:

— Сдавайтесь!

Финские солдаты бросили на землю автоматы, винтовки, пистолеты и подняли руки вверх.

Санитары выносили раненых с поля боя. Кругом, в траншеях, землянках, воронках, валялись трупы белофинских солдат в гражданской форме или в коротких солдатских шинелях. Красноармейцы, выделенные от каждого взвода, собирали трофеи: автоматы, станковые пулеметы на треногах, пистолеты. А какой-то боец из-за кустов, которые находились недалеко от дотов, крикнул:

— Идите ко мне, товарищи, здесь две финские пушки!

На помощь ему пошли шесть бойцов, общими усилиями выкатили пушки и повезли их в тыл. Оказалось, что эти пушки — шведские, образца 1939 года.

Батальон капитана Василенко, ныне Героя Советского Союза, прочно укрепился на высоте. В течение двух дней и двух ночей белофинны пытались атаковать батальон, но все контратаки были отбиты с громадными потерями для врага.

Из дневника артиллериста

Закончен наш первый марш. Правильно сделали мы, что заранее тщательно проверили готовность тракторов и автомашин. Марш был исключительно трудным. На подъемах каждое орудие приходилось буксировать двумя тракторами, и на это уходило много времени.

Хорошо придумал командир соседней батареи. При преодолении подъемов он использовал трактор как толкач орудий. Таким образом, батарея без задержки преодолевала подъемы. Надо будет в следующий раз применить этот способ.

* * *

Прекрасно работает разведчик Селин. Около реки Салменкайта он просидел в снегу три дня, разглядывая показавшийся ему подозрительным бугор. В первый день Селин заметил около него людей в белых халатах. На второй день увидел финна, выглядывавшего из амбразуры. На третий день установил, что к бугру подвозятся снаряды. Бугор и на самом деле оказался дотом. Командование представило Селина к ордену. Шутка ли пролежать в снегу трое суток на 45-градусном морозе!

* * *

Проволочная связь часто обрывается. Обидно, что ее рвут иногда наши же танки. Необходимо организовать охрану линии силами своих же телефонистов. Для артиллерии большой мощности, у которой наблюдательные пункты зачастую располагаются далеко от огневых позиций, нужно применять семижильный утонченный кабель. На одну и ту же катушку можно намотать провода вдвое-втрое больше.

Телефонисты работают с исключительным мужеством. Вчера связист Ермашов под разрывами снарядов восстанавливал связь, рискуя жизнью, и дал возможность батарее продолжать огонь.

На противоположном берегу реки Вуокси мы обнаружили наблюдательный пункт противника. Он был выбран не очень разумно, возле базы горючего. На этот раз стреляем прямой наводкой уже не по дотам. Пятым снарядом сбили наблюдательный пункт. Возник пожар, и через 15 минут взорвалась вся база.

Потерь в батарее нет. За все время боев ранены только три бойца; принимая во внимание, что батарея была десятки раз под огнем и дважды стреляла с открытых позиций прямой наводкой, — это счастье. Счастье или нет? Пожалуй, что счастье здесь не при чем. Просто научились хорошо окапываться и уходить от обстрела.

Лейтенант
Н. ЛАЗАРЕВ

Как боец Якушин бил врагов минометной плитой

В бою под деревней Ойнала, командуя минометным взводом, я решил занять более выгодную огневую позицию в непосредственной близости к противнику. Бойцы с разобранным минометом двинулись вперед.

Якушин нес на ремне минометную плиту. Весит она 18 килограммов, и нелегко тащить ее, продвигаясь по колено в снегу. Но Якушин — боец крепкий, не гнулся он под такой ношей.

Не успели мы сделать и нескольких шагов, как с фланга из-за укрытия на нас набросилась кучка белофиннов. Пошли они в атаку, в штыки.

Только что Якушин хотел снять с ремня винтовку, как к нему подбежал белофинн. Тогда Якушин поднял минометную плиту и с размаху ударил ею врага по голове. И еще трех белофиннов убил он минометной плитой.

Бойцы, видевшие, как действовал Якушин в бою, с восторгом вспоминали впоследствии об этом случае.

Капитан
П. ЗАРУБИЦКИЙ

Без потерь

Наша эскадрилья влилась в истребительный авиаполк в начале января, когда части Красной Армии подошли к линии Маннергейма, производили перегруппировку, вели разведку и мелкие бои, готовились к штурму.

Однажды вечером завязалась беседа между летчиками нашей эскадрильи и летчиками эскадрильи капитана-орденоносца Журавлева. Мы, как не «нюхавшие пороху», внимательно слушали людей с боевым опытом, расспрашивали их, как лучше вести бой с финским «Фоккером», как атаковать «Бристоль-Бленхейм», как быстрее и безопаснее уходить из-под огня зенитных орудий и пулеметов.

На следующий день, несмотря на низкую облачность, мы вылетели утром двумя группами и пошли на линию фронта во главе со штурманом полка тов. Ребровым, чтобы ознакомиться с обстановкой. Последующие полеты мы выполняли звеньями и парами, сопровождая корректировщиков, прикрывая свои войска, атакуя отдельные цели в ближнем тылу, где можно было обнаружить стреляющую батарею противника, его автомашины, сани с припасами или солдатами. Это были сравнительно простые задания.

Прошло еще несколько дней, и вот мы уже выполняем все наравне с другими эскадрильями полка. Сопровождая скоростных бомбардировщиков в тыл противника, мы не раз видели красные шары разрывов зенитных снарядов и остававшиеся после них клочья дыма, похожие на хлопья ваты — черной или белой. Ни разу не дали мы финским истребителям атаковать прикрываемых нами бомбардировщиков.

Летчики Казак и Кравченко вылетели однажды на разведку в тыл противника. Возвращаясь обратно и пройдя линию фронта, они заметили три самолета, не похожие на наши. Быстро развернувшись, Казак и Кравченко бросились на врагов. Финны рассчитывали внезапно атаковать, зайдя в хвост нашим машинам. Но это не вышло! Им предложили лобовую атаку.

Не выдержав, они бросились, как воробьи, врассыпную. Казак и Кравченко стали преследовать их.

Два преследуемых самолета сделали переворот через крыло, чтобы уйти пикированием вниз и скрыться на фоне леса. Но в этот момент каждый из них получил по хорошей очереди из пулеметов. Кравченко, пикируя, потерял из виду свою цель. Он подумал, что промахнулся, и, раздосадованный, вывел самолет из пике, пристроился к Казаку, тоже набиравшему высоту, и вместе с ним пошел домой.

После посадки оба доложили, что провели безрезультатный бой со звеном «Бристоль-Бульдогов». Однако в конце дня с фронта сообщили о двух сбитых самолетах противника типа «Бристоль-Бульдог», которые упали в лес недалеко один от другого в нашем расположении. Место и время их падения точно совпали с докладом летчиков Казака и Кравченко. Значит, это были их трофеи.

Когда Казак и Кравченко вернулись с очередного задания, я от души поздравил их с победой.

Мне лично помнятся такие эпизоды. Один раз перед рассветом в паре со старшим политруком Шабановым я вылетел в район Выборга. Задача была следующая: произвести разведку погоды и просмотреть дороги в определенном районе. Было еще темно, и по линии фронта пришлось идти с включенными бортовыми огнями. В одном месте на финском берегу залива мы заметили вспышки орудий, стрелявших в нашу сторону. Разворот, пикирование, — и на батарею посыпался свинцовый дождь. Финнам, как видно, не понравилось это, они перестали стрелять. На одном из островков залива мы «угостили» еще одну батарею и тоже заставили ее замолчать. Патроны кончились, пора домой. Садились на лед своего озера, когда из-за горизонта показался краешек солнца. Этот бой показал нам, что лучше всего атаковать цель рано утром, когда самолет совсем не виден с земли.

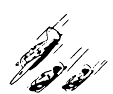
Как-то в районе станции Хейиноки мы атаковали склады. Зенитные пулеметы начали швырять красные ленты трассирующих пуль. Звено, шедшее сзади и выше — его вел командир звена Андреев, — атаковало место, откуда на нас сыпались пули. По звену Андреева стали стрелять с другого места. Первое звено, выйдя из пикирования и увидев это, атаковало точку, стрелявшую по второму звену. В это время на небольшой высоте (из-за низкой облачности), метрах в пятистах над землей, появилась девятка наших скоростных бомбардировщиков. Пулеметы с присоединившимися к ним малокалиберными пушками открыли огонь по ним. Мы же, проследив, откуда летят мелкие и крупные красные «шарики», ринулись вниз. Финнам пришлось оставить в покое наших бомбардировщиков, которые, сбросив бомбы, развернулись и благополучно пошли домой.

Во время окружения Выборга наша эскадрилья выполнила много штурмовых вылетов, помогая своей пехоте. Мы пикировали и стреляли по опушке леса, где засели белофинны, а пехота, пользуясь прекращением вражеского огня, бросалась вперед. Две-три атаки, и смотришь — довели целую роту до лесу, а там граната и штык наших бойцов сделают свое дело. За помощь наземным войскам наша эскадрилья дважды получила благодарность, причем один раз от командования 123-й ордена Ленина стрелковой дивизии.

Часто летали наши летчики в тыл противника, уничтожали автомашины, зажигали склады и поезда с боеприпасами и войсками, атаковали батареи и пулеметные гнезда. Направляясь за линию фронта, мы почти всегда брали с собой и разбрасывали листовки. Летчики набирали листовки в чехол для парашюта, клали пачки их в кабине на пол, засовывали в голенища унтов и т. д. Таким образом удавалось брать на каждый самолет до 8 тысяч листовок.

Были случаи, когда летчик возвращался с порядочным количеством пробоин в самолете, облитый маслом из пробитого бака. Но за все время боевых действий эскадрилья, совершив более 800 боевых самолето-вылетов, не потеряла ни одного человека, ни одной машины. Техники, во главе с инженером тов. Тахтаровым (ныне орденоносцем), работая по ночам при морозах в 30—40 градусов, быстро ремонтировали самолеты, и через день-два летчик снова вылетал для выполнения боевого задания на своей машине.

Так мы вместе с другими эскадрильями заслужили у советского народа награду для полка — орден Красного Знамени.

Младший командир
И. СИТНИКОВ

Пулеметчики

После того как наш стрелковый полк овладел деревней Ойнала, мы, перейдя замерзшую речку, с боем взяли одну высоту. Здесь нам было приказано закрепиться. Патроны кончались. С часу на час ждали обоз, который где-то задержался.

— Экономить патроны,— сказал я наводчикам.— Лучше целиться. Стрелять наверняка.

Ночь выдалась на редкость лунная, а белофинны еще пускали осветительные ракеты, и потому наша пехота окапывалась на виду у врага. Требовалось вести непрерывный огонь из станковых пулеметов.

Впереди были видны гранитные надолбы и ряды проволочных заграждений. Я следил за вспышками выстрелов, определяя местонахождение вражеских пулеметов, и давал указания своим наводчикам.

Патронов становилось все меньше. Стрелять приходилось уже не всем пулеметам одновременно, а по очереди.

Белофинны догадывались о нашем положении. Стрельба с вражеской стороны усиливалась с каждой минутой.

Я узнал от товарищей, что правее нас в предыдущие дни шел бой. Враг отступил, оставив на месте много боеприпасов. «Не сходить ли туда, чорт возьми, за патронами», — подумал я.

Получив разрешение командира, я приказал:

— Бойцы Дмитриев и Пасохин, захватите с собой санки для поклажи. Каждому иметь не менее пяти гранат.

Мы тихонько спустились с высоты к проволочному заграждению и пошли направо. Пробирались осторожно, укрываясь за гранитными надолбами, за деревьями и бугорками.

Пройдя около двух километров, остановились. Осмотрелись.

— Должно быть, все уже подобрали и нам не оставили, — решили мы, переглянувшись.

Назад с пустыми санками возвращаться не хотелось. Там шел бой, и «Максимы» расстреливали последние ленты. А дальше...

Мы лежали на снегу, всматриваясь за проволоку, в сторону врага. Неожиданно до нас долетел какой-то звук.

Пулеметный расчет в бою

Осторожно перебираемся через проволоку. Двигаемся дальше. Снова слышим звук. Это под землей разговаривают люди на непонятном языке. Белофинский дзот!

Мы остановились у двух пулеметных амбразур. Я тихо командую:

— Бросай гранаты в амбразуры!

Три гранаты полетели в подземелье. Лежа в снегу, мы слышим сильные взрывы и крик отчаяния. Потом открывается дверь. Из дзота вылез белофинн, пытаясь убежать.

Боец Пасохин прыгнул к нему и прикончил его штыком.

Подождали минуты две. Не вылезет ли еще кто-нибудь! Нет, кругом стояла полная тишина.

Осторожно пробрались внутрь дзота. Там лежали двое убитых белофиннов у станкового пулемета.

— Славная добыча, — подмигнул я товарищам.

Пулемет взяли на плечи. На санки уложили двенадцать коробок с пулеметными лентами и благополучно вернулись на свою высоту.

Недолго думая, установили белофинский пулемет и открыли огонь. Добытыми патронами снарядили ленты, и тут заговорили опять все «Максимы».

Стало весело на душе. Бойцы, ободренные меткой стрельбой пулеметчиков, готовились к наступлению.

До рассвета мы стреляли отнятыми у врага патронами. Наконец, прибыл наш обоз с боеприпасами, и часть двинулась вперед.

Подвиг

Утро выдалось холодное. Дул резкий, обжигающий ветер, бросая в лицо снежную пыль. Боец Железнов потер ладонью о ладонь и, согревая дыханием руки, посмотрел прямо перед собой. Небольшие клубы пара поднимались и таяли в морозном воздухе.

— Не дышите воткрытую, — предупредил его политрук Корольков, — противник может заметить вас по пару!

Железнов стал наблюдать. Впереди лежала поляна, покрытая редким кустарником и глубокими воронками, вырытыми снарядами. В одной из воронок и лежали Железнов, еще трое бойцов и политрук. В таких воронках, скрываясь за кустарником, лежала вся рота, ожидая сигнала к атаке. В лесу стояли наготове танки. Над головой с воем и шипением проносились снаряды.

— Ай, да, молодцы артиллеристы, — не удержался Петр Железнов, — вот так земляки. Красота какая. А? Как бьют! Бьют-то как! Вы только посмотрите, товарищ политрук!

В это время высоко вспыхнула зеленая ракета и падающей звездой разрезала морозный воздух.

Это был сигнал к атаке.

Политрук привстал.

— Вперед! — крикнул он.

— Ура-а-а! — прокатился дружный красноармейский клич, и рота рванулась вперед.

Политрук бежал рядом с бойцами...

Впереди была небольшая высота с дотом. Железнов не спускал с нее глаз. Он бежал, что было силы, чувствуя возле себя горячее дыхание товарища.

Вдруг справа по наступающим застрочили пулеметы. Враг осыпал бойцов пулями.

Надо было подавить огневые точки противника. Один танк круто повернулся и полоснул из орудия по кустарникам, где скрывались белофинны.

— Эй, землячки,— крикнул Железнов, подбегая к танку и стуча по броне, — принимайте гостя!

И не дожидаясь ответа, он взобрался на танк.

Машина рванулась вперед. Железнов припал к ручному пулемету. Он заметил у сосны белофинского пулеметчика и выпустил в него очередь. Танк то летел прямо, то круто поворачивался на месте, меняя направление, и Железнов, приноравливаясь к его колебаниям, беспощадно косил врагов из пулемета.

Финны, охваченные паникой, не выдержали натиска и начали отступать, оставляя убитых и раненых.

— Не отставай, землячки,— кричал Железнов и выпускал очередь за очередью по отступающему врагу.

Неожиданно боль обожгла плечо. На халате выступила кровь. Железнов неловко сполз с танка. Голова тяжелела, наливалась свинцом. Но, пересилив боль, он медленно двинулся вперед.

Пробежал политрук. Раненый боец старался не выпустить его из виду, старался не отстать.

Впереди высился дот, полуразрушенный нашим артиллерийским огнем.

Железнов на ходу оторвал окровавленный кусок халата и поднял его над головой. Он флажком затрепетал в его руках.

— Вперед!

Рота приближалась к доту.

Железнов первым вскочил на груду железа и бетона — все, что осталось от дота, — и поднял высоко над собой окровавленный лоскут халата. Это было знамя победы.

Герой Советского Союза младший лейтенант
Г. АЙРЕПЕТЬЯН

Я — командир штурмовой группы

Родом я из Азербайджана. Родился в 1914 году. В Красной Армии — с 1936 года. Отслужив срок, окончил на Украине курсы младших лейтенантов.

Осенью 1939 года участвовал в освободительном походе по Западной Украине, но в боях не пришлось побывать. В декабре меня перебросили на финский фронт. Приехал на Карельский перешеек 28 декабря. Назначили командиром взвода.

Мой взвод стоял в пятистах метрах от передовой линии, невдалеке от озера Суванто-ярви. Мы жили в блиндажах.

Прожил я там всего три дня.

На четвертый день меня вызвали в штаб полка. Там были комиссар дивизии и командир полка. Комиссар дивизии объяснил мне задачу группы, командиром которой назначили меня. Эта группа должна, внезапно врываясь в траншеи противника, сеять там панику и этим способствовать захвату траншей.

Познакомился со своими бойцами. Их было 30 человек. Люди все опытные, отслужившие в армии по два года, знакомые с особенностями действий в укрепленных районах.

Я решил, что прежде всего необходимо разработать способ добираться до неприятельских траншей без потерь. Комиссар дивизии одобрил мою мысль. Мы стали тренироваться. Построили из снега учебный дот, траншеи. Днем тренировались, а ночью ходили в разведку, чтобы заранее изучить поле своих будущих действий.

Наша дивизия была расположена на одной цепи высот, финны — на другой. Между обеими цепями высот — овраг. Когда наша пехота обычными мелкими перебежками спускалась по склону для атаки, финны, имевшие возможность обстреливать склон прицельным огнем, наносили пехоте потери и принуждали ее возвращаться.

Ночными разведками нам удалось установить, что перед самыми финскими траншеями находится мертвое, непростреливае-

мое пространство. «Если бы, — подумал я, — нашей штурмовой группе удалось без потерь достигнуть этого мертвого пространства, мы могли бы ворваться и в траншеи».

11 февраля дивизия пошла в наступление. В 5 часов утра началась артиллерийская подготовка. Она продолжалась 4 часа без перерыва. Когда рассвело, я получил приказ — ворваться со своей штурмовой группой в неприятельские траншеи.

Герой Советского Союза
младший лейтенант Г. Айрепетьян

Группа заняла исходное положение на своем склоне. Я понимал, что если мы двинемся вниз по склону мелкими перебежками, то финны перестреляют нас прежде, чем мы добежим до дна оврага.

Оставалась одна возможность: бежать во весь дух и во весь рост, пока не достигнешь мертвого пространства.

Такое решение я и принял. Послал вперед одно отделение, причем пустил бойцов не кучей, а рассредоточенно, на расстоянии 5—6 метров друг от друга.

Смотрю — удалось. Под бешеным огнем все десять добежали до мертвого пространства и залегли вблизи финских траншей.

Тогда я выпустил второе отделение. Опять удача. Посылаю третье — и вот вся штурмовая группа, кроме меня, находится уже на месте.

Нужно перебираться и мне. Пускаюсь бегом вниз по склону. Но финны уже разгадали наш замысел и обрушились на меня огнем.

Чувствуя, что малейшее промедление — смерть, бегу во весь дух. Но огонь был так силен, что до мертвого пространства мне не удалось добежать.

На склоне когда-то стояла жилая постройка. Она сгорела, от нее осталась только полуразрушенная кирпичная печь. Я спрятался за трубой. Печку обстреливали так, что осколки кирпича дождем стучали по моей стальной каске. А только высунешь голову, по каске, словно спичка, чиркнет пуля.

Минут двадцать держали меня финны за трубой. Наконец, успокоились. Видно, решили, что я убит. Тут я и выскочил. Добежал до своей группы.

Между нами и финнами метров тридцать. Слышу их разговор, команды на непонятном мне языке. Разделяет нас длинный узкий бугор.

Пулями им нас не взять. Они начали швырять ручные гранаты. Мы в ответ тоже кидаем ручные гранаты через бугор. Но вижу я, что долго не продержишься под гранатами, нужно итти в атаку. А как пойдешь? Ведь бугор перед траншеями наверняка минирован!

И вдруг финны, обманутые нашим криком «ура» и решившие, что мы бросились на их траншеи, взорвали свое минное поле. Нас завалило снегом и землей.

Однако отряхиваюсь и вижу, что вся моя группа цела.

Но тут новая беда. Бугор, защищавший нас от финских пуль, стал гораздо ниже. Теперь мы могли уже только лежать, не поднимая головы. Встать не было никакой возможности.

Гляжу — наш самолет. Истребитель. Летчик, видимо, понял наше положение. Самолет пикировал на финскую траншею, стреляя из всех пулеметов. Финны попрятались на дно. Этим моментом я и воспользовался.

Подбегаем к траншее и забрасываем ее гранатами. Белофинны — кто убит, кто ранен, кто бежит, побросав оружие. Врываемся в траншею.

Три дота, расположенных в системе траншей, не поддержали своих. Прекратили огонь. Из них тоже побежали финны. Я послал часть своих бойцов вправо по траншее, часть — влево, а сам, увидев ход сообщения, уходивший в глубь расположения противника, кинулся туда, чтобы закрыть дорогу возможной поддержке с тыла.

Прямо передо мной бежал финн. Я несколько раз стрелял в него, но не попал, потому что ход сообщения уходил вглубь зигзагами и повороты мешали мне целиться.

Вдруг я заметил, что финн нырнул в какую-то дыру слева. Я мгновенно сообразил: если не пойду за ним немедленно, он

может оттуда встретить меня огнем. Остается только одно: сидеть у него на плечах.

И я, не останавливаясь, нырнул в дыру вслед за врагом.

Темный подземный ход. И вдруг вбегаю в комнату, ярко освещенную электричеством. Никого. А пути дальше нет. Где же финн? Куда он девался?

Имея гранату и винтовку наготове, я оглядел комнату. Вдоль стен — широкие нары, в два этажа, как в вагоне. Выше,

На исходные позиции

на стенах, толстые пучки проводов. Посреди комнаты стоит стол, на столе три примуса. На примусах котелки, в котелках варится каша. Всюду грудами валяются винтовки, гранаты, револьверы и полевые сумки. Но ни одного человека. Где же финн, за которым я гнался?

Тут подоспели два моих бойца. Встали рядом со мной, держат винтовки наготове, разглядывают комнату.

В одном углу увидели мы целую кучу шинелей. Гляжу из-под кучи торчит валенок. Сначала я не обратил на него внимания. Стал собирать офицерские сумки, вытряхивать из них документы, карты, схемы, чтобы отправить в штаб дивизии. И вдруг мне пришло в голову: почему этот валенок торчит вверх носком? Если бы он был пустой, непременно свалился бы на бок.

Подошел я к куче шинелей. Держу револьвер в правой руке,

а левой сгреб шинели и бросил их в сторону. Под шинелями лежит финн, которого я искал. Мертвый. Револьвер в руке. Застрелился.

Я отправил в штаб дивизии документы, найденные в офицерских сумках, а сам со своей группой расположился в занятой траншее. Стали собирать брошенное финнами оружие. Здесь были целые горы винтовок, автоматов, револьверов, ручных гранат, два станковых пулемета. Мы их сразу повернули стволами в сторону финнов. Возле них были ящики лент с тысячами патронов.

Между тем к нам стали подходить через овраг бойцы. Теперь под моей командой было уже человек шестьдесят. Я этому очень обрадовался, так как с минуты на минуту ожидал контратаки.

Но финны предприняли первую контратаку только вечером. Мы встретили их огнем из их же пулеметов. Лес за траншеей был превращен нашей артиллерией в поле, и им негде было прятаться. Не добежав до траншеи, они обратились в бегство.

Контратака отбита. Но я понимал, что неизбежна вторая и что они ее предпримут с гораздо большими силами. Кроме того, в задачу моей группы не входит удержание этой траншеи во что бы то ни стало. Внеся дезорганизацию в ряды противника во время боя, группа уже сделала свое дело.

Однако не хотелось уходить, не причинив врагу возможно больше вреда. И мы остались ждать второй контратаки.

Она последовала глубокой ночью. Мороз, ветер, снег. Финны развили ураганный огонь и ударили на нас с трех сторон. Бойцы мои дрались, как львы. Мне приходилось поспевать и туда и сюда, чтобы объединять действия всей группы и сосредоточивать удар там, где он в данную минуту был наиболее необходим.

Вскоре я обнаружил, что финны основным направлением контратаки избрали зигзагообразный ход сообщения. Здесь было особенно жарко. Мои бойцы, отстреливаясь, начали отходить.

— Гранаты! — кричу.— Давайте мне сюда побольше гранат!..

Гранатой я умею работать, знаю и люблю это оружие. Еще до Красной Армии, в Азербайджане, я завоевывал на соревнованиях первые места по гранатометанию. Обычная хорошая дистанция для гранатометчика — 45—50 метров. Мой рекорд — 68 метров.

Мне подали связку гранат. Я занял в ходе сообщения позицию и стал швырять гранаты в наступающих финнов, медленно пятясь и прикрывая отход своих бойцов. Когда гранаты кончались, я требовал новых, и бойцы подносили мне их.

А тем временем бойцы мои мало-помалу оставляют траншею. Требую еще гранат, но мне отвечают, что не осталось ни одной. Надо и мне уходить. С последней гранатой в руке стою один в траншее. И сразу передо мной появляются три финна с винтовками, направленными на меня.

Хотел швырнуть гранату, но вдруг почувствовал, что правая рука повисла, как плеть. Схватил в левую руку револьвер и выстрелил. Один финн опрокинулся, другие отпрянули и скрылись за изгибом траншеи.

Зная, что через секунду они вернутся, я стал выползать из траншеи к своим, не спуская глаз с противника.

За мной бросился финн с автоматом. Я уложил его из револьвера. Еще один сунулся за мной. И этот грохнулся, подбитый пулей.

Но чувствую, в глазах темнеет, дыхание становится частым и прерывистым. Тут только начал я понимать, что ранен не в руку, а в правую половину груди. Сколько ни заберу воздуха, он до легких почти не доходит, а вырывается наружу, и кровь булькает в ране.

Траншея позади меня имела пологий выход на склон горы. Я повернулся к финнам спиной — больше уже все равно не мог сопротивляться — и пополз.

Ползу. Финны ведут сильный огонь. Пули пролетают надо мной.

В сумраке вижу наших. Они мне кричат.

Я теряю сознание.

Очнулся я 15 февраля в госпитале.

Младший лейтенант
В. ИВАНОВ

Захват двух дотов

Наш полк 21 февраля пошел в наступление на укрепленный район у реки Салмен-кайта. Пулеметной роте, которой я командовал, была поставлена задача: обеспечить наступление 3-го батальона огнем с фланга.

К 10 часам пулеметная рота заняла исходное положение на опушке леса перед рекой. 3-й батальон пошел вперед. Мы открыли огонь по березовой роще, лежавшей перед нами.

Вот 3-й батальон подходит к роще. Ответного огня противника не слышно.

Прекращаю стрельбу и броском с исходного положения достигаю рощи вслед за уже втянувшимися в нее 3-м и 1-м батальонами.

Командир 1-го батальона тов. Степанов, рядом с которым я оказался, говорит мне, что, по его мнению, 3-й батальон не совсем на месте, он должен занять позицию несколько левее. Я проверяю по карте, вижу, что тов. Степанов прав.

Надо исправить неточность, — левый фланг в связи с этим защищен у нас недостаточно. Приказываю своей пулеметной роте выдвинуться на левый фланг.

Выдвинулись, заняли траншею, брошенную белофиннами. Заметили, что метрах в полутораста от нее виднеется амбразура. Пригляделись внимательней. Да это же дот!

Но он молчал. То ли в нем ждали, чтобы мы подошли еще поближе, то ли просто нас покуда не рассмотрели.

Решаю воспользоваться моментом и захватить дот. Поставил задачу командиру взвода младшему лейтенанту Гуторову — сосредоточить беспрерывный огонь четырех пулеметов в одну точку: по амбразуре. Сам же с другим командиром взвода тов. Васильевым перешел в наступление.

Когда до дота оставалось уже метров двадцать, я взмахнул рукой — это был заранее условленный с Гуторовым сигнал о прекращении огня.

Буквально в несколько секунд мы домчались до дота и вскочили на него. Теперь огонь этого дота нам уже не был страшен. Но по товарищам в роще дот мог вести огонь попрежнему.

Наверху дота было навалено множество камней — они предохраняли бетон от артиллерийского огня. Но в данном случае они не только не помогли финнам, а, наоборот, способствовали быстрейшему закреплению нашей победы: мы сбросили этот увесистый «подручный материал» вниз, и перед амбразурами дота образовалась каменная насыпь. Дот оказался «ослепленным», а значит, и обезвреженным.

Но следовало вывести из строя и его команду.

Сквозь жестяную трубу отопления, выведенную наверх, одну за другой я спустил десять гранат. То-то жарко разгорелась печка!

После этого из дота больше не слышалось ни слова.

Верх обезвреженного дота представлял собою некоторую возвышенность, и хоть она была незначительна, но оказалась достаточной для того, чтобы рассмотреть: метрах в ста находился второй дот.

Терять нельзя было ни мгновения. Не дожидаясь подхода остальных взводов, я бросился ко второму доту. Удалось взобраться наверх. Булыжника тут было навалено меньше, чем на первом. Я пнул камни ногой, и они посыпались вниз. Еще несколько усилий, и вниз съехал весь гранит с купола.

Крикнул:

— Фудашкин!

(Фудашкин был разведчиком. Едва его кликнешь — он уже перед тобою. На редкость расторопный боец! Впоследствии за героизм, проявленный в целом ряде боев, он был награжден орденом Красного Знамени.)

Когда Фудашкин пробежал примерно половину расстояния от первого дота, я крикнул ему, чтобы он позвал сюда младшего лейтенанта Васильева со взводом.

Через несколько минут Васильев был уже рядом со мной. Гранитом и снегом «ослепили» все амбразуры и этого дота, выставили круговое охранение. Оставив за себя младшего лейтенанта Гуторова, я вернулся на исходное положение — выяснить обстановку на участке всего полка. Но едва я успел дойти до блиндажа, где находились командир 1-го батальона Степанов и начальник штаба 3-го батальона Ильин, как в блиндаже запищал телефонный аппарат. Звонили из моей роты: белофинны перешли в атаку на осажденный нами дот.

Комбат Степанов немедленно выделил взвод на поддержку моей роты, и я с этим взводом отправился назад. Однако, когда мы дошли до дота, то выяснилось, что звонок был результатом паники телефониста.

Во втором доте слышались разговоры осажденных белофиннов.

Я вызвал сапер, и они взрывчаткой довершили ликвидацию вражеского гарнизона в доте.

☆

Х. НАБИЕВ

Друг „Максим“

Мое любимое оружие — станковый пулемет. За время боев с белофиннами я прошел путь от пулеметчика до политрука пулеметной роты, но каждый раз в критический момент ложился за «Максима», и верный товарищ выручал...

XXII годовщину Красной Армии мы встречали на фронте, выполняя боевую задачу.

Большим массивом тянулся одетый снегом лес, прорезанный ровной дорогой. Дорога взбиралась на высоту 44,0. Дальше лежала высота 18,4, упиравшаяся в левый берег реки Вуокси.

Надо было овладеть этими высотами и закрепиться на берегу. Пулеметный взвод под моей командой поддерживал огнем стрелковую роту старшего лейтенанта Лаврентьева. Мы наступали вдоль дороги, перебегая от дерева к дереву. С высоты 44,0, усеянной крупными камнями, строчили белофинские автоматы и станковый пулемет.

В одном из моих пулеметных расчетов был убит наводчик Паршинцев. Его заменил старшина роты Чернышев.

Чернышев стрелял исключительно метко. Он заставил умолкнуть все огневые точки противника. Белофинны не смели высунуть носа из-за камней. Чернышев поливал их так щедро, что рота старшего лейтенанта Лаврентьева подошла вплотную к высоте.

Мы передвинулись с пулеметами на следующий огневой рубеж. Враг находился от нас в каких-нибудь ста метрах. Еще нажим, и высота будет нашей.

Однако пулемет Чернышева внезапно перестал действовать. Установить причину задержки не удалось. Оглянувшись, Чернышев увидел красноармейца с гранатометом.

— Почему, Свилев, не стреляете? — крикнул ему Чернышев,— у меня пулемет заело, помогайте пехоте!

— Я ранен,— ответил Свилев.

Чернышев подскочил к раненому, оказал ему первую помощь и взял гранатомет. Он выстрелил несколько раз, и за камнем, где засели финны, стало тихо.

— Вперед! — загремело по склону высоты. — Ура!

— За Сталина!

— За Родину!

Мы врываемся на высоту и видим разорванные в куски трупы белофиннов, брошенный станковый пулемет, автоматы.

Укрепляемся за камнями. Враг два раза пытается вернуть высоту. Он окружает нас, переходит в контратаку, но мы бьем его в упор из наших «Максимов», забрасываем гранатами.

Так прошел весь день 23 февраля.

Ночью к нам подошли подкрепления, и белофинны были отогнаны с большими для них потерями.

Овладев правым берегом реки Вуокси, мы готовились к стремительному броску через лед. Но там, по данным разведки, были превосходящие силы противника. Хорошо замаскированные, совершенно невидимые дзоты часами вели по льду шквальный огонь.

7 марта мы начали большое наступление. Артиллерия, установленная на высоте 18,4, открыла огонь. Левый берег задымился, полетели щепы от развороченных деревьев.

Я снова поддерживал огнем своих пулеметов роту старшего лейтенанта Лаврентьева. Против наших позиций, на середине реки, возвышался маленький островок. Я приказал передвинуть один пулемет вперед, на реку.

Чернышев с пулеметом, несмотря на жестокий огонь, бегом достиг острова. Забаррикадировавшись камнями, Чернышев повел с острова губительный огонь по вражеским позициям. Он лежал впереди нас почти на 300 метров и значительно облегчал пехоте наступление.

Белофинны озлобились. Дерзость одинокого пулеметчика мешала им трезво думать об опасности. Они поперли на него в атаку. С криком, с дикими воплями финские лыжники выскочили из лесу на лед.

Чернышев подпустил их на 50 метров и расстрелял в упор. Остатки лыжников отхлынули назад, в лес. Через некоторое время появилась вторая группа финнов. Они бежали на лыжах без палок, стреляя из автоматов. Чернышев и этих встретил должным образом. Всюду на ледяном поле вокруг острова чернели трупы врагов.

Когда мы подбегали к острову, пулемет Чернышева внезапно затих. Мы нашли отважного пулеметчика убитым. Пуля, пройдя через отверстие в щите, попала ему прямо в лоб. Перед «Максимом» валялось около двадцати буквально изрешеченных белофиннов.

Бойцов охватила ярость.

— Будем драться, как наш товарищ Чернышев! — кричали они, идя в атаку.

— Отомстим за старшину!

— Вперед!

Вот и левый берег. Но здесь еще проволока в три ряда. Я подполз с ножницами и, завалившись в снег, стал проделывать проход для пехоты.

Белофинны стреляют с близкого расстояния, пули цокают рядом. Я режу, режу. Вдруг сильный взрыв потрясает землю. Мина! Товарища моего, командира пулеметного отделения Карпуса, разнесло в куски. Я тоже ранен в ногу. Однако некогда думать о ране.

Выхватил из противогаза индивидуальный пакет, сорвал бумагу, сунул его в дырку, пробитую осколком мины в валенке, и снова принялся резать проволоку.

Наконец, проход готов. Даю ракетами сигнал пехоте.

— По одному вперед!

Атака была сокрушительной. Мы взяли восемь дзотов, два орудия, миномет и множество разного вооружения и боеприпасов.

Перевязав раненую ногу, я не захотел покинуть боевых товарищей и остался в строю.

Старший политрук
КИСЛЯК

Пожар на самолете

Мне хочется рассказать об одном полете в морозный февральский день. Наша группа летела на Хапамяки — важный железнодорожный узел в центре Финляндии. Когда мы были в 90 километрах от цели, сопровождавшие нас истребители отвалили от группы и бомбардировщики остались одни.

Мы шли на большой высоте, надев кислородные маски: пальцы, крепко держащие штурвал, стыли, в сердце чувствовалось легкое покалывание, каждое движение на такой высоте давалось с трудом. Нас радовала лишь мысль о том, что мы с каждой минутой приближаемся к цели и скоро нанесем врагу жестокий удар...

По заранее разработанному плану мы должны были произвести бомбометание с высоты 4 тысяч метров. Командир группы капитан Серегин пошел на снижение. Вслед за ним устремились остальные бомбардировщики.

Когда мы снизились метров на пятьсот, на нас, километров за семьдесят до цели, налетели вражеские истребители, которые с пикирования пошли в атаку. Один истребитель напал на наш самолет. Мой стрелок-радист, старшина Фурман, дал несколько коротких очередей из пулеметов. Вражеский истребитель поспешил зайти в хвост, где он был прикрыт от нашего огня стабилизатором. Истребитель поболтался там, зашел справа и открыл огонь по бакам с горючим. Огнем было перебито управление элероном правого крыла. Машина пошла с левым креном — штурвал в моих руках повернулся сразу на 180 градусов.

Я повернул штурвал обратно, с большим трудом выровнял машину. Старшина Фурман открыл огонь по вражескому истребителю. Тот вдруг «клюнул» и «посыпался» вниз, к земле. Только тут я увидел пробоины в правом крыле своего самолета и заметил в зеркале, как к стабилизатору, срываясь в стремительном ветре, поползли языки яркокрасного пламени.

Я с минуты на минуту ожидал взрыва баков с горючим. На всякий случай расстегнул кобуру и положил револьвер

поверх комбинезона, решив парашютом не пользоваться, если самолет рухнет на вражескую землю. Однако, хотя крыло было охвачено пламенем, я продолжал идти к цели, догоняя идущий впереди самолет. Пытаясь выровнять самолет, я убрал газ правого мотора, отжал доотказа руль поворота правой ногой, дал полностью газ левому мотору и стал действовать левым элероном... Все же машина не выходила из крена.

В это время в трубке переговорного аппарата послышался голос штурмана, начальника связи эскадрильи, старшего лейтенанта Полянично:

— Теперь уже недалеко до цели!

Я дал газ правому мотору, поставил ноги нейтрально и слегка отдал штурвал, чтобы увеличить скорость. Пламя стало понемногу гаснуть. Однако едва исчезли языки пламени, как на меня накинулся «Фоккер Д-21».

Он пошел в атаку справа, пулеметной очередью пробил баки с горючим и хотел повторить атаку, но я пристроился к левому звену первой девятки и попрежнему шел к цели, не сворачивая с боевого курса.

Бомбы мы положили хорошо, с высоты 4 тысяч метров.

При отходе от цели, на развороте, я отчетливо видел вокзал, охваченный пламенем, и разбитые железнодорожные составы, над которыми вздымались клубы черного дыма.

Не успели пройти и 15 километров от цели, как у меня сдал правый мотор. Пришлось идти на одном левом моторе, которому я прибавил газ.

Наступал вечер. Солнце заходило. Хотелось поскорее миновать вражескую территорию, но все же я не давал полного газа, надо было жалеть мотор и иметь запас оборотов. Так мы пролетели сотни километров.

Но вот показался аэродром. Пошел на посадку. Едва машина пробежала по земле метров двести пятьдесят-триста, как ее стало сильно разворачивать вправо. Пришлось остановиться на середине аэродрома. Я вылез из кабины и занялся осмотром машины. Что стало с ней! Всего я насчитал 27 пробоин. Жаль мне было свою машину — обгорелую, страшную, изрешеченную пулями, и в то же время гордился я, что, несмотря на атаки истребителей, несмотря на пожар, возникший на самолете, выполнил боевое задание командования и сумел благополучно вернуться на аэродром.

Этот полет явился для меня, да и не только для меня, а и для всей нашей эскадрильи, проверкой, школой работы в боевых условиях. Он научил нас не сдаваться, не сворачивать с боевого курса ни при каких условиях и до конца выполнять свой священный долг, долг воинов Красной Армии.

☆

Н. КЛИМИН

Герой Советского Союза Иван Сиволап

В армию он пришел трактористом и комсомольцем. Это, конечно, немало для воспитания отличного танкиста, но Иван Сиволап превзошел все ожидания. Едва получив боевую машину, он, казалось, сразу сжился с ней и показывал чудеса вождения. Как-то его даже обвинили в лихачестве. На самом деле лихачество было совсем чуждо этому застенчивому и скромному парню. Уверенность и стремительность, с какой он водил машину, основывались на мастерском владении механизмами. До конца обучения оставалось еще четыре месяца, а Сиволап уже знал и делал все, что можно было потребовать от искусного механика-водителя. Притом он охотно помогал товарищам, делился с ними своим опытом.

Самой серьезной проверкой блестящих способностей молодого танкиста явилось его участие в войне с белофиннами. Иван Сиволап показал на фронте, что он не только водитель-виртуоз, но и бесстрашный, беззаветно преданный Родине патриот.

В начале декабря, когда пришлось столкнуться с минными полями, Сиволап стал преодолевать минированные участки на предельной скорости, рассчитывая, что при этом мина взорвется сзади танка. Это, конечно, очень рискованно, но бывали случаи, когда приходилось брать с хода минированные места.

Однажды мина взорвалась слишком скоро или, может быть, на пути был заложен усиленный фугас. Взрыв произошел под задней частью танка. Мотор вылетел, разрушена была задняя часть корпуса, но экипаж уцелел. Сиволап сидел за рычагом в уцелевшем отсеке танка, оглушенный, но совершенно невредимый.

Впервые Сиволап встретился с дотами в районе Вяйсянена. Шел жаркий бой. Машине, которую вел Сиволап, вместе с другими предстояло преодолеть линии каменных надолб. По донесению разведки всего было пять рядов надолб, расставленных в шахматном порядке.

Сиволап, отыскав место, где препятствия частично были повреждены нашими снарядами, ввел танк между надолбами. Осторожно и ловко маневрируя, он добрался уже до центра, когда ожил один из вражеских дотов.

Снаряд попал в башню машины и повредил ее. Открыли огонь и другие доты, искусно замаскированные под жилые строения. Гибель беззащитной и скованной в своих движениях машины казалась неизбежной.

— Жаль нам стало героического экипажа,— рассказывал после боя командир танковой роты тов. Рыбаков.— Положение его в ту минуту было явно безвыходным...

Но мастерство водителя, его исключительное хладнокровие сотворили чудо. Сиволап сумел повернуть машину почти на месте, двигаясь буквально на сантиметры то вперед, то назад. Однако, развернувшись, танк уперся в гранитные метровые надолбы, установленные так густо, что между ними нельзя было пройти.

Сиволап нащупал левой гусеницей одну из надолб, и машина поползла по ней. Правая гусеница на секунду поднялась в воздухе и по удивительно точному расчету водителя стала самым центром на другую надолбу. Танк рванулся — и так, двигаясь по каменным столбам, прошел всю линию препятствий поверху.

Машина была спасена и могла продолжать бой.

В другой раз, в бою за рощу «Редкая», Сиволап заметил противотанковую пушку противника и доложил об этом командиру танка лейтенанту Егорову. Тот одним снарядом уничтожил пушку.

Сразу заговорила вторая пушка. Снаряд пробил машину и пролетел над самой головой нагнувшегося зачем-то механика-водителя.

— Этак и без прически останешься,— пробормотал Сиволап, ощупывая голову.

Этим снарядом ранило башенного стрелка Смирнова. Легче отделался командир танка Егоров — снаряд пролетел у него между ног и только опалил брюки.

Раненого стрелка отвезли в тыл, заправились боеприпасами и бензином, и снова Сиволап повел машину в бой.

С 15 февраля меня назначили командиром машины, экипаж которой состоял из механика-водителя Ивана Сиволапа и башенного стрелка Шевченко. Я был очевидцем нового подвига героя-танкиста.

Бой происходил на берегу озера Муола-ярви. Танки дошли до глубокого, залитого водой рва, длина которого, по данным разведки, достигала трех километров. Дальше видны были многочисленные эскарпы, а на опушке леса — гранитные надолбы и несколько рядов проволочных заграждений. Глубо-

кий — больше метра — снежный покров также затруднял движение машин.

Белофинны заметили наше появление у препятствий и открыли артиллерийский огонь. Не ожидая приказаний, Сиволап умело маневрировал, чтобы дать мне возможность наблюдать и в то же время не позволить врагу поразить нашу машину.

Герой Советского Союза
механик-водитель И. Сиволап

К тому же он и сам вел отличное наблюдение за полем боя.

— Пушка справа! — доложил он.

Через несколько секунд вражеская пушка замолчала навсегда.

Но вскоре досталось и нам: вражеский снаряд угодил в шаровую установку пулемета и в маску пушки. Пулемет влетел в машину и ударил меня в грудь. Осколками брони я был ранен в голову. Удар снаряда оглушил весь экипаж. Очнувшись, Сиволап прежде всего развернул танк на 180 градусов в глубоком снегу и сделал прыжок на предельной скорости. Когда мы отошли на несколько метров, на только что оставленном нами месте разорвались еще два снаряда.

Так машину и экипаж спасли сообразительность и инициатива Сиволапа.

Стрелок Шевченко доложил по радио командиру роты Юрасову: пулемет и пушка повреждены настолько, что вести огонь нельзя.

— Вывести танк в безопасное место,— приказал командир роты.

Вскоре Сиволап сдавал меня на медицинский пункт. Я слышал, как кто-то сказал ему:

— Ваш танк безоружен. Оставайтесь в тылу...

Кажется, он ничего не ответил, но по глазам его я понял: не усидит!

И верно, Сиволап нашел для себя дело. Вернувшись в бой, он увидел, что обстановка изменилась — пехота шла в наступление по озеру. Из-за сильного лобового огня пехотинцы не могли продвинуться по открытой местности. Тогда Сиволап посадил в машину и на броню тринадцать пехотинцев и быстро повез их вперед. Башня надежно укрывала бойцов от пуль. Доставив своих «пассажиров» на занятый нами рубеж, Сиволап заметил пять раненых, ожидавших эвакуации. Он подобрал их, разместил на этот раз перед башней, чтобы она снова служила укрытием, и благополучно отвез в тыл.

Таких рейсов он сделал несколько. К концу боя пехотинцы, завидев его машину, уже встречали Сиволапа возгласами:

— А вот наш любезный санитар!

Белофинны отступили на 6 километров. Когда наши части догнали врага, Сиволап по приказу командира батальона стал доставлять боевым машинам горючее и боеприпасы, сокращая тем самым их поездки в тыл.

Так он работал, пока его машина не получила вооружения и нового командира.

Вплоть до заключения мира пробыл Иван Сиволап на фронте, в непрерывных боях. Он ни разу не был ранен, хотя из экипажа за это время выбыло четыре человека. За всю войну его машина не знала ни одной вынужденной остановки, если не считать случаев с минами и снарядами. Всего сменил он одну машину, которая подорвалась на мине, на второй же, разбитой снарядами, поставили новый мотор, отремонтировали продырявленный корпус. На ней Сиволап ездил до конца войны. Это и была известная в бригаде «шестерка», на которой неизменно развевалось переходящее красное знамя с надписью: «Лучшему экипажу».

9 апреля на марше мы повстречали знакомого шофера. Он спросил:

— А где же Герой Советского Союза Сиволап?

— Как Герой?

— Ну, да! Указ Президиума Верховного Совета есть. В батальоне был митинг. Вся бригада получила орден Красного Знамени, а Сиволап — звание Героя Советского Союза.

Сиволап искренне удивился:

— Я? Мне? Да за что? Не может быть!

И даже увидев газету со своей фамилией, не сразу поверил:

— «Иван Данилович Сиволап», — читал он. — Да, это я... «Присвоить звание Героя»... Нет, это не мне!

И так раз пять перечитал. Потом поверил.

Капитан
КАЛИНИН

Случай на озере

Ночью, после жестокого боя на льду озера Суванто-ярви, бойцы под сильным пулеметным огнем выносили раненых товарищей. Кромешная тьма и разыгравшаяся пурга не дали, однако, возможности найти всех.

Утром артиллерия продолжала разрушать вражеские укрепления. В три часа дня я пришел на огневые позиции батареи, которая вела огонь прямой наводкой. Правым взводом командовал младший лейтенант тов. Груднина. Мы внимательно рассматривали район противника, выявляя огневые точки, посылая туда снаряд за снарядом.

— Товарищ командир, — обратился ко мне наводчик первого орудия тов. Бадцаков, — посмотрите, вон там, — он показал рукой вперед, — на озере — черное пятно. Я наблюдаю за ним часа два, и мне кажется, что оно шевелится. Может быть раненый?

Я посмотрел в бинокль: и впрямь — лежит человек. Вот он делает рукой несколько слабых движений, очевидно, призывая на помощь...

Опустив бинокль, я напряженно думал: как спасти товарища? При любой попытке спуститься на лед белофинны открывали сильный огонь из автоматов.

Молча посмотрел на бойцов. Мы встретились взглядами. Мы поняли друг друга. Раздалось несколько голосов:

— Разрешите вынести раненого?!

На ком же остановиться? Красноармеец Карман четко и настойчиво сказал:

— Я пойду и вынесу раненого!

Это был боец среднего роста, с обветренным лицом, покрытым пороховой копотью, в помятой шинели. Взгляд уверенный, глаза серьезные, чувствовалось, что решение твердое. Я разрешил.

Красноармеец Карман взял маленькие салазки, которые использовались нами для перевозки снарядов.

Выпрыгнув из окопа, он по глубокому снегу стал спускаться к озеру. Все следили за смельчаком, затаив дыхание. Около 200 метров прошел он по льду и внезапно упал. Неужели погиб? Пули свистели все настойчивее — это финны открыли огонь. Но Карман поднялся, сделал несколько прыжков, и снова упал на лед. Так он добрался до цели.

Все мы напрягаем зрение и отчетливо видим, как пули поднимают снежную пыль вокруг черного пятна на льду. Движения нет, и опять кажется, что все кончено. Но нет — Карман, не поднимаясь, одной рукой пытается положить раненого на салазки. Клубятся снежные облачка — обстрел усиливается. Эх, ударить бы! Хочется ударить из пушки по проклятому автоматчику, но его, к сожалению, не видно!

Раненый лежит уже на салазках. Но там не заметно никакого движения. Горестное чувство охватывает нас.

Вдруг наводчик Бадцаков, наблюдающий в панораму, радостно кричит:

— Смотрите, движется!

И действительно, медленно, еле заметно шевелятся два черных пятна — впереди одно, за ним второе. Остановка, прыжок, опять падение. И так несколько раз. Теперь уже ясно видна фигура.

Карман встает и тащит салазки. Он уже совсем близко, и ему навстречу выскочили товарищи.

Через несколько минут Карман и спасенный им товарищ среди нас, в окопе. Раненому сразу же была оказана помощь, его эвакуировали в санитарную часть полка.

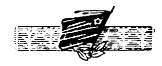
На измятой и закопченной шинели тов. Кармана просвечивали четыре пробоины от пуль, на стальной каске — вмятины. А сам он, спокойный и веселый, как всегда, шутит:

— Товарищ командир, не умел этот финн стрелять. 500 выстрелов дал из автомата — не меньше, а не попал! Вот сейчас покажем ему класс. Я его хорошо приметил, окаянного!

Он пошел к панораме орудия, посмотрел, покрутил механизмом и сказал наводчику:

— Готово. Отпусти-ка ему гостинец!

Раздался выстрел, и в воздух вместе с комьями земли взлетел белофинский автоматчик...

На пункте медицинской помощи

Ну вот, наконец, мы и приехали. Район озера Суваитоярви. Здесь наши исходные позиции. В густом хвойном лесу, обильно заснеженном, вблизи перекрестка дорог — место нашего полкового пункта медицинской помощи. Тишина. Батареи занимают огневые позиции и наблюдательные пункты. Мы стали устраивать свой пункт.

Прорубили дорогу, поудобнее расставили транспорт, растянули палатки, расположили в них все необходимое. Сделали навес для лошадей. Отсутствовали печи для обогревания палаток, и это огорчило нас, но не надолго. Мы быстро сообразили, что можно использовать для этой цели суховоздушную камеру. Вставив конец этой камеры в одну из дверей палатки и разогрев топку ее, мы тотчас же убедились в прекрасной работе нашей «отопительной системы». Две соединенные дверями палатки быстро стали наполняться сухим теплом. Все в порядке. Теперь можно сбросить верхнее обмундирование, надеть халаты и приступить к работе.

Распределив между собой обязанности, мы вывесили на дороге красный крест. Все готово для приема больных и раненых.

Наш пункт, расположенный отдельно от остальных тыловых подразделений полка, жил самостоятельной жизнью небольшого лагеря. Кухня находилась в шалаше, сделанном из срубленных елей, покрытых плащ-палатками. Пищу варили в чугунных котлах. Самостоятельно несли караульную службу. У нас был ручной пулемет, которым владели многие, и гранаты, с которыми мы никогда и нигде не расставались. У каждого санитара — винтовка, у врача и фельдшера — револьверы. Впоследствии наше вооружение пополнилось еще и автоматами. Словом, мы быстро обжились. Благоустроили свой лагерь: очистили его от снега, выкопали землянки, вместимость которых позволяла нам в случае необходимости поместить туда наших больных и персонал. Землянки надежно укрепили несколькими накатами из бревен и земли.

Военный госпиталь в лесу

Наступил день боевого крещения. Поздно ночью начальник санитарной службы полка военврач 3 ранга Петухов сообщил, что через несколько часов наши войска пойдут на штурм укрепленного района. В «лагере» у нас кипит работа. Начальник пункта проверяет, все ли подготовлено к встрече раненых, инструктирует персонал. Политрук санитарной части объясняет обстановку. Решено создать из работников нашего пункта группу для оказания первой помощи раненым. Добровольцев, пожелавших войти в нее, оказалось больше, чем требовалось.

Вот группа санитарных инструкторов, фельдшеров, санитаров-носильщиков, вооружившись всем необходимым, двинулась в путь во главе со мной и политруком Агафоновым. Под покровом ночи мы подошли к району предстоящего боя и расположились в укрытии на берегу озера Суванто-ярви, вблизи наших наблюдательных пунктов.

Мы с политруком пробрались на наблюдательный пункт, откуда была видна большая часть озера. Время близилось к рассвету. Происходила интенсивная артиллерийская подготовка. Пехота в маскировочных халатах выдвигалась на озеро. Когда на рассвете начался бой, мы определили, куда целесообразнее направить группу санитаров-носильщиков.

Политрук Агафонов вместе с санитарами отправился на лед озера. Невзирая на огонь противника, санитары стали вы-

носить раненых с поля боя, оказывать им первую медицинскую помощь. Я и санинструктор, расположившись в одном из домиков на берегу, принимали раненых. Вызванный по телефону транспорт прибыл своевременно.

Вынос раненых с поля боя, покрытого глубоким снегом, представлял большие трудности. Они усугублялись еще и тем, что белофинны охотились за ранеными и людьми, оказывающими им помощь. Достаточно было финскому снайперу заметить раненого, как он уже не выпускал его из поля зрения и при малейшей попытке двигаться открывал огонь. Обнаружив на озере раненого, санитар Хавронин направился к нему. Раненый жестом показал санитару, чтобы тот не подходил, так как за ним охотится финский снайпер. Заметили движение ветвей на дереве, расположенном по ту сторону озера, и сыплющийся с дерева снег. Один из наших бойцов дал очередь из ручного пулемета по дереву, и только тогда тов. Хавронин смог вынести раненого в безопасное место.

В районе реки Салмен-кайта нашей наступавшей пехоте приходилось в сорокаградусный мороз двигаться по пояс в снегу да еще форсировать реку, вода которой, вследствие усиленного артиллерийского обстрела, в некоторых местах разлилась поверх льда. Валенки бойцов промокали и быстро промерзали. В таких условиях своевременная медицинская помощь, быстрый вынос раненого с поля боя и обогревание играли решающую роль.

Находясь на наблюдательном пункте полка, я и политрук Агафонов установили, что нужно организовать пункт медицинской помощи поблизости. Санитары-носильщики, вынося раненых и вывозя их на лыжных установках, быстро уставали, а до пункта было еще далеко, и при движении к нему приходилось преодолевать высокую гору. Раненые мерзли.

Но где же разместить пункт? В землянке? В ней тесно, туда неудобно вносить тяжело раненых. Мы вынуждены были занять сохранившийся домик, хотя он находился на виду у противника, сидевшего в дотах. Начали принимать раненых в этом домике. Тем временем подошло вызванное нами пополнение и прибыл транспорт. Привезли химические грелки. Обзавелись горячим чаем и вином. Теперь мы быстро отогревали раненых, оказывали им медицинскую помощь и эвакуировали, укрыв их меховыми ватными одеялами. Мы оставили этот домик лишь тогда, когда наши части, прорвав линию Маннергейма, двинулись вперед.

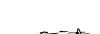
Во время затишья на фронте мы переключились на собственно санитарную работу. Усиливали контроль за кухнями, устраивали баню для бойцов.

В свободное время врачи проводили занятия со средним медицинским персоналом. При первой возможности в дивизион-

ном госпитале или в медико-санитарном батальоне созывались совещания врачей для разбора вопросов текущей их работы. А иногда нас посещали крупные специалисты и профессора, читавшие нам лекции и проводившие интересные практические занятия (переливание крови и др.). Особенно обрадовал нас, военных врачей, приезд на фронт маститого ученого, главного хирурга Красной Армии, заслуженного деятеля науки академика Н. Н. Бурденко. Тов. Бурденко побывал на некоторых пунктах медицинской помощи, интересовался деталями нашей работы, делился своим богатым опытом хирурга. Его внимание особенно привлекла «лодочка», которой мы пользовались для вывоза раненых с поля боя. Он предложил санитару лечь в нее и сам попробовал везти лодочку, отозвавшись о ней с большой похвалой.

Раненые бойцы и командиры изумляли нас своим поведением. Мне вспоминается, например, лейтенант Аракчеев. У него было пулей насквозь пробито предплечье. Сделав ему перевязку на пункте, я отправил его в медико-санитарный батальон. Лейтенант настойчиво просил оставить его здесь, так как намеревался завтра же возвратиться в батарею или, как он говорил, «к себе домой». В медико-санитарном батальоне Аракчеев тоже умолял врача отпустить его к батарейцам. Врач не отпустил, но обещал не отправлять дальше в тыл. На другой день я был поражен, увидев тов. Аракчеева выходящим из кузова санитарной машины. Пообедав у нас на пункте, он исчез. А через несколько дней мы узнали, что он ранен вторично.

13 марта, в 11 часов 30 минут, в районе реки Вуокси к нам поступил последний раненый. В 12 часов умолкла артиллерийская канонада. Война окончилась. В палатках нашего полкового пункта стали появляться больные, которые на время войны забыли о своих недугах. Зубной врач возвратился к работе по специальности.

Младший лейтенант
Ф. ПОЖАРСКИЙ

В тылу врага

Однажды вечером меня вызвал к себе командир полка.

— Товарищ Пожарский, — сказал он. — Вот вам задача: зайти в тыл противника, поднять там панику и дать возможность прорваться 2-му батальону.

— Разрешите, — говорю, — мне для этого дела подобрать добровольцев.

Командир полка разрешил, и я приступил к организации отряда смельчаков. Со мной вызвалась идти группа бойцов моего взвода, а также ездовые, повар, повозочные — всего 54 человека. Вооружились станковым и четырьмя ручными пулеметами, двумя автоматами, большим количеством гранат.

По карте изучил маршрут, отметив, где находится противник.

На участке наступления батальона имелись три небольшие высоты, занятые белофиннами. Чтобы просочиться в тыл, следовало захватить одну из высот. Зайдя в тыл и начав действовать, я должен был дать условленный сигнал — три зеленые ракеты. Ночь выдалась довольно темная. Луна была «замаскирована» облаками.

Рискованно сунуться на высоту всей группой сразу: неизбежны большие потери. Поэтому я разбил отряд на четыре группы, одиннадцать человек оставил в резерве. Группа с командиром взвода Алексеевым во главе продвигалась прямо, с фронта, стараясь отвлечь на себя огонь противника. Две группы в это время заходили с флангов, чтобы атаковать высоту.

Группа Алексеева бесшумно приблизилась к высоте. Прячась за надолбами, бойцы прошли линию противотанковых препятствий, проползли через проходы, сделанные артиллерией в проволочных заграждениях. Белофинны открыли огонь, а затем стали отходить. При отходе они натолкнулись на правофланговую группу, которая подошла к высоте незамеченной. Бойцы этой группы открыли огонь и убили четырех белофиннов.

Сам я шел по следам группы Алексеева. Со мной были три телефониста. Они держали связь со штабом полка.

Вот мой отряд уже собрался на высоте. Тут же сообщили в штаб, что высота занята. Спрашиваю бойцов-наблюдателей:

— Куда побежали белофинны?

— В лес.

Наступать прямо туда не годится: не сумеем выполнить задачу. Решил взять на 600—700 метров левее. Вперед, тихо пересвистываясь, пошла разведка, а за ней весь отряд. Прошли около трех километров лесом, основательно поредевшим после артиллерийского обстрела. По расчету мы должны были выйти на дорогу, по которой противник подвозил боеприпасы. Она шла параллельно линии фронта. Если бы мы дошли до нее, то твердо знали бы, что находимся в тылу у противника, позади его укреплений.

Но дороги все не было. Напрасно я старался определить ее местонахождение по компасу. Вокруг, куда ни глянь, — только деревья, уцелевшие от снарядов. Однако я был уверен, что дорога где-то здесь, близко. Послал вперед красноармейцев Ветореца и Кравченко. Приказал, как дойдут до дороги, одному с ручным пулеметом остаться, а другому сразу вернуться ко мне. Через две минуты прибежал Кравченко и провел нас к дороге. Она была хорошо укатана, на ней виднелись следы автомобилей. Значит, мы уже в тылу у врага.

Ручной пулемет установили близ дороги. Он должен был вести огонь в том случае, если на дороге покажется противник. Здесь же устроились телефонисты. Остальные двинулись к белофинским укреплениям. Шли не спеша, соблюдая строжайшую тишину. Укрывались за большими камнями. Вижу, пригнувшись, бежит ко мне Кравченко. Шепчет:

— Товарищ лейтенант, вот их часовой...

Часового легко можно было принять за один из камней. Он неподвижно сидел на пне неподалеку от окопа, ведущего к блиндажу, возле дерева, скошенного снарядом. Повидимому, он спал. Кравченко взял винтовку за ствол, подполз к часовому, размахнулся и... тяжелое тело белофинна повалилось в снег.

Мы подползли к дерево-земляной огневой точке противника. Красноармеец Ветеорец встал у железной двери, готовясь, если белофинны выбегут, действовать штыком и гранатой, а я подполз к амбразуре и заглянул в нее. В блиндаже за столом, на котором обычно стоит во время стрельбы пулемет, сидели два финна. Они тихо переговаривались. На столе горела свеча, стоял дымящийся бачок с пищей. Раздумывать было некогда. Рванул кольцо и, сосчитав в уме: раз, два, три (чтобы граната взорвалась над столом), бросил гранату в амбразуру. Раздался взрыв. Свеча погасла. Находившиеся

в дзоте еще двое финнов бросились к двери, но Ветеорец тоже угостил их гранатой.

Взрыв первой гранаты был одновременно сигналом к действию. Бойцы открыли огонь из винтовок и пулеметов. Противник был охвачен паникой. Убегая, группа белофиннов натолкнулась на наших бойцов, те встретили ее градом пуль. Сигнал — три зеленые ракеты — был уже дан. Выбежав на дорогу, я позвонил в штаб полка:

— Товарищ командир полка, давайте батальон. У врага паника!

Вскоре послышалось «ура». 2-й батальон прорвал линию укреплений и прошел затем свыше десяти километров, преследуя отступавшего противника.

Капитан

Ф. ФЕДЕНКО

Инженерная война

Ночь. Конец декабря. Воет ветер, жестким снегом бьет в стекла автомашины. Командир Н-ской дивизии и я, начальник инженерной службы, обогнав двигавшуюся часть, едем в направлении озера Пэрк-ярви.

В темноте автомашина прыгает по ухабам заснеженной дороги, тычась в сугробы.

Если в тылу было оживленно и шумно, то здесь чувствуется напряженная предфронтовая тишина. Только изредка из-под кустов, из ямок, вырытых в снегу, поднимаются часовые, останавливают машину, проверяют документы, и мы снова едем дальше.

Место размещения штаба корпуса было засекречено, и нам пришлось долго искать его в лесу среди землянок, засыпанных снегом вровень с землей.

В первый день штаб разместился в сохранившемся от пожара здании школы, которое высилось среди тлеющих остатков финского селения.

В 2 часа ночи, во время совещания совершенно неожиданно финны открыли артиллерийский огонь по школе. Было выпущено 25 снарядов. Случайно ни один из них не попал в цель. Оказывается, враг нарочно не поджег здания, а, пристреляв его, сохранил как ловушку. После этого «происшествия» штаб переселился в землянку.

* * *

Перед участком фронта нашей дивизии, на гористых склонах с обрывами враг создал цепь железобетонных дотов и деревоземляных укреплений. Крупные валуны, размерами в одноэтажный дом, противотанковые барьеры высотой иногда до пяти метров и минированные завалы усиливали район финской обороны.

Перед завалами тянулись проволочные заграждения в 6—7 рядов, каждый ряд — в 5 кольев. Перед проволочными заграждениями вдоль фронта протекала речка Перон-йоки шириной

около семи метров. Финны запрудили ее, она разлилась на полкилометра и замерзла. Когда толщина льда достигла сантиметров двадцати, плотина была разрушена, вода ушла из-подо льда, и он повис, опираясь на островки и кочки, на высоте трех метров над водой. Метровый снег засыпал этот висячий лед. Люди могли двигаться по нему, но танки он не выдерживал.

С нашей стороны реки были обнаружены минные поля, скрытые под снегом, и тянулись незамерзающие болота шириной около трех километров. Железнодорожный мост через реку был подорван, и против него находилась группа железобетонных дотов, защищенных, как мы потом обнаружили, стенками из семи последовательно укрепленных стальных листов толщиной в 48 миллиметров каждый.

Все пространство перед укреплениями простреливалось пулеметным, орудийным и минометным огнем из дотов.

Нам предстояло прорвать укрепленную линию и уничтожить противника.

На нашем берегу против финского дота № 239 была небольшая возвышенность, поросшая леском. Командир саперного взвода Шиков предложил прорубить на возвышенности просеку и из-за прикрытия прощупать прямой наводкой этот дот.

От флангового пулеметного огня других дотов возвышенность была закрыта сохранившейся железнодорожной насыпью.

Командование утвердило план Шикова.

На следующий день я лежал в снежном окопе на возвышенности против дота. К ней тянулась прорубленная в леске и кустарнике просека. Просеку вырубил ночью Шиков со взводом сапер.

Вручную выкатили орудие и навели на укрепление. Финские пули, как горох, застучали по стальному щитку, засвистели над головой. Снег зашевелился и зашипел от сплошных пулеметных очередей из дота. Орудие произвело первый выстрел. В ста метрах от нас раздался взрыв. Длинный язык пламени взвился к небу, осколки полетели на нас. 25 снарядов выпустило орудие, но каждый раз дот показывал нам длинные красные языки огня. Он был неуязвим — снаряды рикошетировали от наклонной стальной стенки дота.

Финны открыли минометный огонь по орудию. Со свистом пролетали мины, разрываясь в непосредственной близости от нас, осыпая комьями снега. Четыре артиллериста были уже ранены. Орудие откатили. С раскрасневшимся мокрым лицом Шиков подбежал ко мне.

— Ничего. Мы до них еще доберемся! — прокричал он.

Из-за стволов деревьев мы начали рассматривать дот.

В бинокль было заметно легкое повреждение поверхности в месте соединения бетона со сталью.

Начальник артиллерии отдал распоряжение применить бетонобойные снаряды.

Через несколько дней Шиков со своим саперным взводом, комиссар саперного батальона Дружина и я вышли на разведку обстреляиного дота.

Непроглядная ночь. Мы тихо двигаемся в маскировочных халатах к проволочным заграждениям, стараясь наступать на следы товарища. 35 рядов колючей проволоки прорезаны в двух местах саперным отделением под командой младшего командира Ивлева. Это задание выполнено без потерь. Бойцы Ивлева подводят нас к месту прохода в заграждениях. С кольев свисают разрезанные куски проволоки. Следы по снегу ведут дальше, к следующему ряду заграждений. Дот уже близко.

И вдруг сзади, с тыла раздается пулеметная очередь. Одна. Другая. Пули со свистом зарываются в снег.

— Автоматчик! — тихо говорит Бойченко и, хватаясь за оружие, ползет по снегу к леску — в направлении выстрела.

Но финский разведчик, пробравшийся на нашу территорию, уже скрылся.

— Что это — сигнал? Или случайное нападение?..

Мы залегли за ближайшими деревьями и слушаем. Тишина.

И вот, разрезая небо белым хвостом дыма, высоко над головами взвивается ослепительное яблоко световой ракеты. Оно медленно опускается вниз, на несколько минут освещая снег, заграждения, дот.

Затем новая ракета... и учащенный огонь вражеских пулеметов...

Из темноты подползает связной в маскировочном халате, переваливаясь в снегу, как белый медведь. Он сообщает нам, что саперы, во главе с Шиковым, пользуясь темнотой, взобрались на дот и залегли в глубоких воронках, образовавшихся после нашего артиллерийского обстрела в земляном слое, покрывающем бетон.

Финны обнаружили сапер и открыли ураганный пулеметный огонь из других дотов по воронкам, освещая их ракетами.

Через некоторое время из темноты начали выползать саперы. Последним шел Шиков. Глубоко зарываясь в снег, он тащил на себе раненого товарища. Еще один из бойцов тащил второго.

— Легко отделались,— сказал Шиков, оттирая замерзшие руки, хотя по лицу его катился пот. — А дот все-таки будет нашим!..

Мы двинулись назад.

В результате этой разведки выяснилось, что дот покрыт сверху слоем земли и камней толщиной около 6—7 метров. Стенки дота — стальные, со щелями для обстрела, расположенными в семь ярусов одна над другой.

Передняя стенка — наклонная. В самом низу, в воронке, образованной артиллерийским снарядом, разведчики разглядели выщербленную линию соединения стальных листов с бетоном. Мелкие куски бетона, смешанные с землей, лежали на снегу.

— Да, дот все-таки будет нашим!— согласился я с Шиковым.

* * *

Как только прибыли бетонобойные снаряды, на возвышенность против дота № 239 выкатили 152-миллиметровое орудие. Широкое дуло было направлено в упор на маленькое черное пятнышко у основания дота. Началась «долбежка». При поддержке дивизионной артиллерии, заглушавшей минометы и отвлекавшей внимание финских орудийных дотов, был открыт огонь по месту соединения стали с бетоном. Орудие било в одну точку. Взмывались огненные языки к небу. Воздух содрогался от канонады. Я наблюдал из-за укрытия за разрывами. Мне хотелось видеть, как будет умирать дот, но он все еще сопротивлялся.

Сменялись раненые артиллеристы, но орудие не прекращало огня. Наконец, из амбразур показался дым.

— Огонь! — повторял командир орудия, и еще несколько снарядов ударило в развороченное отверстие. Железобетонная глыба замолчала навсегда.

Я видел как улыбались артиллеристы.

Неожиданно замолк и соседний дот № 167, хотя признаков разрушения на нем не было.

Через некоторое время наши стрелки укрепились в замолкнувших дотах.

Когда я позже был в разрушенных укреплениях врага, то видел страшную силу нашей боевой техники. Бетонный потолок толщиной в 1,5 метра обрушился вместе с семиметровым слоем земли над ним. Погнулись стальные стены, а в соседнем доте № 167 верхний стальной лист прогнулся и закрыл амбразуры. Теперь было понятно, почему замолчал и этот дот.

* * *

После разрушения дота № 239, не дававшего нам покоя, все силы сапер были брошены на прокладку через болото двух параллельных путей длиной около двух километров каждый.

Покрытое слоем снега толщиной в 1,5 метра и согреваемое под ним за счет гниения болото выпускало на поверхность желтую, грязную водичку, хотя мороз был больше 35 градусов. Надо было снять с болота снеговое одеяло, чтобы мороз проник до воды. Снег разгребали лопатами, фанерой.

Работали в две смены днем и ночью, менялись через каждые четыре часа.

Но мороз не сковывал болотистой почвы. Тогда на подмороженную почву укладывали щиты и жерди, они вмерзали и удерживали людей. Однако гусеничный трактор продавливал смерзшуюся корку. Только на 3—4-й день образовалась упругая, скрепленная морозом дорога.

Два дня финны не догадывались о нашей работе. Наши люди совершенно открыто подтаскивали щиты и жерди.

На третий день, когда саперы под командой Мирошниченко (наш специалист по дорогам и минным завалам) вышли разгребать снег, финские орудийные доты открыли по ним огонь.

Бывает на войне удача. Я видел одного артиллериста, который случайно наступил на зарытую в снегу мину. Взрывом его подбросило вверх, слегка опалило и сорвало одежду, но даже не ранило.

Так и здесь. Через каждые два часа финны в течение 20—30 минут ураганным огнем обстреливали дорогу. Снаряды густо ложились по обе стороны, не ближе 1,5—2 метров от проложенного пути они впивались в болото и исчезали, оставляя глубокую и узкую воронку, полную желтой, гнилой воды. Но на дорогу ни один снаряд не упал, и саперы закончили ее через шесть дней без единого раненого. Маленький лесок закрывал их от пулеметного огня противника.

* * *

Штурм укрепленной линии начался 11 февраля одновременно на всех участках фронта. У нас прорыв был намечен на левом фланге — там, где было слабое место противника.

Миновав болото, саперы и стрелковые части под прикрытием огня артиллерии растаскивали руками голубые глыбы разбитого снарядами висячего льда. Прячась от пуль за льдины, бойцы заваливали реку бревнами, чтобы сделать проход танкам. Наконец, танки, подмяв под себя проволочные заграждения, ринулись вперед. В нескольких десятках метров от переднего края обороны они наскочили на минное поле.

Чтобы обеспечить проход танкам, я прибыл к минному полю с двумя взводами сапер. В двух десятках метров от меня танк, двигавшийся между кустов, подбросило взрывом, но он остался невредим. Вторым взрывом подбило танк слева, он неуклюже завертелся и стал.

Под пулеметным огнем мы вытаскивали из-под снега четырехметровые чугунные трубы, начиненные взрывчатым веществом.

По тонким, затесанным палочкам, расставленным финнами, чтобы самим не наткнуться на свои же мины, по проволочкам в снегу саперы определили границы минного поля. Наконец, проходы были расчищены и обозначены указателями с надписями.

* * *

В два часа ночи мы с командиром дивизии находились в землянке у командира полка, когда позвонил командир батальона Кучинский.

— Я говорю с высоты «Огурец», — возбужденно кричал он. («Огурец» — так называли мы продолговатую лысую вершину на финской стороне, занятие ее решало исход боя). — Сапер Антонов уже взорвал один дот вместе с гарнизоном. Давайте еще сапер!

У меня было наготове девять саперных команд. Антонов входил в «саперные щупальцы», которые двигались перед стрелковыми частями.

Через пять минут четыре саперные команды были уже на месте. Вместе со своим помощником Довгим я тоже прибыл на высоту «Огурец».

И вот в темноте поднялся столб пламени, глухо прозвучал взрыв. Через некоторое время — второй. Это наши саперные команды рапортовали об уничтожении двух дотов.

* * *

После взятия высоты «Огурец» наши части начали окружать высоту «Апельсин». На ней находились сильные долговременные укрепления. Здесь у нас были немалые потери, но высота была взята.

На вторые сутки пехотные и танковые части подходили к третьей укрепленной вершине «Фигурная».

Мы делали дороги в густом лесу. Стальной грудью упираясь в стволы деревьев, танки ломали их, помогая расчищать путь. Саперы жердями заваливали дороги в болоте. По жердям шли танки. Орудия перетаскивали на руках.

Боясь окружения, финны отступали, бросая в пути все тяжелое.

На второй полосе вражеской обороны было меньше укреплений. Но зато здесь отступающий враг минировал все: дороги, землянки, кусты, завалы, даже болота.

Финны выдалбливали дыру в утоптанной дороге, закладывали в отверстие мину и маскировали сверху снегом.

Иногда дорога была перекрыта бревенчатым настилом. Стоило потревожить хотя бы одно из бревен, как все взлетало на воздух.

Потеряв голову при отступлении, финны сами натыкались на свои же мины. Заминировав на случай прорыва фронта широкую дорогу до станции Лейпясуо, финны предполагали отступать другой, северной дорогой. Но в это время соседняя с нами дивизия прорвала фронт противника и перерезала ему резервную дорогу для отступления. Отступающий враг был вынужден бежать по своей же минированной дороге. Это была дорога смерти. На протяжении четырех километров в минированных местах попадались трупы белофиннов.

Две саперные роты в течение нескольких часов вынули по дорогам у Каттила-оя около 800 мин английского и шведского изготовления.

Командир Мирошниченко — в прошлом молодой инженер-строитель, улыбаясь говорил:

— Мины надо искать внимательно, как грибы. От этого зависит и твоя жизнь, и жизнь товарищей.

Однажды с группой очень молодых сапер Мирошниченко разобрал бревенчатый настил длиной в 400 метров и вынул из него 280 мин.

— Вот это называется «искать грибы!»

* * *

Если первая линия обороны характеризовалась укрепленными огневыми точками, вторая — минами и завалами, то третья отличалась обилием каменных противотанковых надолб.

Надолбы представляли собой каменные глыбы (высота — 1—1,5 метра), врытые в землю и установленные на расстоянии полутора метров одна от другой, в шахматном порядке. После станции Хейниоки мы ликвидировали на Выборгском шоссе пять рядов каменных надолб, защищаемых огнем автоматчиков. Затем через 500 метров — еще семь рядов, еще через 500 метров — снова пять рядов. Через 9 километров та же картина. Как-то мы выворотили надолбу и хотели оттащить ее танком, но так и не смогли. Ряды надолб уходили от края и до края горизонта, иногда они перемежались с минными полями. Надолбы мы подрывали. 4—5 килограммов взрывчатого вещества раздробляли каменную глыбу в щебень.

Туманный рассвет 13 марта мы встретили недалеко от речки Вуокси, севернее Выборга. В воздухе чувствовалась весна.

Не успев построить укрепления, финны залегли за надолбы, обстреливая наши пехотные и танковые части из автоматов, орудий и минометов. Движение войск приостановилось.

Я выбрался из-за камней и медленно пошел вперед.

Навстречу мне вышел младший командир Ивлев.

— Что не взрываете? — спросил я его.

Ивлев не успел ответить, как раздался взрыв. Его отделение подложило финские мины почти под весь ряд надолб. Теперь они взлетели на воздух. Путь был свободен.

Небо просветлело. Выплыло весеннее солнце, и мне показалось, что и солнце сияет от радости.

Вдруг канонада затихла. Я взглянул на часы — они показывали двенадцать. Наступил конец военных действий.

Младший командир
А. НИКИТИН

Экспедитор на фронте

Я работал в клубе полка. Как только начались военные действия, начальник клуба приказал мне держать постоянную связь с ротами, доставлять с полевой почтовой станции газеты, посылки и корреспонденции бойцам и командирам.

Вначале меня это несколько разочаровало. Я часто мечтал о штыковых схватках, о том, как буду шквальным пулеметным огнем уничтожать врагов социалистической Родины. А на деле получилось, что надо будет выполнять обязанности «почтальона». Но вскоре мне пришлось убедиться, что это дело такое же почетное, как обязанности любого бойца, находящегося на передовых линиях.

Экспедитором работал я не один, в помощь мне был выделен боец Чагин. Я нес ответственность за доставку газет, а Чагин — за письма и посылки.

Однажды рано утром, в начале января, мы, как обычно, отправились на полевую почтовую станцию. Ехать надо было 5—6 километров. Прибыв туда, мы получили все, что там было для нашего полка, здесь же рассортировали полученную корреспонденцию по подразделениям и отправились обратно.

Вот уже розданы корреспонденция и газеты в подразделения. Теперь надо пробираться на передовые линии, туда, где идет бой.

Утром, после упорных боев, наши подразделения продвинулись вперед и заняли новые рубежи. На пути к передовой линии нам предстояло проехать через озеро. Как мы с Чагиным ни старались, двигаться приходилось медленно. Выпавший за ночь снег затруднял движение повозки. Наша лошадка «Микада» трусила мелкой рысцой, а мы шли за повозкой.

Вот уже почти миновали озеро. Вдруг слышим, как пролетели над нашими головами пули, словно шмели. «Кукушка», — подумали мы. Чагин вскочил на повозку, крепко хлестнул лошадь, и... кузов повозки рухнул на лед, отделившись от передней и задней осей. Мы недосмотрели за креплением. От чрезмерного груза и резкого рывка повозка наша рассыпалась.

Белофинн, засевший где-то на дереве, продолжал обстреливать нас, но безрезультатно.

Пытаемся привести в порядок повозку, но нам вдвоем это не под силу. А время идет, и мы уже начали беспокоиться, что не сможем во-время доставить почту и газеты. На наше счастье, мимо проходили два бойца и помогли нам выйти из беды. И на этот раз мы доставили почту в срок.

Был и такой эпизод. Как-то, идя за санями (мы уже сменили повозку на сани), мы рассказывали друг другу о мужественных поступках бойцов и командиров нашего полка, делились впечатлениями прошедших дней. За разговором не заметили, как приехали в расположение 3-го батальона. Оставив здесь почту адресатам, отправились в другие батальоны.

Когда проезжали мимо расположения противотанковой батареи, бойцы предупредили нас, что через 1—2 минуты противник начнет обстреливать эту местность минометным огнем.

— Мы уже их изучили. Определяем с точностью до минуты, когда они начнут обстрел,— шутили бойцы-артиллеристы.

Но нам не до мин — надо скорее доставить почту. Все, что было для 1-го батальона, забрал я, а что нужно было отнести в батарею, взял Чагин.

Вручив почту по назначению, я возвращался обратно. В это время противник действительно начал обстрел из минометов. Но мы уже свыклись и с шипением летящей мины и с ее резким разрывом.

— Почта доставлена, теперь пускай рвутся,— подумал я, пробираясь к Чагину. Он тоже успел снести почту в батарею.

Сев в сани, мы помчались обратно. Наша «Микада» так была напугана разрывами мин, что не требовалось ее подстегивать. Быстро проскочили обстреливаемый район. Облегченно вздохнули и снова погрузились каждый в свои мысли о прошедших боевых днях, о предстоящей работе.

А работать приходилось во все более сложных условиях, особенно когда наша дивизия действовала на островах Выборгского залива. Метель, мороз, бездорожье всегда были нашими спутниками. Ездили ночью с одного острова на другой, как говорят, «наощупь».

В нашей скромной работе экспедиторов ничего не было героического, но сознание того, что мы с честью выполняли свой долг, не считаясь ни с какими условиями обстановки и погоды, наполняет нас радостью. Мы доставляли бойцам и командирам на передовые линии письма от родных и знакомых с теплыми словами привета, ласки и любви. Это воодушевляло их на беспримерные подвиги во славу нашей счастливой Родины.

✿

Младший командир
С. ТАРАСКИН

Как я спас раненого командира

Когда началось наступление на линию Маннергейма, лейтенант Ткаченко был послан для связи с стрелковой ротой. Под командой Ткаченко были два разведчика и два связиста. И лейтенант, и четверо красноармейцев, которые были с ним, все они — артиллеристы.

Получили они приказание и поползли в расположение стрелковой роты.

Доползли до проволочных заграждений перед дотами № 185 и 219, нашли стрелковую роту. Она залегла на краю поляны. Поляна эта раскинулась перед проволокой и хорошо простреливалась белофиннами.

Ткаченко и его красноармейцы поползли дальше, за проволоку. И тут были ранены один разведчик и один связист.

Тогда лейтенант Ткаченко приказал второму разведчику остаться с товарищами, которых ранило, а сам со связистом Емельяновым стал продвигаться вперед.

Ползут они. Наблюдают. Емельянов тянет за собой телефонную линию.

Но вот вблизи разорвалась мина. Лейтенант Ткаченко тяжело ранен в живот.

Емельянов оставил телефон и бросился к своему командиру, желая помочь ему. Но только что подполз Емельянов, как пуля белофинского снайпера пробила ему ногу.

Истекая кровью, превозмогая невыносимую боль в ноге, Емельянов дополз до телефонного аппарата и сообщил:

— Лейтенант Ткаченко тяжело ранен в живот... Мы с ним вдвоем... Я тоже ранен в ногу... Лейтенанта надо вынести к своим... А я доползу сам...

Когда было получено это известие, поблизости никого из разведчиков и связистов не было. Поэтому командир дивизиона приказал мне, вычислителю:

— Спасти лейтенанта любыми средствами!

Отдав это приказание, командир дивизиона тут же объяснил мне, как лучше действовать.

И я отправился выполнять приказание.

Когда вышел из леса, то сразу сообразил, что полянку переползти не так-то просто. Вся она простреливалась «кукушками». Я взял в сторону, по опушке леса и отполз к проволочным заграждениям не прямо через полянку, а по краешку.

Продвигаюсь к проволочным заграждениям и вижу, что пролезть за проволоку невозможно. Здесь много раненых, а это верный признак, что место хорошо пристреляно.

Взял еще левее. Ползу и вижу — в снегу валяются ножницы. Подобрал их. «Пригодятся,— думаю,— резать проволоку».

Отполз влево и начал орудовать ножницами, делать проход. Меня заметили белофинны и открыли огонь. Я прилег. И не просто прилег, а прямо вдавил себя в снег. Лежу и думаю: «Надо взять еще левее». Подумал так и рванулся влево. Рванулся я влево и удивился: не могу сдвинуться с места — что-то держит меня. Ощупал я свой бок рукой и понял: шинель моя запуталась в проволоке. А белофинны не прекращают стрельбы.

Лежу так под пулями и быстро соображаю: «Жаль шинели, а долг велит оставить ее в виде мишени белофиннам». Подумал и выскакиваю из шинели.

Выскочил я и шмыг влево. А были уже сумерки. Белофинны не заметили моего маневра. Больше того: шинель моя слегка зашевелилась от ветерка, и они начали гвоздить по ней из пулемета, а до того вели лишь ружейный огонь.

Жаль мне шинели, привык я к ней. «Но ничего, — думаю, — и в фуфайке не замерзну». А фуфайка у меня теплая, ватная. Сверху мелкий снежок порошит, обсыпает меня, маскирует зеленую фуфайку.

Переполз я таким манером еще влево и прорезал проволоку: тут меня белофинны не беспокоили.

Ползу вдоль дороги, у которой, по моим сведениям, лежит раненый лейтенант Ткаченко. Ползу и вижу саночки. «Как раз, — думаю, — годятся раненого увезти». Прихватил саночки и тащу за собой.

Вскоре я нашел и лейтенанта Ткаченко. Он лежал вверх лицом и дышал тяжело и хрипло.

Я бережно уложил его и пополз, медленно волоча за собой санки с драгоценной ношей.

Но полз я уже не вслепую: местность была разведана. Полянку решил миновать, повез раненого в обход километра на два к лесу. А в лесу я уже не полз, а шел во весь рост и не встретил противника.

Довез раненого командира до первого пункта медицинской помощи, являюсь на командный пункт и докладываю командиру дивизиона, что приказание выполнено.

Выслушал он меня, пожал руку и сказал:

— Вы назначаетесь командиром взвода управления. Возьмите в свое распоряжение двоих связистов и одного разведчика, найдите стрелковую роту, которую поддерживал лейтенант Ткаченко, свяжитесь с ней и действуйте. Только от роты не отрывайтесь...

Роту я нашел в ту же ночь. Связь была быстро восстановлена, и на утро наш дивизион огнем своих батарей поддержал наступление красных стрелков.

17 февраля доты № 185 и 219 были заняты нашей пехотой. Белофинны бежали до следующего узла сопротивления.

Командир нашего артиллерийского полка отдал приказ продвинуться на 4 километра и сменить боевой порядок.

И с тех пор я до конца войны с белофиннами командовал взводом управления.

Старший лейтенант
А. ШВАРЦ

Боевые уроки

В финскую кампанию мне выпало счастье действовать в качестве командира саперной роты отдельной (ныне ордена Ленина) легкой танковой бригады тов. Лелюшенко. Бойцы этой саперной роты были приучены к осторожности. Между тем в бригаде их всегда называли отважными. И в этом не было противоречия. Осторожность помогает преодолевать препятствия на пути к цели, чтобы в нужный момент проявить решительность и нанести удар.

Как правило, танки шли туда, где саперы уже побывали. Саперы шли всегда впереди, расчищая надолбы и завалы, откапывая мины и фугасы. Действуя с блокировочными группами, саперы ползком подбирались к самым дотам и подкладывали под их бетонные стены сотни килограммов взрывчатых веществ.

— Моя боевая рота! — так назвал нас командир бригады тов. Лелюшенко. Это звучало для нас как самая высокая похвала.

Иногда бойцы и командиры других частей, которые рядом с нами расчищали завалы или взрывали ночью надолбы, спрашивали, почему белофинские пули к нам почти не залетают, в то время как у них все время жужжат над ушами.

— А подумайте сами, — отвечал я. — Вы после взрыва так сразу и идете расчищать?

— Так и идем.

— И покрикиваете, когда что-нибудь не ладится. И закурить иногда захочется?

— Бывает.

— Как же вы хотите, чтобы в вас не стреляли! Враг слышит взрыв, слышит после этого, как гремят лопаты, да еще крикнет кто-нибудь, да папироса невзначай мелькнет, — как же ему не угадать, где вы!..

Моя рота работала совсем иначе. Производя ночью взрывные работы, саперы закладывали тол в таких количествах, ч взрывы были почти не слышны и только разрыхляли землю. И все-таки, мы пережидали некоторое время, прежде чем идти

на расчистку. Мы старались не греметь лопатами и перемежали работу длительными паузами, чтобы сбить с толку противника. И уж, конечно, ни разговоров, ни куренья в такой обстановке бойцы себе не разрешали.

Если нужно было работать на открытой местности, то мы предварительно ночью устраивали перед этим местом снежный завал и пользовались им, как ширмой. Отрывая окопы, мы забрасывали откинутую землю снегом. По открытой обстреливаемой местности мои саперы передвигались только ползком. Лишь в тех случаях, когда требовалась срочность, они применяли перебежку, но и тогда не забывали об опасности. Упав после короткой перебежки в снег, они сначала отползали в сторону и только потом поднимались для нового броска. Это была далеко не лишняя предосторожность. Случалось, что финские снайперы успевали засечь то место, где падал красноармеец, и поражали его пулей как раз тогда, когда он поднимался.

Все это были самые простые и понятные вещи, но именно они часто оказывались решающими. Вот почему финские снайперы были не страшны нашим саперам, как будто саперы были покрыты невидимой броней. Этой броней была элементарная боевая грамотность и осторожность.

* * *

Саперы шли в первых рядах во время атаки, но иногда им приходилось рисковать и в такой обстановке, которая совсем не походила на боевую. По себе знаю, что это гораздо труднее, чем в пылу ожесточенного боя.

Во время войны с белофиннами, особенно в начале кампании, ходило много страшных рассказов о финских минах. Не раз нам приходилось отучать отдельных бойцов от излишнего страха перед ними. При достаточной внимательности мину легко обнаружить. Наши саперы во время одного лишь марша от Муолы до станции Хейниоки обнаружили 123 мины и 11 фугасов. Ни один человек от них не пострадал.

Белофинны обычно закладывали мины среди срубленных деревьев, которыми они заваливали дорогу. Расчищая эти завалы, саперы часто находили круглые английские мины (мы их называли «плевательницами»). Бойцы получили специальную письменную инструкцию о том, как надо разряжать эти мины, и хорошо знали их устройство.

Но вот однажды, разбирая завал, саперы откопали плоский деревянный ящик. Конечно, это была мина. В ней, судя по объему, было до семи килограммов тола — достаточно грозное количество даже для танка. Заряженную мину нельзя было оставить ни на дороге, ни в лесу: на нее везде могла натолкнуться пехота. К тому же было ясно, что такие ящики будут попадаться и дальше. Надо было изучить устройство этой мины.

А как с ней обращаться — никто не знал. Саперы стояли и молча смотрели на меня. Я был их командиром.

Я оставил товарищам полевую сумку с картой, положил туда же партбилет и орденскую книжку. Взял мину и отошел с ней в лес, далеко за деревья.

На какую-то долю минуты я задумался, прежде чем приступить к своей работе. Был тихий зимний день. Ели неподвижно застыли, доверху запушенные снегом. С дороги, где саперы расчищали завалы, доносился мирный звук пилы. Стояла непривычная тишина, можно было даже забыть, что ты на войне.

Ящик, который я держал в руках, походил на опрятную почтовую посылку. Его ребра были сшиты проволочными скобами. Видно было, что это не кустарное производство, а изделие специальной мастерской. В середине крышки была сделана на петлях узкая деревянная планка. Под ней наверно скрывался механизм мины. Эту планку и надо было снять.

Пусть никто не говорит, что не знает страха. Я уверен, что у каждого есть это чувство, но есть и другое, которое должно быть сильнее, — чувство долга перед Родиной, чувство ответственности за порученное дело.

Я снял петлю и стал осторожно поднимать планку. Под планкой я увидел железный желобок. Через отверстия, сделанные в его бортах, проходила тонкая чека из мягкого железа. Второй желобок входил в первый так, что при нажиме они, как ножницами, разрезали чеку. Устройство было несложное и, разглядев его, я быстро сообразил, где мне искать капсюль. Я не торопился и несколько раз проверил себя, прежде чем взяться разряжать мину. Вывернув капсюль, я бросил мину в снег. Теперь она была не страшна. Ее можно было бросать, давить гусеницами, рубить топором — тол не взорвется.

* * *

Мины в деревянных коробках стали часто попадаться на нашем пути, когда бригада, прорвав главную линию укреплений, двинулась в рейд на север. Однажды эти мины даже сослужили нам хорошую службу.

Перед станцией Хейнноки белофинны преградили нам путь тройным рядом надолб. Это были мощные гранитные глыбы в два-три обхвата. Видимо, они были устроены сравнительно недавно, может быть, уже во время войны. Камень еще не потускнел в разрезе и сверкал зернистыми гранями.

Саперная рота получила приказ сегодня же сделать проход через все три линии надолб. Задача была вдвойне тяжелой не только потому, что противник держал надолбы под сильным обстрелом: у нас нехватало тола, а ждать пока его подвезут не было времени.

Помогла наша боевая смекалка. Боец саперной роты Ромадин предложил пустить в дело против финских надолб финские же мины, которые мы незадолго до этого обнаруживали и разряжали по пути. Я отправил бойцов подобрать эти мины, а сам пошел вперед к надолбам, где работали саперы стрелкового полка.

Минут двадцать я пролежал за бугром, наблюдая за работой красноармейцев и оценивая обстановку. Видно было, что у бойцов нет достаточного опыта. Они взрывали каждую глыбу в отдельности, подолгу возились над расчисткой, над закладкой тола. У них уже были убитые. Раненые отползали в сторону и прятались в придорожной канаве. По надолбам велся сильный огонь.

Вдруг я обратил внимание на странный характер обстрела. Очевидно, противник вел его с закрытых позиций, автоматически, проведя заранее тщательную пристрелку. Ураганный огонь длился минуты две, и затем наступала пауза. Я сверил по часам. Пауза каждый раз продолжалась 5 минут.

Пока я производил наблюдения, мои саперы собрали и принесли восемь мин в деревянных ящиках.

Мы сменили работавших бойцов и принялись за дело. Как только прекратился очередной шквал огня, я засек время по часам, и мы отправились к надолбам. Бойцы подложили ящики сразу под четыре надолбы и тут же бросились назад.

В запасе оставалась минута. И как только она кончилась, по линии надолб снова пронесся шквальный огонь.

Затем снова наступила передышка. Саперы опять подошли к надолбам и подожгли шнуры. Они уже знали по опыту, что всегда лучше взрывать несколько надолб одновременно, чем порознь, — «соседние» взрывы как бы помогают один другому. Поэтому саперы заранее разрезали шнуры на равные части и поджигали их по сигналу. Так было и на этот раз. Едва кончилась вторая пауза, как снова началась стрельба и тут же раздался мощный взрыв. Надолбы взлетели на воздух так удачно, что когда, дождавшись третьей передышки, мы подползли к ним, то увидели, что не нужно никакой расчистки.

Так же быстро мы справились и с третьей линией надолб. Мои саперы не получили при этом ни одной царапины.

Покончив с этим делом, я разрешил себе небольшую передышку. Правда, спать не было времени. В эту же ночь мы должны были расчистить дорогу к станции и восстановить взорванный мост. Но на несколько минут я прилег у костра, укутавшись в полушубок и спрятавшись от ветра под брезентовым навесом. Неподалеку расположилась группа бойцов. Прислушавшись к разговору, я понял, что речь идет о нас.

— Понимаешь, — рассказывал один боец, — мы рвали, рвали целый день. А тут пришли какие-то четыре человека с фин-

скими минами. Как рванут — и ничего не осталось. Чистая работа!

Я невольно улыбнулся. Наша работа принесла двойную пользу. Мы не только взорвали надолбы, но и показали другим, как выглядит одно и то же дело, когда его выполняют неряшливо и суетливо, и когда за него принимаются обдуманно, со спокойным расчетом.

* * *

Враг явно ослабевал. После небольшой задержки под Хейкурилой и Хейнноки танкисты продолжали рейд почти без препятствий. Враги отступали, наспех заваливая дорогу деревьями, уже не срубая, а подрывая их шашками. Все чаще попадались на пути брошенные финнами винтовки, вещевые мешки, ранцы... Белофинны уже не успевали убирать трупы своих солдат, которые раньше они или сжигали, или увозили в тыл, чтобы создать у нас впечатление своей неуязвимости.

Вечером 12 марта меня вызвали к начальнику штаба и объявили, что на утро назначается атака. Саперной роте предстояло взорвать проходы в гранитной стенке — это было последнее препятствие, которое воздвигли белофинны перед нашими войсками.

Поздно ночью я вернулся к себе. В крытой грузовой машине помещалась наша походная канцелярия. Горела железная печка, несколько командиров спало на скамейках. Было уже 3 часа ночи. Я решил прилечь, чтобы утром подняться, по крайней мере, за час до атаки. Вдруг неожиданно, в неурочный час, заговорил репродуктор, и я услышал сообщение о заключении мирного договора. Сначала мне показалось, что я сплю, но в 4 часа сообщение повторилось. Заснуть уже было невозможно. Целая буря чувств, мыслей, переживаний охватила меня. Решительная политика советского правительства одержала еще одну победу. Финское правительство капитулировало, да и что оно могло еще сделать, когда Красная Армия доказала свое умение преодолевать любые препятствия...

Позади были жестокие бои под Тайпален-йоки; бетонные стены дотов под Ильвесом, разбитые нашими бойцами; мины и завалы под Хейкурилой; надолбы под Хейнноки — весь боевой путь, который прошла рота, не потеряв ни одного человека убитым!..

БОРЬБА
ЗА
ОСТРОВА

Герой Советского Союза генерал-полковник
М. КИРПОНОС

70-я ордена Ленина стрелковая дивизия

Одиннадцатого февраля 1940 года 123-я ордена Ленина стрелковая дивизия прорвала линию Маннергейма, положив начало всеобщему разгрому белофиннов.

В развитие успеха героической дивизии части Красной Армии, громя белофиннов, отбивая их контратаки, подошли к Выборгу и штурмовали эту цитадель Карельского перешейка.

Одновременно 70-я стрелковая дивизия, сбивая и преследуя врага, прорвалась к берегам Выборгского залива, захватив укрепленные острова. Затем под огнем противника она совершила беспримерный бросок по льду, вышла на северный берег Финского залива и перерезала важнейшую артерию — стратегическое шоссе Выборг — Хельсинки, по которому происходило снабжение Выборгского узла сопротивления противника.

Это в значительной мере определило исход войны — полную победу над врагом.

В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1940 года сказано:

«За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с финской белогвардейщиной и проявленные при этом доблесть и мужество наградить

ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

70-ю стрелковую дивизию».

В чем именно выразились образцовое выполнение заданий командования и проявленные при этом доблесть и мужество? Ответ на этот вопрос дает весь боевой путь 70-й стрелковой дивизии с момента первого удара по врагу, при переходе границы, до последнего часа боевых действий. Беспримерные подвиги совершены ее бойцами, командирами и политработниками за 105 дней боев.

Последняя операция дивизии — овладение островами, выход на северный берег Финского залива и захват отрезка шоссе Хельсинки — Выборг — с полным основанием называется ледовым походом.

В истории русского оружия было лишь два подобных похода. Первый поход русских войск под водительством Петра I, тоже по льду Выборгского залива, как известно, закончился захватом Выборга.

Второй поход был совершен под командованием Багратиона в 1809 году по льду Ботнического залива, когда русские овладели Аландскими островами.

Советские войска совершили третий ледовый поход и тоже нанесли противнику неотразимый удар.

Успешное решение боевых заданий командования частями 70-й стрелковой дивизии стало возможным в результате огромной работы всего личного состава дивизии как во время боевых действий, так и в дни мирной учебы. Особенно упорно ковалась победа в дни перед штурмом линии Маннергейма. Дивизия, не покладая рук, овладевала опытом боев против белофиннов, училась штурмовать укрепленные узлы обороны врага, блокировать доты и дзоты.

К этому времени у дивизии был немалый опыт боев в предполье.

30 ноября 1939 года, вслед за грандиозной артиллерийской подготовкой, батальоны дивизии лихим броском перешли реку Сестру. Сбивая противника, пытавшегося в ряде пунктов оказать сопротивление, они начали стремительное продвижение вперед.

Бойцы, командиры и политработники горели единым желанием — разбить наголову врага, обеспечить безопасность северо-западных границ могучего Советского Союза, безопасность города Ленина.

Со священными словами «За Родину! За Сталина!» устремлялись вперед славные патриоты нашей страны, подлинные герои.

Коварный и злобный враг заготовил в предполье немало хитрых ловушек.

Тотчас же за рекой Сестрой части встретились с минными полями, с заминированными завалами на дорогах и лесных тропах. Вскоре затрещали очереди автоматов с вековых сосен и елей: состоялось первое знакомство с белофинскими «кукушками»

В предполье части и подразделения дивизии столкнулись со своеобразной тактикой врага. Противник действовал мелкими группами, тщательно маскируясь, стремясь к внезапным ударам с флангов и с тыла. Массированный огонь автоматов и пулеметов, которыми противник был обильно вооружен, производил впечатление, что действует многочисленная живая сила врага.

Личный состав дивизии действовал с беззаветной отвагой, но у многих нехватало опыта, конкретных знаний тактики врага. Опыт и знания накапливались в боях, иногда ценой потерь, которые при более глубокой боевой подготовке могли быть гораздо меньшими.

В первые же дни боев проявились воинские таланты командиров, политработников и бойцов. Не только отважно, но и искусно действовали командиры батальонов Угрюмов, Красиов, Москвин, Маричев и другие. Они правильно схватывали и оценивали обстановку, принимали смелые, находчивые решения.

Так, батальон капитана Угрюмова (ныне полковник, Герой Советского Союза) к исходу дня 30 ноября уже занял восточную окраину города Териоки. Батальон умело применял маневр — обходы справа и слева засад противника. В дальнейшем боевая практика неоднократно подтверждала, что белофинны, всегда стремясь к применению флангового обхода и окружения, в то же время сами приходят в панику при обходах и охватах их флангов и быстро оставляют место боя.

По пути до Териоки батальон капитана Угрюмова преодолел несколько минных полей, 16 эскарпов с проволокой и в ночь на 1 декабря, заняв круговую оборону на восточной окраине Териоки, отбил четыре контратаки врага.

В декабре батальон, которым командовал лейтенант А. Красиов (ныне капитан, Герой Советского Союза), подвергся яростной контратаке белофиннов, просочившихся в стык с соседним батальоном. Умело сочетая огонь приданной ему артиллерии и танков, Красиов отрезал противнику пути отхода, бросил на него пехоту с танками и уничтожил всю живую силу врага. В этом бою геройски действовал пулеметчик Кузьма Высоцкий. Он вскочил со своим станковым пулеметом на танк старшего лейтенанта Преображенского и, указывая танкистам на скопления белофиннов, сам вел губительный огонь по врагу. За этот подвиг Кузьме Высоцкому было присвоено звание Героя Советского Союза.

К половине декабря дивизия прошла предполье и заняла участок в районе озера Куолема-ярви перед Кархульским узлом линии Маннергейма, западнее Суммы. Дивизия готовилась к решающему штурму главной оборонительной полосы противника и одновременно изматывала его непрерывными поисками разведчиков и постоянным беспокоящим артиллерийским огнем.

За время боев в предполье накопился боевой опыт, и выявились также недостатки, особенно в области организационной.

Считаю нужным особо подчеркнуть: опыт боев в предполье и перед укрепленным районом еще и еще раз подтвердил, что, несмотря на огромное насыщение техникой нашей армии, основным и решающим родом оружия оставалась и остается пехота, действующая и достигающая успеха во взаимодействии с другими родами оружия. На пехоту возлагались большие задачи.

Для командного состава всех родов оружия были проведены показательные занятия по взаимодействию пехоты, артиллерии и танков при взятии долговременных огневых точек, по прорыву оборонительной полосы противника. Для этих занятий мы использовали финские дзоты, захваченные в районе Мелола.

Одновременно личный состав дивизии усиленно обучался хождению и боевым действиям на лыжах с использованием лыжных установок для пулеметов.

Меня волновала мысль: каковы будут темпы продвижения в сложных условиях белофинского укрепленного района, который находился перед нами?

Учения показали медленность продвижения пехоты. Мешала зимняя одежда, тормозил движение маскировочный халат. Я приказал: халаты перешить на комбинезоны, для атаки снимать шинели, оставаясь в ватных телогрейках. Эти мероприятия вдвое ускорили продвижение пехоты.

Изучая финский театр войны, я продумывал вопросы «окаймления огнем», артиллерийской обработки переднего края обороны противника. Белофинны прятались от огня в убежищах на обратных скатах, а как только артиллерийская подготовка заканчивалась, они выбегали из убежищ и открывали стрельбу по нашей наступающей пехоте.

Огневой вал артиллерии не давал возможности оживать вражеским огневым точкам и позволял нашей пехоте успешно продвигаться по оборонительной полосе противника.

При подготовке к решающему штурму мы особое внимание обратили на достижение полного взаимодействия пехоты с артиллерией.

Ни один день не проходил понапрасну. Части и подразделения упорно учились.

Сталинские указания о контроле, без которого и хорошие люди портятся, осуществлялись в дивизии со всей настойчивостью. Мы проверили, как отрываются окопы. Проверка показала, что в ряде подразделений окопы лишь «обозначались».

Эти недостатки были устранены.

Должен сказать, что белофинны были хорошо подготовлены к ведению оборонительного боя. Они искусно использовали местность, хорошо маскировались. Система их огня была продуманной, взаимоувязанной. Артиллерии у белофиннов было немного, и поэтому они часто применяли ее по принципу «кочующих орудий».

Герой Советского Союза
генерал-полковник М. Кирпонос

Немало стараний приложили мы к организации разведки.

Разведчики стали проникать за проволочные заграждения противника, смело и отважно продвигаясь в глубь его территории, и приносили оттуда весьма ценные сведения.

Так изо дня в день мы накапливали данные о противнике. Много важных сведений дал нам финский солдат-перебежчик. В частности, он рассказал, что на каждых двух финских солдат-резервистов приходится один оголтелый шюцкоровец.

Наведение порядка в дивизии, ее подготовка к решающему штурму, — все было осуществлено в короткие сроки.

В этом мы строго руководствовались указаниями командующего фронтом товарища Тимошенко.

К моменту штурма у меня была полная уверенность в том, что дивизия готова к выполнению боевых заданий высшего командования.

* * *

Наступил исторический день — 11 февраля. Дивизия имела основное задание — сковать силы противника на своем участке в районе озера Куолема-ярви. Для этого ей предстояло атаковать и занять высоту 34,8 с выходом в укрепленный узел Кархула.

Началась артиллерийская подготовка. Раздались первые залпы, тотчас же слившиеся в могучий и непрерывный гул. В расположении белофиннов бушевал стальной смерч. Взлетали столетние деревья, крошились камни, вправ разлетались логовища врага.

Воодушевлённые горячими чувствами патриотизма, преданности Родине, вождю народов товарищу Сталину, пехотинцы пошли на врага, прижимаясь к разрывам снарядов своей артиллерии.

В этот же день высота 34,8 была в наших руках. На другой день части дивизии, сбивая и уничтожая врага, снова продвинулись вперед.

Линия Маннергейма была прорвана. Враг в бессильной злобе и панике откатывался на вторую линию укреплений.

Перед нашими войсками встала новая задача: развивать успех, громить врага до полного его поражения. В боевой жизни 70-й стрелковой дивизии начался новый этап.

Командование поставило перед дивизией боевую задачу — преследовать противника с выходом на берег Финского залива.

Имея в авангарде отдельный разведывательный батальон, дивизия стремительным маршем продвинулась из района Кархулы на побережье Выборгского залива. Это продвижение происходило в боях с озверевшим противником, в чрезвычайно сложных условиях почти полного бездорожья, среди свирепых февральских метелей и заносов.

По пути к Финскому заливу мы овладели несколькими десятками дотов и дзотов.

Зная тактику врага, я особое внимание обращал на фланги, а также на охрану тылов. И как здесь, так и до конца боевых действий все попытки врага обойти нас или напасть из засады ликвидировались немедленно. Успешной была борьба и с финскими «кукушками».

Героически действовала инженерная служба дивизии во главе с капитаном Аксеновым, прокладывая дороги, борясь с завалами, фугасами и минами врага. Связисты, руководимые капитаном Литке, обеспечивали дивизии бесперебойную связь на всем ее пути.

17 февраля части дивизии овладели побережьем, захватив железобетонные доты. Здесь мы попали под огонь тяжелой артиллерии врага с северной части полуострова Койвисто и

с островов. Крепость Бьерке и город Койвисто, а также часть полуострова были заняты нашим соседом слева. Перед дивизией стояла задача — очистить северную часть полуострова Койвисто, овладеть островами и выйти через Выборгский залив на северное побережье Финского залива.

Это задание было исключительно ответственным и сложным. Мы понимали, что выходом на материк и овладением шоссе Выборг—Хельсинки дивизия не только обеспечивает основную группировку Н-ской армии, наступавшую на Выборг, от угрозы флангового удара со стороны белофиннов, но одновременно и разрывает важнейшую коммуникацию врага, угрожая Выборгу с запада.

Перед дивизией были скалистые острова, поросшие лесом, усеянные валунами. Каждый остров был природной крепостью. Подходы к островам открытые — лед. На островах и на том берегу залива у белофиннов была сеть огневых точек.

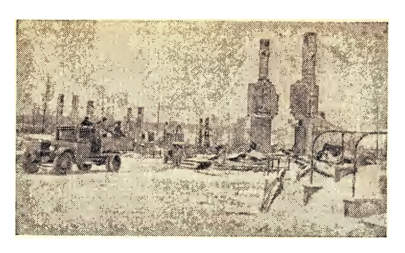
Наконец, перед нами был противник, отчаянно сопротивлявшийся, понимавший, что наш успех здесь, на его правом фланге, быстро приближает общее его поражение. Да и численность противника была весьма значительна. Отступая, он сконцентрировал на участке 70-й стрелковой дивизии шесть батальонов.

В довершение всего противник пустил в дело тяжелую артиллерию, неоднократно обстреливавшую наши части, когда они продвигались по дорогам, только что проложенным на льду героями-саперами.

Одному из полков предстояло действовать в первую очередь по овладению островом Ревон-саари. Обстановка была исключительно сложная и трудная. Личный состав полка показал, на что способны верные сыны Родины, советские патриоты. Прямо по-суворовски — каждый боец знал и применил свой маневр. Подразделения очень широко расчленились на льду и быстро охватили остров. Артиллерия врага не смогла остановить это широко расчлененное движение опытных, обстрелянных и бесстрашных бойцов. Тактическая смелость не замедлила принести победу. Остров был занят. Белофинны не успели даже сжечь постройки и дома.

Полуостров Койвисто был очищен от врагов двумя стрелковыми полками в упорных боях. Белофинны потеряли 350 человек убитыми и еще больше ранеными. Мы захватили богатые трофеи.

Н-скому стрелковому полку была поставлена дальнейшая задача — взять северную часть острова Пии-саари. Там были доты, откуда била артиллерия. Здесь решающую роль в успешном осуществлении задачи сыграло сосредоточение всей артиллерии дивизии на этом, относительно небольшом, участке.

Сожженная белофиннами улица в Койвисто

Движение пехоты было широко расчленено, как при захвате острова Ревон-саари, и организовано во взаимодействии с артиллерией.

Задача была успешно выполнена. На острове Пии-саари мы разрушили четыре дота, захватили пять орудий, 2 тысячи снарядов, 2 миллиона патронов, вещевой склад и пр.

Тем временем стрелковый полк, приданный соседнему соединению, овладел тремя небольшими островами против Уран-саари.

Наша дивизия продолжала очищать острова, готовясь одновременно к выходу на материк через Выборгский залив.

Надо отметить, что дивизия достигла успехов в результате умелых и уверенных действий ночью. Ночью был разбит противник на полуострове Койвисто. Ночью захватили острова. Ночью два стрелковых полка ворвались на материк и перерезали шоссе.

Ночные действия на льду были единственно правильными и обеспечивали наше продвижение без излишних жертв по ровному, как стол, ледяному пространству.

Успехи дивизии в значительной мере определялись также правильным и четким взаимодействием родов оружия, полным использованием всех огневых средств — от ручных гранат, пулеметов и минометов до артиллерии.

Начальник артиллерии дивизии тов. Нефедов, командиры-артиллеристы Бричеюк, Иванов и другие отлично справлялись с любыми боевыми заданиями, проявляя исключительную опе-

ративность и быстро перебрасывая свои огневые средства в зависимости от задачи и обстановки.

Командиры пехотных батальонов крепко сработались с артиллеристами. Они решали боевые задачи совместно. Искусно взаимодействуя, батальоны вслед за огневым валом артиллерии, частью на танках и вслед за танками, ворвались на материк. Один полк, овладев мысом и деревней Вилаиниемн, продвигался безостановочно в глубину. Полк оседлал шоссе Хельсинки — Выборг и, продолжая наступление, овладел мысом Нисалахти и Хейнлахти. Правее ворвался на материк другой полк.

Полк, действовавший отдельно на правом фланге, неотразимым штурмом овладел берегом и высотой 19,6 и захватил деревню Нископохья.

Отдельный разведывательный батальон надежно прикрывал правый фланг дивизии.

Шоссе Хельсинки — Выборг было перерезано на весьма большом протяжении. Оно было в крепких руках.

Белофинны расценили наш успех, как серьезный и очень опасный удар, как реальную угрозу выхода в тыл Выборгской группировки. Они обрушились яростными контратаками, стали перебрасывать сюда новые части. И здесь они узнали всю силу советской обороны. Мы били, расстреливали в упор оголтелых врагов. Белофинны оставили до тысячи трупов около Нисалахти и Хейнлахти.

На материке 70-я дивизия захватила шестнадцать орудий: четыре 76-миллиметровых, остальные — 122-миллиметровые и 152-миллиметровые. Кроме того, пять орудий были разбиты нашим артиллерийским огнем. Пулеметы и автоматы, захваченные нами, исчислялись сотнями.

В дальнейшем дивизия, продвигаясь в сторону Выборга, обеспечила плацдарм для сосредоточения мощной группировки советских войск по сути в тылу у врага. При этом были захвачены еще орудия и трофеи.

Задание командования дивизия выполнила с честью.

Батальонный комиссар
С. АГАПОВ

Ледовый поход

Саперный батальон прибыл ночью в только что оставленное противником еще горящее Ремпетти. Передовые части 70-й дивизии, преследуя отступающего противника, вели борьбу за острова. Быстро разместив людей и устроив машины, батальон расположился на ночлег. Кругом полыхало зарево пожаров и ни на минуту не смолкала артиллерийская и ружейно-пулеметная стрельба. Перед нашими частями стояла трудная задача — очистить от врага острова Выборгского залива, выйти на материк и отрезать путь отступления белофиннам. Шли горячие бои за северную оконечность полуострова Койвисто и Тронгсунд.

Белофинны понимали серьезность своего положения, бросали свои резервные части на фронт и крепко держались за каждый остров. Им благоприятствовало и то, что на островах было нагромождено много камней. Белофинны, как кроты, делали норы под каменными глыбами, устраивали искусно замаскированные амбразуры и вели ожесточенный огонь по нашим частям, наступавшим по льду залива. Невероятно тяжелые условия боев не останавливали продвижения нашей героической пехоты. Остров за островом очищала она от врага. Белофиннов приходилось буквально выковыривать из-под камней.

Рано утром командир дивизии тов. Кирпонос через начальника инженерной службы капитана Аксенова передал приказ батальону: «Проложить по льду залива дороги, связать дорогами острова, обеспечить пропуск артиллерии, танков и бесперебойное движение автотранспорта с боеприпасами и продовольствием».

Выполнение этого приказа было сопряжено с громадными трудностями. Снег на заливе местами был очень глубокий, а местами его не было вовсе. Тракторы, не имея достаточного сцепления, буксовали и не могли тащить за собой угольника для расчистки снега. Во многих местах залива, где проходило сильное течение, тонкий лед не выдерживал тяжести трактора.

Много было полыней. К тому же большинство маршрутов, намеченных для прокладывания дорог, находилось под огнем противника. Приказ командира дивизии немедленно довели до каждого бойца и командира. Тяжесть выполнения задачи ложилась на роты. Мастерская боевого питания должна была заготовить необходимое количество угольников для тракторов.

«Построим хорошие дороги через залив в кратчайший срок» — под таким лозунгом работал саперный батальон.

Первые поездки тракторов показали недостаточную их мощность и непригодность деревянных угольников для прокладывания дорог. Слишком легкие угольники быстро ломались о камни и пни на островах. Рационализаторы мастерской боепитания — младший лейтенант тов. Белоусов, оружейный техник Глазов, командир отделения Жак, красноармейцы Прохоров и Иванов, — работая круглые сутки на сильном морозе, изготовили угольники из двутавровых балок и рельсов. Для лучшего отвала снега по краям угольника, на высоте 50—60 сантиметров, укрепили двухдюймовые доски. Для ускорения работы дыры в железных балках «просверливались» из винтовки бронебойными пулями. Угольники получались прочные. Чтобы усилить мощность и сцепление трактора, начали возить угольники двойной тягой. Это повысило качество и темпы работы. Отважные трактористы целыми сутками в мороз и вьюгу пробивали дороги в различных направлениях залива. Переезжали с одного острова на другой. Пропускали застрявшие орудия и машины.

Одно отделение даже перестаралось. Оно прокладывало дорогу на остров, еще не занятый нашими войсками. Полковник Нефедов вернул их:

— Вы куда, там еще белофинны.

Бойцы ответили:

— Что ж, выходит, зря мы работали?

— Нет, не зря. Все равно остров будет нашим, и тогда дорога пригодится.

Трактористы Туктаров и Черницов получили приказ: из Ремпетти проложить дорогу на северную часть полуострова Койвисто. Работая ночью и бесстрашно ведя свой трактор по льду залива, в 70 метрах от берега, Туктаров попал с трактором на тонкий лед. Трактор, а вместе с ним красноармейцы Туктаров и Черницов быстро пошли на дно. Бойцы, попавшие под лед, не растерялись и выплыли. Товарищи помогли им выбраться на берег. Из воды торчала только верхушка выхлопной трубы трактора. «Наш трактор не должен оставаться в воде», — заявили бойцы. На следующий день с большими трудностями они вытащили трактор из залива, и отважный тракторист Туктаров снова прокладывал на нем новые дороги на материк. Трактористы Бояркин и Проводкин с младшим

командиром Самойленко и лейтенантом Шалыгиным 5 марта, во время горячего боя наших частей за Нисалахти, попали под сильный ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь белофиннов. Трактористы не оставили своих машин и, выполнив задачу, благополучно возвратились на остров Тейкарин-саари. Попадая под обстрел, трактористы давали четвертую скорость и проскакивали. Бомбы и снаряды уходили под лед. Туда, где трактору не пройти, направлялись взводы и роты сапер. Они умело работали лопатой и, применяя взрывчатые вещества, быстро прокладывали новые пути для наших частей.

Саперный батальон, благодаря самоотверженной работе всего личного состава, выполнил приказ командира дивизии, проложив дороги в разных направлениях по льду Выборгского залива и на островах.

Белофинны не смогли удержать мощного натиска 70-й стрелковой дивизии. Она вышла на материк и перерезала шоссе Хельсинки — Выборг.

А. АНДРИЯНОВ, Н. БЕЛОВ

По приказу командующего фронтом товарища Тимошенко

Прорвав линию Маннергейма, части Красной Армии упорно продвигались вперед, окружая Выборг. Противник терял один за другим укрепленные пункты и узлы сопротивления, откатывался на запад и после сдерживающих боев перешел к обороне на линии пролива Салми-сунд, опираясь на сильно укрепленный Койвисто-Бьеркский район.

Этот район состоял из города-крепости Койвисто и многочисленной группы укрепленных островов на Финском и Выборгском заливах. Среди них главными были острова Койвисто, Пии-саари, Тиурин-саари. В северной своей части группа островов замыкалась островом Уран-саари с городом-крепостью Тронгсунд.

Наиболее важным в стратегическом отношении являлся остров Койвисто. Там белофинны сосредоточили несколько батарей береговой артиллерии, которые имели возможность обстреливать побережье материка на большом протяжении и весь пролив Салми-сунд. Берега острова находились под защитой железобетонных дотов. Белофинское командование возлагало большие надежды на этот остров, рассчитывая сковать здесь продвижение частей Красной Армии к Выборгу.

Основные коммуникации, связывающие Койвисто с юго-западным побережьем Выборгского залива, проходили через Пии-саари.

* * *

Утром 22 февраля командующий Северо-Западным фронтом товарищ Тимошенко по телеграфу передал приказ: «Во что бы то ни стало к исходу дня взять Пии-саари».

К 9 часам утра наш стрелковый полк занял исходное положение для наступления на Пии-саари. Впереди простиралась четырехкилометровая гладь пролива Салми-сунд. Белое снежное поле или открытое пространство льда представляло единственный путь к сближению с противником. Здесь каждая

пядь простреливалась перекрестным пулеметным огнем из дотов. Наше движение на этой ледяной скатерти хорошо просматривалось с наблюдательных пунктов острова. Предстояла исключительно трудная операция штурма морской крепости силами пехоты.

Не только командиры, но и все бойцы понимали всю важность боевого приказа товарища Тимошенко. Этот приказ был воспринят нами с огромным воодушевлением, как выражение воли народа — воли Родины.

— Завтра XXII годовщина Красной Армии... — взволнованно говорил красноармеец Подоляк, выражая общее настроение. — Сделаем подарок Родине... Этими руками (он поднял вверх сжатые кулаки) я первый водружу знамя над дотом...

* * *

В 9 часов 30 минут подразделения оторвались от материка и расчлененными строями двинулись по заливу. Природа как бы сочувствовала нам. Ветер крутил в воздухе снежную пелену. Залив был окутан молочно-белым туманом.

Вблизи материка снег доходил до пояса. Но люди упорно продвигались вперед, таща за собою пулеметы, минометы, боеприпасы. Связисты тянули телефонную линию. На сосредоточенных лицах бойцов отражались упорство и воля к победе.

Туман рассеялся, блеснуло солнце.

Раздался глухой орудийный выстрел. Тяжелый снаряд с воем пролетел над нами. Упав на ледовую броню залива, он пробил ее и взметнул столб воды.

Это береговая батарея белофиннов открыла огонь.

В ответ с материка грянул залп наших батарей. За ним — второй, третий...

Выстрелы слились в канонаду.

На берегу Пии-саари взлетали к небу столбы черного дыма. Стоявшие там столетние деревья валились, как подкошенные стебли камыша.

Туда, к берегам острова, были обращены все взгляды.

То там, то здесь разрывались вражеские снаряды, поднимая фонтаны сизой воды. Лед с треском лопался под ударами снарядов. Огромные льдины то погружались в пучину, то громоздились одна на другую. Осколки снарядов с пронзительным визгом проносились над скользкой ледяной поверхностью.

Но люди попрежнему стремились к острову. Стремились изо всех сил.

Вот, захлебываясь, застрочили станковые пулеметы. Это вступила в перестрелку 4-я стрелковая рота, во главе ее — младший политрук Никоненок. Развивая успех, все быстрее

шла к острову и 5-я рота. На помощь им обеим спешила полковая артиллерия под командой младшего лейтенанта Колбасьева. Артиллеристы Колбасьева, по пояс в снегу, под яростным пулеметным обстрелом тащили на себе 76-миллиметровые пушки. И прямо на льду, метрах в восьмистах от острова, они заняли позицию и открыли огонь.

К 17 часам противнику все же удалось задержать наше продвижение. Люди залегли на льду.

Командир полка майор Гноевой отдает приказ: «Взять остров штурмом, при поддержке артиллерии».

И когда с материка наша артиллерия обрушилась на островные укрепления врага новой лавиной стали, роты дружно поднялись и устремились к острову.

Впереди бежали коммунисты и комсомольцы. Бежали со штыками наперевес политрук Бандура и младший политрук Никонепок, младший лейтенант Мартьянов, заместитель политрука Зотчик, красноармеец Подоляк...

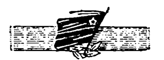
Первым достиг острова Подоляк. Он с подоспевшей группой бойцов заклинил амбразуры дота, взорвал его и на развалинах водрузил красное знамя.

К 19 часам 3-й батальон ворвался на юго-восточную оконечность острова. Озлобленный противник не хотел примириться с потерей своего логова и неоднократно переходил в контратаки то на одном, то на другом фланге. После многих контратак, потерпев неудачу, белофинны обратились в паническое бегство.

Противник бросал убитых и раненых, артиллерийские батареи, склады, автомашины, боеприпасы. Он отступал, разбитый и наполовину уничтоженный.

Заняв Пии-саари, мы продолжали преследовать финнов по пятам.

Приказ товарища Тимошенко был выполнен: Пии-саари взят, пути отхода противнику с острова Койвисто отрезаны.

Герой Советского Союза старший лейтенант
В. МОСКВИН

Мысли о войне

Я не психолог, я командир, но на войне бывают случаи, когда воин прежде всего должен быть психологом.

1. Рота залегла...

Было это уже после ледового похода на материк. Мой батальон с боем продвигался к местечку Хейнлахти.

Большой мачтовый лес. Мы этот лес прочесывали. Сняли несколько «кукушек». Взяли в плен двух шведов. Видим — навстречу движется отходящая под натиском противника стрелковая рота лыжного батальона, который вел бой за Хейнлахти с другого фланга.

— Финнов там видимо-невидимо...

— Огня чересчур много...

— Горячей пищи давно не имели...

Вот какие разговоры.

Народ в этой роте храбрый, но выучки нехватало.

Я сказал:

— Ну, вот что. Повернуться надо немедленно лицом к противнику. Занять рубеж, откуда вы отошли. А там я вас сменю. Тогда милости просим обедать.

Рота пошла вперед. Дошла до поляны. Поляна длиной метров сто пятьдесят-двести. Ее в один прием можно перебежать и выйти к выгодному для нас рубежу. Но финны открывают бешеный огонь, и мое новое «пополнение» залегло.

Дать финнам «выщипывать» роту? Нет, помочь ей выполнить свое обещание!

Принимаю решение:

— Разведвзводу лейтенанта Маршавина — броском, через головы лежащих! Вперед!

Вышло замечательно! Рота лежит, а через нее, буквально через головы красноармейцев — разведчики Маршавина.

Лейтенант кричит «ура». За ним кричит «ура» его разведка. Рота тоже поднимается и перебегает поляну.

Выгодный рубеж занят. Финны отошли. Я организовал «банкет» с горячей закуской...

Значит иногда можно целую роту залегших стрелков устремить в атаку, пустив мимо них свежий взвод (пусть даже одно отделение!), но самых лучших, отважных бойцов.

2. Домик с трубой

Где выбрать место для расположения части?

Этот вопрос всегда волнует командира.

Хорошо замаскироваться — таково первое и главное условие. Но маскируясь, надо обязательно учитывать психологию противника. Он будет прощупывать нас огнем, и его надо обмануть.

Когда финны отошли из местечка Мелола, они сожгли все постройки. Мы заняли эту местность. Там есть овраг, хорошо замаскированный. Вода близко. Казалось бы, лучшего места для расположения части не найти.

Но мы там не расположились. Почему? Да потому, что правильно учли психологию противника.

И действительно, снаряды финской артиллерии ложились впоследствии... по оврагу: противник решил, что мы соблазнимся хорошим укрытием. А мы находились куда левее — в местности, сожженной финнами, и никакого урона не несли.

Батарею нашу противнику также не удалось «нащупать». Мы ее выдвинули вперед, под маской кустов, а противник искал ее позади нас, да так и не нашел.

Был в этом районе домик. Крыша сгорела, а стены и высокая труба остались. Труба хорошо видна противнику, а дом скрывают густые сосны.

Так вот, труба эта долгое время служила ориентиром для артиллерии противника. Ориентируясь по трубе, финны вели систематический обстрел местности, в которой не было ни одного красноармейца.

А мы жили в домике и прозвали его «хитрым домиком».

Такие места на войне занимать иной раз куда более выгодно, чем «самые скрытные».

Что же значит правильно выбрать место для расположения? Это значит, выбрать место, которое не привлекает «артиллерийского» внимания противника.

3. Штурм острова

Иной раз можно самым простым способом ошеломить противника.

Перед выходом на материк батальону надо было овладеть последним островом. Остров узкий, но длинный. У финнов

там были станковые пулеметы, живая сила. Оборонялись они цепко. Стрелковый полк лежал перед островом, а взять его не мог.

Я решил: лежать перед островом нельзя, финны нас хорошо видят и будут просто расстреливать.

Надо брать остров с помощью танков.

Очень хорошо. Но танки на остров с ходу не заползут. Да и надо учесть, что финны, вероятно, приготовились «встретить» наши танки.

Надо обмануть противника.

С рассветом пускаю на остров танки, а позади — пехоту.

По всем признакам, финны, как мы правильно поняли, готовы отбить танковую атаку.

Но я отдаю приказ: танкам остановиться, выстроиться перед островом и открыть бешеный заградительный огонь. Пользуясь этим огнем, пехота бросается вперед, и перед противником неожиданно вырастают наши красноармейцы.

Бросок был настолько сильным и неожиданным, что финны растерялись, оставили пулеметы и бежали в панике.

Мы заняли остров. Теперь наши танки спокойно «вползали» на него...

4. Ракеты

Война учит бдительности, постоянному наблюдению, и от командира ничто не должно ускользнуть.

Я знаю отдельные случаи, когда финские разведчики проникали в наше расположение, ракетой обозначали район для обстрела, а через несколько минут начинала действовать вражеская артиллерия или миномет.

Под высотой 34,8 я увидел, как из района 1-го батальона взвилась желтая ракета. С тов. Ширягиным мы бросились туда, растолкали людей, приказали всем уйти с этого места.

Точно: вскоре в этом районе стали разрываться финские мины...

Лазутчик, имея при себе ракету, может вызвать панику у противника.

Когда воюешь на сильно пересеченной местности, такой лазутчик необходим.

5. Мои связные

У меня были замечательные связные. Товарищи Васильев, Петров и Шепелев. Закаленные, отважные, хитрые бойцы.

Финны считают себя очень здоровыми, ловкими и хитрыми. И когда они убеждаются, что мы здоровее, ловче и хитрее их, — теряются, впадают в панику. Своеобразная психология!

Мои связные, куда бы я их ни послал, идут быстро, и страху — ни в одном глазу. Они замечают каждую кочку, каждое деревцо, когда идут в подразделения, и, возвращаясь, никогда не заблудятся.

Финны говорили: «Мы эти места наизусть знаем».

А мои связные говорили: «Мы эти места знаем не хуже, чем финны».

Герой Советского Союза
старший лейтенант В. Москвин

В лесу, в районе Нисалахти группа финских лазутчиков проникла к нашему командному пункту, обстреляла штаб и исчезла.

Некоторые говорили: «Чорта с два найдешь их!»

Нет, так нельзя рассуждать. Обязательно надо найти. Я организовал группу красноармейцев, среди них мои связные. Они знают местность, и от них врагам не уйти.

И лазутчики не ушли. Их порасстреляли.

Финны ломали наверно головы, как это мы обнаружили «неуловимых».

На психологию противника действует быстрота и не только какой-нибудь операции в целом, но быстрота действий каждого отдельного красноармейца.

Вот мой связной Петров. Бывало не раз: финский солдат, заметив Петрова, берет винтовку навскидку, хочет стрелять, но Петров всегда стреляет первым, укрывшись за дерево либо за камень.

Я однажды слышал, как связной Васильев разговаривал с другим связным.

— Дошел до 2-й роты?

— Не дошел. Не мог пробраться. Белофинны.

— Друг ты мой, на то это и противник. На то и война. По Невскому легче, конечно, итти. А ты бы вон той тропочкой прополз, дальше можно в рост итти, а потом опять ползком. Никто тебя не увидит. Огонь их не прицельный.

Через минное поле

Мы гнали белофиннов по направлению к Макслахти. Наш эскадрон выполнял приказ командования — как можно скорее достичь Финского залива.

Подъехал я с эскадроном к небольшому мостику. Замечаю: на полотне дороги свеженасыпанные кучки снега. Они показались подозрительными.

Слезли с коней, потихоньку смели снег и сразу под ним обнаружили рядышком, одна возле другой, четыре мины. Мы осторожно сняли их с дороги, положили ребрами на снег. Идем дальше, заприметили фугас. Смотрим, а по сторонам и вдоль дороги еще возвышаются бугорки. Сильно торопились финны и не сумели даже как следует замаскировать свои ловушки. Немного дальше дорогу преграждал минированный завал, опутанный проволокой.

Разминировать местность не представлялось возможным — это отняло бы много времени. Мы обозначили минные поля красными флажками, а сами всем эскадроном двинулись в объезд. Проезжаем мимо сожженных селений. Там, где стояли дома, чернеют кучи угля. Кое-где в этих пепелищах еще тлеет огонь.

Получаю донесение от идущего в дозоре младшего командира Брикуна:

— Дорога взорвана.

Останавливаю эскадрон, выезжаю к месту взрыва.

Место для порчи дороги финны выбрали подходящее: справа — крутая, густо поросшая лесом гора, слева, у ее подножья, начинается незамерзающее болото. Заедешь туда с лошадьми, — и пиши пропало: вмиг засосет. А посредине, между горой и болотом, пересекая узенькую дорогу, чернеет огромная воронка с глыбами замерзшей, но не припорошенной снегом земли. Свежая работа!

Подъехал к воронке и вижу на другой ее стороне командира отделения Брикуна с дозором. Видимо, они перебрались на ту сторону по узенькой тропочке с края воронки.

— Если четыре бойца проехали, — значит и остальные могут проехать! Но тем не менее следует, думаю, проверить самому.

Осмотрел воронку, поглядел на гору, а бойцы тем временем повели лошадей по тропочке. Двигаюсь за ними и, что называется, рою снег глазами. Вдруг вижу — между глыбами выброшенной взрывом земли как будто что-то блеснуло. Наклонился, смотрю — тоненькая-тоненькая проволочка. Сразу все понятно стало. Мы в центре минного поля. И в эту самую секунду, только подумал так, лошадь красноармейца, идущего впереди, начинает пятиться. Не может взять подъем — круто. И вот-вот наступит копытом на проволочку.

— Вперед! — командую красноармейцу Комарову, идущему с конем, а сам подталкиваю коня. Откуда у меня силы хватило — не знаю! Стою, упираюсь. Вижу, лошадь пошла, пошла и, наконец, вскарабкалась на гору.

Сообщаю красноармейцам, что мы попали на минное поле. Стали разряжать мины. Выцарапали их из-под снега шесть штук.

Весь эскадрон благополучно проехал очищенный от мин участок, а уже вечером стали видны пылающие дома Макслахти, подожженные противником.

В местечко мы въезжаем, овеянные дымом пожаров. А за багровой пеленой огня, за обгорелыми строениями виднелся Финский залив. Мы подошли к нему своевременно. А отсюда уже, по льду залива, по островам пролегал наш дальнейший путь в обход Выборга.

В. ТРУНОВ

Путь свободен!

Годовщину Красной Армии наша 1-я рота лыжного батальона встречала в лесу. Растянувшись цепочкой, мы поднимались на лыжах в гору; впереди показалось пустынное, без деревьев, пространство: очевидно, замерзшее болото или маленькое озеро. Его гладкая ледяная поверхность была занесена, казалось, нетронутым снегом.

Сегодня мы особенно настороженны. В памяти еще жив урок вчерашней, не совсем удачной нашей операции.

Вчера 1-я и 2-я роты были посланы с задачей «прочесать» один из островов залива, где, по сведениям разведки, скрывались группы белофиннов. Когда стемнело, роты выступили. Пригибаясь, быстро пробежали мы на лыжах открытое место по льду залива. 1-я и 2-я роты развернулись цепью в полукруг и вступили на остров. Ночь была темная. Крупными хлопьями падал снег.

Кругом ничего не видно, и если рядом идущий товарищ отходил на 3—4 метра, он терялся из виду. Именно из-за этого я и еще несколько бойцов, шедших впереди, оторвались от своего взвода и, пройдя какую-то дачную постройку, вышли к поляне. Неожиданно из мглы донеслись голоса. Разговаривали по-фински.

Снег падал не переставая, и видимость настолько ухудшилась, что стрелять было бы непростительной ошибкой.

Я велел бойцам не показываться из-за деревьев, а притаиться и ждать, пока противник выйдет на середину поляны.

У нас было хорошее вооружение: полуавтоматы, много патронов, пулемет Дегтярева с достаточным количеством дисков. Кроме того, у каждого имелось по крайней мере по две гранаты.

Однако, как только финны вышли на поляну и прошли не больше 10—15 метров от края леса, кто-то не утерпел и выстрелил. Только один финн был убит, а остальные, изменив направление, быстро скрылись в лесу. Правда, там они наскочили на 2-ю роту, шедшую правее нас. Финны были выгнаны с острова. Но если бы не этот преждевременный выстрел, большинство их было бы, конечно, уничтожено.

И вот сейчас каждый хотел выполнить новое боевое задание без сучка и задоринки.

Наши размышления были прерваны раздавшимися впереди и где-то справа выстрелами. Пули просвистали метрах в двухтрех от земли. Залегли. Стрельба прекратилась. Попробовали приподняться — опять стрельба. Пришлось ползти, не снимая лыж, вперед, к камням, видневшимся метрах в пятидесяти, и укрыться за ними.

Некоторое время кругом было тихо.

Приказ — двигаться вперед. И едва бойцы вступили на открытое место, снова раздались выстрелы, причем откуда-то спереди и чуть справа противник вел особенно сильный огонь. Пройти через поляну не представлялось возможным.

Рота опять залегла, а мне командир приказал разведать эту огневую точку и, само собой разумеется, сделать все, чтобы ее уничтожить.

Взяв с собой бойца Антонова, я отошел с ним влево от нашей роты. Мы двинулись с ним в сторону выстрелов, сначала прикрываясь небольшими кустиками, а затем почти зарываясь в глубокий снег. Ползли, не снимая лыж, на боку.

Наконец, добрались до большого обрыва. Решили снять лыжи, так как карабкаться с ними на крутой обрыв было очень неудобно. Зарыв лыжи в снег и рассудив, что либо мы вернемся и тогда легко их обнаружим, либо нам лыжи больше не понадобятся, осторожно двинулись вперед.

Весь берег был покрыт кустами и сваленными деревьями. Пробираясь между ними, мы доползли до леса и там от ствола к стволу,— где ползком, а где низко пригнувшись, продолжали двигаться по направлению выстрелов. По силе звука можно было предположить, что огневая точка белофиннов находится недалеко.

Вот и огневая точка, задержавшая продвижение целой роты. Уже слышна финская речь. Приказываю Антонову приготовить гранаты к бою, а сам, приподнявшись из-за ствола, слежу за противником. Около огромного камня в углублении стоял пулемет, имевший 100-градусный сектор обстрела. За пулеметом два финна. Слева, в углублении за прикрытием куста, около камня притаился третий финский стрелок.

Выждав момент, когда стрельба финнов стала особенно интенсивной и все их внимание было поглощено ею, мы продвинулись еще ближе. Теперь до огневой точки оставалось 7—10 метров. Казалось, мы чувствовали дыхание врага. Надо было торопиться. Лишь бы они не заметили нас.

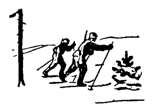
Антонову, залегшему слева от меня, еле слышным шопотом приказываю уничтожить гранатой стрелка, а сам нацеливаюсь на пулемет.

Чуть заметный кивок товарищу. Взмах рукой. Раз, два. Разрыв четырех гранат, — оба мы для верности бросили их по две, — слился в один глухой взрыв.

И все стихло. Гранаты хорошо попали в цель. Огневая точка уничтожена.

Путь для роты был свободен.

Выполнив задачу, мы пошли отыскивать закопанные в снегу лыжи.

Герой Советского Союза капитан
А. КРАСНОВ

Штурм острова Ханнуккалан-саари

В конце февраля мой батальон получил приказ сосредоточиться в местечке Ниемеля и быть готовым к наступлению на остров Ханнуккалан-саари в Финском заливе. Полотно железной дороги, соединяющей местечко с островом, белофинны взорвали. Лед тоже был взорван — получилась полынья шириной до полутора километров. Поселок Ханнуккала, расположенный на острове, представлял собой сильно укрепленную позицию. Между домами были вырыты отличные окопы. Враг использовал и естественные укрепления — громадные гранитные глыбы.

Батальону был придан дивизион под командованием капитана Коренского.

Уяснив обстановку, я решил наступать в три эшелона. В 8 часов 27 февраля началась артиллерийская подготовка. Через 30 минут последовал перенос огня. Первая рота лейтенанта Чистякова пошла в наступление. Стремительный бросок — и взвод лейтенанта Подлипаева уже на берегу острова дерется за первые два домика. Вскоре в бой на острове втягивается вся рота. Следом за 1-й делает бросок 2-я рота лейтенанта Кузнецова. Она действует на правом фланге. Противник упорно сопротивляется, ведет сильный минометный и артиллерийский огонь по льду Финского залива, не давая выступить 3-й роте.

Бой в разгаре. Темнеет. Под прикрытием темноты решаю перебросить 3-ю роту, поставив ей задачу — перевалить через железнодорожную насыпь и, действуя из-за левого фланга 1-й роты, овладеть поселком. 3-я рота под командованием лейтенанта Пономаренко прошла по льду к железнодорожному валу. Это была высокая ледяная гора: белофинны облили вал водой, считая, очевидно, что теперь он будет неприступным.

Герой Советского Союза Кузьма Высоцкий и тут проявил исключительную сообразительность и находчивость. Он уже был командиром пулеметного взвода. Связав из пулеметных лямок нечто вроде каната, Высоцкий с помощью топора взо-

брался на вал, закрепил один конец каната за рельсы, а другой бросил товарищам вниз. Те привязали пулемет, и Высоцкий втянул его на железнодорожное полотно.

Пользуясь этим же канатом, взобрались на вал и остальные бойцы и командиры. Затем все они быстро, как с хорошей ледяной горы, скатились вниз, на другую сторону. Так, без шума и единого выстрела 3-я рота подошла к поселку Ханнуккала.

Бой длился всю ночь напролет и к рассвету особенно усилился. Белофинны, используя всякое укрытие, упорно защищали поселок. Борьба шла за каждый дом, за каждый сарай.

Командир дивизиона капитан Коренский и его командиры батарей вели почти снайперскую стрельбу. Видя с командного пункта, что белофинны находятся за большими камнями и нашим бойцам невозможно добраться до них, я поставил артиллеристам задачу — вести огонь отдельными орудиями по одиночным целям. Снаряды ложились точно туда, куда нужно. Осколки скал и снарядов разили белофиннов на месте.

Противник дрогнул и, неся огромные потери, стал откатываться по направлению к станции Монола. Все время продвигаясь вперед на плечах противника, батальон очистил остров и с хода занял станцию.

Здесь была получена радиограмма — передать остров соседним частям и идти в глубокий рейд по Финскому заливу.

В бою за остров Ханнуккалан-саари было убито до 350 белофиннов. Нами взято трофеев: шесть станковых пулеметов, три орудия, 35 тысяч патронов, упакованных в ящики, не считая лент и россыпи.

ВЛ. СТАВСКИЙ

Молниеносный удар

Командир 1-го батальона нервничает. Батальон — во втором эшелоне, расположен на острове Ламан-саари. Двое с половиной суток 2-й и 3-й батальоны безуспешно пытались выскочить и зацепиться за тот берег Финского залива. Сейчас оба батальона лежат на льду. Белофинны с того берега не дают поднять головы нашим товарищам. А 1-й батальон старшего лейтенанта Анатолия Краснова, которому вообще-то в диковинку быть во втором эшелоне, бездействует на острове Ламан-саари — в каких-нибудь трех-четырех километрах от противника.

Старший лейтенант Краснов в который раз уже осматривает вражеский берег. Угрюмой и мрачной стеной стоят вдоль берега огромные сосны и ели. Между ними занесенные снегом скалы, валуны. Над лесом, над берегом господствует огромная светлая высота, поросшая редким лесом. Вершина ее голая, каменистая. На этой высоте — белофинские наблюдатели. Оттуда им виден каждый человек на льду залива. А в густом лесу, между камней и валунов, — белофинские позиции. Настоящая крепость.

Уцепиться за берег, захватить высоту 19,6 и сразу же оседлать шоссе Хельсинки—Выборг, — это значит: отрезать белофиннам путн отхода из района Выборга и не дать возможности подтягивать резервы.

Но и белофинны это отлично понимают. Они яростно защищают тот берег залива.

Солнце перевалило зенит. Краснов, сердито глянув на голубое небо — такой день пропадает! — идет на свой командный пункт, что за сосновой рощей, могучей шапкой покрывающей остров Ламан-саари. Между двух гранитных скал горит небольшой костер. Связной Гущин, улыбаясь обветренным, закопченным лицом, разводит в финской чашке муку.

— Вы что это затеяли, товарищ Гущин?

— Блины хочу печь.

— Да что вы?

— Увидите. Сейчас на сковороде и напеку!

— Давайте, давайте!

Комбат проходит в низкий чум. Начальник штаба батальона старший лейтенант Надточеев на молчаливый вопрошающий взгляд комбата грустно пожимает плечами. Комбат присаживается у телефонного аппарата. Высокий, смуглый и сильный, он весь горит от нетерпения. Краснов вызывает командира полка, спрашивает, как же будет с батальоном.

— Сидите! — коротко обрезает капитан Русецкий, принявший командование полком у заболевшего капитана Угрюмова.

Краснов глубоко вздыхает.

«В ротах — то же, что и со мной», — думает он и приказывает вызвать командиров рот.

— Товарищ комбат, разрешите доложить — блины готовы!

Связной Гущин сияет. На сковородке стопка горячих румяных блинов. От них идет пар.

— Вот это здорово!

Краснов, сдернув перчатки, берет один блин и ест. Потом другой, третий. Хорошие блины! Вспомнилась родная Пенза; он жил там за валом, на окраине города. Потом вспомнилось Заволжье: Спиридоновка под Кинелем, Домашковская МТС и Бугурусланская МТС, организация колхозов, работа агрономом до ухода в армию, в 1936 году.

Командир отделения Юсуп Идрис Имангулов — земляк и закадычный друг комбата — любовно поглядывает на Краснова.

— Войну кончим — ко мне поедем, командир. Фатима таких напечет лепешек!

— И поохотимся всласть! — мечтательно говорит Краснов. О том, что они поедут к Имангулову на Суру — крепкий у них уговор еще с декабря, после ночных боев под высотой 34,8 у Кархульского узла.

Приходят командиры рот, здороваются.

— Садитесь, товарищи. Как дела? Рассказывайте.

В глазах у командира нетерпение.

— Рассказывайте, товарищи, как бойцы... А вы закуривайте. Товарищ Утенин, давайте, пожалуйста, кочубеевку...

Командиры рот закуривают. Писарь Утенин приносит ящик со всевозможной вкусной снедью.

Краснову очень понравилось в романе Первенцева «Кочубей», что у героя всегда был с собой мешок с колбасами и паляницами. И он тоже завел себе «кочубеевку».

Командиры рот заулыбались. Хорошее обыкновение у комбата: улучить минутку и так вот собраться, развлечься. Они закусывают, посмеиваясь, перебрасываясь шутками. И кто-то уже предлагает:

— Споем, что ли, товарищи?

Запевают любимую «Катюшу». Краснов с телефонной трубкой около уха весело оглядывает боевых товарищей. Они поют со всей душой, вдыхая полной грудью. Вот это и есть настоящий отдых и зарядка в боевых условиях.

Вдруг лицо Краснова стало строже.

— Минутку, товарищи...

Тишина.

— Пора? — спрашивает Краснов и звонко заканчивает:

— Есть, товарищ командир полка.

Он встает торжественно, грозно. И отдает приказ — батальон с обороны снять, вытянуть роты на обратный скат, на опушку леса. И уезжает на санях на командный пункт полка.

* * *

— Видите высоту 19,6? — спрашивает Краснова командир полка капитан Русецкий.

— Вижу.

— Приказываю эту высоту к исходу дня взять. На вас вся надежда.

— Приказано высоту 19,6 взять, товарищ капитан. Что придается батальону?

— Артиллерийский дивизион капитана Коренского, взвод противотанковых орудий лейтенанта Воронина, минометный взвод лейтенанта Федоренко. 10 минут на принятие решения.

Комбат Краснов уходит в сторонку. Под солнцем пламенеют огромные и ровные, как колонны, стволы сосен. Под обрывом берега — синеватая равнина занесенного снегом льда. А дальше — угрюмая стена вражеского берега. Как же тут наступать, если кочку и ту видно за десяток километров? В груди Краснова вздымается гневная волна: весь вражеский берег надо захлестнуть огнем артиллерии. Иначе не подойдешь, просто не подойдешь.

Краснов возвращается к командиру полка.

— Товарищ капитан, мое решение: наступать под прикрытием артиллерийского огня, сейчас же вслед за артиллерийской подготовкой.

— Хорошо. Я вам танки еще даю. Вот и командир танков.

Краснов смотрит на идущего к ним танкиста. И тут в памяти его встает незабываемая картина, врезавшаяся навсегда в память.

Это было еще в декабре. Он, комбат Краснов, находится внутри танка. Ревет мотор, грохочут выстрелы, громада танка содрогается, от пороховой гари кружится голова. В смотровую щель Краснову видно, как по цепи белофиннов совсем рядом, на опушке леса, хлещут беспощадные очереди. И белофинны

в халатах валятся, иные бегут, но их тоже достает огонь, и они тоже валятся.

Вдруг останавливается танк старшего лейтенанта Преображенского. Рядом с танком вырастает фигура в халате...

Неужели это белофинн? Да нет же! Это красноармеец. Этот худенький, невысокий, — бесстрашный Кузьма Высоцкий. Вот

он поднимает на танк, позади башни, станковый пулемет и ловко взбирается следом за ним сам.

Танк трогается. И Краснов видит, как поднимается люк на башне, показывается голова танкиста в кожаном шлеме. Кузьма Высоцкий, обхватив башню одной рукой, другой показывает вперед — туда, где скопились белофинны. Люк башни захлопывается. Танк, вздрогнув, устремляется на врага. Из жерла танковой пушки вырываются языки огня. И несмолкаемо работает пулемет Высоцкого в его умелых, храбрых руках...

Вспомнив этот небывалый случай, старший лейтенант Краснов принимает решение: выбросить на тот берег Финского залива батальон — десантом на танках, под прикрытием артиллерийского огня.

— Товарищ командир полка, разрешите обратиться к командиру танков?

— Пожалуйста.
— Товарищ командир, сколько можете
— Сколько надо, столько и дам.
— Сто танков дадите?
— А кто вы такой?
— Командир 1-го батальона.

В глазах танкиста заметно сомнение, насмешливое любопытство. Краснов чувствует, как лицо его заливает краска. Неужели уж так несолидно выглядит он, в своей шинели со следами ночевок у костра, небритый?

Но вот к Краснову полностью возвращается самообладание. Выпрямившись во весь рост, он строго обращается к танкисту.

— Товарищ командир, слушайте мой приказ.
— Есть, товарищ комбат.
— Сколько дадите танков?
— Пятнадцать.
— Сколько народу они поднимут?
— А что вы хотите?.. Что вы надумали? — сразу спрашивают и танкист и капитан Русецкий.
— Посажу пехоту на танки и ворвусь на материк.

Капитан Русецкий пристально смотрит на Краснова и загорается его отвагой.

— Действуйте. У вас выйдет!..

Краснов обращается к танкисту:

— Ну, товарищ командир, идемте на рекогносцировку!

* * *

Все готово. Каждому орудию указаны огневые позиции на острове. Артиллеристы будут бить по белофиннам прямой наводкой. Танки сосредоточены за островом. Им поставлена задача: выйти слева из-за острова на максимальной скорости и, стреляя по врагу, прорваться к берегу. Краснов собирает экипажи танков, лично объясняет задачу. Потом — короткая дружеская беседа.

— Ну, так как же? Все в порядке?
— Все в порядке! — хором отвечают танкисты.
— А настроение?
— Хорошее. А как у пехоты?
— Мои орлы черта сломают! А дадите полный газ?
— Дадим.
— Проскочите до берега — мы там сами пойдем!
— Проскочим.
— Огонь ведите все время с хода!
— Есть!..

Краснов подает своим бойцам команду: «По танкам», и они сразу взбираются на грозные машины, помогая друг другу.

Размещаются поудобнее — с винтовками, с пулеметами, с боеприпасами.

Краснов еще раз уточняет задачи, поставленные командирам-артиллеристам.

— Я уезжаю на танке. А вы утюжьте передний край белофиннов. Когда танки подойдут, перенесите огонь на четыре деления вперед! 76-миллиметровая даст шрапнель, чтобы ни одной «кукушки» не было. Минометы — огонь по переднему краю и перенос на фланги!..

Артиллерия открывает огонь. Противник пытается отвечать, но огонь его не сосредоточен. А там, на вражеском берегу, закипает огненный смерч. Грохот, непрерывный блеск шрапнели над соснами, вспышки разрывов в лесу, по берегу. Взлетают ветви и стволы деревьев, столбами встает земля, мелькают в воздухе огромные камни.

Краснов на головном танке. Он стоит рядом со станковым пулеметом, одним коленом опершись на броню. Рукой подбадривает 3-ю роту. Та спешит за танками, продвигаясь перебежками. Но куда же угнаться — танки идут на полном газу. И 3-я рота отстает.

Все ближе берег — в огне разрывов, в клубах дыма, в вихре огневого налета. Видны скалы и валуны, занесенные снегом. Скоро — бросок в атаку.

Краснов оглядывает свой батальон. На танках командиры, бойцы, политработники. Они готовы к атаке, их руки накрепко сжимают оружие.

Бесстрашный Идрис Имангулов улыбается комбату. И от этой улыбки, от вида батальона на какой-то миг сладко замирает сердце. Артиллерия уже перенесла огонь в глубину.

Танки упираются в скалы и в валуны. И останавливаются.

— За Родину! За Сталина! Вперед! — звонко кричит Краснов, спрыгивая с танка в сугроб. Пехота соскочила с машин, легла на снегу. В сердце Краснова хлынул холод. Впереди — вал. За ним — белофинны. Вот-вот они придут в себя. Медлить нельзя ни секунды. Сыпанут из пулеметов — и все, конец батальону.

— Имангулов, станковый пулемет вперед! Огонь с рассеиванием по фронту!

Не оглядываясь и зная, что испытанный в боях расчет Имангулова уже выполняет приказ, комбат Краснов вбегает на вал и, обернувшись спиной к врагу, выхватив из-за пазухи пистолет, громко кричит:

— Товарищи, вперед!..

Сбоку ударил из пулемета Имангулов.

— За Родину! За Сталина! — вновь кричит комбат, бросаясь мимо валунов. Вспыхнуло, прокатилось по лесу «ура»,

Обгоняя Краснова, бегут бойцы. Взмахи рук — в белофинские окопы летят гранаты. Краснов видит, как из блиндажей бросаются финны и падают под ударами беспощадных штыков.

Глубже и глубже в лес врывается батальон. Грохают разрывы гранат, трещат пулеметные очереди, щелкают винтовки и пистолеты. Над головами, над лесом сплошной вой и клекот снарядов. Вот и высота. А бой, крики «ура» слышны уже впереди, за нею. Краснова охватывает буйная радость:

— Вот это молодцы! Высота наша!

Комбат Краснов бросается еще быстрее вдоль траншей. И вдруг видит: из окопа, в 10 метрах, целится в его грудь финский офицер.

Сейчас — выстрел... Краснов выхватывает пистолет — всю войну он носит его за пазухой шинели. Стреляет. Финн упал.

— А ну, вперед, товарищи!

На скатах высоты, между сосен и елей, — финские палатки. Вон, на вешалке висят рядком офицерские шинели.

— И одеться не успели, вояки! Быстро смотались...

По лесу тут и там видны красноармейцы.

— Вы какой роты? — спрашивает Краснов у бойца.

— Я из 2-го батальона.

— Позвать командира!

Боец убегает. Краснов решает приостановить наступление, привести батальон в порядок. Через связных приказывает командирам рот остановиться и немедленно окопаться. Он выбирает место для командного пункта — у подножья гранитной глыбы высотой метров в полтораста.

Пришедшему командиру 2-го батальона он говорит, чтобы тот обеспечил правый фланг. Договорились, и командир уходит.

Краснов шумно вздыхает, счастливо оглядывается. Боевая задача выполнена. Теперь надо закрепиться и удержаться.

Проворные связисты уже тянут связь. День, такой ясный и голубой, теперь темнеет. На западе, за высотой — золотой закат.

Красноармейцы приводят здоровенного рыжего финна. По багрово-красному лицу его катится пот. Зеленые глаза сощурены с враждебным ехидством. Краснов сдерживает прилив ярости и ненависти.

— Шюцкоровец или резервист?

— Ни, ни шюцкор. Резервист.

— Какой части? Сколько финнов здесь?

Санитар с горем пополам переводит:

— Перед вами человек шестьдесят. Мы устали, хотим кушать!

«Брешет! Все брешет!» — думает Краснов и отправляет пленного в штаб полка.

Со стороны белофиннов усиливается минометный огонь.

— Неужели контратаку готовят? — удивляется Краснов. И по налаженному связистами проводу приказывает командирам рот:

— Противник готовит контратаку. Держаться!.. Не наступать. Давать ответный огонь!

По голосам понятно: командиры бодры, уверены. И все бойцы тоже.

С резким отвратительным треском рвутся вражеские мины. Командир минометного взвода лейтенант Федоренко вступает в яростный поединок с минометами врага. Ему приходится вскоре переменить огневые позиции. Только он это сделал, как на старое место падают мины врага.

Командир полка по радио передает комбату Краснову: пленный уже сказал, что он шюцкоровец и что действуют у высоты два батальона 10-го пехотного полка белофиннов.

— Ехидина! — вырывается у Краснова.

На левом фланге вдруг заговорил вражеский ручной пулемет.

Комбат Краснов тотчас отдает приказ командиру пулеметного взвода младшему лейтенанту Мартыновскому сменить огневую позицию и подавить огневую точку.

Финский пулеметчик ведет огонь во фланг роты Пономаренко. Ручной пулеметчик Шаманов вступает в единоборство с врагом. Он отползает назад с первой линии метров на пятнадцать. Потом берет влево и заходит белофинну в тыл. Вот и враг. Он лежит, укрывшись за валуном, и стреляет, стреляет... Шаманов ползет к белофинну от дерева к дереву, от камня к камню. Стучит сердце, кровь бьется в висках. Только бы не оглянулся, не заметил проклятый белофинн. Десять метров. Пять метров. Три метра. Вот он за этой сосной — ненавистный враг. Белофинн, разбросав по снегу ноги в рыжих кожаных сапогах с загнутыми, как у пьекс, носками, стреляет короткими очередями из ручного пулемета.

Шаманов мгновенно вскакивает и кидается на белофинна. Топнув изо всех сил ногой по рукам врага, Шаманов выхватывает пулемет и из него же в упор расстреливает ошалевшего белофинна.

Так же быстро он залегает среди тех же камней, но с другой стороны. Товарищи, на глазах у которых все это произошло, восхищены действиями Шаманова.

Младший лейтенант Пономаренко доносит по телефону комбату:

— Финны ползут. Ножи в зубах.

— Хай ползут. Приготовиться. Огня не открывать. Подпускайте поближе и расстреливайте в упор...

По лесу вдруг раздаются звуки медных рожков — финские сигналы в атаку. Воздух прорезают неистовые вопли.

— Хелла! Хелла кюон! — вопят финны, а все сливается и несется сплошное: — А-ля-ля!

Тотчас же зарокотали наши пулеметы, защелкали винтовки.

Белофинны бегут назад. Убитые валятся, словно мешки с землей. Раненые падают и с воем пытаются ползти.

— Узнали теперь, какая наша оборона! — весело говорит Краснов.

Но снова бьют финские минометы.

— Приготовиться! — приказывает командирам рот комбат.

Опять по лесу голосят медные рожки и несутся вопли:

— А-ля-ля!

И опять атака врага захлебывается в свинцовых огненных струях.

С правого фланга, из 1-й роты — по проводу молчание. И стрельбы там не слышно. Комбат Краснов, беспокоясь, всматривается в карту, запоминая каждую тропинку. А вот эта дорожка — она идет сюда, в район высоты из деревни Нископохья. Опасная дорожка...

— Товарищ Надточеев, остаетесь за меня на командном пункте!

— Есть, товарищ комбат!

— Товарищ Кицан, за мной!

— Есть за вами, товарищ комбат!

Краснов бросается со всех ног на правый фланг. Невозмутимый Кицан проворно поспевает за ним.

Комбат поспевает во-время. Белофинны идут в контратаку.

— Ни шагу с первой линии, товарищи! Сейчас мы дадим врагам! Закрепиться немедленно.

Краснов и Кицан ложатся, укрываясь за деревьями. Впереди между стволов тут и там мелькают белые халаты, злобные лица белофиннов.

Краснов про себя удивляется ожесточенной настойчивости врага. В лесу — уже предвечерняя синева, скоро совсем стемнеет. Оглянувшись, комбат видит бегущего по тропинке к нему начальника штаба Надточеева.

— Вы куда? — гневно кричит Краснов. — Марш на командный пункт.

Начальник штаба исчезает. А белофинны все лезут и лезут.

— Огонь! — командует Краснов.

Станковый пулемет метрах в пятнадцати правее комбата дает длинную очередь и умолкает.

— Что у вас там? — кричит Краснов.

— Перекос, товарищ комбат.

— Устранить задержку!

Первый номер пулеметного расчета, поднявшись, падает со стоном. Ранен. И второй тоже падает, стонет. А белофинны — вот они!

Краснов встает во весь рост.

— Товарищи! Ни шагу назад!

— Дать огня! Приготовить гранаты! — кричит он громко. И слышит — из-за мостика на той самой опасной дорожке бьет картечная очередь. И словно раскаленное железо пронзает живот комбата.

Краснов падает, приподнимается на локтях и грозно кричит на красноармейцев, бросившихся к нему.

— Вперед, товарищи! Победа за нами! Герои — только вперед!

Красноармейцы, пробежав мимо комбата вперед, залегают и открывают по белофиннам огонь.

К комбату подползает красноармеец Кицан.

— Ранило, товарищ комбат?

— Царапнуло.

— Давайте перевязываться, товарищ комбат.

— Да вы с ума сошли!

Краснов, превозмогая боль, поднимается, оглядывается. Белофинны подползли еще ближе. Но под одеждой все мокро, течет кровь.

— Успеем, товарищ комбат!

— Ну, давайте!

Кицан помогает Краснову лечь на здоровый бок, освободиться от одежды.

— Входная. И выходная. Насквозь! — шепчет Кицан.

— Завязывайте потуже!

Красноармеец Кицан быстро и осторожно покрывает комбата полой его шинели.

— Лежите, товарищ комбат!

Краснов видит, как он встает на колено у сосны и спокойно, словно где-нибудь на учении, целится из винтовки. Выстрел. И снова так же спокойно, невозмутимо целится и стреляет Кицан. Кончается обойма. Кицан вгоняет другую, и опять так же невозмутимо целится и стреляет.

Невдалеке — наконец-то! — звонко заговорил станковый пулемет. Кицан, выпустив последний патрон второй обоймы, размеренно, по-хозяйски вгоняет третью обойму и ставит винтовку рядом к елке.

— Теперь давайте перевязываться, товарищ комбат!

— Давайте, товарищ Кицан, дорогой мой!

— Ну, ну, лежите спокойнее, товарищ комбат!

По стихающему огню Краснов понимает, что и эта атака белофиннов отбита.

Боевая задача выполнена целиком.

Прибежавшему начальнику штаба Краснов приказывает принять батальон, закрепиться и — ни шагу назад!

* * *

В госпитале Военно-медицинской академии в Ленинграде, доставленный туда на самолете, вылечился от раны, поправился и узнал, что удостоен звания Героя Советского Союза капитан Анатолий Андреевич Краснов.

Г. ДНЕПРОВСКИЙ

Герой-пулеметчик

Полк получил 28 февраля приказ взять острова Пуккин-саари и Ханнуккалан-саари. Они прикрывали с востока остров Уран-саари, имевший сильные береговые укрепления. Там были расположены военно-морская база, склады. Подступами к прикрывающим островам были пространства залива — лед, покрытый глубоким снегом.

1-й батальон под командованием тов. Краснова готовился к наступлению. Роты вышли на западный берег острова Питкя-саари и укрылись за кустами, деревьями, камнями. Тов. Краснов давал последние указания командирам рот.

День был пасмурный. Небо затянуло мглистым туманом. Падал большими хлопьями снег. Вскоре подул юго-западный ветер, разорвал мглу и погнал ее в сторону Выборга.

На наблюдательный пункт тов. Краснова пришел худощавый боец. Он был запорошен снегом, длинные ресницы и брови густо обросли инеем. От этого впадины глаз казались еще глубже, а карие глаза темнее и выразительнее. Пришедший широко улыбнулся.

— А, товарищ Высоцкий, здравствуйте, здравствуйте! — сердечно проговорил Краснов, пожимая мокрую от снега руку бойца. — Поздравляю... Ну, как здоровье?

Герой Советского Союза Кузьма Высоцкий поблагодарил за поздравление.

— Ничего, здоровье хорошее. Рана зажила. Вот вернулся. Скучаю по батальону, по товарищам.

— О, у нас тут весело! Видите, какой путь отмахали. Сейчас будем наступать на остров. Поглядите — вон на тот, — и Краснов показал рукой.

На расстоянии одного километра притаился на снежной равнине залива остров Ханнуккалан-саари. У Высоцкого загорелись глаза, и это было так знакомо Краснову по прошлым встречам с Высоцким в боях, в которых псбывал батальон...

Под высотой 38,2 в декабрьское морозное утро финны контратаковали 1-й батальон. Положение было тяжелым. Враг наседал все сильней. Редели цепи. Высоцкий тогда был наблю-

дателем. Он увидел финнов, наступающих во фланг батальону, и еще заметил, что расчет станкового пулемета вышел из строя. Пулемет замолчал. Высоцкий крикнул командиру, что финны наступают с фланга, а сам кинулся к пулемету. В это время проезжал танк боевого командира тов. Преображенского. На танке была повреждена башня и пулеметы не работали. Когда танк остановился, Высоцкий попросил Преображенского:

— Возьмите меня на танк, я буду чесать финнов из своего пулемета, а вы из орудия. Вот будет крепко!

Возле танка рвались мины и снаряды, жужжали пули. Дым застилал обзор, повиснув черными клубами над воронками разрывов. Но финны отчетливо виднелись в просветах на снежном поле. Они ползали, перебегали, накапливались в складках местности, за камнями и кустами.

Преображенский помог Высоцкому втащить пулемет на танк. Машина рванулась вперед. Ветер раздувал волосы бойца. Высоцкий не замечал этого. Он словно прирос к пулемету, посылая очередь за очередью с короткими перерывами.

Отважный пулеметчик метким огнем поражал финнов. Иногда он отрывал голову от пулемета и мгновенно окидывал глазами поле боя.

Вдруг танк остановился, подбитый снарядом. В это время, как на беду, и пулемет заело. Танкисты, выскочив из машины, залегли.

— Отбивайтесь гранатами, а я пулемет приведу в порядок,— сказал им Высоцкий.

Пошли в ход гранаты, а Высоцкий в это время устранял задержку в работе пулемета. По броне танка били пули, они плющились горячим металлом, рикошетировали.

Что-то ударило Высоцкого в бок. Боец ранен. Но его пулемет уже готов к бою. Высоцкий, стащив пулемет на землю, снова начал поливать финнов свинцом.

Вот они дрогнули... Они уже бегут. У Высоцкого кончилась последняя лента, но он уже слышит крики «ура» и видит подбежавшего командира батальона Краснова. А Краснов видит улыбку Высоцкого, его добрые карие глаза и кровь на боку. Он быстро выхватывает бинт из кармана...

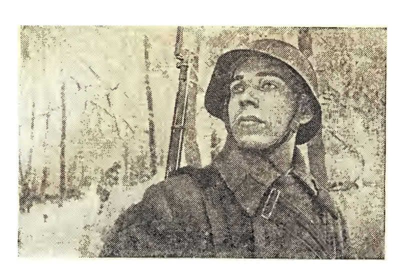
— Здорово дали финнам,— говорит Высоцкий слабеющим голосом, а командир батальона уже перевязывает ему рану, поддерживает склоненную на плечо голову бойца.

Все это происходило в декабре, и вот Краснов снова видит перед собой Высоцкого.

— А где у вас выписка из госпиталя? — осведомился Краснов.

Высоцкий опустил глаза и, не поднимая их, ответил:

— У меня. Я... я ее куда-то сунул... Но я здоров...— поспешил он добавить.— Вот честное ленинское...— поклялся он по прежней своей пионерской привычке.

Герой Советского Союза Кузьма Высоцкий

Красиов улыбиулся, ио все же насторожился.

— Вам еще иадо отдохиуть, подкрепиться. Идите в штаб, иа полковой пункт. Вишь, худой какой!..

— Тут иаступление — вперед, а я, выходит, иазад?..

И Красиов увидел в открытых, ясиых глазах пулеметчика обиду и искреииюю просьбу ие отсылать его в тыл.

— Оставайтесь здесь пока, при мие, — сказал Красиов.

Ему очеиь ие хотелось посылать в бой Высоцкого, ие совсем еще окрепшего после раиеиия.

Началось иаступление. По льду залива, утопая в глубоком сиегу, шли роты. Противиик вел огоиь из пулеметов и миио-метов, взрывал лед сиарядами. Но бойцы продвигались вперед. Пулеметы, выставлеииые иа флаигах и в цеитре, поливали свиицом фииский берег. В 1-й роте два стаиковых пулемета вдруг замолчали. Комаидир пулеметиого взвода был тяжело раиеи. Комаидир роты, ие успев доложить комаидиру батальоиа обстаиовку, поиик иад телефоиом. Красиов видел его склоиеи-иую фигуру иад аппаратом.

— Ах, мать честиая, как иехорошо! — вырвалось у иего.

Ои приказал артиллерии усилить огоиь, помешать переходу фииිов в коитратаку. В то же время дал сигнал 3-й роте вы-двинуться вслед за 1-й и атаковать фииිов из-за ее правого флаига.

— Разрешите, товарищ комаидир, к своей роте... — проговорил, волиуясь, Высоцкий.

Краснов посмотрел на него, секунду поколебался, а потом сказал:

— Ладно, примите пулеметный взвод... — он махнул рукой и крикнул уже убегающему на лыжах Высоцкому: — Только будьте осторожны... — и подумал про себя: «Когда же Высоцкий успел надеть лыжи?»

Между ним и Высоцким разорвался снаряд. Дым на минуту закрыл Высоцкого, но ветер сбил дым в сторону, и Краснов увидел уже далеко, на заливе, бегущего по снегу бойца. Он не отрывал от него глаз, пока Высоцкий не залег за один из пулеметов.

Между тем Высоцкий увидел, что ему командовать некем. Прислуга пулемета выбыла из строя. Он огляделся. Неподалеку лежал парторг Пивоваров. С радостью он крикнул ему:

— Здравствуй! Это я, Высоцкий! Из госпиталя. Возьми на партийный учет. Я уже получил кандидатскую карточку.

Пивоваров приподнялся на локтях и с минуту недоумевал.

— Высоцкий! Товарищи, Высоцкий за пулеметом! — крикнул он, охваченный радостью.

Высоцкий снял шлем и помахал над головой, посылая привет товарищам. Потом припал к пулемету...

Пивоваров встал.

— Вперед, за мною... бойцы!

Бойцы поднялись и побежали.

— Смерть врагу! — кричал Пивоваров. Голос его был звонок и чист на морозе, и его не могли заглушить сотни выстрелов и разрывов.

Высоцкий прикрывал движение роты пулеметным огнем. Подносчик патронов, принесший коробки с лентами, лег рядом.

— Умеете стрелять? — спросил его Высоцкий.

— Умею немного.

— Ложитесь за этот пулемет, строчите, он исправен. Я возьму тот и выдвинусь вперед на поддержку роты... — И он бросился ко второму пулемету, перескочил через лежавшего пулеметчика и взялся за ручки...

— Тра-та-та-та.

Отлично! Взяв пулемет, он потащил его вперед. Почти у самого берега нашел удобное место, остановился и залег. Он увидел: парторг Пивоваров выскочил на берег и упал на спину, раскинув руки.

— Ах, гады! — вырвалось у Высоцкого.

Бойцы роты выскакивали на берег группами и в одиночку. Навстречу им бежали финны.

Высоцкий занимал удобное фланговое положение. Он обрушился несмолкающими очередями по финским группам. Он видел, как падали в снег, не вставая, солдаты, как таяли под его огнем группы противника, поднявшиеся для контратаки.

Бойцы, вступив на берег, бросали гранаты в контратакующих финнов. Вот они вскинули винтовки наперевес и пошли. Высоцкий дал еще очередь. Группа финнов, человек в десять, поднявшаяся над бугорком, почти вся срезана. Бойцы уже заняли этот бугорок. Молодцы!

Радость победы охватила Высоцкого. Он поднялся. Но тут что-то, словно длинная тонкая игла, кольнуло его между лопаток и в плечо. Может быть пуля, осколок?

Некогда думать. Надо обязательно выйти на остров. Схватил пулемет, потащил его вперед. Вот он тоже на берегу острова. Рядом лежит парторг Пивоваров. Губы крепко сжаты, глаза открыты, глядят в пустое и холодное небо. В зажатой руке граната. Высоцкий снял шлем, ему было жарко. Сжав челюсти, он дал еще очередь уже по отступающим финнам. Вправо он услышал крики «ура» и понял, что 3-я рота атакует противника во фланг. Финны, бросая оружие, побежали.

Высоцкий опустился на колени, расстегнул шинель Пивоварова. На груди кровь. Она запеклась на левом кармане гимнастерки. Долго глядел в лицо отважного товарища Высоцкий.

Между лопаток жгло словно раскаленным железом. В глазах пошли круги — черные, желтые, красные. Голова тяжелела. И Высоцкий упал на грудь убитого товарища, когда сюда подошел сменивший свой командный пункт Красиов.

— Санитар!

Недалеко была военфельдшер Лена Творогова, которая однажды уже перевязывала Высоцкому рану в бою. Она услышала голос командира и поспешила на помощь.

Красиов осторожно положил Высоцкого на спину, расстегнул шинель. Левое плечо бойца было в крови. Кровь проступила и на спине. Значит, пуля попала в плечо и вышла в спину, под левой лопаткой.

— Скорей! Скорей! — торопил Творогову Красиов, пока та, кусая губы, делала перевязку. Он заметил в сжатой руке бойца две книжечки; осторожно разжал пальцы, то были партбилет Пивоварова и кандидатская карточка самого Высоцкого. Из карточки выпал на снег белый листок. Красиов поднял его и прочел: «Направляется в стрелковый полк Герой Советского Союза красноармеец-пулеметчик Высоцкий. Тов. Высоцкий выписан из госпиталя по настоятельному личному требованию. Вследствие неокрепшего здоровья тов. Высоцкий освобождается от несения службы на две недели».

— Телефонист! — громко крикнул Красиов. — Вызовите самолет. Срочно. Скажите, тяжело ранен Герой Советского Союза Высоцкий...

Потом он сам подбежал к телефону.

— 1-я рота наступать прямо, — кричал он в трубку, — 2-я и 3-я — берегом, обтекая фланги. Окружить противника на

острове и уничтожить. Артиллерии отрезать ему путь отхода заградительным огнем по льду и западному берегу острова...

Снова загорелся жаркий бой. В тот день мало кто из финнов прорвался на Уран-саари.

Уже темнело небо, когда смолк последний выстрел. На залив падал вечер. Ветер гнал тучи в сторону Выборга, где разрасталось багровое зарево огромного пожара.

Санитарный самолет спустился на озеро близ госпиталя. Кузьма Высоцкий открыл глаза. Он увидел Творогову.

— А, это... вы... Ска-ажите, остров все та-аки... взяли?

Майор

АНДРЕЮК

Бои за Тронгсунд и Раван-саари

Овладев к 24 февраля рядом островов, части получили однодневный отдых, перед тем как приступить к выполнению дальнейших боевых заданий.

29 февраля командование поставило новую задачу.

Выполнение этой задачи представляло огромные трудности. Части должны были действовать на льду залива. Дорог почти не было. Там, где мало-мальски было возможно пройти, белофинны применили разнообразные заграждения.

Они надеялись задержать наступление, с тем чтобы успеть отвести свои основные силы на материк.

В течение 2 и 3 марта шли сильные бои за овладение укрепленными подступами. Белофинны отчаянно сопротивлялись. В этих боях особенно успешно действовал батальон под командой тов. Звягинцева. Исход боя решила 9-я рота. Получив задачу на разведку, она к вечеру 4 марта вышла на юго-восточную окраину города Тронгсунд. Для белофиннов, защищавших подступы к городу и острову Раван-саари, создалась угроза полного окружения.

О мужестве воинов Красной Армии, проявленном в этом бою, ярко свидетельствует пример командира орудия Сенаторова.

Орудийный расчет тов. Сенаторова действовал в трудных условиях. Непрерывно поддерживая огонь, белофинны вывели из строя семь человек из девяти, составлявших расчет. Но орудие Сенаторова продолжало действовать до тех пор, пока противник не был полностью уничтожен.

Много способствовали успеху боя танкисты. Прорвавшись к траншеям, они принялись в упор расстреливать белофиннов. В рядах противника возникла паника.

Этот бой показал отличное взаимодействие наступающих подразделений с фронта и флангов, хорошо согласованные действия пехоты с действиями артиллерии и танков. Успех 9-й роты, создавший угрозу окружения противника, довершил дело.

В ночь на 4 марта остатки белофиннов отошли на рубеж Раван-саари, Еси-саари, Суоннон-саари. Отступление было настолько поспешным, что враг, против своего обыкновения, не успел зажечь город Тронгсунд.

Подразделения, несмотря на утомление после двухдневного боя, энергично преследовали противника. В подвалах домов в деревне Суйкола были захвачены пленные.

* * *

Утро 5 марта. Сильный мороз.

Батальон вступает в Тронгсунд. На улицах какая-то напряженная тишина. Кажется, что ее нисколько не нарушают отдельные ружейные выстрелы и даже пулеметные очереди, что изредка слышатся в направлении Раван-саари.

Приближаясь к крепости, видим, как оттуда в панике выбегают отдельные солдаты. Не думая о сопротивлении, они бегут в направлении Раван-саари. Часть из них успевает убежать, часть остается на мостовых Тронгсунда.

Вскоре младший лейтенант Зиновейко, обследуя двухэтажный дом, обнаруживает тщательно замаскированный часовой замыкатель. Этот замыкатель был рассчитан на взрыв... через пять дней.

Одного за другим вылавливают снайперов. Один снайпер, особенно хорошо замаскировавшись, остановил движение на одной из улиц.

Одновременно батальон ведет разведку противника в направлении Раван-саари. Рубеж этого острова хорошо укреплен. Противник сосредоточил здесь массу огневых средств: артиллерии, минометов и пулеметов. Захват Раван-саари имел бы решающее значение для овладения островами Еси-саари и Суоннон-саари, а оттуда — дорога на материк.

* * *

Тронгсунд и Раван-саари разделены проливом.

На льду в проливе, как говорится, нет живого места. Повсюду зияют воронки от снарядов, там и сям проходят десятки трещин. По такому льду трудно пробраться человеку, а не то что танку или артиллерийскому орудию.

Весь пролив виден, как на ладони, и весь он простреливается с Раван-саари. А когда начало темнеть, противник поджег баржи, зимовавшие в большом количестве у берегов острова. Вспыхнуло гигантское пламя. И снова весь пролив, как на ладони.

Но батальон готовится к штурму. Он пойдет на штурм через этот лед, похожий на решето, через этот лед, на кото-

ром полыхают яркие отблески горящих у берега барж. С батальоном пойдет артиллерия, пойдут танки.

Саперы уже заканчивают свою героическую работу — разведку путей по льду для танков. Весь день, под губительным огнем противника, они ползали по льду пролива, намечая между воронками и трещинами дорогу для танков и пушек, тщательно измеряя толщину льда, его крепость.

Все готово.

Получаю приказ: использовать всю имеющуюся артиллерию для 10—15-минутного огневого налета; после этого — атака батальона.

Через несколько минут приказ доведен до сведения всех подразделений, а через четверть часа начался штурм...

...Первой ворвалась на Раван-саари 6-я рота под командованием младшего лейтенанта Первушина.

Невольно встает вопрос: сколько уцелело от роты? Ответ будет поразительный: рота не потеряла ни одного человека.

Это совсем не было чудом. Это произошло только благодаря замечательному искусству, с каким лейтенант Первушин научил бойцов роты использовать огонь нашей артиллерии, обрушившийся на Раван-саари.

Вслед за 6-й ротой ворвались и другие. При свете горящих барж бой длился до поздней ночи. Но не утих он окончательно и ночью, когда на сцену выступили тылы. Необходимо было

Крепостные укрепления на острове Раван-саари

обеспечить наступающие подразделения продовольствием и в особенности боеприпасами. Лед пролива разбит, расколот еще больше, чем утром. Доставка громоздких транспортов по такому льду — предприятие само по себе очень рискованное, тем более в условиях губительного огня вражеских снайперов, засевших в баржах, уцелевших от пожара.

Тылы прекрасно справились со своей задачей.

Утром 6 марта противник не выдержал энергичного натиска и начал стремительное отступление на материк. Но не менее стремительным было и преследование. На островах Еси-саари и Суонион-саари силы противника, численностью до двух батальонов, были окружены. На этих островах разыгрались бои, неоднократно переходившие в рукопашные схватки.

В другом случае пулеметная рота 3-го батальона, заняв чрезвычайно выгодную позицию, уничтожила противника численностью до 200 человек, также пытавшегося выйти из окружения.

Особенно упорно оборонял противник высоту 12,0. Усиленный артиллерийский, минометный и пулеметный огонь с этой высоты препятствовал продвижению наших частей на северо-восточную часть острова Суонион-саари. 3-й батальон, невзирая на огонь, обошел высоту с севера, оставив ее у себя в тылу, но открыв себе возможность дальнейшего продвижения в нужном направлении.

Командир взвода младший лейтенант Матвеев, действуя на тракторе, выбил укрывшийся за камнем расчет станкового пулемета. Он же с группой бойцов в числе 18 человек атаковал вражеский окоп, забросав его ручными гранатами.

* * *

7 марта остров Раван-саари навсегда стал советским.

Части, утомленные круглосуточными боями, но попрежнему готовые к боям, наконец, подошли к материку. Над группировкой противника, засевшей в городе Выборге, нависла угроза — попасть в железное кольцо частей Красной Армии.

Трудная задача была успешно решена.

Боевой груз

Готовясь к боям под Тронгсундом и к другим операциям на островах, наша рота сумела обеспечить артиллерию дивизии пятью боевыми комплектами. Такие запасы снарядов имели огромное значение для успеха боев за острова.

Снаряды подавались на огневые позиции непосредственно машинами, без перегрузки. Отважные шоферы под огнем противника проскакивали со своим ценным грузом к батареям и под пулями бережно разгружали его. В такие дни мы на всех перекрестках выставляли своих лаборантов, которые встречали машины, на ходу проверяли калибр, пересчитывали снаряды и направляли их в нужные места.

В дни напряженных боев весьма важен подсчет расхода снарядов и оставшихся запасов. Если нет строгого учета привезенных израсходованных снарядов, легко остаться и совсем без них. Чтобы наладить такой учет, мы собирали сведения от батарей всевозможными способами: и по телефону, и нарочными, и лично выезжая на огневые позиции. Особенно много здесь поработали заведующий делопроизводством Козлов и старший писарь Генаев. Они всегда имели точные сведения о наличии снарядов у орудий.

С первых же часов работы дивизионного обменного пункта стало ясно, что нужна серьезная охрана как самого пункта, так и перевозимых грузов, поскольку противник стремился вывести из строя наши склады боеприпасов, расстроить систему снабжения.

Для охраны пункта пришлось большое внимание уделить маскировке. В боевой обстановке мы быстро усвоили истину: чем лучше замаскирован пункт, тем меньше людей нужно выставлять в охранение. Хорошо маскируя пункты, мы сделали их неуязвимыми. Финским самолетам долго приходилось кружиться над нами, и все же их бомбы падали не ближе километра. Помню, в Линке и Кархуле финские самолеты, стараясь найти пункт, несколько ночей летали над нами, пока не были сбиты зенитчиками.

Отчаявшись найти нас с воздуха, финны стали посылать разведчиков, чтобы те, идя по следам машин, определили местонахождение пункта. Требовалась неусыпная бдительность часовых. Кроме того, чтобы запутать врагов, мы делали ложные дороги, прорубали ложные просеки и секторы в лесу, искусно маскировали часовых и ни разу не зажигали ночью огня.

Наши предосторожности быстро давали результат. Однажды ночью в районе Вейхмас часовым была задержана финская шпионка, а в районе Лиике — шпион...

Так боролись мы за безопасность своих баз снабжения, стремясь обеспечить бесперебойное пополнение фронта огнеприпасами.

Не меньшей заботы в отношении охраны требовала и перевозка снарядов. Бойцы, которые сопровождали и охраняли нагруженные машины, должны были сидеть сверху на ящиках, на ветру, при сорокаградусном морозе. Перед выездом бойцы смазывали открытые части тела жиром, и поэтому обмороженных в роте не было. Они рисковали быть подстреленными или же взлететь на воздух вместе с машиной, наскочившей на мину. Их самоотверженная, полная героизма работа не может быть не отмечена, а в первую очередь работа таких младших командиров, как Левкин, Солонович и Обеднюк. Всегда бодрые и веселые, они личным примером увлекали бойцов...

В грохоте боев поняли мы, что в Красной Армии на любом участке можно приносить большую пользу Родине, на любом участке можно стать героем, потому что исход боя решает не только боец, занимающий вражеский дот, но и шофер, сумевший во-время доставить снаряды на огневые позиции для разгрома этого дота.

Политрук
М. ОТРОЩЕНКО

Ночной бой

Со второго дня наступления наша рота шла направляющей. Через 14 дней мы были уже под Тронгсундом.

Минуло два дня после занятия Тронгсунда, и батальон капитана Звягинцева приступил к штурму крепости на острове Раван-саари. На фланге батальона висел занятый белофиннами островок Курин-саари. Огонь с фланга мешал продвижению.

5 марта командир нашей роты получил приказ — взять ночью остров Курин-саари. Сложность операции заключалась в том, что лед пролива, служившего подступом к острову, был разбит снарядами, а на самом острове была высота, которая сходила к берегу крутым обрывом. Наступать по такому обрыву чрезвычайно трудно.

Для начала командир роты решил выслать разведку. Он отобрал парторга Клименко, комсомольца Каракуца и Гусака. Им было поручено осмотреть также лед в проливе. Через час они сообщили, что нашли на льду свободный от полыней путь.

В наступление пошли налегке. Сняли шинели, ватники, оставили ранцы.

В 2 часа ночи вышли на лед. Двигались бесшумно, щупая лед впереди себя шестами. Благодаря осторожности нам удалось подползти незамеченными к расположенным на берегу вражеским окопам. До белофиннов оставалось не более десяти метров, когда их часовой окликнул нас.

Открылась беспорядочная пальба. Финны стреляли через наши головы. Нужно было действовать решительно, пока враг не забросал нас гранатами.

Первым в атаку кинулось отделение коммуниста Астахова.

Над нами нависла неприступная обрывистая скала. Уступы скалы были в форме лестницы. Успевший подняться на скалу боец Шевченко был тяжело ранен. Тогда боец Лещенко попросил, чтобы я подсадил его. Он вскочил на первый уступ — за ним стали подниматься остальные. Так, подсаживая друг друга, мы прошли несколько ступеней.

Вот и окоп. Навес из камней прикрывал от вражеских пуль. Но стоит выйти из-за него — смерть.

Коммунист Лазаренко с криком «За Родину! За Сталина!» быстро выскочил из-за прикрытия, увлекая за собой бойцов.

Отряд дружно бросился на окоп. Эта атака оказалась для финнов столь неожиданной, что они даже не сумели перестроить огня. Высота была занята. Теперь бой разгорался уже в густой роще, куда нам удалось загнать финнов.

Комсомолец Масленников со станковым пулеметом занял удобную позицию и обрушил огонь на рощу. Финны не выдержали и откатились на лед. Двое бойцов у пулемета Масленникова вышли из строя. Пулеметчик оказался один, но он продолжал метко разить врагов.

Финнов осталось человек шестьдесят. Когда рассвело и противник, лежащий на открытом льду, стал хорошо виден, наши снайперы начали поражать белофиннов по одному. Как только финны поднимали голову, огонь пулеметчиков поражал их. Убедившись, наконец, в безнадежности своего положения, оставшиеся в живых белофинны решили сдаться в плен. Они стали поднимать руки.

Наблюдавшие за боем с острова Раван-саари финские офицеры, заметив, что их солдаты сдаются в плен, направили посыльную собаку с приказом держаться до последнего. Но собака была убита, и приказ попал в наши руки. Тогда офицеры открыли по своим же солдатам стрельбу, и в плен успело сдаться только 9 человек.

Захватив, согласно приказу, остров Курпи-саари, мы открыли огонь по Раван-саари и этим помогли наступающим бойцам капитана Звягинцева.

Рейд в глубокий тыл противника

Одним из самых сложных и удачных боев нашей дивизии был бой по занятию острова Ураи-саари и города Тронгсунд. При этом бойцы моей роты совершили ночной рейд на остров Ураи-саари, зайдя в глубокий тыл противника и перерезав его коммуникации.

Нас было только 80 человек, а финнов, оборонявших остров, в несколько раз больше, и все-таки победили мы.

Дело было так. К исходу 2 марта 9-я рота достигла острова Питкя-саари (первый из лежащих вблизи материка островов).

Обстановка на фронте к этому времени складывалась следующим образом: обороняющийся противник занимал сильно укрепленный остров Ураи-саари. Система его обороны распространялась почти на все протяжение прибрежной линии. Особо прочно оборонялись станции Монола (по железной дороге, соединяющей город Тронгсунд с материком) и Тронгсунд.

Моей роте приказано с приданными ей подразделениями составить отряд и с наступлением темноты проникнуть в тыл противника по направлению к станции Уурас, лежащей на полпути от станции Монола до станции Тронгсунд. Цель операции — создать панику в тылу неприятеля. Достигнув этой цели, отряд должен был занять оборону и продержаться в тылу финнов, пока не подойдут наши наступающие части.

Перед началом похода, обращаясь к бойцам, я разъяснил им трудность задачи и сказал:

— Кто больной — пусть выходит из строя!

За всех бойцов ответил украинец Саенко:

— Хворі, товарыщ командір, осталысь у госпіталі. Тут хворых немае.

И ни один боец из строя не вышел.

За день до этого мы, находясь на острове Питкя-саари, числились в резерве, и никто из нас не предполагал, что сегодня придется итти на трудное дело.

Кто-то из бойцов сказал:

— Вот и хорошо, что сегодня идем в бой. Вчера для этого в бане вымылись...

Шутка бойца пришлась всем по вкусу. Действительно, осматривая занятый остров Питкя-саари, мы наткнулись на баню, которую впопыхах финны не успели сжечь. Я приказал саперам проверить, не минирована ли баня. Саперы ответили, что ничего подозрительного не нашли.

Приказал затопить печь. Первыми мыться пошли саперы. Все сошло благополучно. В течение дня вся рота побывала в бане. Поистине это был праздник для нас. Хорошенько отдохнув, помывшись в бане, бойцы выглядели отлично. Я еще раз с удовольствием оглядел их бодрые, помолодевшие лица и отдал приказ готовиться к выступлению.

Сначала я послал разведку на соседний остров Пукин-саари и дальше, в направлении станции Уурас. А с наступлением темноты, оставив на острове охранение, рота в расчлененном строю стала двигаться вслед за ушедшим вперед разведывательным отделением.

Ночь выдалась наредкость морозная и темная.

До острова Пукин-саари дошли без приключений. Отсюда м слышали гром близкой канонады. Это наша доблестная артиллерия громила белофинские гнезда, обстреливая побережье острова в районе станции Монола.

На острове Пукин-саари — ни одного финна. Враги покинули его.

С волнением вступили мы на битый лед пролива, разделявшего Пукин-саари и Ураи-саари. Пулеметы и патроны везли за собой на лыжах.

Стараясь ни одним звуком не выдать своего присутствия, осторожно ползли мы вперед по разбитому снарядами льду. Каждый из бойцов полз по льду, ощупывая перед собой путь шестом. Если бы мы не догадались взять шесты, многие могли бы утонуть.

Продолжая энергично работать локтями, мы подползали все ближе к берегу острова. Наконец, смутная полоса финского берега предстала перед нами.

Достигнув района на один километр севернее станции Монола, разведывательное отделение и наша рота натолкнулись на новое препятствие: финны устроили искусственное заболачивание некоторой части берега. Пришлось кое-кому выкупаться в воде.

Командир разведывательного отделения Шумаков, преодолев эту водную преграду, обнаружил в створе станции Уурас густую сеть проволочных заграждений.

Прошли через эти заграждения и снова в расчлененном строю поползли дальше. Обеспокоенный подозрительным сту-

ком, неприятель обстрелял весь окружающий район из пулеметов и минометов.

Я приказал ответного огня не открывать, чтобы не выдать своего присутствия. Через короткий промежуток времени финны замолчали.

Вернувшийся из разведки Шумаков донес, что, наблюдая за огнем противника, он обнаружил стык между двумя частями белофиннов на один километр севернее станции Уурас. Я решил проникнуть в тыл противника именно через этот стык.

В 5 часов утра 3 марта наш отряд, не замеченный неприятелем, проник в стык и, достигнув безымянной высоты на пересечении проселочной и шоссейной дорог, занял круговую оборону.

Здесь был расположен мой командный пункт. Отсюда были хорошо видны обе дороги — и шоссейная и проселочная. Расставив часовых и устроив в камнях и ельнике засады с пулеметчиками, я стал поджидать донесений от взводов, ушедших по моему приказанию в разведку.

Через некоторое время прибыл связной 1-го взвода красноармеец Саенко и доложил:

— Товарищ командир роты, по шоссейной дороге в направлении города Тронгсунд двигаются три подводы и группа финнов.

Я взглянул на дорогу. По шоссе медленно двигались три тяжело нагруженные подводы. Несколько финских солдат шагали вразвалку за медленно бредущими лошадьми.

Когда раздался первый выстрел из нашей засады, они оглянулись по сторонам. Но было уже поздно. Огонь советских пулеметов скосил их прежде, чем они успели что-либо предпринять. Вся группа финнов была уничтожена. Только три офицера, ехавшие на подводе, были взяты в плен. Офицеры имели легкие ранения и могли дать показания. Их привели ко мне.

Я приказал убрать с дороги трупы и засыпать снегом кровь, чтобы другие обозы финнов ничего не смогли заметить и не обнаружили нас.

Разгрузив подводы, мы нашли под рогожей три финских пулемета с запасом патронов и большое количество взрывчатых веществ. Я немедленно распорядился вооружить пулеметчиков, залегших в засадах на стыке дорог, финскими пулеметами. Звук финского пулемета слабее и глуше, чем у нашего. Ведя огонь из такого пулемета, я мог ввести в заблуждение финнов.

Пленные финские офицеры держали себя не так замкнуто, как мы ожидали. На допросе один из них рассказал, что направлялись они в Тронгсунд, чтобы взрывать там склады и поджигать дома, так как финское командование намеревалось отводить войска.

Финский офицер сказал правду. Под действием сильного артиллерийского огня финны начали неорганизованно, мелкими группами отступать в направлении Тронгсунда. Здесь, на стыке дорог, мы ловили их в огневой мешок и уничтожали отряд за отрядом.

Слыша звук своих пулеметов, финны кричали нам:

— Не стреляйте! Это свои!

Но «свои» продолжали стрелять.

За этот день мы уничтожили много белофиннов, пробиравшихся к Тронгсунду.

Через несколько часов запас финских патронов иссяк. Пришлось пустить в ход советские пулеметы — белофинны поняли, наконец, что в тылу у них противник. Они пытались атаковать нашу высоту. Но круговая оборона, которую заняли мы, была почти неуязвима.

25 часов мы находились в бою, без сна, без отдыха, в обледеневших полушубках и шинелях, без горячей пищи и воды... Положение наше становилось все труднее. Связь с дивизией была потеряна. Связь с нашей базой на Питкя-саари также отсутствовала. Патроны на исходе, пища — также. «Скоро ли подойдут наши? Как же быть с пленными?»—эти вопросы мучили меня.

Пошел, как всегда, советоваться с Отрощенко. Помню, я ему сказал:

— Знаешь, политрук, если мы в течение суток не установим связи со своими, дело наше — труба.

— Ну, а что ты предлагаешь? — угрюмо спросил он.

— Я предлагаю уничтожить пленных, пока их не освободили финны.

— Подожди. Расстрелять их мы всегда успеем.

— Бойцы хотят отдохнуть, а тут нужно охрану специальную ставить.

— Я против! — решительно сказал Отрощенко. — Нельзя пленных расстреливать. Да кроме того, это офицеры. У них мы нашли в карманах документы, карты. Если мы доставим их в дивизию, они могут дать ценные сведения.

Решено было оставить пленных до утра. Заперли мы их в заброшенную баню. Политрук был прав. Впоследствии, когда мы доставили пленных в дивизию, они на допросе действительно сообщили много ценных сведений.

Наконец-то мы получили подкрепление. Прорвали белофинское окружение и ровно в 12 часов ночи с 3 на 4 марта вступили на окраину Тронгсунда. Но здесь финнов уже не оказалось. На улицах Тронгсунда состоялась волнующая встреча.

Мы встретились с капитаном Звягинцевым — командиром 2-го батальона, которому было поручено занять крепость.

Звягинцев сообщил нам, что в дивизии весь наш отряд считался уже погибшим. Тот же Звягинцев сказал мне, что благодаря действиям нашего отряда город Тронгсунд был спасен от сожжения. Враг не успел разрушить портовые сооружения, богатейшие лесные склады и склады боеприпасов.

Красная Армия получила в Тронгсунде громадные военные трофеи. Стали подсчитывать и мы свои трофеи. Нами были захвачены 13 пленных и следующее боевое снаряжение: три станковых пулемета, семь ручных пулеметов, три подводы с взрывчатыми веществами и 4 тысячи пулеметных патронов.

Наш отряд потерял двух убитыми, и одного бойца ранило.

Капитан Звягинцев предложил моим бойцам обогреться и отдохнуть. Оставленный мной на острове Питкя-саари 1-й взвод догнал меня здесь, в Тронгсунде.

Делегация поваров нашего батальона преподнесла моим замерзшим бойцам по горячей белой булке. Эти булки были только что выпечены полевым хлебозаводом.

Эту ночь, впервые после долгого перерыва, мы провели в домах Тронгсунда. Заснули, правда, поздно, в 3 часа ночи... Но сон наш был недолог. В семь утра я получил приказ: выступить по следам отступающего противника в направлении острова Раван-саари.

Капитан

А. ГОНЧАРОВ

Как мы отплатили за гибель полковника Саакяна

Это случилось в местечке Кяия, где мы остановились на короткий привал после непрерывных боев. От взрыва белофинской мины погиб полковник Георгий Саакович Саакян — командир артиллерийского полка. Скорбное известие быстро облетело весь полк. В боевой обстановке трудно было провести похороны торжественно, так, как это подобало сделать, провожая в последний путь любимого командира и товарища.

Но то, что говорили бойцы над телом Саакяна, никогда не изгладится из моей памяти.

— Выбьем противника с материка!

— Выбросим белофиннов на лед залива и прогоним их с островов!..

Мы выбрали место для могилы Саакяна в сосновом бору и скромно похоронили его там, отдав последние воинские почести славному командиру.

Простые венки из еловых веток украсили могилу Саакяна. Мемориальная надпись на небольшом самодельном склепе говорила о героизме и бесстрашии погибшего полковника.

В раздумье стояли бойцы у дорогой могилы, и кто-то сказал:

— Кончится война, мы вернемся сюда. И место, где покоится прах нашего командира, мы превратим в один из красивейших уголков района...

В этот же день полк получил приказ итти на штурм Койвисто-Бьерке.

Полк занял боевой порядок. Меткий огонь наших артиллеристов полностью парализовал сопротивление белофиннов. В бой пошла доблестная пехота. Ее удар был коротким и страшным. Белофинны, оставшиеся в живых, бежали с материка на лед залива, и наша артиллерия отправляла их под лед.

Так выполнили бойцы и командиры свою клятву над бездыханным телом полковника Саакяна.

Так поставили они нетленный памятник своему командиру, вписав в историю полка еще одну замечательную победу...

☆

Капитан

П. СЕМЬИН

На льду

Ледовый поход нашей дивизии начался с боев под Койвисто. Пуля, снаряд, мина — вот что грозит бойцу в наземном бою. Это опасность привычная. На твердой земле есть средства защиты от нее. Камень, холм, ствол дерева, не говоря уже об искусственных укрытиях, могут защитить бойца. А надежно защищенный боец активен. Он не чувствует себя мишенью. Наоборот, он сам ищет мишень.

Ледовый поход совершался в иных условиях.

Все опасности, с какими боец встречается на твердой земле, встретились и на льду. Но встретились в гораздо более грозном виде.

Ослепительно белая гладь Финского и Выборгского заливов не могла укрыть от ожесточенного огня противника. Здесь природа была совсем безжалостна. На земле всегда можно как-то бороться и с сорокаградусным морозом, и с леденящим ветром. Труднее было на льду. Боец лежал в снегу и часами не мог шелохнуться из-за бешеного огня противника. А вдобавок его иногда поливал фонтан морской воды из воронки, вдруг пробитой по соседству снарядом.

И нужно быть бойцом Красной Армии, который твердо знает, за что он сражается, чтобы после долгого лежания на льду все же сохранить в себе первоначальный наступательный порыв и по приказу командира устремиться на штурм береговых укреплений противника.

К обычным опасностям, какие встречались на твердой земле, прибавилась еще и необычная: опасность утонуть. Это была не только психологическая опасность, отражавшаяся на самочувствии бойца, но и вполне реальная. Ведь кроме того, что лед был разрушен снарядами — и нашими и белофинскими,— местами он был тонок (из-за сильных междуостровных течений) и умышленно разрушался белофиннами, причем места разрушений они искусно маскировали.

И, наконец, полное отсутствие дорог. К началу ледового похода лед в иных местах был покрыт почти метровым пластом

снега. Можно представить себе, как много человеческих сил затрачивалось на одну только ходьбу!

Если боец все-таки мог как-то преодолеть бездорожье на льду, то артиллерии и танкам приходилось хуже. Еще хуже приходилось тыловым подразделениям, которые должны были продвигаться за бойцами, снабжать их боеприпасами, продовольствием, оказывать медицинскую помощь, эвакуировать раненых и убитых.

Здесь могла помочь только инженерная служба. И она помогла. Коварная ледяная равнина, покрытая метровым слоем снега, предстала пред славными саперами дивизии, как новый противник.

* * *

Под стремительным натиском наших частей пал Тронгсунд. Натиск был так неудержим, что белофинны не успели, против обыкновения, сжечь город. Не успели они вывезти и боевое имущество. Нам достались богатые трофеи.

Потеряв Тронгсунд, белофинны отчаянно уцепились за острова, и особенно за маленький островок Раван-саари. Здесь были сильные укрепления. Наши наступавшие части встретили у Раван-саари упорное сопротивление, несли потери, но решающего успеха все же не могли добиться.

Помощь пехоте должны были оказать танки. Но боевые машины встретили непреодолимое препятствие: лед перед Раван-саари был совершенно непроходим для них. Местами он был тонок, ненадежен, а местами разрушен. И разрушен не только снарядами. Белофинны, например, пропиливали лед квадратами и маскировали эти квадраты. Кое-где прибегли они и к помощи ледокола.

Настойчиво разыскивали разведчики-саперы прямую ледовую дорогу для танков к Раван-саари. И не могли найти. А танки были нужны. Создавшаяся здесь обстановка повелительно требовала их.

* * *

Мне и лейтенанту Хоруженко пришло в голову разведать лед не по прямому направлению — от Тронгсунда на Раван-саари, а с востока, по огромной, в несколько километров, дуге. Мы наметили начать разведку от самой Тронгсундской крепости.

В этом случае танки, выйдя из крепости, должны были бы забирать по льду вправо на километр с лишним и только потом повернуть налево — на Раван-саари. При этом удар танков по огневым точкам противника, по его окопам и прочим укреплениям, приходился не в лоб, а с тыла.

Крепостная артиллерия на острове Раван-саари

Но этот удлиненный путь на Раван-саари имел один недостаток: он лежал перед противником, как на ладони, на всем своем протяжении. Однако другого выхода не было.

Начальником разведки был назначен тов. Коршаков, лучший помощник командира взвода. В помощь ему дали шесть человек. В зимних маскировочных халатах, вооруженные топорами, пешнями, которые отличались от полярных только более короткой деревянной ручкой, примитивными измерителями толщи льда (они были сделаны самими саперами из проволоки) и, конечно, неразлучными винтовками,— собрались семеро героев на берегу, скрытые от глаз наблюдателя противника стеной Троицкой крепости.

Самый выход на лед в этих условиях был похож на цирковой трюк. Белофинны обстреливали все живое, появлявшееся со стороны советского берега на ослепительно белой глади залива.

Коршаков выходил первым. Неожиданным броском он выскочил из-за каменной стены и ринулся на лед. Он бежал изо всех сил по глубокому снегу, пока не началась стрельба белофиннов. А стрельба вспыхнула через минуту.

Шестеро остальных сапер, я и лейтенант Хорученко стоим на берегу и смотрим... молчим и смотрим на бегущего по снегу Коршакова. На лицах сапер — нетерпение, когда они смотрят на своего начальника, и ненависть, когда они коротко взгляды-

вают в сторону Раван-саари. А мы с лейтенантом Хорuженко едва скрываем волнение.

Пули свистят вокруг Коршакова... Вот он упал. Он лежит на снегу без всякого движения. Обстрел стихает. Я и Хорuженко разрешаем мучительную загадку: убит или не убит?..

Нет, он жив! Мы отчетливо видим, как Коршаков, лежа на снегу, начинает интенсивно работать пешней. Он врезывается в лед, пробивает в нем лунку, чтобы измерить его толщину. До белофиннов слишком большое расстояние, чтобы они могли заметить движения человека в белом халате, лежащего на снегу.

Тогда шестеро остальных тоже выскакивают из-за стены и стремглав бегут на лед, обгоняя один другого. Опять вспыхивает стрельба. Белофинны убеждены, что люди бегут, чтобы подобрать «убитого». Пусть так думают как можно дольше...

Обстрел усиливается. Саперы падают один за другим. Подобно Коршакову, они некоторое время лежат «убитыми». Затем, когда огонь прекращается, они начинают работать. Вдруг Коршаков вскакивает и бежит дальше. Немедленно вспыхивает беспорядочный огонь. Должно быть, белофинны очень удивлены, что «убитый» ожил и помчался куда-то вдаль от советского берега.

Но вот Коршаков опять «убит».

И снова обстрел стихает.

Но «оживает» второй, третий, четвертый сапер... И каждый бежит, и как только оказывается впереди других, — падает.

Больше часа длилась эта «игра» со смертью и белофиннами. И только тогда финны раскусили, в чем тут дело.

И какой яростный огонь они вдруг открыли! Сколько бы теперь ни лежали саперы, огонь не прекращался. Угрожала опасность, что храбрецы будут постепенно перебиты, несмотря на большое расстояние, отделявшее их от противника. Пришлось отдать приказ о прекращении разведки.

Но лед в этом направлении оказался вполне надежным, и разведку было необходимо как-то продолжить. Продолжение ее назначили на самые темные часы ночи. Вместе с разведчиками вышли на лед две боевые танкетки. Они могли быть использованы как надежное укрытие во время обстрела и как средство эвакуации раненых и убитых.

На этот раз разведчики успели промерить лед почти по всему намеченному маршруту. Трудно сказать, когда их обнаружил противник. Разведчикам оставалось не более 100 метров до берегов Раван-саари, и только тогда белофинны открыли бешеный огонь из пулеметов и автоматов. Можно думать, что саперы были замечены гораздо раньше, но финны умышленно подпустили их поближе к своему берегу, с тем чтобы уже никто не вернулся на советскую сторону. Бронированные тан-

кетки выручили героев: они послужили надежным прикрытием при «отступлении». Никто из сапер не был убит и лишь один ранен.

Ледовый путь для танков к Раваи-саари был найден.

*

На следующий день танки должны были сделать пробный налет на Раваи-саари.

Командиру танковой роты дан был наказ: «Ни в коем случае не уходить от проторенной полосы влево... Если лед затрещит,— не останавливаясь, делать поворот вправо и полным ходом итти обратно»... «Подойдя к белофинскому берегу, тщательно просмотреть еще не разведанную саперами стометровую полосу льда»... «Наметить выход на берег, удобный для всей массы танков, когда они пойдут на штурм». И много еще других указаний получил командир танковой роты.

И танки пошли. Громыхая, вступил на лед первый... второй... третий... четвертый... последний.

Саперы стояли на берегу. Они переживали.

Танки уверенно идут вперед. Лица бойцов светлеют. Саперы мысленно идут впереди танков.

Начался орудийный обстрел. Сначала снаряды падают очень неточно. Но постепенно ложатся все ближе. Вот один танк остановился.

Подбивается второй танк. Третий, хотя попадания в него не было, тоже почему-то стоит на месте.

Но зато остальные идут. Идут смело. Значит, лед вполне надежен. Значит, он выдержит и всю массу танков, которая пойдет на штурм вместе с пехотой.

Вот головной танк резко надбавил скорость, вплотную подлетел к берегу и понесся вдоль него. Он просматривает удобный выход на берег. Просматривает и одновременно ведет ожесточенную дуэль с белофинскими батареями. Другие экипажи поддерживают его усиленным огнем...

Завтра-послезавтра, по приказу командования, масса могучих машин ринется на штурм Раваи-саари вместе со славной пехотой.

* * *

Пехота наступает.

А по пятам за пехотой идет трактор. На нем сидят младший командир Белоцерковцев и тракторист Суслик. Они оледенели на пронизывающем ветру.

Трактор снабжен спереди большим металлическим клином. При продвижении трактора вперед этот треугольник отбрасывает в обе стороны толстые пласты снега. Позади трактора остается гладкая и достаточной ширины «полковая» дорога.

А с материка по только что созданному пути уже несутся полковые орудия, на рысях мчатся повозки, с грохотом катят танки.

Так прокладывались дороги на льду.

В очень короткий срок была создана такая дорога для стрелкового полка. Она прошла от материка до острова Пии-саари, на расстоянии четырех километров, а затем была продолжена до самого дальнего из островов — Тиурин-саари.

Для другого стрелкового полка была построена двухколейная трехкилометровая дорога — от городской кирки в городе Койвисто до бухты, врезавшейся в остров Койвисто с запада. Дорога прочная и надежная. По ней легко прошли все полковые обозы, полковая артиллерия. Не раз по ней громыхали танки, катились автомашины. После того как белофинские острова были переданы их новым хозяевам — морякам Краснознаменного Балтийского флота, по этой дороге прошли отряды краснофлотцев с их мощной боевой техникой.

Все дороги строились под огнем противника.

Многие строители гибли. Их заменяли другие. Они также отважно продолжали дело первых.

Саперы нашей дивизии чтят память погибших товарищей и гордятся храбрейшими из своей среды, которых правительство отметило высокой наградой.

Майор

К. ДЖАХУЛ

Захват четырех островов

На территории Финляндии, гористой, покрытой лесами и озерами, самостоятельные действия мелких подразделений и каждого бойца в отдельности играли огромную роль. Особенно важно было хорошо организовать разведку и наблюдение. Опыт показал, что разведку в условиях этого театра военных действий лучше всего вести отдельными группами (по 8—10 человек) и в разных направлениях.

Для примера можно указать на боевые дела разведчиков младшего командира Мухина. Ведя разведку, они расходились по разным направлениям. Через 2—3 часа вся группа собиралась в условленном месте. Мухин суммировал сведения и посылал донесение командиру полка. Характерно, что из 22 разведчиков Мухина только двое были ранены, хотя воевали все вплоть до перемирия.

Когда наш полк вышел к Финскому заливу, Мухину была поставлена задача — разведать силы противника на четырех островах, в том числе на острове Питкя-саари. Разведчикам удалось установить, что противник, занимая эти островки днем, на ночь уходил, очевидно, опасался окружения. Мухин занял все острова и послал соответствующее донесение. В эту же ночь на острова пришла пехота. Утром, когда белофинны пошли по своему обыкновению занимать острова, их встретил ружейный и пулеметный огонь. Оставив 15 человек убитыми, противник отступил. Захват Питкя-саари дал нам возможность занять находящийся по соседству укрепленный остров Ласи-саари.

Во время разведки Мухин установил, что пирамидальные надолбы белофиннов являются для наступающих укрытием. Надо лишь установить, откуда по надолбам ведется огонь: если, скажем, слева,— укрывайся справа. Однажды отряд Мухина целую ночь провел в надолбах, ведя разведку боем и выявляя огневые точки противника.

Отступающие белофинны оставляли на деревьях снайперов — «кукушек». Пропустив наши передовые части и оказав-

шись в тылу, эти «кукушки» стремились выводить из строя наших командиров. На острове Ласи-саари мы применили разведку цепью. Продвигаясь скачками, разведчики осматривали вершины деревьев, камни. Вооружены они были автоматами и станковым пулеметом. Захватив рубеж, разведчики ставили пулемет в центре и заходили вперед с боков, оставляя пулеметчику сектор для обстрела. Таким путем были обнаружены пять снайперов противника.

При захвате острова Ласи-саари наша пехота шла за огневым валом. Мы разграфили карту. Расстояние между графами — 200—250 метров. По этим рубежам батареи вели огонь. Пехота продвигалась от одного рубежа к другому вслед за боевым снарядом.

На острове Туркин-саари, который предстояло занять нашему полку, белофинны имели четырнадцать огневых точек. Из них семь дерево-земляных и пять железобетонных. Деревянные постройки белофинны сожгли, а в каменных фундаментах оборудовали пулеметные гнезда. Находившееся на острове бомбохранилище было приспособлено под артиллерийскую огневую точку: перекрытие толщиной в два метра, а сверху рельсы. Впоследствии, когда в этом «хранилище» находился командный пункт нашего полка, самолет противника сбросил на него бомбу и не причинил ему никакого вреда. На льду вдоль всего острова тянулись проволочные заграждения. Берега высокие и обрывистые. Танки могли подняться только в одном месте, по дороге.

В первый день наступал один батальон широким фронтом. Задача — зафиксировать, где расположены огневые точки. Батальон продвинулся к острову на 100—200 метров. Лед, не пробиваемый минами, был покрыт снегом. Этот снег давал возможность бойцам окапываться и маскироваться.

Группа бойцов, которую вел младший политрук Жолоб, проделав лопатами проход в проволочном заграждении, прорвалась к пристани острова и организовала здесь оборону. Перед пристанью, примерно на 60 метров, образовалось мертвое пространство. Жолоб вел огонь по флангам, двое бойцов непрерывно наблюдали за пристанью, готовые разить врага гранатами, если он там появится. Белофинны боялись подойти к горстке героев. Огнем с двух соседних островов они отсекли группу Жолоба от основных сил и выставили наблюдателя, который следил за тем, чтобы никто из группы не попытался пробраться к своим.

Враги рассчитывали взять горстку доблестных бойцов измором. Группа Жолоба трое суток, без сна и пищи, отважно вела бой. Патронов у них осталось только по четыре на винтовку и 150 для станкового пулемета. Тогда красноармеец Сенн сказал младшему политруку:

— Разрешите мне выйти к своим. Я принесу патроны и продовольствие.

Перебраться по открытому месту к нашим частям было трудно. На соседнем острове противник зажег постройки, и пламя всю ночь освещало залив. В довершение всего белофинны взорвали лед, и разлившаяся вода стала для обутых в валенки бойцов серьезным препятствием.

Но героизм красноармейца не знает предела! Ночью боец Сеин явился ко мне. Его шинель, валенки, портянки промокли и замерзли. Он трое суток не спал и все же рвался назад, к товарищам, сражавшимся у пристани. С ним вместе вызвался итти телефонист Юхин. Они набили вещевые мешки патронами, в карманы положили сахару, взяли четыре буханки хлеба и направились к пристани.

Бойцов я снабдил ракетами и условился о сигналах. Через них приказал группе Жолоба поодиночке отойти обратно, а на смену ей решил перебросить батальон, с тем чтобы он вклинился в расположение врага, зацепился за сушу и дал возможность нанести поражение противнику.

Вся артиллерия дивизии открыла стрельбу по островам, подавляя огонь противника. Героическая группа Жолоба вышла, а на смену ей были посланы две роты. Одна рота сумела захватить около 100 квадратных метров площади острова и, укрываясь за камнями, повела бой. Мухин, командовавший другой ротой, как только рассвело, тоже ворвался на остров с двенадцатью бойцами и станковым пулеметом. Окруженный врагами, он вел бой на фланге противника. Его ранило в ногу и руку. Бойцы бросились было его вытаскивать.

— Оставьте меня,— сказал Мухин.— Чтобы вытащить меня, надо двух человек. Они нужнее здесь. Оставайтесь. Держитесь до последнего, а я уже как-нибудь доберусь сам...

Истекая кровью, Мухин сумел перейти залив и пришел в расположение части.

Противник попытался послать на остров два лыжных отряда, но наша авиаразведка своевременно обнаружила передвижение этих отрядов, и артиллерия отсекла остров от материка. Она же разбила на острове все укрепления, за исключением бомбоубежища.

На помощь бойцам, сражавшимся на острове, пошла рота Реброва. Он, зайдя с фланга, к 12 часам занял остров. Одновременно командир батальона Никифоров, заметив успех Реброва, повел наступление с фронта. Роты стали преследовать отходящего противника, не давая ему закрепиться на других рубежах. Никифоров с четырьмя саперами вышел к мосту, соединявшему остров с материком. Увидев, что шесть белофиннов готовятся подорвать мост, он двумя гранатами уничтожил врагов, продолжая развивать наступление.

Взятие острова Туркин-саари имело большое тактическое значение. Он прикрывал дорогу, по которой доставлялись боеприпасы на соседний укрепленный остров. Заняв Туркин-саари, наши бойцы и командиры перерезали важную коммуникацию противника. Исход боя был решен мужеством и отвагой красноармейцев, искусными действиями мелких подразделений, которые сумели вклиниться в расположение врага, нарушить его огневую систему и обеспечить тем самым успех всему полку.

Младший лейтенант
М. РЕБРОВ

Наблюдать непрерывно

Наша часть наступала на остров Туркин-саари. Два подразделения уже ворвались на остров и вели там бой. К ним для подкрепления и развития успеха была послана рота под моим командованием. До нас на остров посылали другую роту, но она не сумела как следует развернуться в боевой порядок, шла чуть ли не колонной и на половине пути была остановлена огнем. Мы это учли.

Рота развернулась повзводно и взяла направление на пристань. Когда противник стал нас обстреливать, я через посыльных приказал командирам взводов расчлениться по отделениям. Энергичный бросок приблизил нас к острову на 500—600 метров. Мы приняли боевой порядок. Уже темнело. Под огнем белофинских автоматов бойцы продвигались перебежками, укрываясь за снежными брустверами, которые были сделаны раньше другими бойцами.

У пристани я собрал роту. Командир батальона приказал нам наступать на левом фланге. Одно отделение было послано в разведку. Когда бойцы стали вылезать из-за пристани, противник повел по ним огонь. Но они быстрыми перебежками продвинулись в кустарник. За ними цепью по кустам пошла рота. Вскоре я послал донесение командиру батальона: «На левой окраине противника нет. Находимся у большого камня, ведем наблюдение».

Командирам взводов была поставлена задача — занять левую опушку кустарника. Тихо, ползком, не открывая огня, продвинулись на 200 метров. Слышим — впереди за камнями голоса. Пулеметчик выдвинулся на левый фланг и открыл огонь по камням. Другой пулемет стрелял по высоте, находившейся справа от нас. Когда огонь противника утих, я послал вперед разведчика с гранатами. Он обнаружил лишь вытоптанный снег. Противник отступил.

Взводы продвинулись еще на 500 метров. Тут нас встретил сильный огонь. Укрываясь за камнями, бойцы стали в ответ стрелять по вспышкам. После получасовой перестрелки развед-

чики, высланные вперед, обнаружили, что противник снова отступил.

Всю ночь рота продвигалась в глубь острова. На рассвете я направил к командиру батальона двух посыльных, желая выяснить его местонахождение и обстановку. Послал их вдвоем для того, чтобы гарантировать доставку донесения. Если одного убьют или ранят,— другой доберется.

Вскоре посыльные вернулись. Они принесли чрезвычайно важное сообщение. По сигналу — две красные ракеты — начнется общее наступление на остров.

Утром к нам прибыли два танка. При их поддержке рота двинулась вперед. Снег лежал по пояс. Поэтому пулеметчикам-станкистам приходилось таскать свое тяжелое оружие все время на руках.

Весь день бойцы вместе с танками преследовали противника и перешли с острова на материк. Тут уже я мог управлять ротой не только через посыльных, как это было ночью (тогда требовалась строжайшая тишина), но также голосом и сигналами.

Ночью, когда мы заняли оборону, со стороны белофиннов нам кричали по-русски:

— Чего вы ждете? Мы уже здесь. Идите сюда.

Но я знал, что наша рота идет первой и впереди своих нет. Провокация врага сорвалась. На рассвете, обозленные неудачей, белофинны разразились по нашему адресу ругательствами.

Утром мы снова пошли в наступление. Я имел с командиром батальона телефонную связь. Артиллерия помогала нам продвигаться, подавляя вражеские огневые точки. Разбитый противник поспешно отступал.

Хочу отметить исключительную роль наблюдения в бою. Когда мы заняли оборону, возле командного пункта стоял станковый пулемет. Старшина принес нам еду. Сидя за камнем, мы ели, а наводчик Лукашев наблюдал в это время за местностью. Вдруг он крикнул:

— Товарищ командир, противник!

Прямо на нас шла группа белофиннов на лыжах. Через минуту мощные пулеметные очереди отбили их налет.

Днем мой командный пункт, находившийся за большим камнем, все время обстреливался из автомата. Стоило подняться на колени, и свинцовая струя била по скошенной верхушке камня. Осколками гранита мне поранило лицо. Несколько пуль ударило в каску, но, к счастью, это были... разрывные пули: они не пробили каску. Старший наблюдатель, мой однофамилец Ребров, отыскивая финского снайпера, внимательно всматривался в сосновый лес. Заметил, что с одной сосны сып-

лется снег. Он посмотрел на ее верхушку в бинокль и не удержался от восклицания:

— Вот подлец пристроился!

Меткими выстрелами назойливый снайпер был сбит. При нем мы нашли сумку с шестью магазинами для автомата.

Внимательное и непрерывное наблюдение помогало роте выполнять свою боевую задачу, предупреждать коварные уловки врага.

Капитан
П. КАВЕРЗНЕВ

Бой на острове Еси-саари

Командир нашего полка тов. Лукьянов поставил перед командиром 1-го батальона тов. Приходько и передо мной боевую задачу — занять остров Еси-саари. Моему 3-му батальону приказано было овладеть высотой 22,0 на этом острове.

Приказ был получен в полночь 7 марта, а в 4 часа батальон должен был перейти в решительное наступление на позиции белофиннов с попутным занятием острова Безымянного, расположенного между Ураи-саари и Еси-саари.

К моменту получения приказа наш батальон находился на юго-западной границе Тронгсунда. Еще накануне вечером, зная о предстоящей операции, мы провели ряд подготовительных работ: артиллерия занималась пристрелкой, увязывалось взаимодействие, устанавливалось наблюдение, производилась тщательная разведка неприятельских позиций.

В 3 часа 9-я рота была готова к выступлению. Она первой должна была ворваться на остров Безымянный через пролив Тронгсунд.

Лед, разделявший наши острова, был изрыт снарядами, а местами полностью разрушен финским ледоколом. Белофинны вырезывали большие куски льда, а образовавшуюся полынью прикрывали плотной бумагой или проволочной сеткой. Кроме того, полыньи были запорошены тонким слоем снега, и различить их было почти невозможно. Разведка доносила, что по такому льду не могут пройти ни артиллерия, ни танки, ни обозы. Местами лед не выдерживал даже отдельных бойцов.

Была темная морозная ночь. Шел густой снег, и это затрудняло видимость. Артиллеристы из Тронгсунда открыли огонь по противнику.

Ровно в 4 часа 9-я рота приступила к выполнению приказа. 1-й взвод с лейтенантом Гераскиным во главе одним броском, без остановки, прошел 800 метров по битому льду пролива и успешно выбрался на берег острова Безымянного. Заметив передвижение наших частей, финны стали яростно стрелять

с берега из пулеметов и автоматов. Другая группа врагов открыла с Еси-саари огонь из минометов.

Правее Гераскина наступал взвод младшего лейтенанта Михайлова. Этому взводу пришлось значительно хуже, так как он почти целиком попал в ловушку. Бойцы выкупались в вырезанной финнами полынье, утопили пулемет и несколько винтовок. К счастью, всем удалось быстро вылезти из воды.

Огонь со стороны белофиннов все усиливался. Решил итти вперед. Вплавь преодолели полынью и ползком, буравя снег головой, стали приближаться к вражескому берегу. Достигнув цели, взвод залег у прибрежных причалов. В пути он потерял немало бойцов убитыми и ранеными. Командир взвода Михайлов был тяжело ранен.

3-й взвод, наступавший слева от Гераскина, тоже был встречен сильным огнем. Когда стали определять направление огня, то, к удивлению, обнаружили, что огонь идет слева, от барж, и с тыла.

Увидев тяжелое положение своих бойцов, я направил им в помощь на остров Безымянный пулеметный взвод. С огромным трудом, двигая впереди себя поставленные на лыжи пулеметы и прикрываясь с фронта щитками, ползли пулеметчики выручать товарищей.

Вражеский огонь продолжался, причем пулеметчики заметили, что пули попадают на тыловую сторону щитков. Выходит, что где-то на берегу Тронгсунда расположилась финская засада. Я немедленно создал шесть групп, поручив им тщательно обыскать все баржи, пароходы и портовые склады.

Вскоре один белофинн был отыскан в запертом сарае на берегу. Он лежал на чердаке, накрывшись тряпками. Красноармеец Камагин, который осматривал чердак, пролез через слуховое окно и спрыгнул врагу прямо на ноги. Тот вскочил и схватился было за оружие. Но Камагин пронзил его штыком, не дав ему выстрелить. Это оказался русский белогвардеец. На груди у него красовалось несколько георгиевских крестов и четыре медали, выданные еще при царе...

Группу финских снайперов обнаружили в машинном отделении парохода, стоявшего у причала на берегу. Взять их живыми было очень трудно и я приказал взорвать пароход.

После этого огонь с тыла прекратился.

9-я рота зацепилась за берег острова Безымянного и успела лечь за прикрытия. Но положение продолжало оставаться опасным, так как патроны были на исходе.

Когда наши стрелки перестали отвечать на вражеские выстрелы, финны догадались, в чем тут дело, и пошли в контратаку, но были отбиты. Бойцы забросали их гранатами.

Теперь у бойцов уже не осталось ничего, кроме последней гранаты и штыка...

Подослать 9-й роте патроны и живую силу я не мог. Стало светло, белофинны хорошо простреливали пролив пулеметным огнем, и ни один человек не смог бы проскочить к острову незамеченным. Положение стало крайне опасным.

Так прошел день. К вечеру снова повалил снег. Настало время действовать. Я посоветовался с командиром 1-го батальона тов. Приходько и решил пойти вслед за ним на помощь 9-й роте.

Взяв с собой две роты, я направился в обход острова Безымянного слева, чтобы потом нанести противнику удар с юга. Это нам удалось, и сопротивление врага было сломлено. Поняв безнадежность своего положения, финны очистили остров Безымянный и бежали по льду на Есн-саари.

В это время наша артиллерия перенесла огонь на высоту 22,0. Мы сразу же перешли в наступление и стали преследовать отступающего противника, но были обстреляны из шести вражеских пулеметов, расположенных на Есн-саари.

Батальон изготовился к бою (Приходько пошел в обход, и связь с ним прервалась). Мои роты заняли следующее положение: 7-я — западную окраину острова Безымянного, 8-я — южную окраину, а 9-я приводила себя в порядок после суточного боя и поддерживала связь с полком.

24 часа. Ночь темнее предыдущей. Мороз — градусов двадцать пять. Штаб батальона расположился за камнями.

На восточном берегу острова Есн-саари враг готовится к бою. До нас доносится треск сучьев, стук топоров. Противник прочно засел в заранее вырытых окопах.

Продолжается непрерывная пулеметная перестрелка.

Послал разведку. Идет через пролив вправо — обстреливают. Идет разведка влево — тоже обстреливают.

Несмотря на ночной мрак, силуэты бойцов на льду все-таки заметны.

Наконец, связисты восстановили связь с батальоном Приходько, который сообщает, что ему удалось зайти в тыл белофиннам с правой стороны острова.

Я прислушиваюсь: действительно, где-то в тылу у белофиннов раздались выстрелы. Очевидно, враги обнаружили появление батальона Приходько.

Шум и движение в лесу, где засели белофинны, усилились. Интенсивней стал и огонь. Это означало, что враг готовится к контратаке.

Я приказал выкатить все пулеметы и быть готовыми к тому, чтобы по моей команде открыть огонь.

В 4 часа 8 марта финны с криком кинулись на нас в атаку через лед пролива.

Командую:

— Пулеметы — огонь!

А пулеметов у нас было немало. Неожиданный огневой шквал остановил врагов. Они повернули назад и бросились врассыпную.

Подаю вторую команду:

— Вперед! Преследовать белофиннов!

Момент был выбран удачно. Мы быстро перешли пролив и стали теснить финнов в глубину острова, туда, где засел Приходько.

Вскоре услышали шум боя. Батальон Приходько подсыпал врагу «гостинцев».

Гранитный валун, служивший для белофиннов естественным укреплением

7-я рота, оставив ранцы и все лишнее снаряжение, бросилась преследовать врагов. Остальные бойцы без особого труда заняли означенную в приказе высоту 22,0.

По рыхлому снегу, проваливаясь по грудь в сугробах, мы 3 километра гнали отступающего врага. Кругом густой лес, огромные валуны. Тащить за собой станковые пулеметы становится все труднее и труднее.

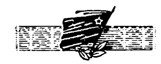
8-я рота шла северо-восточным берегом озера, обходя неприятеля справа. Встретив отпор со стороны батальона Приходько, белофинны бросились на его левый фланг и заметались, как звери в клетке. Когда они, наконец, поняли, что окружены, им ничего другого не оставалось делать, как выброситься на лед и с позором бежать на остров Рахка-саари. Но прежде чем достигнуть этого острова, они должны были

пройти не меньше километра по открытому ледяному полю. Не успели белофинны пройти и 10 метров по льду, как пулеметчики Камагин и Станков начали косить их из своих «Максимов».

Никогда не забуду встречи с боевым другом Приходько! Мы пришли весьма кстати, так как в его батальоне патроны уже кончились.

Тут же, заканчивая операцию, мы заняли деревню Есисаари, здесь были захвачены порядочные трофеи: 81 тысяча патронов, 4 станковых пулемета, 3 миномета с 60 минами, 13 старых русских пулеметов и 2 автомата-пистолета, большое количество брошенных винтовок. Кроме того, мы забрали восемь пленных.

Так было выполнено боевое задание командира полка. Удар, нанесенный врагу, обеспечил последующее взятие острова Раван-саари.

Лейтенант
ШЕВЕЛЕВ

Помогли пехоте

Только мы расположились на отдых, как была объявлена боевая тревога, и наши танки выступили для поддержки пехоты, которая по льду наступала на большой лесистый остров.

Глубокий снежный покров мешал продвижению танков. Понадобилось срочно сделать грейдеры для расчистки пути. Мы быстро соорудили деревянные треугольники. Тракторы, которые как раз подошли в это время, потянули их по льду. На грейдерах разместился взвод пехотинцев, чтобы треугольники плотнее прилегали к снегу.

По расчищенному пути мы двинулись вперед. На рассвете, метрах в ста от острова, я приказал посадить на танки роту лучших бойцов с автоматическими винтовками и ручными пулеметами и прорваться к острову. Это должно было облегчить пехоте атаку.

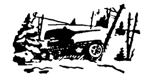
Вражеские противотанковые орудия вели сильный огонь. Однако танки быстро преодолевали пристрелянные рубежи. Пока противник переносил огонь, мы успели проскочить к берегу. Возле самого берега одна машина попала в воронку от снаряда и провалилась под лед. Но здесь было мелко. Башня оказалась над льдом. Командир этой машины Чуйкин продолжал вести огонь по противнику.

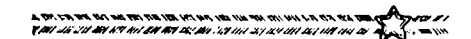
Остальные танки пробились к берегу. Пехота, ободренная нашим успехом, быстро атаковала белофиннов. Бойцы, подвезенные танками, сумели захватить пять противотанковых пушек. В этом бою мы не имели ни одного убитого.

В дальней их боях случился такой эпизод. Предстояло выбить противника из деревни Нископохья (на шоссе к Хельсинки). Наступать со стороны залива было невозможно, так как все перед своим фронтом финны заранее пристреляли. Тогда я послал две машины в разведку, в обход хутора, указав им путь по карте. Мы ждали скорого возвращения этих машин, ибо путь их был короток — всего полтора километра. Но прошел час, другой — танки не появлялись. Я решил выяснить,

что с ними случилось. Проехал на танке около 800 метров и увидел такую картину. Передний танк застрял между группой деревьев и скалой, упершись в нее. Второй остановился, чтобы вызволить переднюю машину из беды. Финны вели беглый огонь. Несколько танкистов вышли из машин, незаметно отползли в сторону, поставили пулеметы на сошки и стали наблюдать, откуда финны стреляют. Вскоре они сбили неприятельского снайпера. Другие танкисты под огнем спилили деревья, мешавшие застрявшему танку выйти из естественной западни. В это время подошел и я на своей машине. Вскоре подоспели саперы. Они подорвали скалу, мешавшую движению танков. Но дальше мы следовали не на машинах, а ползком, по снегу. Установили, что можно выйти противнику во фланг.

Благодаря мужеству и хорошей работе танкистов удалось за несколько часов сделать то, на что пришлось бы потратить не один день. Танки вышли во фланг белофиннам и помогли пехоте выполнить боевую задачу: отрезать белофиннам путь отступления от Выборга.

Младший командир
П. МАКАРОВ

Связисты-лыжники

Выйдя на материк и стремительно продвигаясь вперед под Нисалахти, мы потеряли связь с наступавшим справа полком. А известно, что значит потеря связи с соседом во время наступления. Если связь потеряна, враг может обойти, кроме того, по ошибке можно своих обстрелять...

Меня вызвал командир батальона, показал по карте наше местоположение, объяснил, в каком направлении следует искать соседний полк, и приказал установить с ним связь.

Взяв с собой одного красноармейца, я побежал на лыжах вдоль шоссе. Белофинны держали его под обстрелом, и вскоре мой товарищ был ранен в бок и в спину. Я осторожно стащил его вниз, спрятал за деревом, помог перевязать раны и бросился вперед один.

Вскоре, немного в стороне от дороги, я неожиданно наткнулся на штаб 1-го батальона разыскиваемого полка и явился к начальнику штаба. Мы считали их полк немного отставшим, а на самом деле оказалось, что они, а не мы выдвинулись вперед.

— Хорошо, что пришел во-время,— сказал начальник штаба.— Теперь уже связь не будет потеряна...

Той же дорогой я вернулся обратно, доложил об исполнении приказа и организовал доставку в батальон раненого.

Можно многое было бы вспомнить и рассказать о смелости лыжников-связистов. Вот, например, как воевали два неразлучных друга Гончаров и Иванов.

Однажды, когда наша рота пошла поддерживать лыжный батальон, финские пулеметчики, засев на льду, за ледяными надолбами, открыли огонь, а «кукушки» стали обстреливать нас с берега, и вся рота залегла в снег. Бойцы ведут ответный огонь, а головы поднять не могут,— бьют и бьют финские снайперы.

И вот связист Иванов говорит Гончарову:

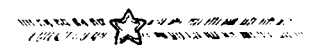
— Ты бери ручной пулемет, а я пойду с дисками,— ты ведь стреляешь лучше...

Поползли они по льду, прячась за выступами ледяных глыб, минут через двадцать сумели зайти во фланг белофинских пулеметчиков, сидевших за надолбами, и сразу стали бить снайперов в затылок. Расправились с пулеметчиками, взялись за «кукушек» и тех уложили. Рота получила возможность подняться и двинуться дальше — выполнять свою боевую задачу.

Тут мы увидели белофиннов, снятых Гончаровым и Иваиовым. Двое с деревьев свалились, так под сосиами и лежали, а человек шесть за надолбами валялись. Взяли мы боевые трофеи — их оружие — и двинулись дальше...

Любили бойцы наших связистов за смелую боевую службу.

Лейтенант

Д. ФЕДОРЕНКО

Минометы на огневых позициях

Мы прибыли 6 марта на небольшой остров. Здесь было лишь два домика, и те стояли на виду у противника. Весь остров покрыт лесом. Ширина его — 150—200 метров, длина — 800.

В 15 часов меня вызвал командир батальона на свой наблюдательный пункт, расположенный за небольшим камнем.

Предстояла нелегкая задача — выбить противника с высоты 19,6.

Я командовал минометным взводом. Комбат приказал:

— Минометному взводу занять огневые позиции за домами. Поддержать наступление батальона. Огонь вести по переднему краю обороны, а с подходом танков к берегу перенести его на фланги.

До начала наступления оставалось не более часа.

Ездовой Машковский под огнем белофиннов рысью по глубокому снегу выезжает на огневую позицию.

Работа закипела. Наводчики Лазовой и Большаков со своими расчетами расчищают снег, рубят елки, маскируют минометы, оборудуют пути подхода, готовят мины.

Жарко. Красноармеец Скрипник сбрасывает с себя шинель.

Финны выпустили несколько снарядов, которые разорвались совсем близко, но работа продолжалась с еще большей энергией.

Я подошел к артиллерийскому наблюдателю и из-за дерева стал смотреть в стереотрубу. На материке показался белофинн, невдалеке другой с пулеметом. Откуда-то стреляло 37-миллиметровое орудие.

Скомандовал:

— По белофиннам, заряд 3, угломер 27-60, наводить в точку наводку, прицел 7-20. Первому, один снаряд, огонь!

Первая мина упала у самого берега.

— Прицел 7-60, огонь!

Вторая мина упала у цели.

— Взводом четыре мины, беглый огонь!

Мины вылетали одна за другой. Цели были уничтожены...

Батальон сел на танки, их повел в бой капитан Краснов, ныне Герой Советского Союза.

Наводчик Лазовой, не отрывая глаз от прицела, одной рукой вращал поворотный механизм, а другой — подъемный. Стреляющий красноармеец Скрипник непрерывно опускал мины.

Ствол накалился, на нем уже обгорела краска. Отделенный командир Хаяров докладывает:

— Товарищ лейтенант! Стрелять больше нельзя.

Подаю команду:

— Огонь не прекращать, ствол миномета обсыпать снегом.

Танки вместе с сидящими на них бойцами пошли в наступление. Артиллерия открыла огонь по материку. Шрапнели рвались между деревьями, у самых верхушек сосен и над ними. Снаряды выворачивали с корнями вековые сосны. Когда тяжелый снаряд попадал в логовище белофиннов, все летело кверху.

Танки подходят к материку. Переношу огонь одного миномета вправо, другого — влево. Лишаю белофиннов возможности бить с флангов по атакующему батальону.

И вот из башен танков вырвался шквал пулеметного и артиллерийского огня. Батальон перешел в атаку.

Один белофинн встает, поднимает винтовку и целится в комбата Краснова. Одно мгновение отделяет командира от смерти. У комбата в руке пистолет. Раздается выстрел, финн падает с простреленной головой. Красноармейцы с боем продвигаются вперед, расстреливая убегающих финнов...

Высота 19,6 взята. Подаю команду:

— Приготовиться к смене огневой позиции!

Расчеты двинулись на материк, туда, где минуту назад шел жестокий бой. На льду кое-где лежали убитые. Танки возвращались за боеприпасами. Помогли нескольким раненым взобраться на танк. Но вот очередь из автомата. Просвистели пули, одна из них пробила мне шинель. Расчеты залегли. Я осторожно приподнял голову, посмотрел в сторону, откуда стреляли. Там — небольшой островок, на нем несколько деревьев и много камней. У самого большого камня заметил вспышки.

Послали туда пару коротких очередей, и противник затих.

Поднявшись, расчеты продолжали путь к материку. Подходим к берегу на 20 метров. Здесь вода выступает на лед. Беру лыжу, ощупываю ею лед, покрытый водой. Лед крепкий. Двигаемся дальше. Вступаем на материк. Приказываю подготовить новые огневые позиции под огромной гранитной скалой.

Лейтенант

П. КРЮЧКОВ

Как тракторы стали „танками“

Противник отступал. Части Красной Армии шли по его следам, оттесняя белофиннов к островам залива. Наш взвод ПТО вместе со стрелковым батальоном неудержимо продвигался вперед, преследуя остервенелого врага.

В первых числах марта мы вступили на юго-восточную часть острова Ураи-саари. Двигаться по острову было очень трудно. Дороги покрывал метровый слой снега. Сорокаградусные морозы уплотнили его, но все же не настолько, чтобы он выдерживал тяжесть человека, не говоря уже о машинах. Из-за гранитных скал и из густых лесов нас то и дело обстреливал противник, хорошо знавший местность.

Но, несмотря на это, взвод вместе с батальоном успешно продвигался вперед. За несколько месяцев войны закалились бойцы. Их уже ничто не могло устрашить. Привычными стали ночевки на сорокаградусном морозе, пули, мины, «кукушки», засады, утомительные переходы — привыкли ко всему.

Суровая и жестокая школа боев и походов сплотила людей в единый коллектив, сцементированный боевой дружбой. Война обогатила опыт командиров, воспитала из молодых бойцов зрелых и бесстрашных воинов, приучив их к твердой дисциплине.

4 марта, достигнув мыса Тронгсунд, являющегося северной частью острова Ураи-саари, мы отдыхали целые сутки. Взятие Тронгсунда, паническое отступление белофиннов, захват огромного количества боевых трофеев — все это показывало, что в рядах финских войск уже началось моральное разложение. Этот момент нужно было использовать и, не теряя ни минуты, гнать и гнать дрогнувшего врага прочь с острова.

Утром 6 марта меня вызвал к себе в штаб капитан Марченко. Когда я пришел, все командиры были уже в сборе. Поэтому Марченко прямо обратился ко мне:

— Пришел приказ наступать,— сказал он.— Ваша задача: расставить пушки на южной оконечности мыса Тронгсунд и поддержать огнем наступление пехоты. Ясно?

— Ясно, товарищ капитан!— ответил я и, повторив задачу, отправился к своему взводу.

Через несколько минут орудия уже стояли на огневых позициях, а в 9 часов Марченко передал приказание открыть огонь. В ту же минуту прогрохотал первый залп моего взвода, второй, третий. После артиллерийской подготовки батальон пошел в наступление.

Сразу же яростно затявкали вражеские пулеметы и автоматы. Но еще яростнее загрохотали орудия младших командиров Головко и Кустова и другая мало- и среднекалиберная артиллерия, поддерживающая батальон.

Бой продолжался до вечера. Финны, укрепившись на берегу острова Суоннон-саари, могли обстреливать любую точку пролива, разделявшего наши позиции, а фигуры бойцов были хорошо заметны на снегу.

Бесстрашно ползли бойцы батальона по льду, пытаясь захватить остров. Только к 5 часам вечера одна из рот батальона сумела занять юго-восточную часть острова Суоннон-саари и залечь за прикрытием в ожидании подкреплений...

Незаметно наступила ночь. Морозная, темная.

Наши залпы не могли подавить всех огневых точек противника, а поскольку подступы к острову были еще днем пристреляны им, то белофинны вели неослабевающий огонь даже в темноте, преграждая путь батальону.

Лежавшие на льду бойцы начали мерзнуть. Положение становилось все тяжелее. Подразделения несли большие потери. Нужно было что-то немедленно предпринять.

В это время я с командиром саперного взвода Ковальским был в ледовой разведке, выполняя приказ командира батальона: подвести наш взвод по льду Финского залива вплотную к ротам и вместе с ними начать атаку острова.

Однако разведка ничего утешительного не дала. Быстрое течение в проливе подточило лед, а широкие разводья и трещины от разрывов снарядов еще более затрудняли переправу. Лед оказался настолько слабым, что под тяжестью тракторов проваливался.

Доложив капитану Марченко результаты разведки, я ждал его решения. Нужно искать иной выход.

— Дела неважные,— угрюмо согласился он.

Постояв так несколько минут, Марченко вынул из полевой сумки карту и при свете электрического фонаря показал ее мне.

— Снимайте взвод с огневых позиций,— сказал он.— Обходным путем через Рюевяллиниеми достигните к 6 часам 7 марта южной части мыса острова Суоннон-саари. Задача ответственная. Понятно?

— Есть,— коротко повторил я приказание, поняв, что батальон, наверное, уже ворвался на остров.

Собрав взвод, подробно разъяснил новую задачу.

Всю ночь, по возможности скрытно, мы двигались к Рюевялинниеми. Шли медленно, преодолевая многочисленные препятствия. Дорога была узкая, каменистая, извилистая, тракторы буксовали в глубоком снегу. Приходилось то и дело браться за лопаты и подкапывать снег под клиренсом. Коченели руки и ноги, мороз своим ледяным дыханием обжигал лица, но все бойцы и командиры настойчиво и терпеливо вытаскивали тракторы из сугробов, подталкивали их, чтобы к назначенному сроку добраться до места назначения.

Наконец, наши тракторы вступили гусеницами на лед. В этот момент мы все почувствовали огромное облегчение. Да как не радоваться! Приказ выполнен, до батальона оставалось всего каких-нибудь 500—600 метров.

По ровному льду тракторы пошли значительно быстрее, чем по каменистым дорогам. В этом месте пролива лед хотя и был достаточно крепким, но все-таки большой уверенности не внушал.

— Только бы не искупаться в Финском заливе,— шутил замковый Горшков,— а финну мы всыпем по первое число...— и он указывал рукой в ту сторону, где еще находились невыбитые враги.

Подъехав вплотную к берегу острова, я прежде всего побежал искать командира батальона Марченко. Пройдя метров сто, вдруг слышу, что меня окликают:

— Крючков?! Ко мне!

Сразу же узнал знакомый голос. Не успел поздороваться с командиром батальона, как получил приказание:

— Нужно разведать передний край противника... Разведать немедленно. О результатах доложите...

— Отцепляй орудия! Товарищ Туровцев, садитесь на трактор с ручным пулеметом,— крикнул я на ходу, подбегая к машине водителя Макшакова.

Вскочив на трактор, я объяснил бойцам задачу, которую нам предстояло разрешить. Узнав, в чем дело, они улыбались...

Макшаков дал полный газ. С грохотом и ревом пошел трактор вперед.

— Чем не танк!— заметил Туровцев, подпрыгивая на выбоинах и ухабах.

Пройдя метров пятьдесят за передовую линию, я слез с машины и лег за дерево. Дальше разведчики пошли одни. Грохот гусениц их трактора действительно походил на шум быстро идущего танка.

Ожидание всегда томительно, а тут, в боевой обстановке — особенно. Прошло несколько минут. Вдруг слышу короткие пулеметные очереди, даваемые Туровцевым. И чем дальше уда-

лялась машина, тем ожесточеннее строчил его пулемет. Потом короткая пауза.

«Неужели подбиты?» — мелькнула мысль.

Но через мгновение мотор зарокотал как ни в чем не бывало, и я по его нарастающему шуму понял, что разведчики повернули обратно. Значит, машина цела. Я приподнял голову и вскочил на ноги. Со стороны финнов ни одного выстрела. Видимо, появление на острове советского «танка» здорово их напугало. В это время из-за лесной опушки показался и трактор. Но почему же они вернулись?

Из подошедшего «танка» выскочил Макшаков и торопливо доложил:

— Товарищ лейтенант! Разведка произведена, противник отступает.

Он устало отер вспотевший лоб рукавицей.

— Молодцы! — похвалил я экипаж мнимого танка и побежал к командиру батальона, чтобы передать ему эту приятную новость.

Батальон в эту минуту готовился итти в решающую атаку. Узнав, в чем дело, Марченко приказал мне немедленно приготовить тракторы для преследования отступающих.

«Раз один трактор сошел за танк, так почему не сойдут и остальные,— решил я.— У страха ведь глаза велики!» Мой взвод отцепил от тракторов пушки и зарядные ящики. Водители сели за машины. В каждой — пулемет с пулеметчиком.

Через несколько минут три наших «танка» уже шли в голове наступающего батальона, сотрясая лес грохотом гусениц.

На отдельных подступах противник ожесточенно отстреливался, но «танки» делали свое дело. Белофинны так и не поняли, как это большевики умудрились перетащить «танки» через зыбкий и непрочный лед пролива...

С удалым русским «ура» развернутым строем шел батальон по острову, выбивая врагов из траншей и землянок, изо всех щелей и нор.

Наши трактористы и пулеметчики настолько вошли в роль «танкистов», что по всем правилам военной науки шли буквально по пятам бегущих финнов, расстреливая их в упор из пулеметов. Они так увлеклись погоней, что не заметили, как опередили батальон чуть ли не на полкилометра. Увидав это, я хотел дать команду выключить скорости, как вдруг слева, в 150 метрах от головной машины, застрекотал вражеский пулемет. Огнем руководил финский офицер, у пулемета лежало двое солдат. Водитель машины Кравченко, заметив противника, раньше меня направил свой трактор прямо на них.

Финны, увидев идущий на них «танк», кинулись в сторону, оставив нам пулемет (по счету уже третий). Добежав до каменной гряды, они было установили новый пулемет, но не успел

офицер скомандовать «огонь», как Кравченко метким выстрелом уложил его на месте. Финские солдаты бросились бежать со всех ног.

Остановив тракторы, мы стали поджидать авангард батальона — 7-ю роту, которая вскоре и появилась из-за поворота лесной дороги.

К исходу дня нам удалось очистить от противника значительную часть острова и захватить четыре станковых пулемета, больше десятка винтовок, несколько тысяч патронов. Марченко тепло благодарил нас за то, что наши «танки» помогли батальону очистить от врага половину острова Суониои-саари малой кровью.

Наступила ночь, и Марченко решил прекратить преследование противника. Батальон занял круговую оборону. Я расставил машины на флангах батальона и решил тут же на снегу немного заснуть. Однако спать почти не пришлось.

Проснулся от толчка. Вскакиваю. Начал прыгать и скакать на снегу, чтобы согреть окоченевшее тело. Слышу: по колонне передают:

— Командир противотанкового взвода — к комбату!

Встречаю Марченко по дороге в штаб.

— Вот что, Крючков,— сказал он,— вчера ваши «танкисты» славно поработали... Где они сейчас?

— Вон, стоят возле машин, — указал я рукой.

— Скажите им, пусть продолжают в том же духе. Итак, в голову колонны. Вперед!..

«Танкисты» быстро завели тракторы и снова вышли на дорогу, грохоча впереди доблестного батальона...

На этот раз работы у тракторов было побольше. Шли, открывали огонь, останавливались, снова расстреливали врага, снимали «кукушек», растаскивали завалы. Наконец, подошли к 2-му батальону, который зашел во фланг финнам, но залег на снегу, так как перекрестный огонь финнов простреливал лощину.

Задача была ясна. «Танкисты» должны немедленно подавить огневые точки врага. Машины ринулись вниз по дороге прямо к сараю, откуда враги вели огонь.

Наше появление подбодрило пехоту. Бойцы поднялись и под прикрытием тракторов кинулись было вперед, но тут «танки» начали буксовать и застревать в глубоком снегу.

Снова задержка. Оглядевшись по сторонам, замечаю, что слева от дороги финны, спрятавшись за каменный завал на опушке, обстреливают нас из автоматов.

Груды камней служили для них надежным укрытием. Несмотря на глубокий снег, я все же решил попытаться подойти к ним поближе. Вздымая фонтаны снега, тракторы двинулись

целиной. До белофиннов оставалось 75—100 метров. Мы ясно уже видели их.

Вражеские пули не могли пробить стенки тракторов. Это еще более бесило финнов. В бессильной ярости они попытались вывести из строя водителей и пулеметчиков.

Я бегал от трактора к трактору, приказывая пулеметчикам направлять огонь туда, где появлялись новые цели. Это было с моей стороны безрассудством, но другого способа управлять огнем в создавшейся обстановке у меня не было.

Замечаю, что наш огонь начал стихать. Нехватало патронов в пулеметных дисках. Вскоре они иссякли совсем. Пришлось отводить тракторы обратно. При отходе случилась неприятность. Наши «танки», завязнув в глубоком снегу, забуксовали и встали, как говорится, под носом у противника. Я зарылся в снег и приказал водителям и пулеметчикам прятаться за передней частью трактора.

Положение создалось препаршивое. Патроны кончились. Машины стоят. Оставалось только надеяться на личное оружие.

При выходе из кабины трактора боец Горшков был ранен в ногу, а затем и в плечо. Чтобы сдвинуть машины с места, нужно было очистить снег вокруг них, но огонь финнов не позволял нам пошевелиться. Спасти нас могла только помощь своих. Но как известить их?

К счастью, нас выручили довольно скоро. Начальник артиллерии стрелкового полка капитан Колосов, видевший наш бой с белофиннами, выкатил 76-миллиметровое орудие и прямой наводкой начал обстреливать каменную гряду у опушки леса, где засели белофинны.

Огонь Колосова отвлек внимание врага от тракторов, и мы успели окопать снег вокруг них. Снова радостно зарокотали моторы, и наши «танки» поползли к своим частям.

К исходу дня 8 марта остров Суонион-саари целиком стал советским.

Так скромные тягачи обеспечили победу пехоте и еще раз доказали, что в бою полезен всякий вид оружия, когда его умело применяют.

Посыльный

Родился я в 1911 году, в Приозерском районе, Архангельской области, в бедной крестьянской семье. Работал на лесозаготовках, гонял бревна и молевым сплавом, и на больших плотах. На коне хорошо ездил и на лыжах километров по пятьдесят ходил, на лодке и на бревнах проплывал по самой быстрине. Да и стрелять научился на охоте.

В Красной Армии я прослужил два года, потом демобилизовался. Снова пришел в воинскую часть незадолго до войны с белофиннами.

Попал я в батальон старшего лейтенанта Марчева связным.

В боях приходилось мне не раз под огнем противника пробираться к сражающимся подразделениям, чтобы передать им то или иное приказание командира. Часто белофинны охотились специально за мной, и меня спасало только умение быстро и скрытно ползать по снегу.

Когда мы подошли к линии Маннергейма, начались особенно сильные бои. Запомнилась мне одна, особенно яростная наша атака под Сепяля.

Было это рано утром. Лейтенант Овсянников со своей ротой пробился через проволоку. Связь с ней была потеряна, и мы не знали, двигается ли она вперед или стоит на месте. Командир батальона приказал мне установить связь с ротой Овсянникова.

Я знал, что ползти надо как можно быстрей. Чтобы одежда не стесняла движений, снял полушубок и, несмотря на жестокий мороз, пополз в одной гимнастерке. Расстояние-то было всего метров восемьдесят-сто, но роты не видно, потому что она вышла вперед, за кустарники и камни. Ползти было очень трудно и опасно. По каждой замеченной фигуре белофинны открывали пулеметный огонь. Я все-таки добрался до Овсянникова и передал ему приказ командира батальона: во что бы то ни стало двигаться вперед, а если нельзя двигаться, то сообщить, какие причины задерживают наступление.

Вскоре я уже возвращался обратно тем же путем и доложил командиру батальона, что у роты нет связи и два станковых пулемета выбыли из строя.

В этом бою лейтенант Овсянников был тяжело ранен. Я решил его спасти и снова пополз в расположение роты. Я нашел его уже перевязанным. Теперь следовало как можно быстрее отправить его в тыл. Мы с санитаром ползком вынесли из боя лейтенанта Овсянникова, положив его на носилки, сделанные из лыж. Это спасло ему жизнь...

Все вперед и вперед продвигались наши части. Батальон старшего лейтенанта Маричева неизменно шел первым.

Никогда не забуду дней, когда после труднейшего ледового похода мы перерезали шоссе, соединяющее Выборг с Хельсинки, и завершили окружение Выборга.

В Нисалахти белофинны пытались отрезать наши роты от штаба. В эту ночь командир отправил меня с пленным в штаб полка. До штаба было километров семь. Я сдал пленного и вернулся рано утром в батальон, когда люди находились на отдыхе. Лег спать, но сон был тревожным, и вскоре я проснулся. Смотрю — в штабе нет никого, кроме телефониста и нескольких красноармейцев.

— Где комбат? — спрашиваю.

— Ушел,— говорят.

Я забеспокоился, ведь всегда старался, чтобы всюду сопровождать его. Вышел из штаба, смотрю — он! Бежит что есть духу ко мне и кричит:

— Мамиов, финны идут!

Вид у него возбужденный, он только что подвергся нападению и убил нескольких врагов.

— Окружить нас пытаются, вот что!..

Я вернулся обратно в штаб, собрал гранаты, патроны. Вдвоем с комбатом побежали мы вперед и увидели большую группу белофиннов. Подпустили их ближе метров на двадцать пять-тридцать и открыли огонь из автоматов. Вдвоем рассеяли прорвавшуюся в тыл группу. Человек двенадцать было убито наповал, несколько ранено, остальные — кто бежал в занятый нами лес, кто удирал обратно.

У нас вышли все патроны, и мы возвратились в штаб. Комбат связался по телефону с ротами. Отдал боевой приказ, а сам, собрав всех находившихся в штабе, снова вернулся туда, где просачивались белофинны.

Из-за леса нас сразу обстреляли минами. Мина за миной начали падать возле нашего танка, который разворачивался на поляне. Здесь, у танка, меня ранило в ногу. Но я никому ничего не сказал, хотя крови потерял очень много: боялся в эти трудные часы оставить своего комбата без помощи и снова пошел с ним вперед.

И должно же было случиться так, что в тот же день он был тоже ранен. Под огнем вынес я из боя любимого комбата старшего лейтенанта Марнчева, спас жизнь командира, как велит устав Красной Армии.

Когда узнали о моем ранении, хотели отправить в полковой госпиталь, но я, перевязав рану, остался в строю и находился в батальоне до последних дней войны.

Новый командир сказал:

— Куда мне хромого?

Я ответил:

— Возможно, пригожусь.

И, хромая, выполнял его приказы.

Во время одного сильного боя стали иссякать запасы патронов у наших рот. А финны сплошной огневой завесой перерезали единственную дорогу из штаба к ротам.

Я пришел к командиру батальона и спросил:

— Можно мне подвезти патроны?

Он разрешил. Правда, страшновато было — никто не решался даже ходить по этой дороге, и вдруг я еду по ней на санях. И вот ведь проехал благополучно. Правда, сани были прострелены в нескольких местах.

С дороги свернул в лес, лошадь укрыл, лег на живот, стал разгружать повозку. Сделал несколько «рейсов» к ротам ползком. Потом осмелел — встал в полный рост и начал бегать взад и вперед, не обращая внимания на пули.

Бойцы стали помогать мне разгружать боеприпасы.

Все пулеметы были обеспечены патронами.

В последние дни войны, еще не вполне оправившись после ранения, я попросился в разведку. Мне удалось забраться на чердак одного дома, находившегося поблизости от белофинских позиций, и оттуда наблюдать в бинокль. Я обнаружил финский штаб, заметил, где сидели «кукушки». С одной такой «кукушкой» я завязал перестрелку и заставил ее замолчать.

Весь день я находился на своем наблюдательном пункте. Уже под вечер увидел, что к этому же дому пробираются пять финнов. Не знали, видимо, что место-то уж занято. Открыл огонь, и все пятеро полегли на снегу.

Вернувшись в батальон, я доложил обо всем командиру. К месту, где был финский штаб, я пошел вместе с танками. Там были взяты боеприпасы, два легких орудия и противотанковая пушка. Но финны, к сожалению, успели оттуда скрыться.

Герой Советского Союза капитан
В. МАРИЧЕВ

Третий батальон

С самого детства любил я военное дело и мечтал стать военным. Семья моя крестьянская. Кроме одной из сестер и старухи-матери, все мы, Маричевы, коммунисты: шесть членов партии и один кандидат.

Старший брат — участник гражданской войны, остальные братья тоже были на военной службе. В дни боев с белофиннами в Красной Армии служили четыре брата Маричевы.

Когда я перешел бывшую нашу государственную границу с Финляндией, было мне 23 года. Я имел звание старшего лейтенанта и командовал 3-м батальоном. Как и всем нашим командирам, за исключением старшего лейтенанта Пальчикова, имевшего уже боевой опыт, мне предстояло на снежных полях Карельского перешейка принять боевое крещение.

Эскарп у Терваполтт

Это было в первый день боев, на расстоянии четырех километров от границы.

Разведка доложила, что впереди обнаружена группа белофиннов, которая пошевеливается, но пока не стреляет. Я посмотрел в бинокль и увидел как бы отвесную стену и наверху ее проволочное заграждение в два-три кола. Кроме этого, видны были черные квадратики — амбразуры пулеметных огневых точек. Когда разведчики стали продвигаться дальше, белофинны открыли пулеметный огонь. Попробовали мы определить фланги эскарпа, но разведка доложила, что флангов не замечно. Я приказал поставить десять станковых пулеметов и бить по проволочным заграждениям и амбразурам. Правее пошла 7-я стрелковая рота, а я вместе с 8-й и 9-й ротами отполз несколько влево. Как только наши минометы и пулеметы открыли сильный огонь по врагу, мы с криками «Ура», «За Родину! За Сталина!» бросились вперед.

Белофинны встретили нас очень сильным огнем, но наши пулеметы вскоре заставили противника замолчать, и вот мы уже у эскарпа...

Высота эскарпа — 2,5, а в некоторых местах 3 метра. Прежде чем лезть на него, нужно было перерезать проволоку. На случай, если белофинны ползком подберутся к эскарпу, мы забросили бы наверх десятка два гранат. Потом я скомандовал:

— Становись друг на друга и режь проволоку.

По этой команде было устроено несколько живых лестниц: один боец вставал на четвереньки, на его спину взбирался второй и тоже становился на четвереньки, держась руками за колья, которые удерживали стену от осыпания, а третий влезал на него и резал проволоку. Когда перерезали все заграждения, двое сильных бойцов взобрались наверх. Чтобы скорее залезть туда всем, мы стали делать так: подбрасывали бойца, а там, наверху, наши силачи подхватывали его. Каждый стремился попасть на эскарп первым. Оказавшись уже там, боец ложился и, не дожидаясь остальных, сразу открывал огонь. На эскарпе накопилось около двадцати человек, и тогда все поползли вперед. Когда через эскарп перебралась целая рота, бросились в атаку.

Немного постреляв, белофинны бежали, бросив станковый пулемет, автомат, много патронов и гранаты, которыми они готовились забросать нас у эскарпа... Быстро взяв эскарп, мы дали возможность пройти танкам и артиллерии. Я поставил новую задачу разведке, и мы пошли на Тервапольтт.

Так произошло наше боевое крещение.

В тылу врага

До Пухтоловой горы пришлось брать четыре таких эскарпа. Все они были взорваны. Потери при этом были небольшие — несколько убитых и раненых. Когда батальон подошел к поселку Пухтола, командование полка приказало мне занять его.

Бойцы двигались все время быстрым маршем, не отдыхая, и сильно устали, проголодались. Кухни не успевали продвигаться за нами, а сухой паек за сутки кончился.

Была уже ночь. Справа, в направлении другого полка, горели какие-то населенные пункты. Слева был черный лес. Вся дорога до Пухтолы была завалена срубленными соснами, опутана колючей проволокой. Ширина завалов доходила до 500—700 метров. Их приходилось уничтожать, подрывать, растаскивать, чтобы дать возможность пройти артиллерии, обозам и танкам. Продвигаясь к поселку, мы оставляли позади группы, которые уничтожали препятствия.

Поселок Пухтола был занят после короткого боя.

Здесь бойцам было разрешено съесть консервы из неприкосновенного запаса.

Ночью 1 декабря я поставил батальон на отдых, выставив усиленное охранение. Поиски разведчиков продолжались. Вскоре получили приказ снова двигаться вперед.

Батальон построился, двинулись к Пухтоловой горе. Бойцы немного уже отдохнули и шли бодро, весело.

Следовало спешить. Командир полка майор Федоров приказал как можно скорей занять Пухтолову гору. Когда младший лейтенант Лисин докладывал мне об этом, пуля пробила его каску и оцарапала кожу на голове. Я сказал ему:

— Дорогой мой, здесь держитесь поосторожней, это не на тактических учениях,— голову нужно держать ниже!..

Первой пошла в атаку 9-я рота. Политрук Мельников и лейтенант Строилов на левом фланге первыми прорвались к эскарпу и начали метать гранаты.

Отлично действовали в этом бою также лейтенант Овсянников и политрук Богоявленский. Эти отважные люди тоже подбежали к эскарпу первыми, подавая пример своей роте.

До сих пор мы действовали тактикой «выталкивания». Как только дело доходило до «ура», белофинны тотчас же убегали. Пробежав километр или два, они садились за следующий эскарп и снова задерживали нас. Я решил во что бы то ни стало окружить отступающих.

Передав командование начальнику штаба батальона и точно указав время атаки, я с тридцатью бойцами пошел в обход.

Мы шли по колено в снегу. Ни на шаг не отставая от меня, шел рядом мой связной Мамнов. Уже выстрелов почти не было слышно. Мы ушли далеко в глубь белофинского расположения. Не видя никаких препятствий, я повел отряд направо и, ориентируясь по карте, определил, что нахожусь в створе со своим батальоном. Противник располагался между нами. До назначенного мною времени атаки оставалось 20 минут.

Неожиданно мы наткнулись на белофинские землянки, увидели свежие следы, которые вели в сторону, откуда должен был наступать наш батальон. Вышли на опушку леса. Впереди нас была поляна примерно в 75—90 метров ширины. Все тотчас по моему знаку легли и окопались. Прошло совсем немного времени, и вдалеке прозвучали крики «ура» — это мой батальон шел в атаку. Прошло еще немного времени, и небольшой белофинский отряд показался на опушке. Это были те, кто уцелел после схватки с батальоном. Они двигались на лыжах прямо на нас, не предчувствуя своей беды, не зная, что мы здесь лежим в засаде. Всех их — человек 15—16 — удалось положить на месте.

Райвола — Мустамяки

Когда мы подходили к селению Райвола, оно горело. 9-я рота под командой лейтенанта Строилова пошла в обход. Она достигла опушки леса и заняла высоту севернее станции. 2-й батальон нашего полка обошел противника с юга. Я находился с 8-й ротой, вступившей в селение. Со всех сторон, с крыш, из окон, на нас посыпался град пуль. Из леса финны били по нас из орудий и минометов. Они надеялись, после того как мы вступим в горящее селение, окружить нас и уничтожить. Наш обходный маневр свел их коварный план на-нет. К вечеру сопротивление финнов было сломлено. Бой затих. Я организовал оборону вокруг станции Райвола, выставил усиленные караулы и поставил батальон на отдых.

Рано утром «кукушки» снова начали обстреливать нас. Мы дали несколько артиллерийских залпов картечью по опушке леса, по отдельным домикам, и «кукушки» были сбиты. В это время пришел новый приказ, и батальон выступил на Мустамяки.

По пути нам попадались саночки, нагруженные кожаными пальто, а сверху были положены велосипеды, какие-то узлы с вещами, куски шелковой материи,— это все были заминированные «сюрпризы». Белофинны рассчитывали, что бойцы Красной Армии набросятся на эти «сюрпризы», но враг обманулся в своих расчетах. Впереди, вместе с разведкой, шли саперы, которые уже успели изучить козни противника. Они осторожно разглядывали каждую палочку, веточку, ниточку, попадавшуюся на полотне дороги или около нее. Обнаруженные и обезвреженные мины выбрасывались на обочину.

Попрежнему встречалось нам очень много завалов. Они тоже были заминированы. Для уничтожения завалов я организовал специальный отряд, состоявший из огневой группы и из группы по разграждению. Огневая группа, как только ей доносила разведка, что впереди имеется завал, тотчас же быстро выдвигалась и занимала оборону с круговым наблюдением. В это время саперы и группа по разграждению растаскивали минированный завал, освобождая путь для прохода танков, артиллерии и обоза.

К вечеру батальон подошел к станции, которая находится между селениями Райвола и Мустамяки. Разведка донесла, что мост через реку взорван, впереди большая минированная поляна, и финны ведут огонь издалека.

Ночь была лунная. На небе ни одной тучки. На расстоянии до одного километра видимость прекрасная. Пришлось остановить батальон в лесу, а самому выбраться вперед, чтобы проверить донесение разведки. Осматривая в бинокль взорванный мост, я попал под огонь неприятельских автоматов и минометов.

Доложил обстановку командиру полка майору Федорову. Он придал мне роту сапер с переправочными средствами и приказал подготовиться за ночь к переправе, но до утра не переправляться ни в коем случае.

Бойцы ползком двинулись к реке. От опушки леса до моста было не меньше километра. Спуск к берегу был крутой. Саперы волоком тащили козлы и загладили дорогу до того, что она стала скользкой. Тогда они стали делать так: каждый садится на пару козел и скользит на них по дороге, пока не упрется в снег, как на санках. Работа ускорилась, хотя враг и не прекращал огня. Крутые берега затрудняли финнам обстрел места, намеченного для переправы. Чтобы обеспечить наводку моста, я выдвинул в боевое охранение два взвода — один левее, другой правее. Они перекрестным огнем не давали возможности врагу подойти к переправе.

Утром, когда солнце стало всходить, я пустил батальон вперед. Как только он рассеялся по поляне и бойцы стали стекаться к наведенному мосту, белофинны побросали свои гнезда и побежали. Пулеметчики открыли по ним огонь. Река здесь еще не была покрыта льдом, вода бежала очень быстро, грозила то и дело сорвать и унести мост. Некоторые бойцы, несмотря на сильный мороз, влезали по колено в воду и удерживали переправу кольями. Торопясь на тот берег, кое-кто срывался с моста, падал в воду и, выскочив из нее, продолжал бежать вперед еще быстрее, хотя обледеневшая одежда затрудняла движение.

До Мустямяки от переправы оставалось около шести километров. Неожиданно моя разведка нарвалась на мину. Тут произошел удивительный случай. Один младший командир был отброшен взорвавшейся миной метров на пять, и на нем не оказалось ни единой царапины! Его только обожгло и контузило. Он потерял сознание, но когда его повезли в тыл, сразу пришел в себя и спросил:

— Куда меня везете?

— Везем в госпиталь, лечить.

— Я не пойду,— сказал он и побежал вдогонку за своей ротой.

Разведка снова донесла, что впереди минированное поле. Я решил, что при таких условиях двигаться прямо в лоб на Мустямяки нельзя, нужно сделать обходный маневр.

На карте значилось, что вправо от меня к станции Мустямяки тянется непроходимое болото. Мороз еще был не так силен, чтобы все это болото успело замерзнуть. Но надо было рискнуть. Я приказал бойцам нагрузить на себя все патроны, все пулеметы и минометы. Обозу, артиллерии и танкам приказано было оставаться на месте, пока пехота неожиданным ударом с тыла не захватит Мустямяки.

Когда мы вошли в болото, оказалось, что вода здесь ниже колена. Но чем дальше мы шли, тем выше поднималась вода. Командиры двигались впереди. Итти становилось все труднее. Каждый боец тащил на себе большой груз. Красноармеец Лапин нес станок весом в четыре пуда. Весь путь, почти восемь

Герой Советского Союза
капитан В. Маричев

километров, за Лапиным следом шел его второй номер и вежливо просил:

— Иван Никитич, разрешите, я пронесу. Дайте мне хоть немножечко пронести.

Лапин отвечал:

— Только когда я упаду, ты понесешь.

Я сделал маленький привал, собрал всех командиров и сказал, что надо очень внимательно следить, как бы кто-нибудь не отстал и не погиб в этом болоте.

Уже смеркалось, когда батальон начал выходить на твердую почву. Бойцы сразу же стали падать на снег от усталости.

Я решил, что людям нужно дать перед боем отдохнуть хотя бы часок, и обеспечил охрану отдыха батальона.

Спустя час, командиры будили спящих. К этому времени я дал уже каждой роте свое направление. К вечеру наш батальон ворвался на станцию Мустамяки.

Белофинны ожидали нас с другой стороны. Никто из них не подумал, что мы можем преодолеть непроходимое болото. Увидев нас, они пришли в панику и устремились в лес.

Большинство строений станции Мустамяки осталось цело, хотя противник уже подготовил для поджигания бутылки с бензином, спички, солому.

Я организовал охрану и стал связываться со своим полком.

Прорыв

Из Мустамяки мы шли вперед, все дальше в глубь Карельского перешейка. Мы заняли Кантель-ярви, Лоунатиоки, Пэркярви, Бобошино и многие другие селения и станции. Большие и успешные бои мы вели под Ойналой.

В районе Сеппяля мы заняли построенные противником траншеи, основательно укрепили их и начали учить бойцов тактике действий в укрепленном районе, который нам предстояло штурмовать в ближайшее время.

Настали сильные морозы, они доходили до 50 градусов. Порой трудно было дышать, но учеба непрерывно продолжалась. Командиры все время учили бойцов, как надо брать доты, как блокировать их, как действовать разведке, как растаскивать завалы с минами. Проводились занятия по метанию гранат. Строили специальные искусственные укрепления из снега и учили брать их.

В дни прорыва линии Маннергейма мой батальон должен был демонстративным наступлением отвлечь внимание врага от того места, где ему наносился смертельный удар. Рано утром 11 февраля батальон вступил в бой. Когда мы пошли в атаку, белофинны открыли уничтожающий огонь из всех своих пулеметных и артиллерийских точек. Обойти противника, забраться ему в тыл здесь местность не позволяла. Приходилось итти прямо в лоб. Танки, которые сперва прошли вперед, наткнулись на минированное поле, потом на надолбы и были возвращены на исходную позицию.

Под несмолкающим огнем врага поле разминировали, стали подрывать надолбы, делать проходы для танков. Артиллеристы, с трудом протаскивая свои орудия между деревьями по кочкам и оврагам, выкатывали их на опушку леса и отсюда били по дотам прямой наводкой.

Как только взорвали надолбы и проход был готов, танки ринулись вперед. Белофинны опять открыли ураганный огонь, стараясь отсечь от танков двинувшуюся вслед за ними пехоту.

Местность была настолько выгодной для врага, что он видел нас всюду. Но нас поддерживала артиллерия, и мы ползком пробирались вперед, непрерывно ведя пулеметный огонь.

К вечеру батальон был уже у самого проволочного заграж-

дения, а ночью Строилов, Путевец и Овсянников наладили резку проволоки. Утром был дан приказ продвигаться дальше, не ослаблять темпа атаки. И опять пополз батальон.

Вот уже вторая полоса проволочных заграждений. Резать их в светлое время под ураганным пулеметным огнем не было никакой возможности. От полудня ждали, пока стемнеет. Ночь была лунная, но все же к утру проволоку перерезали. Танки снова пошли вперед и снова попали на минное поле, встретили большой вал и эскарпы. Пришлось решать все живой силой.

Преодолевая невероятные трудности, бойцы моего батальона ползли к главным вражеским укреплениям. Артиллерия поддерживала нас, и все-таки были часы, когда мы продвигались вперед всего на несколько метров. В этом бою был убит незабвенный политрук Константин Мельников, тяжело ранен храбрец-лейтенант Овсянников, тяжело контужен лейтенант Строилов, убит командир разведчиков Давыдов...

* * *

За доблесть, проявленную в бою под Сеппяля, звание Героя Советского Союза получил лейтенант Распопин.

Ему, как командиру стрелкового взвода, было приказано с помощью сапер блокировать дот противника. Едва пробравшись за линию проволочных заграждений, он поднялся, чтобы сделать бросок вперед, и в этот момент был ранен пулей в руку. Он разрезал рукав шинели, сам перевязал рану и скомандовал:

— Взвод, за мной!

Бойцы рванулись за ним. Вторая пуля ранила Распопина в ногу.

— Опять зацепила,— сказал Распопин. Он разрезал брюки, опять сделал перевязку и снова подал команду:

— Взвод, за мной!

Пробежали несколько метров, и его ранила третья пуля.

— Некогда перевязывать,— сказал лейтенант и пополз вперед.

Четвертая пуля нанесла ему тяжелое ранение в голову. Распопин потерял сознание.

Бойцы спасли своего героического командира из-под огня. Он тогда истекал кровью, но сейчас уже вполне здоров и снова находится в рядах нашей орденоносной дивизии.

Удар на материк

123-я дивизия закрепила свой славный успех, и на нашем направлении белофинны, боясь окружения, стали отступать. Многое сохранилось у меня в памяти о тех славных днях, когда части Красной Армии шли вперед: и бои за полуостров Кой-

висто, и захват островов, и ледовый поход. Сейчас я хочу рассказать только о нашем успешном ударе на материк.

Все преимущества были на стороне белофиннов. Они сидели на материке в дотах, дзотах, замаскированных в лесу, а наши бойцы шли по голому льду, не имея возможности замаскироваться.

Я запомнил слова командира дивизии тов. Кирпоноса:

— Ни в коем случае не ложиться на лед. Залечь на льду — значит обречь себя на расстрел. Во что бы то ни стало выбираться на материк и бить врага на материке!

Этот боевой приказ был доведен до каждого бойца батальона.

В 4 часа утра батальон вступил в бой. Справа горел Выборг. Огромное пламя пожаров освещало Финский залив.

Я принял решение наступать узким фронтом, потому что чем уже фронт, тем меньше огневых точек врага будет бить по батальону. Я учитывал, что каждая огневая точка имеет свой сектор обстрела и пока противник успеет перенести огонь, батальон уже сможет зацепиться за берег.

Первым эшелоном пошла на материк рота старшего лейтенанта Путевца. Путевец бежал впереди, отсчитывая метр за метром. Под пулеметным огнем бойцы кричали друг другу:

— Бегом вперед, не ложись, они расстреляют на льду!

И вот уже совсем близко берег. Еще один рывок, и Путевец первым врывается на материк. Белофинские окопы всего в 20—30 метрах от берега. Стали разрываться ручные гранаты, застрочили наши пулеметы.

Связисты самоотверженно тянули линию за наступавшей 7-й ротой.

— Путевец? — спросил я, узнав донесшийся издалека по проводу знакомый голос.

— Зацепился за берег, — ответил Путевец. — Передние бойцы только что отбили у белофиннов пулемет...

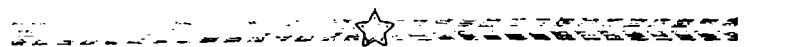
Я сразу бросил вперед 8-ю роту.

Так был начат удар на материк, завершивший окружение Выборга.

НА
ВЫБОРГ

Капитан

А. МАКАРОВ

Разгром финской танковой группы

Железобетонные укрепления противника на высоте 65,5 взяты,— и вот уже четырнадцать дней наш стрелковый полк гонит отступающих белофиннов. Четырнадцать дней неимоверного напряжения, ожесточенных боев и схваток. Полк вырвался далеко вперед, перерезал коммуникации противника.

По дороге, пробитой нами сквозь толщу вражеской обороны, двигались наши дивизии, нанося сокрушительные удары вправо и влево. Фланги врага оказались под угрозой.

Белофинны применяли все средства, чтобы смять и раздавить наш полк или хотя бы на время сдержать его движение вперед. На нашем пути возникали различные препятствия: минные и фугасные поля, засады, проволока под током высокого напряжения, надолбы.

На подступах к станции Кямяря нас встретили финские самолеты: два бомбардировщика. Но они успели сбросить всего лишь по бомбе и упали, подбитые советскими «ястребками». На самой станции нас поджидали танки.

Утром 25 февраля, на четырнадцатый день после прорыва, мы остановились в небольшой деревушке Няюкки, близ полустанка Хонканнеми. Командир дивизии приказал нам привести в порядок свои подразделения. Стали мы проверять наши боевые ряды. Нужны пополнение, отдых. Приглядываюсь к бойцам: лица светятся задором, решимостью продолжать наступление, твердым желанием посчитаться с врагами за смерть своих боевых товарищей.

— Устали, товарищи? Отдохнуть хотите?..

— Придет время — отдохнем, товарищ капитан. Зверя надо бить по горячему следу. Не то опять в норы заползет.

— Значит, будем драться?

— До полного разгрома белофиннов, товарищ капитан!

С начальником штаба батальона лейтенантом Пестриковым обхожу все подразделения. Настроение бойцов всюду одно и то же: продолжать наступление. Всюду бойцы делятся воспоминаниями о пережитом.

— В роще «Фигурная», — говорит один, — блокировали мы дерево-земляное укрепление, а в нем группа финнов. «Сдавайтесь, — кричим, — в плен, собаки». Ну, а они постреливают. Зло нас вконец взяло. Подложили взрывчатки. Вдребезги разнесло...

— В траншеях их было наворочено, как дров, — замечает другой.

— А еще хвастались...

— Хвастались, пока в дотах сидели...

Разговаривая, бойцы чистят винтовки, пулеметы. Другие моются, переодеваются, кипятят чай, разогревают консервы. От кухни идет запах обеда. Солнце мирное, золотое, стоит высоко в небе. Только отблески пожаров да отдаленный гул орудий напоминают о войне.

Вскоре меня вызвали в штаб полка. Там уже собрались командиры подразделений. Майор Рослый внимательно приглядывается к каждому, на столе перед ним карта. Ясно, — будем продолжать наступление! В груди сразу становится теплее.

— Выборг, товарищи, близко, — говорит майор Рослый.— В полукилометре перед нами полустанок Хонканиеми, в четырех километрах за Хонканиеми — станция Сяйнис, а там и Выборг рукой подать...

Майор с минуту молчит. Большие острые глаза его загораются:

— На нас смотрит Москва, товарищи. Были первыми — остаемся первыми. Что скажете на это?

— Ответ один, товарищ командир полка: наступать!

Все мы доложили о готовности подразделений продолжать наступление.

Майор Рослый пригласил нас к карте. Боевая задача: занять полустанок и поселок Хонканиеми. 1-й батальон наступает вдоль линии железной дороги и овладевает северо-западной окраиной поселка, затем выходит на поляну по ту сторону поселка. 2-й батальон овладевает юго-западной окраиной. 3-й наступает за 2-м. К выполнению боевой задачи приступить немедленно...

Началась артиллерийская подготовка. Под прикрытием артиллерийского огня батальоны заняли исходное положение. Снаряды рвутся совсем близко — в 200—300 метрах, вздымая столбы земли и огня. Трещат, рушатся передние домишки.

Сзади что-то ухнуло — один раз, второй, третий. Это метрах в четырехстах от нас рвутся вражеские снаряды. Но вот в воздухе слышится шум моторов. С каждым мгновением он становится все сильнее и сильнее — идут наши бомбардировщики. Шум моторов слышен и на земле: на помощь нам двигаются

танки. Сотрясающие землю разрывы авиабомб — и артиллерия противника смолкает. Наши батареи переносят огонь в глубину обороны, а с командного пункта полка подается сигнал: «Вперед!»

2-й батальон вслед за танками врывается на юго-западную окраину поселка. Перед 1-м батальоном открытая поляна. Она простреливается губительным пулеметным и минометным огнем. Предлагаю артиллеристам подавить огневые точки врага.

Командир дивизиона, старший лейтенант Крючков направляется в передовую роту, откуда он управляет огнем. Снаряды со свистом обрушиваются на бетонные фундаменты домов, на небольшие блиндажи из мешков с песком.

— Путь свободен,— докладывает тов. Крючков через короткое время.

Батальон броском преодолевает поляну. Бой завязывается на улицах поселка. Пехоте помогают танки. Финны бегут.

Убегая, враг поджигает поселок. Однако ему не удается подорвать склад с боевым имуществом. Это наши трофеи.

Вышли на поляну северо-западнее поселка: боевая задача выполнена...

Короток зимний день. Дрались, кажется, недолго, а на землю уже ложатся темные тени сумерек. В поселке горят дома. Впереди, за поляной — лес. Когда совсем стемнеет, в отблесках пожара мы будем удобной мишенью для врага.

Подходит командир танковой бригады тов. Баранов. Спрашивает:

— Что думаете, комбат, делать дальше?

— Думаю занять лес. Здесь оставаться нельзя.

— Сажайте людей на танки, перевезу.

Решение принято. Двигаемся в лес. Впереди работают саперы, вылавливая мины и подрывая фугасы. За ними идут танки, на танках — пехота. Лес молчит, но все настороженны. Враг не таков, чтобы оставить без боя лес.

И словно подтверждая наши предположения, в гул моторов вплетаются пулеметные очереди. Финские пулеметы бьют справа и слева. Бойцы мгновенно соскакивают с танков, развертываются, открывают огонь. Бьют по противнику и танкисты. Враг умолкает.

Прощупываем лес. Он невелик. За лесом глубокий овраг и поляна, справа железнодорожное полотно, слева болотистая низина. Организую круговую оборону: первая рота — на опушке леса перед оврагом, вторая — по линии железной дороги, третья — слева, на скате в низину. Приданная мне танковая рота капитана Архипова располагается у оставленной финнами землянки. Невдалеке устанавливаю батарею противотанковой артиллерии. Командный пункт — в землянке. Близ нее в кро-

хотной бане разместились связисты. Они уже восстанавливают связь с полком и соседями.

В расположении батальона встречаю командира полка. Докладываю об обстановке, о принятых мерах. Осматриваем оборону, проверяем посты. Расстаемся.

Ужинаю в землянке вместе с капитаном Архиповым. Командир танкистов — мой давний знакомый. Ворчим на белофиннов, на их волчьи уловки, западни, надолбы и мины.

— Знаете что,— говорит вдруг капитан Архипов.— А вам не кажется подозрительным, что финны что-то больно поспешно оставили Хонканиеми.

— Ваших гостинцев, должно быть, отведать не захотели,— шучу я.

— Да нет, вы без шуток, — настаивает на своем Архипов.— Поселок они почти без боя отдали. Смотрите-ка, не с умыслом ли? По-дружески сказать: жди пакости...

Ночь прошла спокойно. Уже разливался между стволами сосняка холодный рассвет. Батальон поднялся, люди наскоро умываются.

У командного пункта встречаю Архипова. Он просит разрешения отправить танки для заправки к штабу полка.

— Что ж, надо вам попоить своих лошадок. Да возвращайтесь поживее, а то, может быть, ваша помощь и в самом деле понадобится.

Некоторое время слышится грохот отъезжающих танков. Вот он смолкает. Полная тишина. По вершинам деревьев скользят первые солнечные лучи.

Захожу в землянку. Там шумно: писаря, посыльные. Сажусь завтракать. И вдруг передо мной вырастает запыхавшийся боец:

— Товарищ капитан, финские танки подходят к нашим подразделениям. Два танка прорвали правый фланг, один движется сюда, к командному пункту.

Вот оно что! Финские танки, а за танками, значит, и пехота. Финны решились контратаковать.

Немедленно выясняю обстановку. Семь танков. Движутся веером, в обхват батальона. По лесу уже отдаются очереди пулеметов. Батальон принимает бой. Звоню командиру полка. В землянке только я, начальник штаба батальона Пестриков да посыльные. Все другие — в боевом охранении командного пункта.

Бой начался так. Первый из двух вражеских танков, прорвавшихся в глубь нашей обороны, сначала обстрелял домики за поляной, затем, резко развернувшись, ударил двумя очередями по станковому пулемету Овсянникова, укрывавшегося за камнем. Другой танк направился к командному пункту. Пулеметчик Овсянников остался жив, но пулемет был выведен из

строя: погнулась крышка короба. А вблизи перед ротой, на искрящейся пелене снега за полотном дороги, уже мелькали белые халаты финнов. Их много. Рота, две...

— Выручал, «Максим», до этого, выручай и сейчас,— шепчет Овсянников и ловкими ударами камня кое-как исправляет крышку короба.

Пулемет заговорил. С десяток финнов, неуклюже вскинув руки, роняя автоматы и винтовки, упало навзничь. Другие залегли. Началась перестрелка.

Стрельба особенно разгорелась на левом фланге роты — там, где не было пулемета. Овсянников рывком туда. И как раз во-время: финны бросились в атаку.

— А ну, «Максим», ну, милый...— шепчет Овсянников, и жестокий свинцовый ливень хлещет по врагам в упор. Финны падают, стонут, кричат.

На 1-ю и 3-ю роты наседают пять танков. Из леса за оврагом начинает бить финская артиллерия. Тоже хотят, должно быть, устроить огневой вал. Жидковато — нечем похвастать.

Позади в это время раздается оглушительный взрыв. Подбитый нашими артиллеристами, один из прорвавшихся танков остановился. К нему подскочили с гранатами бойцы 3-й роты. Финские горе-танкисты, пытаясь ориентироваться, открывают верхний люк. Тут-то их и настигают гранаты.

Так было покончено с первым из вражеских танков.

Второй танк пробрался к командному пункту батальона. Метрах в десяти он вдруг закачался, будто приподнятый с земли могучей рукой. Туда-сюда — ни вперед, ни назад. Оказалось, наскочил на пень, не может съехать с места. Но башня у него ворочается, сидящим в землянке грозит гибель...

Выручает непредвиденное обстоятельство. Пущенный ловко нашими артиллеристами снаряд валит стоящую возле танка толстую сосну. Сосна, падая, ударяет о ствол пушки, направленный на землянку, и отводит его в сторону. Сосна так и осталась на башне, и, сколько танкист ни старался сбросить ее, ничего у него не получилось.

Один из финнов, находившихся в танке, открывает люк и стреляет из автомата. Его подсекает из винтовки командир взвода лейтенант Шабанов. Двое других финнов-танкистов стремятся выскочить. Но возле танка уже бойцы-минометчики из подразделения тов. Рубенко. Финны пытаются защищаться. Один падает, сраженный пулей, другого бойцы вежливенько волокут за шиворот к командному пункту.

Так было покончено со вторым вражеским танком.

Другие пять финских танков, взвихривая снег, ринулись на нас. Но на помощь стрелкам подоспел Архипов со своими боевыми друзьями Старковым и Калабуховым. Грозный, тяжелый танк Архипова, вырвавшись из леса, миновал ров, выско-

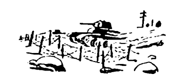
чил на поляну и стремительно бросился на врага. Против него было три вражеских танка. Старков и Калабухов ударили па фланговые машины.

В это время в воздухе появились советские «ястребки». По звеньям они с бреющего полета окатили финскую пехоту свинцовым градом. Белые халаты закувыркались на искрящемся снегу. Самолеты, развернувшись и набрав высоту, вновь полоснули финнов свинцом.

С победным «ура» устремилась на врагов наша пехота. Финны удирали. Не все — половина. Другая половина осталась неподвижно лежать в снегу.

А их танки? Танки тоже пустились было наутек, но одного метким выстрелом подшиб Калабухов, другого — Старков, а отважный экипаж капитана Архипова справился с тремя вражескими танками. Так были уничтожены все атаковавшие нас финские танки.

В тот же день полк вошел в Сяйние.

Разгром белофинского полка

После упорных боев части 123-й стрелковой дивизии заняли фронт Пиенперо — высота 48 — Селяимяки. Ближайшая задача дивизии заключалась в том, чтобы сбить противника с его позиции у Хепонотка — Юккола — Хонканиеми и перейти затем в наступление на Выборг.

Наша танковая бригада поддерживала действия дивизии.

Утром 26 февраля меня, как начальника штаба батальона, вызвали вместе с командиром батальона в штаб бригады и приказали отправиться на высоту 48 к командиру стрелкового полка. Мы срочно выехали туда на танке.

Командир стрелкового полка поставил перед нами задачу: выделить роту танков для наступления с пехотой и захвата деревни Юккола.

Сведения о противнике были весьма скудные. Предполагалось, что финны, численностью около полка, занимают станцию Хонканиеми, а около полка пехоты с артиллерией расположилось в районе Хепонотка. Нам надлежало выйти в стык этих двух финских полков и угрожать их флангам. Руководить этой операцией приказали мне.

Обстановка была неясная. Легче всего, казалось, наступать южнее высоты 48, вдоль железной дороги Пиенмяки — Хонканиеми. Но, поразмыслив, мы избрали прямой путь — по густому хвойному лесу с глубоким снегом, т. е. такой, на котором враг меньше всего мог ожидать нас.

Это был действительно сложный и трудный путь, но зато и самый надежный, потому что в густом лесу мы были гарантированы от мин, фугасов и противотанковых орудий.

В голове отряда шел наш лучший танк. Остальные вытянулись в кильватерную колонну. Рота пехоты старшего лейтенанта Кушеля двигалась непосредственно за танками и около танков. Несмотря на глубокий снег, густой лес и валуны, наши прекрасные машины своими огромными гусеницами подминали под себя деревья, как бурьян, уверенно прокладывая путь себе и пехоте.

Едва мы прошли с полкилометра, как враг начал нас обстреливать из автоматов. Пехотинцы стали жаться к танкам, укрываясь за их стальными корпусами.

Враг пытался, видимо, задержать нас ружейным и пулеметным огнем. Финская артиллерия не стреляла — ей было трудно угадывать местонахождение танков, которых в лесу не было видно.

И мы тоже не видели врага. Всматриваясь, откуда ведется огонь по нашей пехоте, передние танки поворачивались туда и обрушивали на врага пулеметный шквал.

Так мы прошли еще километр. Лес поредел, появились небольшие полянки. Но снег стал еще глубже. Показались колючая проволока, небольшие окопчики белофиннов. Противник усилил огонь.

Танки развернулись на поляне в боевой порядок, а пехотинцы залегли в глубокие колеи, проделанные гусеницами в снегу. Танкисты осторожно продвигались вперед, наблюдая за действиями пехоты.

Помню такой момент. В перископ я заметил, что метрах в ста пятидесяти от меня финн в белом халате мечется из стороны в сторону. То упадет, то перебежит. Не успел я предупредить своего пулеметчика, как финн, точно белка, полез на густую ель. Только снег с верхушки дерева посыпался. Я уже не упускаю финна из виду. С перепугу, думаю, прячется на дереве. Но смотрю — взобравшись вверх метров на тридцать, финн начал стрелять из автомата.

Я приказал водителю двигаться прямо на это дерево. Машина пошла на полном газу и лобовой частью ударила в ель, на которой сидел враг. От сильного удара дерево разломилось на три части: слетела верхушка, потом середина дерева, нижняя часть ели была вывороченa с корнем. Белофинн попал под гусеницы танка...

Глядя на карту, я подсчитал, что до Юкколы оставалось всего 700—800 метров. Но перед деревней должна была проходить дорога, а ее не видно. Может быть, танки сбились в лесу с пути?..

Вот показались проволочные заграждения. Танки остановились и с места открыли сильный пулеметный и орудийный огонь. Из-за шума моторов трудно было разобрать, стреляет противник или нет.

Передаю по радио: «Огонь прекратить». А сам открываю верхний люк танка и прислушиваюсь. Далеко-далеко слышались редкие выстрелы. Надо было точнее выяснить обстановку.

Быстро выскочив из танка, я позвал к себе нескольких бойцов, младших командиров и командира пехотной группы старшего лейтенанта Кушеля. Танки остановились, заглушив моторы. Пехотинцы лежали в снегу, за валунами.

Ни одного выстрела. В лесу — полная тишина.

Мы осмотрелись: местность слегка повышалась, впереди лес становился реже. Ничего подозрительного.

Тут от головного танка прибежал командир и сообщил, что метров на восемьдесят-сто впереди стоит в лесу домик. Может быть, это окраина Юкколы? Вряд ли. За 500—600 метров от Юкколы мы должны были пересечь дорогу, но не нашли ее.

Герой Советского Союза
капитан С. Николенко

Что было делать? Наступавший вечер сулил мало приятного. Темнота опасна всевозможными неожиданностями, особенно здесь, в лесу. К тому же бензин у нас был на исходе, да и снарядов оставалось немного — от шести до десяти штук на танк.

Рассчитывая, что вблизи должна все же проходить дорога, я приказал нескольким танкам со взводом пехотинцев быстро проскочить вперед метров на триста, закрепиться, остановившись левее домика, и разведать местность.

Лишь только танки тронулись с места, как мы увидели шесть финнов, поспешно удиравших вправо. Наши головные танки уничтожили бегущих пулеметным огнем, а сами устремились по указанному им курсу. Но пройдя 300 метров, они остановились:

слева показались какие-то подозрительные бугорки, густо занесенные снегом. Пехота перебежками двинулась к ним. Я тоже выскочил из танка и пошел за пехотинцами, держа наган в руке. Вскоре перед нами открылись финские траншеи и окопы. Мы увидели брошенные вещевые мешки, рассыпанные по снегу патроны, несколько винтовок.

Подозрительные бугорки оказались землянками-блиндажами. Мы осторожно зашли в один блиндаж и обнаружили двух тяжело раненых белофиннов. В другой землянке стояла пара откормленных офицерских лошадей...

Ко мне подбежал боец-пехотинец.

— Товарищ командир,— доложил он,— видите, там бугорок снежный? Это землянка. Я к ней подошел, вижу — дымок идет из трубы. Подслушал — там разговаривают внутри...

Я тоже подошел ближе и увидел несколько таких бугорков-землянок. Теперь я понял, почему ни один из финнов не стрелял, когда минут тридцать назад мы совещались, находясь в 200 метрах от их расположения. Замаскировавшись в блиндажах, покрытых снегом, они задумали обмануть нас: оставили пустыми свои передние землянки и траншеи и решили пропустить нас вперед, а потом, используя ночную темноту, окружить и уничтожить. Но это им не удалось!

Я взял взвод пехоты и двинулся к землянкам. У одной землянки прислушался — кто-то там двигается. Я приказываю пехотинцам развернуться попарно и заблокировать выходы из блиндажа, а станковые пулеметы держать на флангах, чтобы отразить возможную контратаку.

Танки развернули башни в сторону фронта и флангов, чтобы при первом появлении финнов открыть уничтожающий огонь.

Белофинны притаились в блиндажах. Видимо, они недоумевали: почему мы не продвигаемся дальше.

Мы же в это время действовали. Пехотинцы ударили бревном в двери первого блиндажа — дверь раскрылась. Я бросил в блиндаж гранату. Взрывом ее часть финнов была убита, остальные — человек одиннадцать — вышли с поднятыми руками. Бойцы окружили их и обезоружили.

Мы направились ко второй землянке. Не успели, однако, подойти к ней, как невидимая финская батарея откуда-то с северо-востока ударила по нашему району.

Целый день не было артиллерийского огня, а тут вдруг — внезапный дальний огонь и прямо по району блиндажей!

Я глянул на землю. Ноги путались в каких-то проводах. Они шли от блиндажей в сторону фронта. Вот она — связь! Я стал рвать провода. После этого артиллерийский огонь вскоре прекратился.

Я скомандовал:

— Из землянок никого не выпускать!

Из крайней землянки попытались выскочить. Находясь рядом с ней, я открыл огонь из пистолета. Один финн упал в снег. Я подошел ближе. Он казался убитым, но в руке его я заметил нож и вновь выстрелил. Финн перевернулся и замахал ножом в предсмертных судорогах.

Мы побежали к другим землянкам. Они были блокированы нашими бойцами. Бойцы бросали гранаты в печные трубы, а при попытке финнов выскочить из блиндажей бросали гранаты в двери, стреляли из винтовок. Так мы уничтожили еще шесть землянок, а в седьмой взяли в плен семерых финнов.

Покончив с землянками, мы организовали круговое охранение: в отрыве от своих надо было соблюдать особую осторожность.

Я написал короткое донесение в штаб:

«Достиг юго-восточной окраины с. Юккола. На пути встретил финскую группировку пехоты. Разгромил ее, закрепился, выставил охранение. Прошу выслать подкрепление, боеприпасы и горючее». Все это я написал условным кодом.

Ночью разведка белофиннов дважды пыталась приблизиться к нам, но каждый раз получала отпор. Потеряв двух убитыми, финны отошли и больше не появлялись.

Всю ночь я проверял караулы. Бойцы были сильно утомлены переходом. Но я строго предупреждал часовых:

«Смотрите в оба! Заснете — сами пропадете и товарищей погубите!»

Ни один часовой не сомкнул за ночь глаз...

Донесение было во-время доставлено в штаб. Утром к нам подошла свежая рота танков и батальон пехоты для дальнейшего наступления.

Пленных доставили в штаб. Допрос их дал ценные сведения. Как выяснилось, в эту ночь (на 27 февраля) нами были разгромлены остатки пехотного полка белофиннов. Искусно замаскированный в глухом лесу, уже потрепанный в предыдущих боях, этот полк имел задание — пропустить вперед наши части, наступавшие на Хепонотка — Юккола — Хонканиеми, и затем внезапным налетом ударить в тыл.

Утром мы увидели результаты ночного боя. У землянок валялось около полусотни замерзших трупов. Шесть землянок было разгромлено, в каждой из них лежало по 40—50 финнов. Всего было уничтожено 350—400 человек.

Нам досталось много трофеев: десятки автоматов и пулеметов, десятки тысяч патронов, сотни винтовок, разное имущество. В штабной землянке были найдены документы штаба и полковая печать.

Наши потери были ничтожны: всего один раненый. Таким образом, разгром вражеского гнезда совершили одна рота красноармейцев и пять танков.

Мы шли к подступам Выборга.

☆

Батальонный комиссар
М. КОПАЛОВ

Глубокий рейд

В конце февраля нашему полку, усиленному батальоном танков, было приказано провести рейд на 15—17 километров в глубь расположения войск противника. Цель рейда — перерезать железную дорогу, внезапной атакой взять станцию Перо, перехватить Выборгское шоссе и железную дорогу Сердоболь — Выборг.

Послали в ночную разведку танковый взвод вместе с разведывательным взводом нашего полка. Обследовав подступы к станции Перо, они установили, что две дороги, ведущие туда, минированы, а станцию противник превратил в опорный пункт: там имеется несколько рот пехоты, батарея противотанковых пушек и танки. По сторонам дороги воздвигнуты блиндажи и дерево-земляные огневые точки. Участки полян между дорогами и густыми массивами леса опутаны колючей проволокой.

Командир полка майор Соколов выделил отряд в 250 человек, собрал начальствующий состав и каждому поставил конкретную задачу. Он приказал обеспечить бойцов максимальным количеством боеприпасов и продовольствием на два дня, дать на каждую группу бойцов, сидящих на танке, один ручной пулемет и винтовку с оптическим прицелом.

Подошел танковый батальон тов. Макарова, и бойцы быстро разместились на сухопутных броненосцах. До этого нашему полку еще не приходилось действовать совместно с такими мощными танками.

Командиры разъяснили, что надо делать пехотинцам при огне противника, как организовать наблюдение за белофиннами, которые, забравшись на деревья, могут забросать проезжающие мимо танки бутылками с горючим веществом.

Я находился на первом танке, где поместился также инструктор Политуправления армии тов. Ермолин, вооруженный ручным пулеметом. Наш танк вел Герой Советского Союза тов. Комлев.

В 15 часов 29 февраля отряд двинулся по снежной целине. Бойцы были воодушевлены. Всем хотелось скорее вступить в

бой, потому что два дня перед этим мы гнали белофиннов, но ни разу как следует не столкнулись с ними.

Вступаем в лес. Тов. Комлев ведет колонну снежной целиной, в обход минированных дорог. Делая повороты и зигзаги, он снова выходит на заданный курс. Уже остались позади минированные дороги и блиндажи белофиннов. Начали раздаваться отдельные выстрелы пехотинцев по убегавшим на лыжах передовым постам противника...

Показался просвет, стали видны станционные постройки. Три передних танка, ускоряя ход, врываются на станцию Перо.

Наш внезапный налет вызвал среди белофиннов страшную панику. Большинство ударилось в бегство на лыжах, на машинах, на лошадях, — кто как сумел. Некоторые финны до того были ошеломлены неожиданным нападением, что вместе с лошадьми попадали под танки. Но отдельные группы противника пытались сопротивляться. Забравшись на крыши станционных зданий, они открыли огонь по нашей пехоте. Бойцы (под командой старшего лейтенанта Сарджая и комиссара батальона Филиппова) быстро спешились и стали «прочесывать» огнем, забрасывать гранатами крыши зданий, куда забрались белофинны.

Противник пытался еще пустить в ход противотанковые орудия, но наши танки, освободившиеся от пехоты, тотчас же пресекли эту попытку.

Запомнился такой эпизод. В самом центре станционной площадки группа белофиннов выскочила с противотанковой пушкой из-под навеса метрах в шестидесяти-семидесяти от танка тов. Комлева. Не успели финны сделать и одного выстрела, как первый снаряд, посланный экипажем танка, оторвал колесо от пушки, а второй снаряд перебил половину расчета. Остальных мы уничтожили винтовочным и пулеметным огнем.

Не помогли белофиннам и английские танки. Два из них были быстро подбиты. Третий пытался уйти, но был также прикован к месту метким снарядом.

Наши танки и пехота с боем прошли станцию и сосредоточились к вечеру в чистом поле среди отдельных домиков. Была организована круговая оборона. Всю ночь слышались крики белофиннов, которые собирали своих раненых и убитых. Позже мы обнаружили около четырехсот сваленных в сараи вражеских трупов.

1 марта подошли наши части, подвезли боеприпасы и горючее для танков. Наш отряд, отлично сработавшийся с танкистами, вновь пошел в наступление.

К вечеру, продвинувшись с боями на несколько километров, мы наткнулись на широкую полосу надолб, за которыми белофинны организовали оборону на покрытых лесом высотках. Попытка подвезти пехоту к надолбам не удалась. Тогда было

решено ссадить ее с танков и укрыть в лесу, а часть танков послать к надолбам для ведения пулеметного и артиллерийского огня по обороняющемуся противнику. Одновременно следовало искать путь для обхода надолб. Этот путь был найден. В то время как одни танки сковывали своим огнем противника, другие обходили надолбы отдельными группами. Пехота тоже быстро преодолела полосу заграждений.

Финны, видя, что весь наш отряд преодолел препятствия, обратились в бегство.

Наступила уже ночь. Действия танков в ночное время сильно затруднены, но все же командир отряда решил продолжать преследование противника, чтобы не дать ему возможности организовать оборону. Посадив пехоту на танки, мы вышли из леса на широкую долину, по которой было разбросано много сараев с сеном. Вправо и влево по опушке леса стояли отдельные домики и группы построек. Это были небольшие поселки, окаймлявшие всю долину, которая была, повидимому, сенокосным угодьем.

Мы прекрасно знали, что во всех этих домиках рассредоточились разбитые белофинны.

Танки двигались ночью, не прекращая боя. Они поджигали снарядами дома и сараи, видневшиеся в 1—1,5 километрах справа и слева. Зарево ярко освещало постройки, в которых укрывался противник. Не только в щель танка, но и в перископ можно было прекрасно наблюдать за полем боя, тогда как финны нас не видели, потому что танки продвигались в неосвещенной полосе местности. Так мы прошли несколько километров, придерживаясь середины долины.

На пути к Выборгскому шоссе нами был застигнут врасплох в лесу штаб белофинской войсковой части. При штабе находилось обслуживавшее его подразделение. Зажженные снарядами два дома по правую и по левую сторону финского штаба позволили нам разглядеть, что здесь находится. Подойдя к финскому штабу на расстояние в 500—600 метров, танки расстреляли скопление противника пулеметным и артиллерийским огнем.

Так продолжалось успешное преследование белофиннов, и полк сумел успешно выполнить поставленную перед ним боевую задачу.

Поучительность этой операции заключается в смелых ночных действиях танков.

Батальонный комиссар

Ф. ЗЫКОВ

Красноармеец Веселов

Прорвав укрепленный район, наши части теснили противника, отступавшего по направлению к Выборгу. Нашему полку было приказано захватить станцию Сяйние. Первый эшелон полка, вступив на рассвете в бой, отбросил белофиннов за реку. Командир принял решение для развития успеха ввести в бой 2-й эшелон. Расположившись неподалеку от дороги с группой командиров и политработников 3-го батальона, действовавшего во втором эшелоне, я объяснял им обстановку.

От реки к нам доносились все учащавшиеся выстрелы. В непрерывный стук пулеметов то и дело врывалось уханье финских противотанковых орудий. Им отвечали наши танки. Бой, видимо, разгорался.

Командиры, ознакомившись с задачей, ушли в свои подразделения. В это время из-за поворота дороги показался красноармеец. Своим видом он обращал на себя внимание. Был он без шапки, на плече нес легкий пулемет, поддерживая его рукой за ремень. По мере его приближения можно было заметить, что с головы, перевязанной бинтом, сочится кровь. Из неперевязанной раны на шее также струилась кровь, стекая по воротнику шинели, покрытому снегом.

Боец был мал ростом и с виду не так уж силен, но, несмотря на ранения, шел бодро.

Когда раненый поравнялся со мной, я показал ему, где находится батальонный пункт медицинской помощи.

— Поторопитесь, вам надо поскорее сделать перевязку.

Красноармеец посмотрел на меня живыми, веселыми глазами. По его разгоряченному лицу пробежала спокойная улыбка.

— А у меня, товарищ батальонный комиссар, ничего серьезного, так только поцарапали...

Медицинский пункт еще не успел развернуться на новом месте. Раненому оказывали помощь под открытым небом. Когда сняли с него гимнастерку, то заметили третью рану — сквозную, в плечо.

Несколько позже я отправился в батальон. Каково же было мое удивление, когда я увидел на дороге этого трижды раненого бойца, направлявшегося обратно, в бой.

— Товарищ красноармеец, остановитесь!

Боец обернулся.

— Вы куда?

— В роту, — отвечал он, и все та же спокойная улыбка осветила его лицо.

— Как ваша фамилия?

— Красноармеец 6-й роты Веселов Александр.

— Отправляйтесь немедленно на полковой пункт медицинской помощи, товарищ Веселов. У вас три ранения, и в бою вам делать больше нечего.

Веселов опечалился.

— Товарищ батальонный комиссар, — стал просить он, — разрешите мне еще немного повоевать. Силы у меня хватит. Моя рота...

— Рота выполнит задачу и без вас. Вы же свое дело сделали. Отправляйтесь на медпункт.

Видя, что просьбы не помогут, Веселов пустился на хитрость.

— Разрешите мне хоть пулемет снести в роту. А то там будут его искать, товарищ батальонный комиссар. — И прочтя в моих глазах недоверие, Веселов, потупившись, добавил: — Честное слово, я сейчас же вернусь...

Я приказал передать пулемет командиру конного взвода младшему лейтенанту Атаманенко, который был со мной. Тут же Веселову подали верховую лошадь. Мы помогли ему взобраться на нее, и в сопровождении коновода он отправился в тыл.

Еще долго высоко над дорогой виднелась перевязанная голова Веселова.

Вернувшись, коновод доложил:

— Раненого бойца доставил на медпункт; — и, качнув головой, рассмеялся. — Ну, и бедовый, все просил отпустить...

Упорство Веселова меня заинтересовало. Решив подробно разузнать о нем, я связался по телефону с командиром 6-й роты младшим лейтенантом Ивановым.

— Красноармеец Веселов, — ответил командир роты, — явился ко мне сегодня в ночь перед началом наступления. До этого он служил в понтонном полку, но так как этот полк в боях не участвовал, Веселов попросился в пехоту. Его направили в полк, который находился во втором эшелоне нашей дивизии. А Веселов стремился поскорее в бой. Тогда его направили к нам, в мою роту. Придя ко мне, Веселов попросил дать ему легкий пулемет и пять-шесть бойцов. Он произвел на меня хорошее впечатление. Я удовлетворил его просьбу и не ошибся: он вел себя все время молодцом.

Красноармеец Веселов действовал в разведывательной группе. С самого начала наступления он был впереди. Из отдельно стоящего домика его обстреляли белофинны. Бойцы залегли. Он решил окружить домик и приказал бойцам рассредоточиться. Переползая по снегу, небольшая группа красноармейцев отрезала противнику путь отхода из домика. В это время Веселов был ранен в голову. Наскоро сделав перевязку, он пополз дальше. Подоспели пехотные подразделения. Белофинны стали поспешно отступать, прикрываясь огромными камнями, которыми была усеяна местность. Ведя меткий огонь из пулемета, Веселов со своими бойцами упорно продвигался вперед.

Веселов за один-два часа успел завоевать уважение среди красноармейцев. Они видели его впервые, но храбрость и смекалка его возымели на них свое действие. Бойцы доверились ему и смело шли на любое опасное дело.

Когда сопротивление белофиннов было сломлено, наши танки бросились преследовать их. Получив разрешение у командира, Веселов вскочил на танк. Он поставил пулемет сошками на башню танка и расстреливал отступающих. Танки шли по лесной дороге. Веселову с танка хорошо были видны цели. Точным огнем он уничтожал белофиннов, укрывавшихся за деревьями и кустами.

Его ранили в шею. Но пуля, к счастью, горло не задела, а пробила только насквозь кожу. Он даже не сделал себе перевязки, было не до этого.

Преследуя противиика, танки прорвались к реке. Подходы к ней были заминированы, а мост взорван. Танки не могли продвигаться дальше. Противннк открыл по ним огонь из противотанковых пушек. На ремонт моста былн брошены саперы. Оин работалн под урагаиным огнем. Красноармеец Веселов, замаскнровавшнсь в снегу, пркрывал нх огнем своего пулемета. Наблюдая за противником, он обнаружнл пулемет, который мешал работать саперам. Он стал вести методический огонь по пулеметной точке протнвиика и в конце концов заставнл его замолчать. Но тут Веселов получил третью раиу — в плечо. Командир роты приказал ему итти в тыл. Пришлось подчиниться...

Вот что я узнал в этот день о Веселове.

Потом мне стала известна его дальнейшая история. На полковом пункте медицинской помощи, после того как были сделаны перевязки, Веселов заявил врачу:

— Мне иадо вериуться иа передовые, у меия там срочное дело.

Врач поинтересовался, какое.

— Нам поручено станцию занять, товарищ врач... Сами понимаете, дело неотложное!

Но, несмотря иа «неотложное дело», Веселова отправили в госпиталь. Он все же ухитрился вернуться в часть.

Комиссар полка тов. Гольд рассказал мне:

— В полночь приходит к нам на командный пункт боец с забинтованной головой. Рапортует: «Разрешите доложить, товарищ комиссар, красноармеец Веселов отомстил гадам за мать и отца». Оказывается, у него интервенты расстреляли родителей в годы гражданской войны. Поговорили мы с ним. Все рассказал, как было в бою. А когда зашла речь о госпитале, вижу: человек что-то путает. Ну, я его припер к стенке. Признался, что сбежал из госпиталя. Пришлось обратно отправить...

...Вскоре правительство присвоило красноармейцу Веселову звание Героя Советского Союза.

Герой Советского Союза

И. АЛЯЕВ

На станции Сяйние

Когда началась война с белофиннами, я только-что окончил нефтяной техникум, и мои военные знания сводились лишь к умению стрелять из винтовки.

Фронт. Ночи пошли одна холодней другой — безлунные, морозные и тревожные. Лес, где мы стояли оглашался гулом снарядов, взрывами мин.

После прорыва линии Маннергейма наши части двинулись вперед. Артиллерия сравнивала с землей финские укрепления. 7 марта наш полк находился примерно в 11 километрах к юго-востоку от Выборга. В нашу задачу входило обойти Выборг справа. Финны оказывали ожесточенное сопротивление.

Наша рота, командиром которой был младший лейтенант Чертков, подошла лесом к большой поляне. Мы увидели маленькую железнодорожную станцию Сяйние. Ее прикрывали доты. Командир взвода получил задачу — зайти в тыл укреплениям противника.

Нас было 35 человек — все в белых халатах, вооруженные автоматами, гранатами, двумя ручными пулеметами. Поползли. Наш командир приподнялся, чтобы сказать что-то бойцам, но упал, сраженный вражеской пулей. Как быть? Неужели повернуть в лес, не выполнив задания? Ни за что! Я крикнул бойцам:

— Беру командование взводом на себя.

И мы двинулись дальше по глубокому рыхлому снегу. Один боец ползет впереди, упираясь ногами и раздвигая снег головой, другие — за ним. Когда передний утомится, его сменяет следующий — и так по очереди. Тут уже мы позабыли о морозе: от напряжения стало даже жарко!

От времени до времени я указывал, куда двигаться. В один из таких моментов, когда я чуть приподнялся, мне обожгло правое плечо — финская пуля прошла насквозь, раздробила лопатку, рука повисла. Пришлось автомат взять в левую руку. Спустя короткое время меня ранило вторично, уже в грудь.

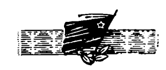
Теперь нам грозили не столько доты (мы добрались до их «мертвого пространства»), сколько автоматчики, засевшие на станции. Там было несколько полуразрушенных строений и один уцелевший дом, откуда по нас строчили во-всю. Я приказал бойцам расползтись в разные стороны, и мы стали полукругом приближаться к дому. Удачные броски гранат, и домик разрушен!

Белофинны почувствовали, что у них в тылу появились советские бойцы, и решили любой ценой выбить нас со станции. Они окружили нас, а мы расположились в двух полуразрушенных домах и стали отстреливаться. Все дали клятву, что живыми не сдадимся!

Налеты врага следовали один за другим. Финские лыжники обстреливали нас с хода из автоматов, подползали к нам в белых халатах. Мы наладили круговую оборону, и по мере надобности я усиливал огонь, переводя часть бойцов на наиболее угрожаемую сторону.

Нельзя не помянуть добрым словом автоматы системы Дегтярева — это легкое и безотказное оружие. Оно нас здорово выручило. Автоматическим огнем и гранатами мы отбивали все налеты белофиннов.

Так прошло три дня. На четвертый день явилась выручка. При помощи артиллерии полк захватил станцию. Меня и других раненых отправили в госпиталь. Здоровые бойцы взвода отказались от отдыха и пошли со своей ротой дальше.

А. ТВАРДОВСКИЙ

Экипаж героев

Машина Данилы Диденко сама по себе ничем не отличалась от многих таких же точно танков в бригаде. Только экипаж этого танка отличался от всех других экипажей, когда он выстраивался у своей машины.

Сам Диденко был среднего роста. Механик-водитель Арсений Крысюк — чуть пониже. Но башенный стрелок, двадцатидвухлетний Евгений Кривой, был еще меньше водителя. От этого все трое выглядели особенно малорослыми.

Но не рост, не фигура бойцов важны, когда танк идет в бой. С первых же дней войны они показали это.

Экипаж получил боевое задание. Нужно было подойти с саперами к надолбам, прикрыть сапер своим огнем и помочь им взорвать надолбы, устроить в них «проходные ворота».

Противник без единого выстрела подпустил машину почти вплотную к надолбам. Уже можно было подробно рассмотреть эти неровные глыбы колотого гранита, загородившие дорогу. На полметра — не меньше — они утопали в снегу, наполовину, должно быть, были врыты в землю, а все же выглядели внушительно. Требовалась добрая порция взрывчатки под каждую из этих тумб. Саперы шли вслед за машиной.

Почему же противник не открывает огня?

Арсений Крысюк понимал, в чем дело.

— Он ждет, когда я ему бок подставлю. — И водитель направлял машину так, чтобы не повернуться боком к фронту: опаснее всего получить удар в бок машины.

— Нет, бок я тебе не стану подносить...

Вдруг башенный заметил вспышку огня справа, в мелком сльнике невдалеке от леса. По цвету огня башенный успел распознать противотанковую пушку. Это был первый и последний выстрел пушки. Водитель тотчас развернулся, убрав бок машины, а Диденко ударил из своей пушки по тому месту, где мелькнул огонь. И вдруг повалились елочки, укрывавшие финское орудие. Пригнувшись, побежали солдаты в коротких тужурках и шапках с козырьками. С третьего или четвертого

выстрела Диденко уничтожил пушку. Елочки в беспорядке лежали на снегу.

— Насадили сад, — усмехнулся Диденко. Елочки были попросту натыканы для маскировки.

Саперы пошли впереди, осторожно прощупывая снег длинными железными прутьями. Они вскоре извлекли из-под снега несколько мин, искусно заложенных противником. Кто-то предложил этими же минами подорвать финские надолбы. Так и было сделано. Когда дым от взрыва немного рассеялся, в надолбах уже чернел проход, усыпанный землей и осколками битого камня.

На другой день через «проходные ворота» машина Диденко вышла за надолбы, чтобы порвать колючую проволоку, открыть дорогу пехоте. Проволока была на деревянном колу. Разметать ее гусеницами не составляло большого труда. Механик-водитель Крысюк, как и накануне, первым заметил опасность. Несколько фигур в белых комбинезонах подползло из-за валунов, на которых круглыми белыми шапками лежал нетронутый снег. Издали финнов различить было трудно. Они и сейчас, видимо, считали, что их не заметили из танка. Ползут, подбираются — один, другой, третий. В руках — будто гранаты. Но это были не гранаты, а бутылки с зажигательной жидкостью. Белофинны спешили к одинокой низкорослой сосенке, стоявшей почти у самой дороги. Оттуда они уже могли попытаться разбить свои бутылки о броню танка. Танкисты дали им подойти поближе. Но как только первая фигура, достигнув сосенки, чуть-чуть приподнялась, башня повернулась в ту сторону, и грянул выстрел из пушки.

Диденко словно срубил снарядом сосенку и накрыл ею первого из подползавших, убитого наповал. Остальные бросились бежать, укрываясь за валунами.

Дорога в проволочных заграждениях была расчищена до новой линии надолб. Пробить проход в этих новых надолбах надо было бронебойными снарядами. Чтобы выполнить эту задачу, танкисты выехали на другой день по знакомой уже дороге.

Впереди диденковского танка шла машина Дерюгина. И тут произошло вот что. Водитель Крысюк, все время следивший за машиной Дерюгина, увидел, как она вдруг содрогнулась и, как-то перекосившись, загородила впереди дорогу. Когда рядом с ней разорвался снаряд, стало понятно, что это уже второй, а первый, как видно, попал в люк механика-водителя. Машина была подбита.

Первым выпрыгнул стрелок Дерюгина. Сделав шаг-другой, он взмахнул руками и упал на снег возле танка. Его сразила пуля финского снайпера. Прошло несколько секунд. Из машины медленно вылез Дерюгин. Одна нога была в валенке,

другая — не понять в чем — точно обмотанная красными тряпками — большая, тяжелая. Он кое-как перетащил ее через борт башни. Стоять он не мог и сразу упал грудью на снег. Его немного укрывала грядка снега, сбитого к краю дороги, но пули уже бороздили эту грядку. Все это было в 10—12 метрах от машины Диденко и длилось полторы-две минуты.

Огонь своих пушек противник теперь направлял на машину Диденко, но ни командир, ни водитель, ни башенный просто

Герой Советского Союза генерал-майор танковых войск В. Кашуба

не успели подумать об угрожавшей им опасности. Нужно было спасти товарища. Решение пришло сразу. Арсений Крысюк по приказу своего командира повел машину прямо на Дерюгина. Крысюк, сжав зубы и весь подавшись к смотровой щели, смотрел вперед, стараясь с точностью до сантиметра угадать, где пройдут гусеницы танка.

Дерюгин лежал неловко, немного поперек дороги. Нужно было заходить к его голове слева. Диденко и его друзья боялись только одного: Дерюгин мог не понять, в чем дело, мог потерять сознание, видя, как танк надвигается прямо на него, лежащего, истекающего кровью...

Но Дерюгин понял товарищей. Он выровнял, сколько мог, свое тело на дороге, вытянулся, подобрал руки...

Громоздкие, тяжелые гусеницы завизжали у самой его головы, и машина накрыла его своим грузным корпусом. Пули, бороздившие вокруг него снег, застучали о броню танка.

Открыв нижний люк, экипаж Диденко втащил Дерюгина в машину. Крысюк задним ходом стал уводить машину из-под огня.

В части, где они служили, немало было случаев геройства, немало было людей, показавших редкую отвагу, бесстрашие. Имя самого командира части, Героя Советского Союза В. Н. Кашубы гремело по фронту с первых дней войны с белофиннами.

Нелегко было там обратить на себя внимание, выделиться в ряду уже известных своей храбростью бойцов и командиров. Но трое друзей об этом не думали. Они знали, что воюют не хуже других, а это — главное дело. Так они жили, воевали, берегли свою добрую дружбу — все трое: недавний тракторист Диденко, колхозник Крысюк и житомирский рабочий Кривой...

Фронт лежал уже далеко за линией финских укреплений.

Машина Диденко вышла разведать подступы к одной железнодорожной станции под Выборгом.

День был мглистый и серый. Липкий мартовский снег наматывался на гусеницы. Дорога была трудная. На полпути к станции машина, шедшая следом за танком Диденко, была подбита и зажжена противником. Экипажу удалось выскочить и отползти. Диденко не имел права продвигаться вперед без второй машины. Отойти он также не мог — горящий танк загородил дорогу. Взрывались снаряды, находившиеся в танке. Свернуть с дороги, чтобы обойти этот страшный костер, было нельзя: слишком глубок был снег, а в канавах — мины и фугасы, еще не убранные нашими саперами.

Когда стемнело, белофинны стали подбираться к машине Диденко. Они ползли слева, из-за кустов, перебираясь от одной надолбы к другой, и пропадали из глаз в нескольких шагах от дороги.

— Окружают...

Тогда командир машины тихо сказал башенному:

— Приготовить гранаты...

От ближайшей надолбы приподнялась фигура в белом, за ней другая. Диденко, высунувшись из башни, бросил гранату, за взрывом первой — вторую, третью... Одного убил — это было ясно: фигура в белом осталась на месте. Другие не то отползли, не то притаились где-то за надолбами.

— Живьем они нас не возьмут. Гранат хватит.

Они видели, что настает, может быть, последний час их жизни. Но они знали, что ведут себя в этот тяжелый час хорошо, не хуже других. Только томительно было ждать:

когда же финны снова пойдут в атаку. На ожидание уходило сил больше, чем понадобилось бы для самой схватки. Каждая минута требовала полной готовности. В напряжении, в холоде, который постепенно пронизывал их, трудно было удержаться от изнурительной и досадной дрожи, охватывающей все тело.

Они сидели час, два. Похоже было, что ночь сморила белофиннов.

Черный остов сгоревшего танка торчал на обтаявшей от огня дороге.

Крысюк потихоньку вылез из люка, зацепил остывшую металлическую клетку своим тросом.

В четвертом часу ночи они прибыли в свою роту. Машина была в исправности. Экипаж готов, как говорится, выполнить любое новое задание.

— Нет, вы уж закусите, да потом поспите хорошенько, — сказал командир роты, прерывая Дидeнко.

Этот экипаж — ныне экипаж Героев Советского Союза.

Механик-водитель
П. ФЕТИСОВ

Бои за перекресток у мызы Хаюрю

Наш танковый батальон действовал справа на окружение Выборга. 29 февраля мы достигли укрепленной полосы, тянувшейся от Выборга через станцию Таммисуо и дальше. Отступавшие уже несколько дней белофинны решили оказать здесь нашим частям упорное сопротивление.

Местность, заросшая густым лесом, заваленная валунами высотой до 2 метров, была перерезана вдоль и поперек рядами каменных надолб. У каждого поворота дороги были устроены завалы с ложными обходами. Танк свернет в сторону, и взрыв. Батальон, расчищая себе путь, приближался к мызе Хаюрю.

Здесь, у поселка, от которого остались только дымящиеся головешки, был узел пяти сходящихся дорог, а дальше в полукилометре пролегала железная дорога на Выборг.

Танки остановились, заглушив моторы. Темнота, наступившая как-то незаметно, мешала наблюдению. Люди сидели в машинах и, развернув орудия во все стороны, настороженно вглядывались в ночь. Повадка шюцкоровцев давно уже была нами разгадана. Они лезли исподтишка с бутылками зажигательной смеси, если пушки смотрели не на них. Но стоило только повернуть орудия к лесу, и лес опять был, как лес, тихий и молчаливый.

Командир 2-й роты старший лейтенант Сичилин, открыв потихоньку люк, вылез и лег на сетку, чтобы хоть немножко согреть ноги, окоченевшие от долгого бездействия в башне. Теплота, идущая от мотора, обогревала тело. Слипались глаза. Четвертые сутки батальон продвигался за отступавшим противником. Чтобы не заснуть, Сичилин стал сушить портянки на еще не остывших трубах. Валенки намокали за день, ночью они смерзались, сжимая ноги, как в тисках.

К Сичилину подошел майор Мороз, командир батальона.

— Товарищ Сичилин, ведите сейчас роту в бой. К утру во что бы то ни стало надо захватить перекресток.

Они забрались в башню. Закрыв смотровые щели и включив свет, майор и старший лейтенант склонились над картой. Но

впереди вдруг захлопали выстрелы и сразу же заговорил пулемет. Пули с шипением прорезали макушки деревьев, над танками пролетело несколько снарядов, разорвавшихся где-то позади в снегу.

Нашим танкам была придана стрелковая рота. Это ее разведку, ушедшую вперед, видимо, обнаружил противник.

Сон сняло, как рукой. В темноте загудели моторы, но колонна еще не двигалась, ждала разведчиков.

Вскоре показалась разведка. Лейтенант Смирнов доложил:

— Слева на высоте батарея 76-миллиметровых. Справа на высоте, поросшей лесом, — пулеметы.

Прямо на опушке вспыхивают огоньки вражеских стрелков.

Перекресток минирован.

Старший лейтенант Сичилин коротко объяснил задачу командирам машин. Танки в темноте рванулись вперед.

Снаряды белофиннов ложились возле дороги. То один, то другой, не попадая в цель, вскидывал снег и сучья. Залегая за камни, пехота перебежками двинулась на высоту. Взвод лейтенанта Смирнова обходил стрелявшую батарею. Внезапный бросок и громкое «ура» обратили белофинских артиллеристов в бегство. Они бежали, побросав орудия, снаряды, автомашины.

Но справа, там, где в потемках неясно обозначалась высота, поросшая еловым лесом, огонь нарастал. Белофинны переходили в контратаку. Наши танки опрокинули их, погнали, заставили повернуть обратно. Мы проскочили минированное шоссе. Там за дорогой были рассыпаны мины, мы наскочили на них впотьмах, и у двух наших машин оторвало колеса.

Где-то совсем близко перекликались по-русски белофинны: «Обходи слева!»

Снова они готовили контрудар и, разумеется, обходили нас справа. Два наших станковых пулемета, стрелявшие из-за камней, вдруг прекратили стрельбу, люди бросились под защиту танков. Под непрерывным обстрелом старший лейтенант Сичилин выскочил из машины. Он кинулся навстречу пулеметчикам, вместе с ними добежал до пулеметов, и пулеметы снова заговорили, расстреливая наседавших белофиннов. И эта контратака была отбита.

Утром 1 марта взятый в плен белофинн показал в штабе батальона, что на перекрестке у мызы Хаюрю зарыто две тонны тола с механизмом, который должен взорвать их в 14 часов. Саперы подорвали фугас, и в тот же день по этим дорогам прошли дальше наши части.

Старший лейтенант Сичилин награжден орденом Ленина, я, механик-водитель танка, — орденом Красной Звезды.

☆

Младший воентехник
КОЗЛОВ

Заправка танков в бою

В первый период военных действий в Финляндии танковые батальоны снабжались боеприпасами и горючим только в тылу. Как правило, когда иссякали боеприпасы и горючее, подразделения выводились из боя в район расположения головного эвакуационного пункта и заменялись на это время другими.

Но однажды обстановка сложилась так, что наше подразделение не могло заправиться таким способом. Батальон сражался под станцией Таммисуо (северо-западнее Выборга). Связь с ним была случайной, а к помощи радио, по приказанию комбата майора Смирнова, мы не прибегали. Уже несколько дней экипажи питались сухим пайком.

Естественно, что это очень тревожило меня, как начальника головного эвакуационного пункта. Чтобы найти какой-то выход, следовало прежде всего установить с батальоном живую связь. Для этого я направил в район боев старшину 1-й роты и одного красноармейца.

Вернувшись, они сообщили неутешительные вести: батальон находится под минометным и редким артиллерийским огнем противника. Танки стоят, и когда двинутся дальше — неизвестно. Подъехать на колесных машинах нельзя, а пронести на себе термосы очень трудно: дорога заметена глубоким снегом и проходит по сильно пересеченной местности. Боеприпасов пока хватает, бензин нужен.

Я решил сам отправиться в батальон, чтобы на месте выяснить все точно и выбрать участки, где можно сосредоточить машины, нужные для подвоза запасов. Одновременно я поставил своей задачей доставить экипажам горячую пищу.

У нас уже выработался опыт доставки пищи в термосах. Термосы быстро вымыли и подогрели внутри, споласкивая их крутым кипятком. Это помогало дольше сохранять высокую температуру. Фронтовая обстановка научила нас ценить все «мелочи». Пищу мы наливали быстро и только большими половниками, предварительно доводя ее в походных кухнях до

кипения. Ни одной лишней секунды мы не держали термос открытым.

Бойцы, искушенные в доставке термосов на дальнее расстояние, заранее заготовляли подкладки под лямки. Дело в том, что лямки, предназначенные для переноса термосов за спиной, слишком мягки, быстро скручиваются в веревку и начинают резать плечи. Прежде нам не раз, несмотря на мороз, приходилось в пути снимать рукавицы и подкладывать их под лямки. Поэтому бойцы заранее запаслись подкладками.

И вот мы тронулись в путь. Значительную часть его, пока была проезжая дорога, мы проделали на машинах. Несмотря на это, люди очень устали, так как путь был тяжел, машины то и дело застревали.

В пути я обращал внимание на все, что могло помочь при подтягивании эвакуационного пункта. Я заметил, что параллельно дороге на Выборг справа, за лесом, идет сильно занесенная снегом дорога на мызу Хаюрю.

Доехали до мызы. Дальше я пошел пешком и через 30 минут увидел танки, растянутые длинной, изогнутой колонной по левой части большого поля, вдоль возвышенности.

Танки находились под редким, временами учащавшимся автоматическим огнем. Рвались мины. Подобно гигантским ракетам, пролетали трассирующие снаряды.

Я стал пробираться к машинам. Они стояли одна от другой метрах в десяти-пятнадцати.

Постучал в водительский люк первого танка. Спросил: «Чья машина? Где комбат?» «Впереди»,— ответил танкист.

Нагнувшись, я быстро перебегал от машины к машине. Белофинны вели огонь с высоты. Корпуса танков надежно прикрывали меня, и важно было только миновать интервалы между ними.

Наконец, достиг танка начальника штаба батальона старшего лейтенанта Оскотского. Он, оказывается, давно следил за мной и сразу открыл люк. Узнав, что мы доставили горячую пищу, он удивился и похвалил нас.

Раздачу пищи организовали поэкипажно. Один экипаж обедает, другие сидят в машинах, ждут своей очереди. Обед в этих необычных условиях протекал благополучно. Раз только вблизи разорвалась мина, и осколки, уже потерявшие убойную силу, застряли в куртке повара Миронова.

Замерзшие, усталые от бессонницы, танкисты, поев горячей и жирной пищи, стали бодрее и веселее.

Когда стемнело, начали подтягивать бензоцистерны, заправочную машину и машину с боеприпасами.

Самым удобным для сосредоточения местом оказалась мыза Хаюрю. Здание сгорело, только головешки еще тлели. Я при-

казал расположиться не на мызе, а метрах в двухстах от нее, в зарослях кустарника, за небольшой возвышенностью.

Быстро промелькнуло несколько часов напряженной работы. За все это время по мызе — ни одного снаряда.

Часам к пяти утра противник открыл сильный огонь из автоматов по месту размещения наших машин. Стреляли с верхушек деревьев, с высотки, из-за камней. Несколько пуль ударило по цистерне.

Я приказал тщательно укрыться и усилить наблюдение, но ответного огня не вести. В темноте противника все равно не видно было, и мы лишь совершенно напрасно обнаружили бы себя. А нам нужно еще дозаправить боевые машины.

В 6 часов 30 минут танки начали прибывать на заправку. Первый же танк прострелял деревья, и автоматчики замолкли. После этого заправка протекала спокойно.

За три часа мы заправили все машины, кроме одной. Она осталась без воды и не могла двигаться. О буксировке на той местности и думать нечего было.

Что делать? Осенила идея — доставить воду термосами, в которых мы накануне подвозили обед. Моментально очистили термосы от остатков пищи, залили водой, поставили на танки и повезли. Водители Азов и Лукянцев, несмотря на обстрел, успешно заправили последний танк.

Одновременно с бензином все машины получили и снаряды.

В бою под Таммисуо я убедился, что заправка машин и пополнение танков боеприпасами могут производиться непосредственно у передовой линии.

Если не жалеть труда, колесная машина пройдет даже по пересеченной местности. Нам очень помогли взятые с собой доски и инструмент, благодаря которому мы добывали местный материал. Важна и находчивость.

Благодаря находчивости и красноармейскому упорству мы бесперебойно снабжали всем необходимым боевые машины и их экипажи.

Лейтенант
П. МОЗГОВОЙ

Работа саперного батальона

Приказ командующего Северо-Западным фронтом С. К. Тимошенко о всеобщем переходе в наступление застал наш саперный батальон в 50 километрах от линии фронта.

Всю ночь батальон готовился к выходу. Посадка людей и погрузка имущества на машины совершались почти бесшумно, при тусклом свете ламп и свечей.

Чувствовалось, что бойцы взволнованы. Командир отделения украинец Кашка, коренастый среднего роста, обычно шумный и веселый, на этот раз все делал молча. Но в глазах его, когда он докладывал о готовности отделения, ярче обычного вспыхивали огоньки.

Машины тронулись. По дороге нескончаемым потоком двигались грузовики, танки, артиллерия и пехота.

До утра еще было далеко, но уже высоко в небе слышался шум моторов. Это патрулировали наши самолеты, охраняя движение войск к линии фронта.

Вот предрассветную тишину нарушили первые разрывы снарядов. По всему фронту началась артиллерийская подготовка. Стало сразу светло, как днем. Сплошной гул канонады сопровождал нас всю дорогу до пяти часов вечера.

Когда мы подошли к бывшему финскому военному лагерю, расположенному в помещениях дачного поселка, то узнали, что славная 123-я стрелковая дивизия прорвала линию Маннергейма. По дороге нам встретились первые пленные, первые трофеи...

Началась обычная боевая работа сапер. Тут я впервые увидел, что между нашей учебой в мирной обстановке, с ее условностями, и фронтом, где нет ничего условного и надуманного,— «дистанция огромного размера». В саперном деле я не был новичком. Военно-инженерное училище, законченное в 1937 году, дало мне немало практических знаний по специальности. И все же в боевой обстановке пришлось, если не переучиваться, то во всяком случае быстро освоить много нового.

На долю нашего батальона выпала задача — разминировать первые прорванные участки линии Маннергейма. Кругом обломки железобетонных конструкций, остатки проволочных заграждений, взорванные танки, уныло торчащие огромные пни вековых сосен, осколки снарядов. Среди всего этого скрывались многочисленные ловушки, расставленные белофиннами. Полезет сапер осматривать взорванный дот, начнет отваливать в сторону камень, который мешает проложить телефонную линию, или просто сдвинет с дороги какой-нибудь обломок — вдруг взрыв... Мина!

К каким только уловкам ни прибегал враг!

Мне лично не раз приходилось самому разминировать ловушки, в которых приманкой служили такие вещи, как велосипеды, стенные часы, новая одежда. Хитер-то, хитер враг, да неизвестно, чего было больше у него: хитрости или наивности. Он не учел, что среди советских бойцов нет мародеров и их не поймаешь на ту удочку, где приманкой служит патефон или диагоналевые штаны.

Операция по разминированию участков вокруг дотов была нами проведена в срок и без потерь. На иных участках мы «снимали» и разряжали до 800 мин. Потом эти запасы взрывчатых материалов были использованы против финнов же: для подрыва надолб, завалов, огневых точек.

Бойцы других родов войск обучались у сапер обращению с минами. При этом случалось немало смешного.

Не имея зачастую времени выстроить себе землянку, саперы наскоро выбирали какую-нибудь пустующую лачужку, ушедшую в землю по самую крышу, и, чтобы ее не заняли другие, вешали объявление, написанное крупными черными буквами на газетном листе:

«Не входить: мины!»

Саперы были уверены, что никто не подойдет к их «крепости». Но не тут-то было! Какой-нибудь предприимчивый пехотинец, которого саперы же обучили в свое время обращению с минами, невзирая на грозную надпись на дверях, обойдет землянку кругом, обшарит все подозрительные места и потом уведомляет своих товарищей:

— От набрехалы ци саперы. Ничого такого тут нема — нияких мин. Найшлы кого лякать!..

Саперы, возвращаясь вечером с работы, издали уже видели тянувшийся из трубы мирный дымок, и им приходилось слезно молить «захватчиков» потесниться...

Всеми операциями, связанными с минами, у нас занималась 1-я рота. 2-я в это время расчищала от снежных заносов и ремонтировала участки основной дороги, прокладывала колонные пути по снегу. Но и 2-й роте пришлось выловить немало мин.

Прокладка колонного пути параллельно основной дороге потребовала напряженнейшей работы. Нам были приданы два понтонных батальона. Работы производились в две смены непрерывно, день и ночь. Специальные дорожные машины — грейдеры — остались далеко позади, и работать пришлось только с помощью лопат. Большую помощь оказали нам специальные дорожные деревянные лопаты, захваченные у белофиннов.

Трудность работы объяснялась не столько короткими сроками, отведенными на прокладку колонного пути, сколько очень тяжелыми природными условиями. Приходилось ходить в разведку сквозь болота и лесную чащу, чтобы найти участок, более или менее удобный для прокладки пути.

Успех работы решала умелая организация ее. Основные расчеты — потребное количество людей, их сменяемость, нужные для работы материалы, оборудование, инструменты — были подготовлены еще перед выходом на исходные позиции. На местности эти расчеты потребовали, конечно, известных поправок.

За четверо суток путь протяжением в 12 километров был проложен. Казалось бы, это не так уж много, но надо учесть, что мы работали на болотистой, хотя и сильно подмерзшей, почве при снежном покрове в полтора метра толщиной и жестоких морозах. К тому же не раз приходилось снова начинать уже выполненную работу, поскольку артиллерия противника непрерывно обстреливала дорогу. В общем наши саперы неплохо потрудились за эти четверо суток!

Наши передовые части заняли в это время финскую станцию Кямяря. Отступившие финны, как водится, взорвали платформу. Нетронутыми остались только захудалые станционные строения, в которых разместились штаб дивизии и госпиталь.

Сдав станцию Кямяря, противник перешел на следующую линию обороны. По данным разведки было известно, что перед фронтом дивизии находились свежие, отборные шюцкоровские части, вновь прибывшие из Выборга на смену сильно потрепанным частям. Им была поставлена задача — во что бы то ни стало удержать станцию Перо, что в 12 километрах от станции Кямяря.

После захвата станции Кямяря мы продолжали продвигаться с боями вперед. Правый фланг дивизии был задержан укреплениями перед местечком Кямяря. Левый фланг выдвинулся вперед и занял высоту «Длинная», вклинившись в расположение противника на 3—4 километра. Успешное наступление на станцию Перо было невозможно без подтягивания правого фланга, для чего надо было взять местечко.

По дороге от высоты «Длинная» к местечку Кямяря находилось местечко Пиенперо, разделенное небольшой речкой Перон-йоки. Через речку на шоссе выходил мост на железных

прогонах длиной метров двадцать семь-двадцать восемь, который был предусмотрительно взорван финнами.

Решено было не восстанавливать мост, а построить рядом временный. Без этого нельзя было и думать о переправе танков для захода с левого фланга на местечко Кямяря в тыл противнику. На переправу танков в другом месте не приходилось рассчитывать: берега у речки были слишком круты...

Мы знали, что за 600 метров от нас, в близлежащем лесу располагаются финские минометы. Но другого выхода не было: временный мост следовало построить не позднее 10 часов утра, т. е. к началу танковой атаки. А шел уже пятый час...

Начали работать. Вот уже сделали прогоны, поставили коротыши в качестве свай и частично заготовили доски для настила.

Вдруг белофинны начали интенсивный обстрел работающих на мосту. Появились потери. Финны, конечно, понимали, что время у нас ограничено. Они не мешали нам развертывать строительство временного моста, чтобы затем, в самый разгар работы, уничтожить минометным огнем и результаты ее и самих работающих.

Через связиста я известил командование, что необходимо уничтожить мешавший нам вражеский миномет. Работу мы продолжали, несмотря на непрекращающийся обстрел.

Прошло некоторое время, и к самому мосту подвезли пушку. Несколько выстрелов прямой наводкой, и миномет врага умолк.

Мы спешим, дорога каждая минута.

Вдруг неизвестно откуда на нас посыпались пули. Выстрелы были одиночные. Ясно, что где-то спрятался снайпер, который и бил из автомата.

Работы на мосту не прерывались. Четко и оперативно руководил бойцами командир взвода младший лейтенант Ростовцев. Саперы работали, низко пригнувшись к настилу моста. Пилили, рубили, строгали, прилаживали доски, буквально распластавшись. Под этим неприятным снайперским огнем (кажется, что все время находишься под прицелом, да так оно и было) исключительную выдержку и спокойствие показали младшие командиры Романенко, Ищенко, а особенно Кашка. Пуля прострелила у него пилу — на самой середине. Кашка поморщился, а потом засмеялся и не то с удивлением, не то с жалостью в голосе сказал:

— Эх, яка добра пилка була! Нещастна пуля як ии покарябала, цилый кусок одирвала...

Через минуту он уже распевал свою любимую песенку: «Нам не страшен серый волк, серый волк, серый волк...»

Кашка потом признавался, что ему было здорово не по себе от этой пули. «Но раз я командир,— говорил он,— то обязан бойцам пример показывать».

Кашка в числе других командиров и бойцов-сапер был впоследствии награжден медалью «За отвагу»...

Белофинский снайпер попрежнему не давал нам покоя. Он уже вывел из строя несколько человек, к счастью, только ранив их. И неизвестно было, откуда он стреляет.

Когда по мосту стали проходить первые танки, а за ними пехота, белофинн все не унимался. Поиски усилились, и, наконец, он был обнаружен.

Кто-то из наших заприметил, что из трубы небольшого, уцелевшего дома, находившегося на нашей стороне, как будто идет дымок. А мы хорошо знали, что дом этот пустует. Подошли ближе к дому — выстрелы прекратились, и дымка уже нет. Вражеский снайпер спрятался в трубе. Когда приблизились наши бойцы, он уполз по трубе вниз. С ним мы долго не церемонились, тем более, что он отказался выйти наружу. Граната, брошенная в трубу, прикончила белофинна.

Мост был закончен во-время, и танки прошли по направлению к местечку, разгромили там врага и двинулись дальше на станцию Перо. Батальон пехоты, посаженный на танки, захватил эту станцию неожиданно для финнов. Нашими частями был захвачен крупный обоз, много трофеев.

Враг отходил так поспешно, что даже не успел разрушить крупный гвоздильный завод и плотину на реке Перои-йоки. На территории завода мы сняли свыше двух тысяч килограммов взрывчатых материалов.

Наши бойцы с большим интересом осматривали цехи завода. Особое внимание привлекли жилые помещения для семьи хозяина, управленческого аппарата и рабочих. Дом владельца завода и дома крупных служащих отличались своими размерами, обилием комнат, внутренней отделкой: огромные зеркала, роскошная мебель из карельской березы, масса безделушек из кости и дерева.

Зато внешний вид и обстановка рабочих жилищ нас поразили своей нищетой и убогостью. Мы диву дались, когда узнали, что для рабочих имеется только нечто вроде землянок, выдолбленных под горой. Таких землянок я насчитал до тридцати. Вначале мы подумали, что это складские помещения, но потом узнали, что это казармы для рабочих: сырость и гниль, грубые нары, из досок сколоченные столы, тумбочки... Знакомство со всем этим явилось для нас отличной школой политграмоты. Временами казалось, что это экспонаты, иллюстрирующие первую главу «Краткого курса истории ВКП(б)»...

Как раз в это время нам доставили подарки от ленинградских рабочих, служащих и колхозников. Сколько радости было на лицах бойцов! Мы на фронте ни в чем не нуждались, но эти подарки были нам дороги, как свидетельство нерасторжимой связи народа со своей армией.

В одной из присланных нам варежек домашней работы были найдены положенные туда три рубля и записка: «Передайте варежки и деньги бойцу Коле от Наташи,— в память о моем старшем брате Коле, погибшем в 1922 году в Карелии от руки финских белобандитов...»

Мы были растроганы содержанием записки, но долго ломали голову, какому же Николаю (в батальоне их было немало) отдать эти варежки.

Среди подарков был еще вязаный шерстяной шарф с приколотым к нему письмецом. В нем было написано, что вязала этот шарф 70-летняя старуха-колхозница Авдотья Егоровна, и она желает нам победы над «басурманами», шлет свое материнское благословение. Это послание от старухи-колхозницы тоже глубоко взволновало нас.

Вечером провели митинг. Он прошел с огромным подъемом. Бойцы с каким-то особым воодушевлением пели «Интернационал». Враг был отогнан уже далеко.

Капитан

КАЛИНИН

Высота с киркой

Ночью 29 февраля полк получил приказ к 11 часам занять местечко Нетнютиииеми. Аваигардный батальои был уснлен всей полковой артиллерией.

В авангард выступил батальон майора Гугииа. Точио к 11 часам он выполнил прнказ. В местечке Нетнютнвеми батальон получил иовую задачу: занять станцию и высоту с кнркой, что в одиом километре севериее станции.

При выходе на севериую окраину местечка Нетнютиеми батальон был .обстрелян с высоты ружейно-пулеметным огнем. Прн поддержке полковой артнллерии и двух орудий противотаиковой артнллерии батальон начал иаступлеине.

С кирки противиик вел сильный огонь. Надо было во что бы то ни стало разрушить ее.

— Я ее собью, — сказал иаводчнк Кравцов.

И действительио — от третьего сиаряда, посланного им, огневая точка замолчала.

Несмотря иа сильное сопротивление противиика, к 24 часам 2 марта станция была нами заията. Предстояла атака высоты с киркой.

4 марта, в 12 часов, после артиллерийской подготовки пехотиицы ринулись в атаку. Вел их смелый комаидир тов. Гугин. Вражеская пуля сразила героя. Бойцы жестоко отомстили белофиннам за смерть комаидира и после горячего боя заияли высоту с киркой.

К высоте подтягивались батареи полковой и противотаиковой артиллерии. Под огнем расчеты вытащили орудия на руках к самой кнрке.

Старший лейтенаит Марков, замеиивший комаидира батальона, имел в своем распоряжении на высоте четыре станковых пулемета и примерно тридцать стрелков. Мы распределили огневые средства для охраны флангов. Правый фланг охраняли четыре орудия полковой артиллерии, а на левый фланг мы выставили трн противотаиковых орудия. Пулеметы и стрелки прикрывали их с фронта.

Не успели мы расставить орудия, как противник открыл сильный артиллерийский огонь. Под прикрытием его белофинские снайперы перебежками приближались к высоте. Командир взвода Грудина заметил двух снайперов, засевших за развалинами. Подобравшись к ним с тыла, он заколол обоих штыком.

Всю ночь шла борьба. Все попытки врага прорваться на высоту были тщетны.

На рассвете белофинны пошли в атаку на левый фланг. Первый удар приняли на себя три орудийных расчета батареи противотанковой артиллерии. Они вели ожесточенный огонь по противнику. Однако белофинны, пользуясь траншеями, все приближались. Вот уже в десяти шагах от нас показались группы белофиннов, одетых в белые халаты. Они что-то дико кричат. Орудийный мастер тов. Попков первым бросается с винтовкой в руках в контратаку. На него наседает шесть белофиннов. Но Попков — мастер штыкового боя. Под его сильными ударами четверо солдат падают сраженными. Остальных наседавших на него врагов застрелил кто-то из красноармейцев.

Геройски сражался и смертью храбрых погиб помкомвзвода Трофимов. Он до последнего дыхания отбивался от врагов. Их было пять человек. Взобравшись на лафет пушки и взяв винтовку за ствол, он прикладом проламывал головы белобандитам. Трофимов вышел бы победителем из этой неравной борьбы, но в него пустил очередь автоматчик. Храбрец свалился на лафет пушки.

Из орудийного расчета у пушки остался один красноармеец — наводчик Кашкинбаев. Видя, что белобандиты идут воткрытую большими группами, он один, перебегая от орудия к орудию, вел огонь из трех пушек.

Несмотря на численное превосходство, белофиннам не удалось взять высоту. Она осталась нашей.

Мужество артиллеристов, их умение сражаться в рукопашном бою, — вот что помогло выиграть бой.

Помощник командира взвода

С. ТИТОВ

Как я вынес из боя тело командира

Шел бой за высоту с киркой правее деревни Лапенлахти. Пуля врага оборвала жизнь славного командира 2-го батальона майора Гугина. Тело командира осталось лежать в снегу на вражеской территории.

Я получил приказание вынести убитого командира с поля боя.

В помощь мне дали двух разведчиков и двух санитаров. Мне было поручено также найти капитана Савина-Савчука и передать ему приказание штаба полка принять на себя командование батальоном.

Я шел впереди. За мной — разведчик Беляев, за ним — Алябьев и санитары.

Вокруг свистят вражеские пули; снег исполосован ими. Идем, пригибаясь, делаем перебежки, ложимся в снег, ползем. Прошли первые 150 метров. Разрывом мины ранены санитары. Идем втроем. Снег глубокий, мягкий. Вязнем в сугробах. Тяжело. Алябьев отстал. Мы потеряли его из виду. Со мной остался один разведчик Беляев. Приказываю Беляеву ползти назад, собрать раненых санитаров, разыскать Алябьева и вернуться.

Иду один вдоль фронта. Вражеские пули свистят у самых ушей. Двигаюсь длинными перебежками по телефонной линии. Пуля пробивает шинель. Вслед за ней вторая пуля дырявит шаровары. Я все цел.

Пули не отстают. Видимо, какой-то снайпер берет меня на мушку.

Но я обязан вынести своего командира, я не имею права оставить его финнам.

Перехожу на короткие перебежки, чтобы затруднить «работу» белофинского снайпера. Использую каждую лощинку. В лощинках всегда больше снегу. Падаю в снег со всей силой, чтобы глубже погрузиться в него.

Чувствую, что начал уставать. Дышу тяжело. Увидел разбитый станковый пулемет. Лег немножко отдохнуть за ним, но вражеская пуля ударилась о щит пулемета. Осколком меня ранило в левую щеку. Значит лежать на одном месте нельзя — скорее убьют; надо быстрее двигаться вперед.

Бегу. Падаю, ползу, снова бегу. Вот место, где должен быть командир. Вижу — лежит он в снегу, шинель заледенела. Тело командира примерзло к земле. Оторвал его от земли, взял на плечи, ползу обратно.

Снайперы разозлились, бьют по мне во-всю. Но я перехитрил их и, маскируясь, ушел от огня. По пути разыскал батальон, передал приказание штаба полка, указал, куда тянуть связь к штабу, и вернулся благополучно в полк.

Капитан
Н. ПОКРОВСКИЙ

Эпизоды боя за остров Васикка-саари

В укрепленном районе на реке Салмен-кайта наш стрелковый полк захватил и разрушил шесть железобетонных дотов противника и до 20 дерево-земляных укреплений. Путь для дальнейшего продвижения был расчищен. До станции Пэлляккяля полк шел, не встречая сопротивления. Двигались по азимуту, прокладывая колонный путь среди лесов и снегов. Не отставая от пехоты, шла артиллерия. Так было пройдено 13 километров по резко пересеченной лесисто-болотистой местности, при полном отсутствии дорог.

Сопротивление финны оказали нам, когда мы выдвинулись на правый берег реки Вуокси против острова Васикка-саари. Здесь полк получил задачу — овладеть островом и выйти на левый берег реки в направлении деревни Вентеля.

Бой за остров начался 4 марта попытками 3-го батальона нашего полка форсировать реку по льду и занять остров Дюмонико-саари, что лежит у юго-западной оконечности острова Васикка-саари, отделяясь от нее узкой протокой. Первые попытки не удались. Батальон был встречен сильным огнем и, понеся потери, залег на льду. Особенно большой урон приносил фланговый обстрел с острова Васикка-саари.

В этот день имел успех только 1-й батальон, действовавший на левом фланге. Продвигаясь вперед, он 5 марта занял мыс с киркой против северной оконечности острова Васикка-саари и продолжал наступление, угрожая флангу противника. Следовало немедленно использовать создавшуюся обстановку. Перед вечером 5 марта 3-му батальону было приказано без промедления штурмовать остров Дюмонико-саари. И тут мы еще раз убедились, что даже в самых трудных условиях и при небольшой численности решительность и упорство дают успех.

Наша артиллерия, ведя огонь с берега, потрепала финнов, но все же их преимущество было велико. Они были защищены траншеями, окаймлявшими остров, а мы наступали на виду у противника по льду, где не имелось укрытий и нельзя было окопаться.

Несмотря на это, смелый бросок, предпринятый батальоном, заставил финнов откатиться с укрепленного рубежа. Сначала на остров ворвались 12 человек. Их возглавлял лейтенант Ильин, который заменил раненого и вышедшего из строя командира батальона старшего лейтенанта Коврижко. Рядом с ним действовали политрук Смирнов и младший политрук Митрошкин. Вслед за передовой группой поднялись со льда и все остальные бойцы батальона. Финны не приняли боя в траншеях. Бросив впопыхах оружие, ранцы и прочее, они старались поскорее скрыться с острова. Подхватив вражеский автомат, младший политрук Митрошкин вместе с другими преследовал бегущего противника, осыпая его градом пуль. Дюмонико-саари был занят и очищен от финнов.

Подразделения батальона провели на острове ночь. Начало ее прошло спокойно. Подразделениям подвезли горячую пищу, и они подкрепились для дальнейшего боя. Люди заняли траншеи, было выставлено охранение.

Финны, однако, успели опомниться от удара. К исходу ночи они предприняли контратаку. Прокравшись в темноте через протоку, они вошли на остров. Закипела рукопашная схватка. Два финна внезапно ворвались в блиндаж, где находился политрук Смирнов с посыльным. В предутреннем неровном свете Смирнов неожиданно увидел перед собой финского офицера. Оба одновременно подняли пистолеты. Но Смирнов опередил финна, выстрелив первым. Офицер грохнулся на землю. С другим финном покончил посыльный.

Повсюду на острове шел бой. Штыками и прикладами красноармейцы уничтожали финнов. Вышел из строя расчет одного пулемета. За пулемет лег старший лейтенант Егоров. Он следовал по пятам за отступающим противником и расстреливал его в упор, когда тот стал отходить по льду.

Выполнив свою задачу, подразделения 1-го батальона пришли на помощь 3-му. Днем 6 марта они вступили на остров Васикка-саари. Порядком потрепав противника, батальон сломил его сопротивление. Весь остров к вечеру был очищен от финнов. На его северную оконечность были переброшены орудия полковой артиллерии для поддержки дальнейшего продвижения пехоты.

На левом берегу реки Вуокси появлялись группы противника. Там горел сарай, и их можно было наблюдать при свете пожара. Было видно, как несколько человек прошло в домик, который стоял рядом с горевшим сараем. Наши орудия быстро пристрелялись к домику и разрушили его. Движение среди противника и крики, доносившиеся к нам с того берега, — все говорило, что финны готовятся к дальнейшему сопротивлению. Мы получили приказ форсировать протоку между островом Васикка-саари и левым берегом реки Вуокси.

Подразделения приступили к выполнению этой задачи. Было уже темно. В наступившей тишине слышался шум воды в протоке. Почти повсюду лед был разбит артиллерийскими снарядами. Рыхлыми буграми прижимался он к берегу, а посреди протоки тускло поблескивала холодная вода.

Красноармейцы в нерешительности остановились на берегу.

— Смело за мной! — скомандовал командир роты лейтенант Рогач и вошел в протоку.

То по льдинам, то по пояс в ледяной воде двигался он вперед, подбадривая и увлекая за собой красноармейцев. Он был из тех командиров, которые благодаря своему бесстрашию пользуются громадным влиянием на бойцов. Его рота в самых опасных местах шла в авангарде, брала укрепленные высоты, взбиралась на железобетонные огневые точки и всегда добивалась успеха, потому что лейтенант мужественно и умело руководил подразделением. Состав роты менялся, но авторитет командира был высок даже среди только что прибывших бойцов. Уж таков был дух роты: уважение к командиру передавалось от ветеранов к новичкам.

И на этот раз бойцы не спасовали перед препятствием, которое на их глазах преодолевал лейтенант Рогач. По ледяной воде они переправились на другой берег.

Был тридцатиградусный мороз. Одежда людей обледенела, коченели от холода ноги. Когда рота достигла берега, лейтенант Рогач выставил боевое охранение, указал места наблюдателям, а посыльного отправил в штаб батальона за станковыми пулеметами. Два пулемета были вскоре доставлены и как раз кстати.

Наблюдатели все время доносили, что противник собирается большими группами, что до них доносятся голоса. Крики и гомон, по которым можно было заключить, что у противника происходит пьянка, слышал и лейтенант Рогач. Он понял, что надо ожидать контратаки. Расставив пулеметы и указав места стрелкам, он все приготовил к ее отражению.

К этому времени лейтенант Рогач успел установить связь с соседом слева; с правым флангом связаться не удалось, так как посыльный по пути был убит.

Финны не заставили себя долго ждать. Вскоре в темноте показались их силуэты. Они шли большими группами, открыто, во весь рост, оглашая окрестность громкими, воинственными криками. Нетрудно было догадаться, что алкоголь помутил их сознание.

Лейтенант Рогач подождал, пока противник не приблизился на достаточное расстояние. Затем он подал команду. Пулеметчик Ларичев длинной очередью трассирующих пуль уложил одну из групп на месте. Стрелки открыли перекрестный огонь. Передние ряды финнов залегли, но сзади напирали другие.

Наши пулеметы также и им не дали возможности продвинуться вперед. Лейтенант Рогач с группой бойцов забросал залегших врагов гранатами. Уцелевшие финны вскочили со снега и бросились бежать назад. Вслед им пулеметы послали несколько очередей.

Контратака была отбита. Но соседняя правофланговая рота, когда численно превосходящие подразделения финнов стали наседать на нее, не выдержала атаки и отошла. Для роты лейтенанта Рогача создалась угроза окружения. Ей было приказано возвратиться на остров Васикка-саари. Переправу она совершала под сильным минометным и пулеметным огнем, который вел противник по протоке, стараясь отрезать роте путь отхода.

Когда подразделения сосредоточились на берегу острова Васикка-саари, принявший на себя командование этой группой капитан Шепелев с полным знанием дела и умением расставил имевшиеся в его распоряжении 12 пулеметов. Окрыленный успехом, противник начал напирать на остров. Финские подразделения стали переправляться по льду. Но тут на протоке их встретил шквал пулеметного огня. Десятки врагов падали в воду и тонули. Лед был устлан трупами финнов. Их потом насчитали до двух сотен.

Этой победой закончился бой, который четверо суток без перерыва вел наш стрелковый полк за обладание островом Васикка-саари.

Старшина
А. ПОПОВ

Бомбежка Лаппенранта

Нашей эскадрилье была поставлена задача разрушить станцию Лаппенранта, крупнейший железнодорожный узел, через который происходило снабжение Выборга. Станция находилась далеко за линией фронта и имела хорошую противовоздушную оборону.

День стоял на редкость ясный, морозный. Температура на земле — минус 30 градусов. Я залез в кабину самолета, чтобы еще раз проверить, все ли в порядке.

И вот эскадрилья поднялась в воздух. На высоте 2 тысяч метров мы сделали круг над одним из бесчисленных озер, находящихся вблизи линии фронта. Здесь к нам присоединились истребители и вместе с ними мы прошли слева от озера Муола-ярви. Впереди были видны Выборг и Выборгский залив. Вскоре и они остались справа. Наши истребители ушли немного вперед, ища противника и ведя разведку его огневых точек. Мы же следили за воздухом, особенно внимательно смотря вниз, нет ли в хвосте вражеских истребителей.

Мы находились уже недалеко от цели, когда попали в зону огня финской зенитной артиллерии. Снаряды малых и больших калибров рвались сериями — по нескольку штук сразу, оставляя после себя облачка белого, черного и какого-то бурого цвета.

Умело маневрируя, эскадрилья стала уходить от огня. Люки уже были открыты, сейчас повалятся бомбы на головы врагов! Кроме непрерывного наблюдения за воздухом, я должен был замечать, куда попадут бомбы. Штурман действовал отлично — бомбы попали точно в железнодорожную станцию.

Развернулись обратно, и тут я увидел сзади и сверху силуэты трех самолетов. Еще до начала войны мы изучали силуэты истребителей, и когда вражеская тройка стала приближаться, я сразу узнал их тип: «Фоккер Д-21».

«Сзади истребители противника», — предупредил я летчика и дал две очереди, чтобы привлечь внимание стрелков-радистов других самолетов. Одновременно я сигнализировал, чтобы бомбардировщики взяли превышение.

За чтением свежего номера фронтовой газеты

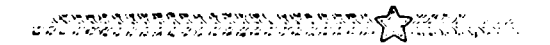
«Фоккеры» шли на уровне нашей девятки. Быстро изготовив пулемет, я принял удобное положение для стрельбы. Но ближе 700—800 метров «Фоккеры» не подходили. Девятка шла плотным строем, в таком строю огонь наших пулеметов был мощен и сосредоточен.

Неужели белофинны не осмелятся сделать ни одной атаки?

Уходить без боя не хотелось: мы так ждали встречи с врагом в бою! Так и не дождавшись атаки, я дал по «Фоккеру» несколько очередей. Трассирующие пули, как молнии, прорезали воздух. Полетели короткие очереди и с других самолетов. Испугавшись организованного огня, противник повернул обратно.

Вернувшись на свои аэродромы, мы почистили пулеметы, добавили в ящики новые патроны взамен израсходованных и стали готовиться к очередному вылету.

Герой Советского Союза младший лейтенант
Х. ИБРАГИМОВ

Батарея в боях за Вила-йоки

В дни боев с финской белогвардейщиной я командовал батареей. Особенно запомнились мне десять дней накануне заключения мира, о которых я и хочу рассказать.

3 марта моя батарея была придана стрелковому полку. Выслав вперед разведку, батарея совершала марш. Двигались с трудом, хотя пушки были поставлены на лыжи. Увязая местами по грудь в снегу, скользя по льду, помогая тракторам тащить орудия, артиллеристы спешили на помощь полку, который уже ввязался в бой. Полк находился на открытой местности, а белофинны — на опушке леса. Понимая, что каждая минута дорога, я с одним трактором вырвался вперед.

— Быстрее, — говорил я то и дело водителю Кайнову.

За мной рванулись остальные тракторы. Мы обогнали полковую артиллерию. Финская малокалиберная артиллерия стала обстреливать нашу батарею. Я развернул орудия, подал команду «К бою» и открыл ответный огонь. Два орудия били по артиллерии противника, а два — по станковому пулемету, находившемуся в домике у опушки леса.

Темнело. Но командиры орудий, ориентируясь по блеску орудийных выстрелов, били как раз туда, откуда стреляли белофинны. Мы заставили артиллерию и пулемет противника замолчать. Пехота получила возможность двигаться вперед.

Ночь с 3 на 4 марта я провел с батареей на льду, организовав круговую оборону. Несколько раз ночью ходил проверять посты. Огня не разводили и не курили.

Утром командир полка майор Зашибалов (Герой Советского Союза) приказал занять огневые позиции на мыске. Зафыркали тракторы в морозном воздухе и двинулись, окруженные паром, жарко дышащие, словно кони после долгой скачки. Нас обстреливали из орудий и пулеметов. Ранило командира орудия Лазутина и еще одного бойца. Мы заняли огневую позицию на мыске и стали бить по врагу.

Почти двое суток, 5 и 6 марта, продолжалась артиллерийская дуэль. Замечательно работали наблюдатели, помогая мне

обнаруживать огневые точки врага. Немало вражеских пулеметов и орудий вывели мы в эти два дня из строя. Часто меняли огневые позиции.

Печальную весть услышали мы на следующий день: враги ранили отважного командира Зашибалова — любимца бойцов. Командование принял майор Молев. Он известил меня, что 7-го с утра начнется наступление.

Смотрю, а в баках нет бензина. Как быть? С тыла трудно подвезти. К счастью, метров за шестьсот от нас находилась подбитая цистерна. Приспособили «лодку», на нее ставили ведра с бензином и ползком перетаскивали от цистерны к батарее. Запаслись горючим, осмотрели орудия, все подготовили для боя.

Тут как раз подоспел старшина Ковалев — привез в термосах горячую пищу. Он молодец, наш старшина: под пулями врага, на санках, вместе с выделенными ему в помощь бойцами бесперебойно обеспечивал батарею пищей. Подзаправились бойцы, повеселели.

7 марта, в 6 часов, майор Молев собрал командный состав и поставил боевую задачу. Наступать надо было на деревню Вила-йоки (18—20 километров левее Выборга). Один мой взвод был оставлен в резерве, другой придан батальону, наступавшему с фланга.

Перед нами лежала покрытая снегом лощина. На другом конце ее виднелись беспорядочно разбросанные домишки. За ней, на подъеме — штабеля дров. Еще выше — деревья, среди которых было много валунов.

Для наступающего с фронта 2-го батальона создалось трудное положение: снег по грудь. Пехота, немного продвинувшись, залегла. «Кукушки» с деревьев осыпали ее огнем из автоматов. Стреляли также с чердаков.

Я решил с одним орудием выдвинуться вперед и своим примером подбодрить пехоту. Пехота поднялась и пошла за трактором.

Заговорил станковый пулемет врага с высотки. Пехота снова залегла. Я подал расчету команду «К бою». Расчет снял орудие и дал четыре выстрела. Последними двумя снарядами пулемет был сбит.

Все ближе продвигается пехота к деревне. Чаще стреляют с чердаков. Как только стрелки поднимутся для атаки, — огонь усиливается. И так несколько раз.

Особенно досаждал пулемет, установленный где-то на чердаке во второй линии домов. Я решил подъехать поближе и заставить его замолчать. Мы спустились в лощину, проехали мимо одного домика, у стены которого уже накапливались для атаки красноармейцы. Выдвинулись из-за него и открыли огонь по чердаку, откуда строчил пулемет. Он замолк.

Все же половина деревни оставалась еще в руках врагов. С утра 8 марта бой разгорелся с новой силой. Из-за штабелей лесного склада белофинны вели яростный огонь. Прекрасно действовал младший командир Ксенофонтов, ныне Герой Советского Союза. Он со станковым пулеметом подобрался с фланга и стал косить врагов, укрывающихся за штабелями дров, в которых были сделаны амбразуры для стрельбы. Этот лесной склад, расположенный на высотке среди деревьев и валунов, был настоящей крепостью. Немало труда положили мы, чтобы взять его.

Борьба за Вила-йоки продолжалась и в следующие дни. В каждом доме была у финнов огневая точка. Крепко пришлось в этот день нам, артиллеристам, поработать.

Мы били по домам прямой наводкой. Мне пришлось не только руководить огнем и указывать цели командирам орудий, но и самому стрелять, чтобы обеспечить путь пехоте. Наши орудия так накалились, что снег таял и испарялся налету, не успев осесть на ствол.

Ранило в плечо наводчика Гисматулина. Он стиснул зубы от боли. Его направили в тыл. Через час он вернулся.

— Я пойду в госпиталь только после победы над белофиннами, — твердо заявил он и остался в строю.

Пехота штурмом брала последние дома. Мы помогали ей. Два наших орудия били прямой наводкой по каменной конюшне у околицы, где за прочной оградой засело много врагов. Мне пришлось стрелять по башне, откуда финский станковый пулемет вел огонь, задерживая продвижение наших лыжников. Выполняя приказание майора Молева, я сбил вражеский пулемет бронебойными снарядами.

Особую трудность представляло снабжение боеприпасами. Они находились в 350 метрах сзади. Ящики со снарядами перетаскивали ползком. На пути приходилось переваливать через возвышенность. Противник простреливал ее гребень. Приходилось бойцам изворачиваться, ползти по-пластунски, чтобы уберечься от вражеского огня и своевременно доставить снаряды на батарею.

Наконец, в Вила-йоки были уничтожены остатки белофиннов.

Моя батарея находилась все время в центре боя, и, несмотря на это, она имела небольшие потери — один убитый и несколько раненых за всю войну. Мне кажется, что это не случайно. Мы добились полного автоматизма в работе расчетов. Они вели огонь быстрым темпом и часто меняли огневые позиции. У нас хорошо была организована разведка, особенно разведка пути. Наблюдение было непрерывным.

Люди у орудий зря не стояли. Когда не нужно было вести огонь, все удалялись в укрытия, оставив у орудий по одному наблюдателю. Бойцы правильно применялись к местности, искусно маскировались. Орудия накрывали белыми чехлами; в лесу — ветками, на околице населенного пункта маскировали их сеном или соломой.

Самое главное — на поле боя соблюдалась железная дисциплина. Каждое приказание выполнялось быстро и точно.

Герой Советского Союза младший командир
П. ОЛЕЙНИКОВ

Береза

Это случилось во время мартовских боев. Рано утром, только занялась заря, батальон повел наступление на деревню Вуокса. Наш взвод шел впереди роты по заросшему кустарником узкому перешейку между двумя маленькими озерами. Я с группой бойцов вырвался вперед, решив занять лежащую перед нами высотку. Мы миновали овраг и вышли на площадку, заваленную валунами.

Неожиданно услышали стрельбу и крики финнов. Залегли.

Стрельба, наконец, утихла, и я осмотрелся: рядом со мной — только один человек — отделенный командир Прошин. Я приказал ему немедленно отойти назад, хоронясь за камнями, и по оврагу добраться до наших. Как только Прошин исчез в кустарнике, показались белофинны. Я бросился в снег и подполз к большой березе. Спрятал голову за ствол дерева. Лежу, наблюдаю. Вдруг вижу: слева на меня ползет финн в белом халате. Я выстрелил. Он ткнулся лицом в снег.

Прошло несколько секунд. Внимательно смотрю по сторонам и вперед. Слышу шорох и вижу, что из-за пригорка медленно поднимается штык. Прицелился и, как только показалась голова белофинна, выстрелил. И этот враг рухнул в снег.

Теперь белофинны появились и справа от меня. Переместить винтовку на другую сторону березы я не мог: обнаружил бы себя. Решил действовать иначе. Ползущего справа финна застрелил из пистолета.

В эти минуты я благословлял цвет своего халата: он сливался с корой березы. Недаром говорят: халат теплее шубы!..

Поднялось приветливое мартовское солнце, стало теплее... Я снял перчатки. Вынул из-за борта и карманов шинели гранаты, положил их у корня березы. Патронов оказалось около 200 штук. Смотрю на свои боеприпасы и думаю: «Теперь повоюем! Только до-темна хватило бы...»

Тут я снова увидел, что прямо на меня во весь рост идет белофинн. И его снял.

Продолжаю вести наблюдение. Теперь уже не с пригорка, а справа из-за камней и слева из-за кустарника ползут белофинны. Пусть подползут поближе, — решил я. Они меня, конечно, не видят, переговариваются между собой и показывают в ту сторону, где находятся наши позиции. В этот момент ударила наша артиллерия. Снаряды рвались совсем недалеко от меня. Не очень-то приятно находиться под разрывами своих снарядов, но и они как-то ободрили меня.

Наши перенесли огонь, и белофинны снова полезли с высоты. Опять в воздухе вырастает штык, а затем над пригорком появляется финский солдат. Вот показались двое сразу: одного убиваю, а второй заметил меня и начал целиться. Я мгновенно опустил голову вниз. Пуля обожгла мне шею, прошла под шинелью, разорвала ремень и ушла куда-то в снег.

Белофинны, очевидно, обнаружив меня, поползли ко мне справа и сзади. Огонь усилился. Пулей пробило на мне шапку и срезало прядь волос.

С правой стороны появилось сразу четверо белофиннов, я бросил в них гранату. Но убил только одного. Остальных прикончил из винтовки.

Пули жужжали над головой. Оборвали всю кору у березы. Чтобы в винтовке был все время полный магазин, я после каждого выстрела закладывал один патрон. Снег подо мной подтаял, и теперь я лежал в глубоком окопчике. Патронов осталось 15 штук.

Между тем солнце зашло. Начинало темнеть. Финны больше не появлялись, и тогда я покинул свою березу. Ползком, прячась в кустах, от камня к камню я продвигался назад. Наконец, смог итти в рост, не пригибаясь, и быстро достиг наших передовых линий. Меня обстреляли наши часовые, думая, что перед ними белофинны. Я громко выругался с досады, и товарищи узнали меня по голосу.

Одежда моя обледенела и не сгибалась. Командир батальона немедленно отправил меня в тыл, на огневые позиции, к артиллеристам. Там в сарае я обогрелся, хорошо выспался в соломе, а на следующий день снова пошел к себе в батальон.

Рано утром белофинны отступили. Я со своим командиром роты ходил смотреть место у березы, где провел вчера весь день. Береза — моя спасительница — была источена пулями: выделялось то место, где я лежал — здесь снег оттаял до самой земли. Во многих местах на снегу темнели кровавые пятна. Белофинны не оставили ни одного трупа, но снег хорошо сохранил следы вчерашнего боя.

„Дом отдыха“ на фронте

Преследуя отступающего противника, наша дивизия с боями продвигалась вперед. Белофинны отходили, сжигая поселки, деревни. Несколько раз они пытались зацепиться за местность, остановить наше наступление. С непрерывными боями красные бойцы, не зная усталости, шли вперед, не давая опомниться врагу!

Советские воины показывали невиданные образцы выносливости. Они спали урывками на снегу, под огнем противника. Несмотря на мороз, им приходилось дни и ночи проводить в открытом поле. Ночевка в каком-нибудь уцелевшем сарае считалась верхом блаженства.

И вот у нас в дивизии возникает мысль организовать для лучших бойцов и младших командиров дом отдыха. В это дело работники тыла и политотдела вложили много любви и заботы о бойце. Мы обнаружили сохранившуюся финскую баньку. Около нее разбили большую палатку на 50 человек и принялись за ее оборудование. Пол палатки устлали мхом и сверху покрыли ковром. Установили две глиняные печи, которые непрерывно отапливали палатку, создавая в ней давно забытое бойцами тепло.

Прекрасные воспоминания сохранились у бойцов о фронтовом доме отдыха.

...Ранняя зимняя ночь. Суровый мороз. Боец Никифоров лежит на снегу у проволоки, за которой притаился коварный враг. Нельзя приподняться — финские снайперы ведут наблюдение. Но вот Никифоров решительно рубит саперной лопатой проволоку, делает проход для целой роты и осторожно отползает. Задание выполнено. Командир роты сообщает ему, что за отличную службу он направляется в однодневный дом отдыха.

Командир, наверное, шутит. Какой отдых на фронте? Но приказание выполняется.

В 8 часов вечера боец Никифоров явился в дом отдыха. Жарко натоплена банька. Пар с шумом вырывается из нее.

Усталое, грязное тело, как огромную награду, принимает баню. А банька настоящая, русская, с паром, с вениками. Весело смеются и шутят бойцы, сидящие на верхних полках.

Сменив белье, бойцы шли к парикмахеру, стриглись, брились.

Светлая, уютно убранная палатка радостно встречала отдыхающих. Вкусно поужинав, они приглядывались, чем бы заняться. В палатке шашки, шахматы, домино, радиоприемник, патефон, газеты. На столиках лежат конверты и бумага для письма...

Пока бойцы отдыхали, двое портных производили капитальный ремонт их обмундирования. Сапожники чинили обувь.

У печек собирались бойцы на беседу. И хотя была слышна артиллерийская стрельба и самолеты противника проходили над палаткой, казалось, что фронт очень далек.

Давно уже бойцы не спали так крепко и в такой уютной обстановке.

Возвращаясь на другой день в свое подразделение, они были бодры и сражались еще смелее и отважнее, стремясь скорее добиться полной победы над врагом.

Полковник
А. МАВРИН

Переход тяжелой артиллерии по льду Финского залива

Шли первые мартовские дни 1940 года. Части правого фланга, прорвав укрепленные линии противника, подошли к Выборгу, стремясь окружить эту цитадель Карельского перешейка. Перед действовавшим на левом фланге соединением, в состав которого входил наш артиллерийский полк, стояла задача — перейти по льду на северное побережье Финского залива и отрезать противнику пути отхода от Выборга.

Полем боя стали льды Финского залива.

Покинув берега полуострова Койвисто, с которого только что был сброшен противник, части соединения двинулись по льду на материк, попутно очищая от финнов укрепленные острова Выборгского залива. Легко представить себе трудности, с которыми столкнулись наши войска в боях на льду. На обширных ледяных пространствах негде было укрыться от огня, который вели финны с островов и мысов побережья, испещренного скалами, а эти скалы являлись отличными естественными укреплениями. Ясно, что роль артиллерии была исключительной в труднейшем ледовом походе.

Наряду с другими артиллерийскими подразделениями эту операцию обеспечивал 2-й дивизион нашего артиллерийского полка, находившийся на северной оконечности полуострова Койвисто. Дивизион оказал немалую поддержку пехоте, выводя из строя огневые точки противника, мешавшие ее продвижению, рассеивая контратаки, уничтожая финские резервы.

Стрелковые части вышли с боями на материк и перерезали финские коммуникации. Перспектива оказаться отрезанным и окруженным усиливала сопротивление противника. Для его подавления потребовалась мощная артиллерийская поддержка. Наш полк получил приказ переправиться по льду вслед за пехотой.

История войн не знала еще подобного опыта переправы тяжелой артиллерии через лед. Естественно, перед нами возник

вопрос: выдержит ли лед Финского залива многотонную тяжесть тракторов и орудий?

Срок для подготовки к переходу у нас был небольшой: всего полтора дня.

Решено было сделать для орудий специальные сани с длинными полозьями, чтобы облегчить их движение и• уменьшить давление на лед. Закипела работа. В лесу стучали топоры, визжали пилы. Артиллеристы превратились в плотников. Они валили наземь высокие ели и сосны, пилили и обтесывали бревна, соединяли готовые полозья перекладинами.

К этому времени на полуострове уже находились два дивизиона полка. Мы решили сначала переправить 3-й дивизион, который пришел из Юханиса, где с честью выполнил свою задачу, а 2-й дивизион оставить на полуострове для артиллерийской поддержки переправы.

Первым должно было переправиться орудие 7-й батареи. Личный состав батареи с гордостью принял это сообщение и с утроенной энергией стал готовиться к ледовому маршу. Политрук батареи тов. Попазов воодушевлял бойцов своим примером. Точно в срок орудие оказалось на берегу и было поставлено на полозья.

Мы были уверены в благополучном исходе переправы, так как все подготовили, продумали каждую деталь.

Вперед пошел трактор с угольником для расчистки снега. Затем и орудие, пройдя через битый лед у берега, двинулось по заливу. Оно было прикреплено к трактору цепью и находилось на расстоянии трех метров от него. Такое удаление уменьшало нагрузку на лед. Возле орудия шел только командир орудия, а огневой расчет двигался на расстоянии 20 метров. Трактором управлял лучший водитель Василий Васильев, бывший комбайнер, награжденный орденом «Знак Почета». Сейчас на его груди рядом со «Знаком Почета» появился орден Красной Звезды, как память об этой переправе. Васильев и его помощник получили указание: в случае, если лед не выдержит, покинуть трактор. Такое же указание получил командир орудия.

На всем пути сопровождали орудие батальонный комиссар Евдокимов и политрук Попазов.

Лед трещал, и порой казалось, что он не выдержит такой тяжести. Однако трактор со скоростью 7—8 километров в час двигался вперед, к побережью, таща за собой орудие. С каждой минутой и на берегу полуострова, откуда с волнением следили за процессией, и среди людей, идущих за орудием, все более укреплялась уверенность, что все будет в порядке: лед хоть и трещал, но выдерживал нагрузку!

Над заливом появлялись финские бомбардировщики. Они стремились помешать переправе. Но орудие охраняла зенитная установка, следовавшая за ним.

Лед залива был покрыт полыньями, образовавшимися от разрывов наших снарядов, когда мы обстреливали Койвисто и острова, преграждая отступление противнику. Полыньи приходилось огибать, и поэтому путь орудия растянулся. Все же через полтора часа после выступления оно достигло побережья. Немедленно была занята огневая позиция, и начался обстрел резервов противника, сосредоточившихся в Сяккиярви.

А тем временем на полуострове продолжали изготовлять сани, устанавливать орудия на полозья. Ночью батарея за батареей стал переправляться на побережье 3-й дивизион. Вернувшийся на Койвисто тракторист Васильев на этот раз повел за собой по знакомому пути уже целую колонну. Всю ночь он не сходил с машины, а утром, когда батарея с новых позиций стала вести огонь по противнику, неутомимый тракторист помогал орудийным расчетам подносить снаряды.

Сани, освободившиеся после переправы, были снова переброшены на полуостров и прилажены к орудиям 2-го дивизиона. Путь, проложенный по льду, был укатан до того, что в углублениях появилась вода, а лед все же нас не подводил.

Характерен такой эпизод. Когда переправа подходила к концу, под одним из орудий среди дороги развалились сани. Однако это орудие и без полозьев благополучно добралось до берега.

Через 36 часов после получения приказа переправа была закончена. 9 марта полк уже находился на побережье. Шла усиленная переброска снарядов. Полк продолжал артиллерийское обеспечение боевых операций.

Политрук
ДИКАЛЕНКО

Боевое питание

Это было в те дни, когда наши части, прорвав линию Маннергейма, охватывали Выборг и готовились к решительному штурму его. Командир дивизиона капитан Львин приказал мне обеспечить подвоз снарядов.

— Смотрите, Дикаленко, — сказал он, — дорога плохая, вернее, дороги совсем нет. Поэтому подготовьте и проверьте все заранее, чтоб не было никакой задержки со снарядами...

Я взял с собой людей и отправился изучать маршрут. Пробираясь вперед, мы тщательно все осматривали и убедились, что, действительно, хуже быть не могло. Всюду валежник, камни и болота. Кругом прорыты канавы и попадаются озера, прикрытые снегом. Озера эти да канавы — настоящие ловушки. Не разглядишь их во-время — и трактор или машина глубоко пробороздят снег, с глухим треском проломят лед. Пришлось нам поработать, как заправским саперам. Валили огромные деревья, оттаскивали их в стороны, исследовали буквально каждый метр пути, укатывали снег. Трое суток, днем и ночью, пробивали мы эту дорогу. Шли горячие бои, и мы не смели хоть на минуту задержать подвоз снарядов.

Ответственность ложилась на меня, как на старшего. Я вижу, что ни делай, а машины тут не пройдут. Один трактор ушел у нас под лед, и сколько мы бились с ним — не рассказать. И вот решил я, что для этой дороги самое подходящее — сани. Саней у нас не было. Значит, надо было их сделать. Выбирали деревья с кривыми стволами, так сказать, с естественными загибами для полозьев. На полозьях строили щит, а на щит клали ящики со снарядами, и эти сани проходили там, где застревали тяжелые машины.

Хорошо укатали дорогу. В каменистые места подвозили снег и сваливали его. Потом добились того, что могла уже проходить тракторная прицепка и все положенное количество боевых комплектов полностью доставлялось на огневые позиции. Подвозили их главным образом ночью. Спать иногда совсем не приходилось, но люди подобрались у нас на ред-

кость дружные, и, несмотря на тяжелую работу, настроение у всех было замечательное. Тракторный механик Киртков водил колонну к самым огневым позициям, а когда неприятельские снаряды ложились тут же, чуть не задевая повозки, он ворчал:

— Ну, куда вы бьете?.. Для вас же подарки везем...

Наши батареи действовали вместе с ротами, орудия меняли позиции одновременно с пехотой, и нередко мы подавали снаряды на руках прямо на линию боя. За все время не помню случая, когда бы батареи не были полностью обеспечены снарядами.

Бои не затихали круглые сутки. Наши войска все ближе подходили к Выборгу. Нас придали стрелковому полку. Полк дрался героически. После долгой и ожесточенной атаки был взят большой пушечный дот. Финны пытались отбить его. Был уже вечер. Рота, захватившая дот, была окружена. Командир роты организовал прочную оборону. Вмешалась и наша артиллерия, которая устроила огненное кольцо вокруг дота. Одна батарея била в лоб, а другие две — по сторонам, и финны были быстро отброшены. Огонь велся ураганный, и мы непрерывно подавали снаряды.

Дни перед штурмом Выборга надолго запомнятся нам. Люди состязались в храбрости и военном искусстве. Командир батареи Крук, опытный, боевой артиллерист, получил тяжелое ранение, но не захотел оставить батарею до прибытия нового командира. Его перевязали, положили в сани, закутали потеплее, использовав все теплые вещи, которые были под руками, и он лежа продолжал управлять огнем батареи. Улыбаясь, Крук говорил:

— Вот видите, как удобно. Лучшего желать нельзя.

Уже вблизи Выборга мы попали в сильнейший буран. Мороз доходил до 40 градусов, дорога была совершенно заметена, ветер пронизывал до костей. Но остановиться было нельзя. Сейчас даже удивляешься, как все это люди преодолели. Я тогда так замерз, что не мог держаться на ногах, часто падал. И все же снаряды были во-время доставлены на огневые позиции. Наши бойцы, белые от намерзшего на них снега, весело кричали орудийным расчетам:

— Замерзли снаряды, пока довезли. Разогрейте их получше.

Грохот наших орудий не умолкал...

Через два дня войска вступили в Выборг. Всюду на укреплениях были видны следы грозного воздействия нашей артиллерии. С великой радостью сознавали мы, что наша боевая работа выполнена с честью.

☆

Старший лейтенант
Ю. МИЛЬГРАМ

Боевые записи

Январь. Меня назначили начальником инженерной службы дивизии. На следующее же утро по прибытии на фронт я познакомился вместе с другими начальниками служб с районом расположения дивизии.

Она стоит на самом берегу Финского залива, занимая очень узкий фронт — примерно полтора километра.

Землянки переднего края расположены в лесу, метрах в шестидесяти от незавидной речонки Лохи-йоки шириной всего метров в шесть. Я удивился, что она не замерзла.

Командир дивизии, обходивший вместе с нами район расположения частей, объяснил, что наверху у финнов плотина; как только усиливается артиллерийский огонь, они спускают воду, которая размывает даже береговую кромку льда на заливе.

Мы вышли на рекогносцировку. Комбриг спрашивает:

— Был ли кто-нибудь из вас под огнем?

Выясняется, что никто.

— Ну и отлично, значит получите боевое крещение.

И точно, едва мы стали выходить за передний край, раздалось повизгивание пуль и цоканье автоматов. Ощущение не очень приятное.

Комбриг обратился ко мне.

— Что вы видите?

— Вижу реку... Перед ней и позади нее надолбы...

— А еще?

— Взорванный мостик...

— Еще что?

— Поодаль, метрах в шестидесяти за рекой, — колючую проволоку и дальше — холмы. Странно, что они чересчур правильно расположены. Но что под ними — доты, дзоты, орудийные или пулеметные точки — сказать не могу.

Мы пошли обратно. Мне, старому саперу, было понятно, что укрепления у врага солидные, хорошо замаскированные. Словом, работы нашему брату хватит.

В залив языком вдается полуостров, занятый противником. Оттуда, с известной регулярностью, группки финнов заходят по льду к нам в тыл и затевают стрельбу.

На маленьком островке у самого берега стоит наша застава, но финны ухитряются обходить ее.

Чтобы избавиться от непрошенных гостей, наши саперы в одну из ночей положили на лед мины и поставили проволочные заграждения.

* * *

Последнее время мы заняты постройкой дерево-земляных сооружений на переднем крае. Получилось довольно солидно.

Кстати, пришлось заняться ознакомлением бойцов с минами противника, так как некоторые опасаются ходить по не разведанной саперами дороге или по целине.

Я собрал своих саперных командиров и на местности провел с ними занятия. Мы пошли по целине. Разрыли пару сугробов. Вынули мины, я показал, как их обезвреживать, а затем разослал лейтенантов по полкам, чтобы они обучили этому командный состав и бойцов.

* * *

Ночью просыпаюсь — тревога! Опять финны! Как они умудрились пробраться мимо наших мин?

Утром выяснилось, что трое финнов подорвались на них. Бойцы очень довольны. Все уверены, что финны больше не сунутся. До самого наступления ни один финн к нам не заходил. Надеясь на наших немых сторожей, мы нередко, когда нужны были люди, совсем снимали заставу с островка.

Февраль.

Все время сколачивали блокировочные группы. Для этого в тылу выстроили доты, типа финских, располагали в них команду, снабженную холостыми патронами.

Блокировочная группа подходила к доту и затыкала амбразуры земленосными мешками. Это очень тяжелая операция, если учесть, что каждая пулеметная амбразура имеет размеры 30 сантиметров на 10 сантиметров и что рядом с ней — амбразура наблюдателя, вооруженного автоматом. В блокировочные группы отбирались лучшие бойцы. Тренироваться им приходилось изрядно.

11 февраля с утра началась артиллерийская подготовка, такая, что не хотелось есть: земля валилась с потолка и стен землянки прямо в суп, да и грохот как-то отбивал аппетит. Молодцы артиллеристы!

Я перешел на командный пункт командира стрелкового батальона.

В 8 часов комбриг приказывает взорвать надолбы на берегу реки, чтобы обеспечить танкам вступление в бой.

Посылаю отделение сапер. Каждый сапер, кроме обычной выкладки, несет на себе от полпуда до пуда взрывчатого вещества. Сам лежу на снегу час, два — никто не возвращается. Подползает боец, зовет к телефону. Командир дивизии спрашивает:

— Почему не взорваны надолбы?

— Многослойный огонь противника не дает возможности к ним подобраться, — отвечаю я.

— Повторить попытку!

— Есть повторить попытку.

Фланговый огонь врага не утихает.

Из первой группы подрывников пока еще ни один не вернулся.

Поползла вторая группа. Результаты пока прежние: взрывов не слышно.

Огонь заметно утихает, а бойцов все нет. Расстояние до надолб всего 60—70 метров, но как тяжело их преодолеть!

Проходит полтора часа томительного ожидания.

Наконец, подползает раненый боец и докладывает, что к надолбам пробраться невозможно.

Огонь снова усиливается.

Опять звонит командир дивизии:

— Немедленно взорвать надолбы!

— Есть! Прошу усилить огонь артиллерии, товарищ комбриг!

Шквал огня заметно усилился; наши снаряды разрываются так близко, что меня обдает комьями мерзлой земли. Снег совершенно почернел. От деревьев остались одни сиротливые стволы.

Подползаю к своим саперам. Лежат они у опушки леса за броневыми щитками, где по два, где по одному. Курят, болтают, не обращая внимания на залетающие сюда пули. Отбираю одиннадцать бойцов, которые должны итти со мной рвать надолбы.

Подбегает политрук:

— Вы зачем? — спрашиваю.

— Товарищ, старший лейтенант, разрешите итти, это мои бойцы, мы всю войну вместе прошли.

Пришлось разрешить.

Ползем. Огонь автоматов настолько силен, что кажется муха живой не пролетит. Несмотря на грохот артиллерии, все время слышен свист пуль. Слышны только пули, которые летят над

самой головой, но и этих так много, что невольно стремишься зарыться в землю, срастись с ней.

Ползем. Мы с самого утра на снегу. Мороз градусов сорок. Удар по каске. Конец? Ищу кровь — ее нет. Тряхнул головой, как бы спросонья. Все на месте. Ощущение все же такое, будто тебя током стукнуло.

Ползем. Вот мы, наконец, у цели. Заряды положены, даю сигнал. Видеи характерный дымок от шнура, все в порядке. Теперь скорей назад, а то может убить куском гранита.

Взрыв! Один, другой, третий...

Огонь усилился до предела, по нас пристрелялись. Скатываюсь в артиллерийскую воронку. Там уже сидит сапер.

Начинаем выползать, и в это время слышим грозный, хорошо знакомый гул — наши танки пошли в бой. Трудно передать охватившую нас радость...

Вечером, принимая начальников служб, комбриг сердито говорит мне:

— Кто вам разрешил лезть самому к надолбам?

— Виноват, товарищ комбриг!

— Виноватых бьют. Кто мне завтра обеспечивал бы инженерную службу, если б вас подстрелили! Ну ладно, — меняя тон, сказал комбриг, — садитесь со мной ужинать...

* * *

По дороге в штаб захожу к своим саперам. Один из бойцов, взволнованно сообщив мне о том, что от ленинградских рабочих пришли подарки, подносит мне одеколон «Красная Москва».

— Это от нашей землячки, — говорит он.

Захожу в другую землянку. Бойцы пьют чай с печеньем. Мне наливают чай, угощают печеньем.

— А что, товарищ старший лейтенант, — спрашивает боец, — скоро ли в наступление? Пора бы выкуривать финнов из берлоги.

— Скоро, скоро, товарищи. Готовьтесь, нам, саперам, работы хватит.

Приятно после 40-градусного мороза посидеть в теплой землянке, выпить чаю, побеседовать с этими замечательными людьми.

* * *

В последний раз проверил все, отдал необходимые распоряжения и пошел отдохнуть. Но не спится, думаю о завтрашнем дне.

Разведка выяснила, что речушка Лохи-йоки подверглась основательной обработке со стороны противника. Берега минированы и окопаны; речка углублена до 5—6 метров, что превратило ее в серьезное противотанковое препятствие; на

чужом берегу — надолбы в четыре ряда и проволочн граждения в пять рядов кольев.

Как бы то ни было, но обеспечить в таких условиях переправу артиллерии и танков — дело сложное.

Сегодня за ужином комбриг говорил мне:

— Мильграм, вы у нас академик да еще старый сапер. Вам построить мост в 5—6 метров все равно, что мне, старому пулеметчику, выпустить ленту. Правда, противник в полусотне метров от рабочей площадки, но мы поддержим, а руководить работами будете сами.

— Есть, товарищ комбриг. Только никакого моста строить не надо, я рассчитываю подорвать берега, сделать пологие спуски, положить пару клеток, настил и устроить самый примитивный переезд на живую нитку.

— Вы хоть фанерку подложите, — пошутил комбриг, — только не задерживайте танки и артиллерию.

— Постараюсь, товарищ комбриг.

— Не постараюсь, а будет сделано.

— Есть, будет сделано!

Утро.

Такого артиллерийского грохота мне еще не приходилось слышать. Корпусная артиллерия била по дотам прямой наводкой с 200 метров. А мы — взвод сапер и несколько подрывников — уже у реки. Ледок тонкий-тонкий. К счастью, обломки взорванного моста на месте, тут же лежат сваленные деревья. Используем каждое бревно, всякий камень как укрытие, чтобы избежать напрасных жертв.

Саперы, поглощенные работой, не обращают внимания на пули, непрерывно визжащие над ними. Одно беспокоит нас: нехватает материала.

Смотрю и не верю своим глазам: пехота уже подошла. Даю команду:

— Разобрать сарай за лесом!

Бойцы привязывают к бревнам сарая веревки и перекидывают вперед; передние подхватывают, и так, в один миг, весь сарай оказался у нас.

Переезд готов.

Пехота ринулась вперед, артиллерия перенесла огонь в глубину.

К нам подошел веселый комбриг.

— А, Мильграм, вы здесь. А мне снилось, что мы в академии слушаем лекцию о мостах, до того этот проклятый мостик меня измучил. Благодарю всех, работавших на переезде, хорошо действовали! Прекрасно! — и комбриг пошел дальше.

Довольные удачным окончанием работы, мы садимся и завертываем родную украинскую махорочку. Не успели докурить, как подбегает связной:

— К комбригу!

Не иду, а лечу. Комбриг приказывает усилить отряды заграждения саперами.

— Все ваши предположения о минировании, — говорит он, — явно преуменьшены.

Действительно, вечером сообщают интересную статистику: отделение сапер во главе с лейтенантом Осиповым, пройдя за день 7—8 километров, извлекло из снега 720 мин. Видно, у врага мины — последняя надежда, насыщение ими превосходит все нормы.

Дивизия успешно преследует врага. Во время кратковременного отдыха захожу к комбригу. Он говорит:

— Сегодня соседи берут Бьерке. Жаль, что не мы, но все же надо сходить, поглядеть, может быть, и нам найдется там дело.

Я, конечно, очень рад. Мне, будущему фортификатору, интересно увидеть новшества, применяемые врагом. Ведь там основательно поработали и иностранцы.

Садимся в легкие финские саночки и в путь.

Вот и остров Бьерке. Стрельба стихает, но все же над головой то и дело свистят пули. Мы так привыкли к их свисту, что, кажется, это не по нашему адресу.

Дома финны не успели сжечь. Зато перерезали весь скот, попортили продукты, открыли погреба, чтобы картошка промерзла.

Осматриваем крепость. Ничего замечательного.

— Бьерке — не Кронштадт, — говорит стоящий рядом краснофлотец с чувством гордости за свой родной город.

Март.

Выборг — вот он, стоит перед нами, как на ладони!

Нам придется итти к нему по заливу. Разведка приносит ошеломляющие данные: толщина льда у берега — 40—45 сантиметров, в полусотне метров от берега — 15—20 сантиметров. Лед битый. Недавно здесь прошел вражеский ледокол. Снаряды и авиабомбы также изрядно попортили лед.

Ширина залива — около 2 километров, длина — 1,5 километра. Рассчитывать на усиление льда не приходится — день ото дня теплеет.

Докладываю свои соображения командиру дивизии.

Мы оба понимаем трудность задачи — переправить тяжелую артиллерию и танки. Для них нужен лед толщиной в 35—40 сантиметров, не меньше. Надежды на мороз, когда он как раз нужен, никакой.

Мысль упорно работает. Вспоминаю все случаи из прежней практики, примеры из мировой империалистической и гражданской войн.

Наконец, решение найдено. Быстро произвожу нужные расчеты, определяю количество материала, рабочую силу, транспорт. Все в порядке! При наличных силах сумею закончить работу на следующий день к 12 часам.

Иду к комбригу. Он доволен решением, но срок его не удовлетворяет.

— А что, если время сократить вдвое?

Выслушав меня, комбриг решительно заявляет:

— Переправа должна быть готова к шести часам!

Срочно посылаю на лед инженерную разведку во главе с лейтенантом Мардиным, смелым и опытным сапером. Собираю командный состав, даю указания о расстановке сил. Данные инженерной разведки неблагоприятные, но ведь на войне всегда рассчитываешь на худшее.

В 17 часов закипела работа по постройке переправы. Я — на льду, руководство взял на себя. Здесь же комбриг и все начальство.

Хорошо, что противник любезно оставил нам материал, он так быстро удрал из порта и с лесозавода, что досок осталось предостаточно, можно строить щитовую дорогу.

Враг не проявляет особой активности. Работаем всю ночь.

На рассвете финская авиация три раза бомбила дорогу, но безрезультатно. И только в последний налет одна бомба угодила в проезжую часть недалеко от берега.

Жаль, много работы пропало.

Приказываю делать новый спуск; берег крутой, грунт сильно промерз.

Народ устал до невозможности: доски тяжелые, снег по пояс глубиной, его приходится расчищать лопатами; лед тонкий, у берегов часто натыканы мины.

Работа подходит к концу. Около пяти часов докладываю командиру дивизии о готовности переправы. Он сомневается в прочности, но я заверяю его, что все наши грузы пройдут, так как запас на прочность почти всюду увеличен вдвое.

Ровно в 6 часов по плану началась переправа. Загудели тракторы, застучали по доскам колеса пушек, пошли обозы и, наконец, — танки. Но что за чорт? Что произошло на противоположном берегу — неужели пробка?

Отправляю посыльного. Он докладывает: два танка, не выдержав дистанции, подошли друг к другу вплотную, лед дал трещину, просачивается вода.

Спешу туда — действительно, целая лужа. Меня уверяют, что лед провалился.

Я сам обследую злополучное место и убеждаюсь, что лед выдержит, но людей убедить в этом не могу.

Тогда, чтобы поднять дух у танкиста, я сажусь с ним в танк и приказываю ехать. Сам, правда, думаю: а что, если действительно полынья большая, и танк провалится — шабаш! Хотя люки открыты, но вряд ли успеешь выпрыгнуть.

Однако все обошлось благополучно. Вот и последний танк прошел — гора с плеч!

Приказываю делать объезд, саперы берутся за дело горячо, с подъемом, словно они сутки были без работы и, наконец, дорвались до нее.

Впереди еще много забот: нужно закреплять победу, нужно обеспечить деятельность войск в новых условиях — весной, в лесах, в болотах. Переправы, водоснабжение, дороги — мало ли задач у сапер!

Но я спокоен; мне предстоящие заботы не страшны, потому что я полон глубокой веры в нашего замечательного бойца, воспитанного в духе бесстрашного преодоления всех и всяческих трудностей.

ВЛАДИМИР ПОЛЯКОВ

Гордые соколы

Через час после того как Владимир Вардэнович Нанейшвили провел своих воспитанников над крышами Хельсинки, финское правительство наскоро запаковало чемоданы и бежало в Вазу.

...В первые дни войны часть Нанейшвили обосновалась под Ленинградом. Среди рядового летного состава было много молодежи, «неоперившихся летчиков». Они крепко взялись за дело и быстро получили настоящее «воздушное образование».

30 ноября 1939 года, в первый день войны, состоялся первый боевой вылет. Шесть звеньев скоростных бомбардировщиков вылетели в районы Хельсинки, Коулу, Утти. Густой холодный туман до залива. Звено во главе с командиром эскадрильи капитаном Сарачевым пробилось к столице Финляндии. Над Хельсинки низкая облачность. Аэродром найти невозможно. Самолеты идут над городом...

Вокзал. Поезда с боеприпасами, эшелоны, отправляющиеся на фронт. Советские бомбы попадают на крышу вокзала, на платформу, на железнодорожные линии, в составы. Фонтаны огня и дыма...

Сбросив бомбы, самолеты уходят на свою базу. Комиссар эскадрильи, попав на развороте в облачность, теряет из виду свое звено. Увидев, что советский самолет оторвался от своих, на него устремляются шесть финских истребителей. Комиссар уходит от них в облачность. Спасся. Что делать дальше? Лететь домой? Но остались еще неиспользованные бомбы, и комиссар вновь идет над Хельсинки, находит аэродром, бомбит его и только потом берет курс на свой берег, возвращается на родной аэродром.

1 декабря тов. Нанейшвили вылетает в те же места: Хельсинки, Утти, Коулу. Часть самолетов под командой Нанейшвили летит на Коулу. Погода отвратительная. До залива — снегопад. Дальше — низкая облачность. Лететь приходится на высоте 50 метров, бомбардировщики «бреют» над Финским заливом.

Вот и материк. Нанейшвили заметил возле Коулу воинский эшелон противника. Развернул колонну. Бомбардировщики пролетают над эшелоном, обстреливая его из пулеметов. Поезд останавливается. Сыплются из вагонов солдаты. В эшелон летят бомбы. Переворачивается паровоз. Бомбардировщики поднимаются еще выше и бомбят железнодорожный узел.

Летят дальше. Замечены нефтесклады. Бомбят их. Нефтесклады горят.

Метеорологические условия — хуже не придумаешь, к тому же всюду зенитки. На всех шхерах — зенитные пулеметы. И бьют довольно метко. Когда летчики возвращаются на аэродром, многие насчитывают в своих самолетах до пятидесяти пробоин.

По всему фронту идет подготовка к штурму линии Маннергейма. Наземная и воздушная разведка устанавливает местонахождение долговременных огневых точек противника. Самолеты забирают бомбы в 250 и 500 килограммов, летят на финские доты. Бомбят с пикирования. Черный финский гранит, железобетон, металл амбразур сдаются под напором советских бомбардировщиков. Бомбы попадают точно на доты или рвутся рядом.

Если бомба разрывается в десяти-пятнадцати метрах от дота, волна взрыва настигает финнов в их укреплениях. Они выскакивают, из носов и ушей у них льется кровь. Бегут в ужасе, стараясь укрыться от бомб где-нибудь поблизости от переднего края нашей обороны.

Владимир Вардэнович — мастер по бомбардировке дотов, мастер прямых, точных попаданий.

* * *

Тов. Нанейшвили водил в бой своих летчиков, никогда не забывая наблюдать за их поведением во время обстрела зенитной артиллерией. После каждого боевого полета он производил разбор, указывая на недостатки, на излишнюю нервозность некоторых пилотов.

Он обратил особое внимание на одного молодого командира эскадрильи. При сложной метеорологической обстановке этот командир возвращался обратно с бомбами и докладывал, что летать невозможно. Нанейшвили в очень плохую погоду сам повел эту эскадрилью. Справа от него шел ее командир. Несмотря на неблагоприятные метеорологические условия, задание было выполнено.

С тех пор командир эскадрильи уже никогда не возвращался назад, не выполнив задания. Летал в самых трудных условиях, в туманы и снегопады. Решал сложнейшие задачи. Разбомбил аэродром противника у станции Иматра. Сбил два

финских истребителя. За всю войну его эскадрилья не имела ни одной потери. И последнее: теперь этот командир — Герой Советского Союза.

* * *

Под Выборгом финны сбили самолет комиссара эскадрильи тов. Койныша. Снаряд ударил в самолет, машина загорелась. Койныш скольжением погасил огонь и сел на территории финнов, в трех километрах от наших войск. Финны не замедлили открыть по самолету огонь. Койныш и его экипаж стали отстреливаться.

Когда у стрелка-радиста кончились все патроны, комиссар приказал ему итти к линии наших войск. Стрелок-радист, увязая в снегу, пополз. Но вражеские пули настигли его...

Вышли все патроны у штурмана лейтенанта Корнилова. Комиссар приказывает ему попытаться дойти до своих, а сам остается у самолета. У него есть еще патроны, он еще отстреливается.

По пути к нашим войскам убит Корнилов. Комиссар Койныш три раза ранен. Положение безвыходное.

Через короткое время наши части продвинулись вперед и подняли со снега трех боевых товарищей. Самолеты доставили их на аэродром бригады.

10 марта в Сестрорецке состоялись похороны героев. Рабочие Сестрорецка шли за гробами героев со слезами на глазах.

Погода была нелетная, и летчики просили разрешения присутствовать на похоронах своих товарищей.

Нанейшвили сказал:

— Мы будем хоронить их по-своему.

Когда похоронная процессия двинулась к кладбищу, низко над ней промчались скоростные бомбардировщики. Они шли на Выборг.

И когда первые комья мерзлой земли ударились о крышки гробов, 500-килограммовые бомбы низвергались на укрепления, военные заводы и нефтесклады Выборга. И гигантское зарево осветило почерневшие снега...

С. СИПАЙЛО

Разведка боем

Выборг был в полукольце наших наступающих частей. Наш лыжный батальон продвигался вдоль Выборгского шоссе и находился уже в семи километрах от города.

Шоссе перерезал лес. Он кончался за километр от берега залива. Правда, моря не было нам видно, но его близость ощущалась в свежем порывистом ветре, бьющем в лицо. А солнце уже начинало слегка пригревать землю. В теплых лучах его, в синих подталинках на снегу явственно чувствовалось приближение весны.

Впереди, на видимом участке шоссе стояли три линии темносерых гранитных надолб. За ближайшей линией чернели белофинские окопы и густые проволочные заграждения перед ними. Дальше — снова надолбы, за которыми, по всей вероятности, располагались дзоты.

Мы находились в лесу — между заливом и шоссе — и должны были выбить противника из окопов.

1 марта батальон начал наступать, но, понеся потери от интенсивного огня белофиннов, залег у первой линии надолб. Из тыла противника, с каких-то высот били станковые пулеметы. Необходимо было разведать местонахождение огневых точек противника и подавить их легкой артиллерией.

Командование поручило эту задачу мне. Со мной пошли семь человек. Нам надо было производить разведку в местности, перенасыщенной неприятелем, где на каждом шагу имелись огневые точки, бродили вражеские дозоры. Мы приняли план, который на первый взгляд мог показаться дерзким, даже безрассудным: решили пробраться в тыл противника по самой открытой местности, избрав для этого путь по кювету справа от шоссе. Белофинны не следили за кюветом. Вряд ли ожидали они, что наша разведка пойдет таким путем.

В 12 часов 40 минут без лыж и рюкзаков мы поползли по глубокой выемке кювета. С одной стороны нас укрывала насыпь шоссе, с другой — высокий пласт снега. Проползти 600 метров стоило большого труда. Мы оказались у последней

линии надолб, которая сходилась под тупым углом на шоссе. Осторожно поднявшись на шоссе, залегли за камнями. Впереди была поляна, окруженная возвышенностями. На них-то и были расположены огневые точки противника. Мы засекли их.

Я составил донесение и послал его с одним из бойцов. Основная задача была выполнена успешно. Над головами свистели пули, мы видели, как огненные струи вырывались из амбразур. Дзоты были от нас меньше чем в 200 метрах, но враг нас не замечал. Теперь, когда один из бойцов ушел с донесением, нас осталось семь человек. Уходить не хотелось: неужели не удастся сделать что-то большее?

Был чудесный день. Яркое солнце отражалось на ровной и чистой поверхности снега, не тронутой пеплом и дымом. Глазам было больно от этого алмазного блеска.

Вдруг из-за правого дзота на поляну вышел в походном порядке лыжный отряд белофиннов в составе 60 человек. Финны, видимо, решили подкрепить свой левый фланг против нашего наступающего батальона.

Когда они подошли ближе, мы открыли огонь из ручного пулемета, автоматов и полуавтоматов. Финны залегли. Но у нас было большое преимущество: мы расположились за укрытием (камни надолб) и выше белофиннов (на шоссе). Потеряв около 40 человек, их отряд рассеялся по лесу. В это время справа и слева дзоты обстреляли нас огнем станковых пулеметов.

Когда мы стали отползать по кювету, нам встретились свои наступающие лыжники. Оказалось, что белофинны, услышав интенсивную перестрелку у себя на фланге, подумали, что их обошли. Испугавшись окружения, они бросили линию окопов, две линии надолб и отошли к дзотам. Наша часть заняла позиции противника без сопротивления.

Полковой комиссар
С. КОВТУНЕНКО

Герой Советского Союза лейтенант С. Ячник

Под Выборгом — жесточайший бой. Красные войска штурмуют белофинские укрепления. Советские люди идут к проволочным заграждениям, к гранитным надолбам, к минированным полям, к железобетонным крепостям. Идут навстречу смерти, побеждают смерть, борются за счастье и мирный труд советского народа.

Озверелый враг упорно сопротивляется. Он рассчитывает на поддержку со стороны своей северной группировки. Но наши части, разгромив крупный белофинский штаб и продовольственную базу на высоте 30,6, захватили Выборгское шоссе. Сейчас они сосредоточиваются для нового удара по врагу.

Пехотная разведка донесла:

— Впереди озеро и болото. Долина залита водой. Мост через реку по краям взорван. Обходов нет. За озером высота окаймлена проволокой, гранитными надолбами, скрывающимися далеко в лесу. Единственный проход — по шоссе.

Выдвинувшийся к озеру пехотный батальон был встречен ожесточенным пулеметным и минометным огнем. Двигаться пехоте невозможно. Вперед должны прорваться танки. «Перерезать железную дорогу во что бы то ни стало!» — так решил командир дивизии.

Ночь стала еще темнее. Зашумел сердитый ветер. Замело, закрутило, ни зги не видно. Только слышалось повизгивание пилы да стук топоров.

Саперы не спят уже вторую ночь. О сне никто не думает. К утру сделать переправу для танков! Враг осыпает снарядами, минами. Трижды подползают к мосту белофинны, но всякий раз их уничтожают отважные саперы.

Еще не рассвело, а командир саперного взвода доложил:

— Переправа готова!

В штаб танкового батальона вызвали командира взвода лейтенанта Ячника. Командир батальона сказал:

— Идете со взводом в разведку!

Наклонились над картой...

— Обстановка ясна! — проговорил Ячник и вышел из землянки.

Танкисты собрались у танка командира. Лейтенант сказал:

— Идем в разведку. Боем прощупать подступы к станции Тали. Открыть путь для наступления пехоты. На нас надеются. Выполним, товарищи, задачу с честью!

— Есть! — ответили танкисты.

Бушевавшая ночью буря начала стихать.

Ячник взглянул на часы.

— По машинам!..

— Заводи!..

Захлопнулись люки. Со скрежетом врезались стальные гусеницы в мерзлый снег. Позади остался столб снежной пыли...

Переправа. Враг обрушился на танки артиллерийским и минометным огнем. Била тяжелая артиллерия из Выборга. Но танки шли навстречу огненному урагану.

Вот первый танк зашумел, плавно закачался на свежем настиле, выскочил на мост и пошел дальше.

Вдруг вздыбились бревна, зияющий провал у моста преградил танкам путь: вражеский снаряд угодил в цель.

— Медлить нельзя. Надо вести в разведку хотя бы один танк! — решил Ячник и выпрыгнул на землю.

— Башенные за мной, танки в укрытие! — скомандовал Ячник и пополз по льду к переправившемуся танку.

Старший политрук Брагин, наблюдавший за переправой взвода, разгадал замысел Ячника. Он связался с пехотным командиром, отобрал десять смельчаков-пехотинцев и вместе с ними пополз за лейтенантом. План быстро созрел. Один танк и пятнадцать пеших ушли в разведку.

С новой силой враг обрушился на разведчиков. По башне танка глухо ударило.

— Снаряд? Какого калибра? — крикнул кто-то в танке.

— Потом разберемся, — отозвался командир машины Лукин. — Быстрей вперед!

Снова ударило. Сорвало глушитель.

— Слева противотанковая пушка!..

Повернулась центральная башня. Один снаряд — и орудие вместе с прислугой уничтожено.

Ползущих за танком разведчиков осыпал град пуль. Залегли.

На высоте 13,7, что находилась в километре от переправы, засели шюцкоровцы. Танкисты посылали в них снаряд за снарядом. Вражеские пулеметы замолчали. Разведчики двинулись дальше.

До высоты оставалось не более 100 метров. Враг пританлся. Из-за огромного камня показалась противотанковая пушка. Белофинн наклонился, чтобы взять снаряд. Но его упредили. Двумя снарядами орудие было разбито.

Снова затрещали пулеметы с высоты. Начали рваться тяжелые снаряды. Снежное поле покрылось землей. Зияли воронки.

Герой Советского Союза лейтенант С. Ячник

Медлить нельзя. Танк пошел на надолбы. По днищу заскребло. Танк стал.

Белофинны поползли к танку, в их руках блестели бутылки с бензином. Вот они уже близко.

С высоты крики по-русски:

— Поджигай!..

Лейтенант Ячник выхватил у одного из разведчиков ручной пулемет, застрочил по врагу.

Враги побежали. Но тут же валились подкошенными.

Ячник пополз под танк. Разгребая замерзший снег руками, осмотрел днище севшей на камни машины. Никакой опасности!

Сказал Лукину:

— Тихо назад!

Машина поползла, повернулась и — снова вперед. Гранитные камни повалились. Танк проделал себе проход. Давя проволочные заграждения, поднялся в гору.

Шюцкоровцы осыпали машину градом пуль, бросали в нее бутылки с бензином, гранаты, но танк нельзя было остановить. Уничтожая пулеметные гнезда, он прорвался к дотам.

А тем временем пятнадцать разведчиков с винтовками наперевес взбирались за танком на высоту:

— За Родину! За Сталина!..

Завязалась рукопашная схватка.

Лейтенант Ячник — танкист, он никогда даже чучело не колол. А здесь, как из-под земли, перед ним возник белофинский офицер, второпях выхватил маузер, выстрелил. Ячнику пробило полушубок. Острый штык Ячника тут же пропорол брюхо белофинну...

На штык больше не лезут. Стреляют. Снова пробило рукав. Пистолет Ячника уложил уже троих. Разведчики умело работали штыками. Высота была очищена.

Два раза белофинны бросались в контратаку, но каждый раз отступали с потерями.

По радио лейтенант Ячник донес в батальон:

— Высота 13,7 с двумя дотами занята. Уничтожено 50 белофиннов, захвачено 8 пленных, 105 автоматических винтовок, 5 станковых и 12 легких пулеметов. Потерь нет, один боец ранен. Батальону путь свободен.

— Благодарю и поздравляю с победой, — ответил командир батальона.

Танковый батальон мчался по лесу, уничтожая врага. Двинулась, пошла пехота.

Через два часа была занята станция Тали.

* * *

Когда лейтенанту Ячнику вручали орден Ленина, Золотую Звезду и грамоту Героя Советского Союза, он сказал:

— Я сражался за Родину, как все наши бойцы и командиры, и ничего особенного не сделал. Благодарю за высокую награду. В бою с врагом не пощажу жизни...

Лейтенант
Я. ХАНДЕШИН

Провокация белофиннов

В те дни наше соединение перерезало шоссейную дорогу, соединяющую Выборг с Хельсинки. Мой пулеметный взвод и стрелковый взвод лейтенанта Сидоренко, выполняя боевой приказ, стремительно продвигались вперед. Белофинны подпустили нас поближе к своим позициям и сразу открыли сильный огонь из минометов. За дорогой был карьер, вырытый, очевидно, еще летом для выемки песка. Под огнем врага мы перебежали дорогу и сразу заняли этот выгодный рубеж.

Только успели мы закрепиться, как было получено сообщение, что обнаружены большие силы белофиннов. Враги шли в наступление. Я расположил пулеметы самым выгодным для отражения атаки образом. Белофиннам приходилось наступать по открытому полю перед занятыми нами траншеями, и они сразу должны были попасть под перекрестный огонь моих трех пулеметов.

На случай, если бы белофинны решились на обходный маневр, я выставил один пулемет в тыл, метрах в ста позади нашей позиции. Пулеметчикам было приказано вести тщательное наблюдение за флангами.

Высланный мною вперед разведчик донес, что враги уже приближаются к нам.

Вскоре все обширное поле было заполнено беспорядочно бегущими людьми в белых маскировочных халатах: чтобы усыпить нашу бдительность, белофинны надели такие же халаты, какие носили наши лыжники.

— Вперед! Вперед! Ура! — кричали они по-русски и бежали на занятые нами позиции.

Я решил подпустить врага как можно ближе, чтобы нанести ему сокрушительный огневой удар.

— Товарищ лейтенант, — обратились ко мне взволнованные бойцы Михайлин и Голощапов.

— В чем дело?

— Почему они по-русски кричат? Не наши ли это?

Я уже знал по опыту боев, как часто белофинны пускаются на подлые провокации. Сведения разведки были тщательно проверены.

— Они провоцируют нас,— спокойно сказал я,— огонь по белофинским провокаторам!

Все мои пулеметы сразу начали вести сокрушительный огонь.

— Что вы делаете? — кричали пьяные голоса, — по своим стреляете...

Но не прошло и минуты, как испуганные и растерянные провокаторы залегли в снег и закричали по-фински. Теперь они уже поняли, что их провокация не удалась, и не пытались больше говорить по-русски.

Сокрушителен был наш огонь, но и враг с упорством обстреливал нашу позицию.

Вражеская пуля пробила один из моих пулеметов. Вытекала жидкость, растерянный наводчик громко закричал:

— Товарищ лейтенант, пулемет отказывается работать!..

— Стреляйте короткими очередями, — приказал я.

Долго продолжался упорный бой. Уже десятки белофиннов валялись на снегу. Вражеский натиск с каждой минутой ослабевал, хотя и слышались непрерывные крики офицеров: «Аля, аля!»

На помощь нам пришли танки. Белофинны отступили, оставив на поле боя множество раненых и убитых.

Младший политрук
В. ДУБОВ

Как была взята деревня Нисалахти

Просматривая отрывочные записи в походном блокноте, восстанавливая по памяти эпизоды тех дней, я ощущаю теперь гордость за своих товарищей. Несмотря на тяжелые испытания и смертельную опасность, люди никогда не теряли бодрости.

Нам было трудно. Мы действовали на сильно пересеченной местности, пробирались по узким минированным дорогам, по колени проваливаясь в снег. Нередко натыкались на взорванные мосты. Враг понастроил множество завалов, надолб, противотанковых рвов и непрерывно держал их под сильным огнем. А вдобавок стояли суровые морозы, доходившие порой до 30—40 градусов.

Однажды противотанковый взвод, которым командовал младший лейтенант Дунаевский, получил задание: занять огневые позиции южнее Нисалахти на опушке леса и обеспечить продвижение нашей пехоты и танков. Младший лейтенант внимательно изучил задачу, ознакомился по карте с местностью и приказал командирам орудий занять огневые позиции.

Расчеты на руках выкатили орудия на опушку леса. Передки пришлось оставить в укрытии, в трехстах метрах от орудий. Ближе их подтянуть не удалось, поскольку впереди лежала открытая равнина. Когда артиллеристы замаскировали орудия под цвет местности, Дунаевский выставил наблюдателей, а остальным бойцам предложил укрыться в ровиках.

Пехота занимала опушку соснового леса. Справа она преграждала путь противнику из лощины, что шла от Нисалахти, слева держала под огнем дорогу, ведущую в Нисалахти. Неподалеку расположились танкисты.

Около 6 часов утра наблюдатель Беляков доложил, что метров на двести пятьдесят впереди группа людей производит перебежки к одному из каменных домов. Но разобрать, кто это — свои или чужие, — трудно. Было еще темно, а где-то впереди действовала разведка нашего полка. Значит можно, чего доброго, угодить в своих.

Но и мешкать нельзя — в бою каждая минута дорога. Младший лейтенант Дунаевский попросил командира танкового взвода разузнать, что за люди перебегают к каменному дому. Один танк пошел вперед и вскоре попал под огонь. Стало ясно, что мы имеем дело с противником.

Тогда пехота немедленно открыла ружейный огонь по перебегающим, а орудия — по дому. Хорошо, по-красноармейски, работали в этом бою наводчик Беляков, подносчик снарядов Тюрин и остальные номера. Подносчик Тюрин бесстрашно доставлял снаряды по открытому полю под огнем противника.

По сигналу пехота двинулась в наступление, завязалась ожесточенная схватка. Метр за метром продвигались красные бойцы вперед. И хотя противник отчаянно сопротивлялся, хотя он шел на всякие ухищрения, мы заняли деревню, захватив здесь три противотанковых орудия, семь 122-миллиметровых орудий, много винтовок и пулеметов.

Добровольцы в боях

Батальон прибыл на станцию Рауту. Проломленные стены станционных зданий, выбитые окна, — все напоминало о недавних боях. Итак, мы на фронте! Большинство бойцов нашего лыжного батальона — молодые рабочие и студенты города Ленина. Все пошли на фронт добровольно и с нетерпением ждали боевой задачи.

25 февраля нас перебросили в деревню Мякряля, что у озера Суванто-ярви. Батальону было приказано занять оборону. Нам сообщили, что на северном берегу озера расположены части белофиннов.

Белофинны почти каждую ночь переходили на лыжах озеро и пытались совершать диверсии у нас в тылу. Моя рота получила приказ — выслать ночью на озеро Суванто-ярви засаду, которая должна была подкараулить белофиннов и достать «языка». Желающих итти на выполнение этой первой боевой задачи оказалось много. Я решил послать отделение младшего комвзвода Шилова.

Все бойцы отделения надели лыжные белые костюмы с капюшонами, закрывавшими также лицо (для глаз были прорези), белые перчатки, а винтовки-автоматы обмотали марлей. Отделение взяло с собой два ручных пулемета.

Еще днем я вместе с тов. Шиловым наметил место для расположения засады и путь движения к нему. Ночью лыжники бесшумно добрались до этого места (примерно в 300—400 метрах от берега) и залегли там, ожидая белофиннов.

На озере было тихо, лишь редкие выстрелы винтовок и короткие очереди пулемета нарушали тишину. Время тянулось страшно медленно. Наконец, в 3 часа ночи засада заметила финнов, которые ползли к нашему берегу. Бойцы проявили исключительную выдержку и хладнокровие. Они молча лежали и внимательно следили за приближавшимся противником.

Тов. Шилов, допустив белофиннов на 5—6 шагов, громко скомандовал:

— Бросай оружие! Руки вверх!

У белофиннов — паника. Раздались два-три выстрела. Командир отделения вторично приказал бросить оружие и поднять руки вверх. А бойцы между тем окружали врагов ползком. Один за другим финские солдаты побросали автоматы. Командир отделения скомандовал бойцам:

— Встать!

Бойцы с винтовками наперевес со всех сторон двинулись на врагов. Несколько финнов бросилось бежать. Но не успели они сделать и десяти шагов, как были уложены на месте. Остальные под охраной отделения были отведены в штаб батальона.

Так наша засада захватила в плен 17 белофиннов.

Место, где были захвачены пленные, оказалось очень удобным для подхода к нашим позициям. Поэтому я решил еще раз послать туда засаду во главе с младшим лейтенантом Бакуновичем. Ночью засада заметила одного финна, скользившего на лыжах в нашу сторону. Когда он подъехал совсем близко, командир отделения крикнул:

— Руки вверх!

Белофинн бросил автомат и поднял руки.

Пленного доставили в штаб батальона. Выяснилось, что он офицер и направлялся в наш тыл с диверсионной целью. Он сообщил ценные сведения о численности противника на северном берегу озера Сувanто-ярви.

* * *

8 марта рота получила боевой приказ — уничтожить группу белофиннов, засевших на высоте у берега Вуокси в двух километрах от деревни Ряйккенен.

Перед финскими траншеями лежало ровное снежное поле. Итти на лыжах во весь рост было невозможно, так как противник простреливал весь участок, а пешком — тоже нельзя: снег рыхлый, глубиной в 1,5—2 метра. Мы придумали особый способ передвижения на лыжах, который помогал нам укрываться от огня. Ложились на лыжи, упирались руками в крепления, колени ставили на концы лыж и таким образом скользили по снегу. Конечно, двигались очень медленно.

В ночь с 9 на 10 марта мы достигли занятого белофиннами рубежа. Противник от нас находился теперь в 200—300 метрах. Но сильный огонь не давал возможности продвигаться вперед. В эту ночь я вызвал бойца Плетнева, приказал ему подобрать десять человек, зайти с фланга к противнику и уничтожить там огневые точки.

Плетнев ушел выполнять приказание. Через 30—40 минут замолкла стрельба автоматов. А через час вернулся Плетнев и передал мне три финских автомата, сказав:

— Уничтожены три снайпера.

Как же он действовал? Об этом мне рассказали бойцы, которые ходили вместе с ним. Плетнев заметил, где вел стрельбу автоматчик, и с тыльной стороны бесшумно подполз к нему. А в это время остальные бойцы залегли по обеим сторонам на случай тревоги. Добравшись к автоматчику, Плетнев покончил с ним ударом приклада по голове. Точно так же были уничтожены без шума еще два автоматчика.

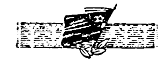
Утром я отдал приказ об атаке. Ползли расчлененно. Плетнев выдвинулся вперед и, обнаружив огневую точку противника, стал подползать к ней. Но финский снайпер, залегший за срубленной снарядом сосной, ранил в живот Плетнева. Плетнев все же двигался вперед. Снайпер выстрелил еще раз, и вторая пуля пробила отважному бойцу ключицу. В это время многие бойцы заметили, как несколько белофиннов подползли к Плетневу и стали колоть его штыками.

Тут началась наша неудержимая атака. Мы набросились на озверевших врагов и усеяли высоту их трупами.

В траншеях были захвачены десятки тысяч патронов, много винтовок и автоматов.

...Невдалеке от поля боя в братской могиле мы похоронили Плетнева и других боевых товарищей, отдавших жизнь за социалистическую Родину.

Имя Плетнева, которому посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, будет вечно жить в сердцах бойцов-лыжников, беспощадно громивших врага.

Майор

С. ГУДЗЮК

Батальон лыжников

Под Выборг, на передовые линии прибыл лыжный батальон. В штаб явился командир батальона капитан Власов с рапортом.

Пожимая ему руку, командир части сказал:

— Тут есть тов. Гудзюк из вашей академии. Знаете его?

Я подошел к Власову.

— Нет, как-то не приходилось встречаться, — сказал он, внимательно рассматривая меня и улыбаясь. — Слушателей-то ведь у нас в академии много.

Мы познакомились.

На меня капитан Власов произвел хорошее впечатление. Чувствовалось лишь в нем какое-то ненужное ухарство, и эта черта в его характере вызывала беспокойство.

— Ребята у меня как на подбор, — сказал он, — в один момент наложим финнам.

— Я в этом не сомневаюсь, — ответил я. — Надо только не забывать одного правила: тем полнее победа, чем меньше потерь.

Мы вышли из штаба, чтобы осмотреть его лыжный батальон. Он был сформирован из добровольцев: ленинградских рабочих и студентов-спортсменов. Народ все это был молодой, задорный, крепкий и развитой. Вооружены они были тоже превосходно: винтовками-полуавтоматами, ручными гранатами, легкими и станковыми пулеметами; на бойцах были белые брезентовые брюки, курточки и шлемы, обшитые белой материей.

— С такими людьми можно многое сделать, — сказал мне секретарь партбюро батальона Назаров, — конечно, если руководить ими умело.

К моменту прибытия батальона на фронт основная полоса укреплений в районе Кархулы была прорвана, и наши части вели бои на промежуточном оборонительном финском рубеже в районе станции Сомме, в 10—12 километрах от Выборга. Лыжный батальон получил задание: прорваться через острова

на Выборг и этим оказать содействие нашим частям, наступавшим вдоль оси Приморского шоссе.

Капитан Власов выступил с батальоном в указанном направлении, и больше я его не видел. Первой нашей встрече суждено было оказаться и последней. О боевых делах лыжного батальона нам уже потом рассказали его бойцы. 21 февраля батальон прорвался сквозь фронт финнов и занял острова Питкясаари и Ласи-саари. Это был замечательный маневр, который ставил под угрозу: справа укрепленный мыс, слева город Тронгсуид и остров Раван-саари. Опасность для врага была настолько велика, что финское командование бросило против отважных советских лыжников намного превосходящие силы. Лыжники проявили большую смелость и выдержку. Они наносили большой урон врагу. Но силы были неравны. Капитан Власов человек был храбрый, он заставлял бойцов заниматься спортом, прыжками на лыжах, учил их лазить по деревьям, как это делали финские «кукушки». Но чего недоставало Власову — это осторожности, так необходимой на войне: батальон его мало применялся к местности, бойцы ходили в рост — все это приводило к ненужным жертвам. И одной из первых жертв пал сам капитан Власов. 23 февраля он отправился в разведку, чего, как командир, не имел права делать, и был убит. Бойцы похоронили своего командира с подобающей честью. Командование батальоном принял секретарь партбюро тов. Назаров (комиссар тов. Рябцев был ранен).

Бойцы продолжали отбивать атаки наседавших со всех сторон шюцкоровцев, проявляя поистине образцы храбрости. Боец Живолуп, спускаясь с горы на лыжах, влетел в строй двух десятков финских солдат. Сделал это Живолуп нечаянно, но не растерялся. В правой руке у него был автомат-пистолет. Не дав врагам даже разобраться, в чем дело, Живолуп сразу очутился за офицером, шедшим впереди солдат, наставил ему в затылок оружие и негромко приказал:

— Бегом вперед и не оглядываться, иначе влеплю пулю.

На виду у целого взвода финнов Живолуп погнал в плен их офицера, бывшего при полном вооружении. Когда солдаты опомнились, то все же не рискнули стрелять по Живолупу, очевидно, опасаясь попасть в своего начальника; не стали они и преследовать его на лыжах из опасения попасть в руки красноармейцев. А может быть, и не было у них большой охоты выручать своего офицера.

На озере Ласи-саари группа из трех наших лыжников отбилась от своей роты, заблудившись среди незнакомых кустарников. Отстреливаясь, она израсходовала все патроны. Финны подошли вплотную.

Тогда один из лыжников взорвал ручной гранатой и себя и нескольких финнов.

Подошедшие на выручку красноармейцы спасли одного из уцелевших там бойцов.

Батальон сумел пробиться к своим. 26 февраля он вышел из окружения.

Когда лыжники возвратились из своей экспедиции, меня вызвал к себе командир части.

— Капитан, вы умеете ходить на лыжах? — спросил он меня.

Мне как раз тогда нездоровилось, но я не подал и вида, заявив, что на лыжах ходить умею.

— Отлично, — сказал он. — Как вам известно, наши части продвигаются на Выборг. Город вскоре должен быть взят.

— Я готов служить Родине. Что прикажете делать?

— Примите командование над лыжным батальоном. Ваша задача — прорваться в город в районе «Маслобаки», — командир части показал по карте. — Я дам вашему батальону пополнение из добровольцев и танки. Главное, капитан, не забывайте в походе о разведке и охранении. Храбрость хороша тогда, когда она осмотрительна, и лучший командир тот, у которого все рассчитано,— в этом успех.

28 февраля, в 16 часов, я собрал добровольцев и направился с ними в Аллсоми. Здесь я объявил лыжникам, что я назначен командиром их батальона, а тов. Назаров — комиссаром. Тут же к нам присоединилось и 15 танков.

На рассвете 29 февраля мы выступили к исходному положению. К этому времени наши части, прорвав промежуточный оборонительный рубеж финнов, вышли в район Нуора — в 5 километрах от Выборга. Прибыв на передовую позицию к Приморскому шоссе, я выслал разведку, которая установила, что финны обороняются на северном берегу реки Карпелан-йоки и на станции Нуора. Справа от Приморского шоссе лежало болото, покрытое озерцами и густо заросшее высоким тростником; слева, примерно на три четверти километра, тянулась полоска суши, хвойный лес, а за ним — лед залива.

На рассвете, когда дымкой стоял морозный туман, служивший нам хорошим прикрытием, самая сильная наша рота под командой тов. Коврижкина, ленинградского рабочего с завода имени Кирова, усиленная двумя взводами пулеметной роты, прорвалась вдоль залива и стала охватывать фланг финнов. Этот удачный маневр дал возможность продвинуться стрелковому полку. Перед нами находился выборгский мощный укрепленный район, оборудованный по последнему слову техники. Все Приморское шоссе было заминировано, мост через Карпелан-йоки разрушен, так что использовать танки не представлялось возможным; пустить же их без дороги лесом тоже не позволяли условия местности. За рядами железобетонных надолб виднелась вторая полоса мощных надолб, расположенных кольцом и упиравшихся одним концом во льды залива,

а другим — в болото. За ними — проволочные заграждения в 3—4 кола, система замаскированных дотов и дзотов, а дальше, как узнали мы после, были устроены ловушки. Финны из своих укреплений открыли ураганный минометный и артиллерийский огонь, стремясь остановить наше наступление.

И все же, несмотря на эти железные капканы, мы уверенно пошли в атаку. Во фланг финским надолбам шла рота Коврижкина, под прикрытием артиллерийского и пулеметного огня. Перед лыжниками лежала открытая местность, вся заваленная камнями. Я приказал бойцам итти вперебежку, укрываясь за камнями: они представляли собой отличные щиты.

Враг усилил ответный огонь.

Медленно, шаг за шагом, бойцы батальона совместно с частями полка вышли на рубеж высоты 30, что в 500 метрах южнее Пелтола, захватив четыре полосы надолб. Саперы снимали финские мины и ими же взрывали надолбы. После этого по расчищенному пути продвигались танки, отрезая финнам возможность окружить нас. Таким образом, мы врезались к Выборгу клином глубиною до трех с половиной километров, содействуя тем самым частям, наступавшим в направлении Кангасранты. До города теперь оставалось 1,5—2 километра. Он уже был совсем ясно виден. Но здесь надо было подыскать направление для наступления, чтобы сократить число потерь до минимума.

Я выслал разведку. Разведка установила связь с соседом справа: теперь нам не угрожал обход врага с фланга. Другая же партия разведчиков в составе 10 смельчаков-лыжников, одетых в белые комбинезоны, отправилась узнать, как поживают другие наши «соседи» — финны и на каких островах они еще существуют. С берега мы предусмотрительно организовали поддержку этой десятке огнем: пулеметами и орудиями.

— Поползли наши молодцы, — сказал Назаров, глядя в бинокль.

Все мы стали следить за разведчиками, готовые оказать им немедленную помощь. День был морозный, солнечный. Мы без особого напряжения различали, как пробиралась наша десятка разведчиков среди рыжих, высохших тростников и через зеленоватый лед от островка к островку.

Комиссар Назаров засмеялся:

— Видно, скучно финнам стало жить на ближних к нам островах, они и покинули их. Вон наши ребята добрались уже до третьего. Видите, машут шлемами: никого, мол, нету.

И как раз в это время заговорили пулеметы. Видно было, как взлетают тростник и комья земли, взорванные минами. Наша разведка завернула и начала отходить. Тогда, выручая их из беды, рявкнули наши орудия.

Мы стали всматриваться.

Только восемь разведчиков добрались до ближнего к нам островка. А где же остальные? Но вот один из разведчиков пополз обратно, видно выручать товарищей. Молодец! Наконец, мы свободно вздохнули: ползут все трое. Огонь вражеских минометов и пушек еще более усилился, но уже было поздно: все десять разведчиков вернулись в батальон. На основании собранных ими сведений, командир полка ночью выслал отряд в 80 штыков из лыжников разведывательного взвода, и они овладели группой островов, захватив несколько сильных вражеских сооружений.

Здесь с утра стали действовать наши мощные батареи, а лыжный батальон перебросили в район поста Тирхьяи. До окраины Выборга оставалось не более 800—1 000 метров, и мы, не отдыхая, пошли в бой. Город горел, подожженный финнами. Трудно было среди почерневших труб предместья различить здание школы, на которую теперь был нацелен батальон. В течение всего дня Выборг отвечал нам ливнем снарядов, мин и пуль. В разгар сражения ко мне прибежал боец Трофименко, весь в снегу.

— Товарищ капитан, — отрапортовал он. — Убит наш геройский командир взвода тов. Шишов. Он только и успел сказать: «Возьмите мое оружие, чтобы не досталось врагу». В захваченном дзоте нас осталось всего 12 человек, слева находятся еще два финских дзота и вокруг никого наших. Дайте нам подмогу.

— Сейчас вышлю, — ответил я, — возвращайтесь обратно, назначаю вас командиром взвода.

Я тут же приказал направить вслед ему группу лыжников и один станковый пулемет.

К вечеру, после упорного боя, батальон и другие части прорвались к линии железной дороги. До города оставалось всего 200—250 метров. Отвоевывая пядь за пядью, медленно, но упорно двигались мы вперед: падение Выборга было неизбежно.

Наступила ночь.

Небо нависло черное, беззвездное, но в лесу, где расположился наш батальон, было светло, как днем. Впереди и слева пылал Выборг. При ярком багровом зареве можно было свободно читать карту. А в городе вспыхивали все новые языки пламени. От запаха гари и дыма начинало мутить.

Из штаба я получил новый приказ, собрал на полянке под мохнатой елью, прямо на снегу командиров и зачитал его им.

— Итак, товарищи, запомните: завтра мы должны будем внезапно ворваться в Выборг. Нашему батальону дано задание овладеть кварталом «Школа». Необходимо взять с собою ручные гранаты для уличного боя и забрасывать ими все дома, откуда противник будет стрелять. Действовать группками в 3—5 человек. Каждый боец должен иметь за поясом хвой-

вую ветку, по которой мы будем опознавать своих. Все понятно?

— Прямо, как суворовцы, — вставил один из командиров. — Когда брали Измаил, русские солдаты тоже имели отличительные знаки: кажется, белые повязки на рукаве.

Началась подготовка штурма. К часу ночи, бесшумно скользя на лыжах, прибыли все бойцы. Они расположились за гребешком. У всех за поясом зеленели хвойные ветки. Они чистили оружие, проверяли гранаты. Оставалось взять небольшое пространство, но самое трудное: впереди лежало заминированное поле, а за ним — забаррикадированный вход в улицы Выборга.

Все были готовы, когда в 6 часов поступило новое распоряжение командования: сдать участок прибывшим частям, а батальону сосредоточиться в Алясоми.

— Как же так,— говорили лыжники,— подошли к предместью, а теперь отводят?

— Значит мы нужнее на другом участке, — отвечали более дальновидные.

Позже нам стало известно, что окружение Выборга с запада через Финский залив ставило задачи нового оперативного значения. Наш батальон перебросили в район Вахваниеми с задачей зайти на 10—12 километров в тыл финнам и перерезать железнодорожную линию, идущую на Хельсинки. Прорывая фронт врага, батальон помог некоторым частям, застрявшим во льдах залива, выбраться на материк.

Здесь 13 марта, в 12 часов нас и застало заключение мира. Сразу смолкли орудия, минометы, танки, автоматы и наступила странная, непривычная тишина. Из окопов повылезали и наши красноармейцы и финские солдаты. К группе недавних врагов подошел комиссар батальона Назаров. Солдаты с жадностью ожидали, что им скажет большевик. Но тут к ним прытко подбежал офицер и стал загонять обратно в окопы: наших правдивых слов они боятся не меньше, чем пуль.

— Вы один километр туда, — сказал офицер по-русски, показывая нашим бойцам рукой назад, — а мы один километр туда.

Но тут один из наших лыжников ответил ему:

— Нет уж лучше вы 25 километров туда, — ткнул он в сторону Хельсинки, — а мы тут останемся.

Бойцы засмеялись. Они знали, что теперь уже никогда вражеская нога не коснется территории, занятой доблестными красными полками.

Г. ДЕМИДОВ

Поединок снайперов

Это произошло невдалеке от высоты, названной «Кирка-яйцо». После ночевки в землянке, утром 11 марта, 2-я рота лыжного батальона, в которой был и я, получила приказ войти в непосредственное соприкосновение с противником и оттеснить его. Белофинны, удерживая две высоты, обстреливали третью, уже занятую нашими частями. Выбить их с этих высот должна была наша рота.

Перед выходом бойцы тщательно проверили обмундирование, количество боеприпасов, осмотрели оружие. У меня был автомат очень точного боя. Кроме того, я пользовался, как биноклем, оптическим прицелом.

Получив приказ, рота встала на лыжи. Пройдя несколько километров, надели на короткой стоянке маскировочные халаты, белые шапки и развернутым строем пошли по полю. С левого фланга чернел густой лес. Часть деревьев была повалена, верхушки отдельных сосен сбиты.

Когда мы подошли к ближайшим соснам метров на сто пятьдесят-двести, неожиданно по роте был открыт ружейный и пулеметный огонь. Пришлось окопаться в снегу. Но финны вели настолько сильный огонь, что мы вынуждены были пролежать неподвижно до наступления темноты.

Перед тем как двинуться снова в путь, командир роты выслал вперед разведку. Финны пошли на хитрость. Они пропустили разведку в ложбину без единого выстрела, рассчитывая затем обстрелять всю роту с более короткого расстояния.

Пользуясь темнотой, мы также начали переползать в ложбину, где отрывали себе укрытия понадежнее, так как догадывались о финской хитрости. Тихо установили ручные пулеметы. Никто не курил.

Наконец, низкое ночное небо порозовело с краев. Я никогда не забуду этот медленный мартовский рассвет.

Мы не ошиблись. С рассветом финны повели бешеный огонь с флангов. Финны обстреливали также дорогу, по которой бойцы отвозили на медицинский пункт раненых.

В двенадцатом часу дня командир роты приказал мне взять под наблюдение правый фланг, где работал финский снайпер. Надо было обнаружить его и уничтожить.

Выполняя приказ, я забрался в воронку от артиллерийского снаряда, хорошенько замаскировался и начал наблюдать за высотой, с которой финны вели огонь по роте и обстреливали дорогу. Винтовка, обмотанная бинтом, на снегу была почти не заметна. Белые костюм и шапка хорошо маскировали. Устроив снежный бугор, я прокопал в нем окно с большим сектором для наблюдения и обстреливал время от времени казавшиеся мне подозрительными места. Обстрел дороги не прекращался. Снова вглядывался я в расстилавшуюся белую мглу, и все напрасно. Я не находил финского снайпера, но понимал, что он где-то здесь, видел результат его работы — дорога обстреливалась. И вдруг, как это часто бывает, почти случайно вспомнил старинный прием отыскивания снайпера, известный еще со времени первой империалистической войны.

Правда, у меня не было манекена, но это в конце-концов и не так важно. Найдя поблизости палку и надев на нее шапку, я чуть выставил ее из своего укрытия. Выстрел не заставил себя долго ждать. Финн был, очевидно, неплохим стрелком. По сквозным пробоинам в шапке мне теперь легко было уточнить направление, с которого велся огонь.

Впившись взглядом в предполагаемое место, я повторил опыт. Вспышка на высоте дала мне знать, что я не ошибся.

Еще раз проверяю расстояние, прицел, терпеливо жду.

Повидимому, решив, что я убит — шапку я больше не высовывал, — финн осмелел настолько, что счел нужным покинуть свою берлогу. Неожиданно на фоне неба появилась его фигура в белом халате, подпоясанная белым ремешком. Подползает и нагибается над убитым красноармейцем.

Когда еще только появилась голова снайпера, я выстрелил, но... раздалось сухое щелканье. Быстро отвожу затвор назад, опять выстрел, и снова тот же результат. Со злостью кидаю приклад под руку и убеждаюсь, что магазин пуст, патронов нет.

Как и следовало ожидать, пока я менял магазин, финский снайпер успел скрыться.

Еще зорче я стал наблюдать и неожиданно для себя разглядел на высоте амбразуру, замаскированную кустами и снегом.

Опять проверил дистанцию, поставил точный прицел. Надо сказать, что мне очень мешал боковой ветер. Затем снова на палке чуть приподнял шапку.

В момент, когда шапка была прострелена, я разрядил во вражескую амбразуру весь магазин.

Финский снайпер больше не стрелял. По освобожденной от его губительного огня дороге можно было безопасно переправлять раненых в госпиталь.

Вернулся в роту, когда было около часа дня, и настолько доволен, что выполнил задачу, — даже усталости не чувствую. Между прочим, узнаю, что командир роты послал трех бойцов — одного за другим — для уничтожения финских снайперов на высотке слева. Но ни один из них не возвратился — подвели плохая маскировка и неудачное использование местности.

Когда получили приказ итти в атаку, обстрел с левого фланга продолжал задерживать бойцов, финские снайперы мешали роте выбраться из ложбины. Я попросил разрешения у командира роты снять этих снайперов. Он разрешил.

Ползу по-пластунски, отклонившись от направления, по которому следовали предыдущие бойцы. Использую каждый кустик, камень, выемку в снегу. Продвигаясь вперед от одного сугроба к другому, стараюсь не задеть за кусты. Здесь пригодился мне опыт, полученный еще в мирной обстановке. Недаром я много тренировался в умении ползать и маскироваться.

Трудно сказать, сколько я полз. Но вот раздвигаю осторожно густые хвойные заросли и неожиданно обнаруживаю в пятнадцати метрах от себя двух залегших финских снайперов. Стараюсь стать еще менее заметным, прячу автомат среди кустов, глубже впиваюсь в снег.

Финны лежали за бревнами, покрытыми нетронутым снегом. В просвет между бревнами они и стреляли. Но в это время из-за тучи выглянул луч солнца. На кинжале, примкнутом к автомату, заиграл «зайчик», и это выдало меня.

Скосил глаза вправо, хотел взглянуть, что там делается. Прямо на меня было направлено темное пятнышко канала ствола. Финн зажмуривал глаз.

Мелькнула мысль отползти в сторону, замаскироваться и открыть огонь с нового места. Но финн опередил. Его пуля ранила меня в левое плечо.

Скорее гранату! Здоровой правой рукой швыряю во врагов две гранаты одну за другой. Белофинские снайперы уничтожены. Рота пошла в атаку. А я по дороге, освобожденной от обстрела, вскоре сам направился в госпиталь.

Батальонный комиссар
И. ГОРЯНСКИЙ

Танки у выборгского вокзала

Это был первый бой, в котором мы участвовали. Он оказался и последним. Прибыв на фронт, наш танковый батальон в ночь с 12 на 13 марта получил приказ — выйти на северную окраину Выборга и овладеть вокзалом.

13 марта, в 7 часов утра, по направлению к Выборгу выступили две танковые роты под командованием капитана Приходько. От города нас отделяло метров пятьсот-шестьсот. Возле городского кладбища мы прошли две линии надолб, в которых саперы заблаговременно сделали проходы. За надолбами начинались окраины города. Только мы миновали первые домики, как по танкам был открыт огонь из автоматов. Пули, точно град, стучали по броне, но, конечно, не могли принести нам ни малейшего вреда. Видно, противник был озлоблен до крайности и позабыл, что простая пуля не пробивает броню.

Перед нами был вокзал. На станции стояло несколько составов. Над паровозами клубились облака пара. Платформы были пустынны. Мы вышли на железнодорожные пути. Раздался взрыв: передовой танк наскочил на мину. Остальные танки стали развертываться. Со всех сторон на нас обрушился огонь. Стреляли автоматические ружья, пулеметы, противотанковые пушки.

Развертывание рот поддерживал огнем танк младшего командира взвода Антонца. Финский снаряд попал в башню, но Антонец продолжал вести огонь. Только после того, как второй снаряд разворотил башню, танк замолчал. Но к этому времени мы уже развернулись и громили гнезда противника на привокзальных домах, за железнодорожными составами.

В этом первом бою танкисты нашего батальона вели себя с достоинством.

Когда на повороте, зацепившись за рельс, слетела гусеница с танка механика-водителя Викторука, тот без промедления вышел из машины и под огнем стал исправлять поломку. Пока он надевал гусеницу, экипаж защищал его огнем своей пушки и пулеметов.

Выборгская крепость

Крупнокалиберный пулемет противника пробил башню одного из танков. Башенный стрелок Соколов был ранен в руку. Но он попрежнему продолжал работать у пушки, стреляя по огневым точкам финнов.

С разных мест вели огонь по танкам пять финских противотанковых пушек. Особенно беспокоила нас огневая точка, находившаяся на многоэтажном доме у вокзала. Сосредоточенным огнем мы заставили ее замолчать. Так же были уничтожены нами и остальные артиллерийские точки. Теперь нас обстреливали только пулеметы.

Наконец, подошла пехота. Саперы произвели разминирование железнодорожного пути и площади перед вокзалом.

Путь для нас был свободен. Мы снова развернулись, проскочили площадь и двинулись дальше по городу. Город был очищен от белофиннов.

Здесь, на улицах Выборга, нас и застал приказ о прекращении боевых действий.

Штрихи

Получив назначение, я поехал в Райволу. В то время каждый уезжающий на фронт готовился увидеть пожарища, разрушения и тому подобное. И я думал так же. Приезжаю, и вот тебе на, — все на своем месте. Наши войска так стремительно прошли этот участок, что белофинны, спасая собственную шкуру, почти не испортили местечко.

В Райволе я засел за работу. Она заключалась в своевременном обеспечении наших частей топографическими картами.

Работа топографа в боевой обстановке — интереснейшая работа. Топограф тесно связан с оперативной частью и с любыми видами разведки.

Однажды у убитого белофинского офицера красноармейцы нашли прозрачную восковую бумагу. На ней были зашифрованы различные знаки. Как тут быть? Разбирали по-всякому эти знаки, — ничего не выходит. Наконец, положили восковку на топографическую карту и видим, что некоторые наши укрепления на восковке отмечены знаками. Тогда мы сделали обратный ход по карте в сторону финнов и обнаружили доты, блиндажи, которые раньше нам были неизвестны. В общем нам удалось ориентировать восковку по карте и получить весьма ценные сведения.

Приходилось мне иметь дело и с пленными. Солдаты первое время дрожали при малейшем нашем движении. Затем страх перерастал в недоумение: их ведь там нашпиговали, всякого наговорили про нас, а тут они встречали человеческое обхождение.

По заключении мира мы, топографы, поехали в Выборг. Приезжаем на бывшую главную квартиру штаба корпуса белофиннов. Входим в большой просторный зал. Прямо перед нами во всю стену висит план Выборга. Смотрим, весь этот план утыкан булавками, причем головки булавок различные по цвету.

В чем дело? Рассматриваем план и ничего понять не можем. Что за булавки? Почему цветные головки?

Присмотревшись, увидели на полях карты надпись примерно такую:

«Разрешаю с 6 марта не отмечать попаданий снарядов противника, так как их сыплется такое количество, что отмечать бесцельно».

Под резолюцией подпись финского генерала. Фамилию мы никак разобрать не смогли. Вдоволь посмеялись мы над этой резолюцией. И главное — на каждый калибр орудия определенный цвет булавки. Представляю себе, как офицер, отмечавший попадания наших снарядов, метался вдоль стены с булавками в зубах, когда работала наша артиллерия!

Лейтенант
А. ЖДАН-ПУШКИН

С боем через водные преграды

Дорога вьется по скату гряды холмов. Влево — широкая лощина. На карте она обозначена, как мокрый луг, по середине которого вырисовывает свои голубоватые извилины маленькая речушка.

Но это только на карте. Сейчас эта широкая равнина покрыта метровым снеговым покровом. Кое-где грязные пятна с желтоватыми краями — следы разрывов снарядов.

Недалеко от того места, где по карте должно быть болото, распластался громадный самолет с подломанным крылом. Лучи заходящего солнца окрашивают стекла кабины в багряный цвет. Это — подбитый нашими славными летчиками вражеский бомбардировщик.

К самолету протоптана дорожка. Много любопытных прошло к нему. Черным, желтеющим по краям штрихом пролегла она по девственной белизне снега. Но люди, пробирающиеся к самолету, почему-то предпочитают целину. Высоко поднимая ноги, проваливаясь по пояс в снег, они идут туда, делая смешные движения неловкого пловца, собирающегося плыть, и... не дойдя, поворачивают обратно, к дороге.

Начало марта, мороз, а под снегом — вода, которая пропитывает и съедает его толщу. Сверху безбрежная снеговая поверхность, а внизу — жидкая желтоватая каша. Снег не держит, и люди проваливаются по пояс в ледяную воду. Только дорога, идущая по окраине ската, еще суха.

Финны открыли шлюзы Саймаанского канала, чтобы широким водным поясом охватить Выборг и этим остановить безудержный порыв бойцов Красной Армии.

Части героической 123-й дивизии сосредоточиваются для перехода в наступление. После короткого отдыха на станции Сяйние дивизия получила новый боевой приказ: обойти Выборг с правого фланга, перерезать все железнодорожные магистрали, связывающие Выборг с Кексгольмом, Антреа, Сердоболем, пересечь Саймаанский канал, прижать остервенелого врага к Финскому заливу. Задача ответственная, нелегкая, но воодушевле-

ние бойцов и командиров было исключительным. Прорыв укрепленного района, близость Выборга, уверенность в близком полном разгроме финской армии толкали людей на новые отважные дела. Движение происходило быстро и планомерно. Далеко позади остались станции Сяйние, Сурперо, еще переход — и дивизия прорвется к Тали — большой железнодорожной станции, связывавшей центральную Финляндию с ее северо-восточным фронтом. И вот — вода...

Ночь. В небольшом домике на скате холма расположился штаб полка. Тщательно завешаны окна. У стола, при свете двух фонарей, склонился над картой майор Рослый — командир полка.

Двадцать дней непрерывного движения вперед! Двадцать дней напряженнейших боев, когда, казалось, вот-вот захлебнется наступление. Белофинны прилагали все усилия, чтобы остановить полк, вырвавшийся клином вперед, смять его. В один из этих дней они бросили против полка свои отборные части с танками в яростные контратаки. Но все вражеские попытки задержать продвижение полка разбились о стойкость его славных воинов.

Полк с честью несет свое знамя вперед. Неужели силы природы заставят полк остановиться? Неужели вода остановит наступление, даст время белофиннам укрепиться на новых рубежах?

Этого не может быть!

Приказ выйти к Саймаанскому каналу должен быть выполнен во что бы то ни стало.

Тов. Рослый внимательно изучает карту. Первый помощник начальника штаба докладывает ему обстановку.

Впереди, у станции Тали — межозерное дефиле. Река. Два моста — железнодорожный и на шоссе. Финны, по всей вероятности, их взорвали или взорвут. Лед на озерах взорван. Справа соседняя дивизия, натолкнувшись на сильное сопротивление, продвинуться не может. Слева соседний полк задержался перед широкой лощиной, залитой водой. Впереди высота «Подошва», ее штурмует с правого фланга полк нашей дивизии. Полк тоже задержался. Водное поле. Командир дивизии приказал нам утром форсировать переправу...

Непрестанно стучат телефоны:

— Вода подходит к укрытиям танков...

— Вода подходит к полковой артиллерии...

— Дорога в низинах перед 3-м батальоном заливается водой. Вода прибывает...

Рослый хмурится, приказывает собрать комбатов. Развернуты карты. Лица у командиров суровы, брови сдвинуты. Рослый объясняет боевую задачу: 3-му батальону с утра выйти

на высоту «Подошва», 1-му развернуться влево и занять исходное положение западнее школы, близ станции. 2-й батальон пойдет во втором эшелоне за 3-м. Начальнику инженерной службы произвести разведку дороги. Выставить посты наблюдения за прибывающей водой.

Герой Советского Союза И. Рослый беседует с бойцами и командирами 123-й ордена Ленина стрелковой дивизии

— В этой низине и здесь, — карандаш Рослого отчеркивает на карте участки дороги, — устроить из ельника гати. Взять для этого два взвода приданной саперной роты...

Командиры поднимаются.

— И самое важное, товарищи командиры, — заключает Рослый, — обогреть бойцов. Использовать для этого сараи и дома, а если надо, — построить шалаши из ельника. В домах у печей просушить валенки, портянки...

Забота о бойцах не дает Рослому спать. Через час он идет проверять размещение батальонов. Разместились в общем удачно.

Огни тщательно замаскированы. Красноармейцы сушатся. От шинелей, ватников, валенок идет густой пар. Обсушившийся уступает место товарищу. Несколько красноармейцев, должно быть из архангельских, спустились к водному полю, окунули

в воду валенки. На валенках тотчас образовывается ледяная корка. Над архангельскими смеются:

— Вы бы, браточки-зимогоры, и носы заодно ледком подковали.

— Так-то лучше! Вода через корку не пойдет! Всем советуем!.. — отвечают деловито архангельские.

Заметив командира полка, красноармейцы приглашают его к огню. Рослый говорит:

— Новая преграда, товарищи. Вода.

Красноармейцы перебивают:

— Сквозь огонь, товарищ майор, прошли, а воду-то уж какнибудь одолеем... Этим, подлюга, не возьмет...

— Весенняя вода — не осенняя... Старая пословица, — настороженно замечает кто-то.

— Пословица-то старая,— отвечают ему,— да не про нас она. Кровь разгорячена. А разгорячи ты у человека кровь — ничто нипочем ему.

Многие из бойцов уже спят.

Потолковав с людьми во всех батальонах, командир полка подходит к наблюдательным постам. Ночь ясная, морозная, над полем клубятся испарения. Хорошо бы наступать сейчас, когда уровень воды еще не так высок, но это невозможно. Подробности обороны противника не выявлены. Высота «Подошва», хотя и вовсе рядом, но кто знает, как укрепился там коварный враг. В дымке испарений темнеют высокие гранитные скалы, расселины между ними, лес. И тут, конечно, не без надолб и проволоки. Действует разведка — к утру все станет ясно...

Утро. Положение действительно прояснилось: «Подошва» оплетена несколькими рядами колючей проволоки, опоясана надолбами; в расселинах между гранитными скалами — артиллерия, минометы, пулеметы; за отдельными камнями и на деревьях — «кукушки»-автоматчики. Не суйся, как говорят, в воду, не узнав броду.

Отлично. Значит, разговор будет несколько иной... Вал смертоносного огня. На каждую клетку высоты «Подошва» — снаряд, мина, авиабомба.

А белофинны кричат в рупоры:

— Москали! Не суйтесь! Перетопим!

— Спета ваша песенка,— спокойно замечают красноармейцы.

Вчера еще белый искрившийся снег превратился за ночь в кашицу, местами вода выступила высоко поверх дороги; саперы подвезли гати, начали крепить переправу.

Одна за другой открывают огонь финские пушки. Сыплют очередями и минометы. Разрывы снарядов и мин высоко взметывают пропитанный водой снег.

Вот дружно заговорили и наши батареи. Летят на высоту «Подошва», в расселину, мины. Высота обволакивается черным

дымом. Глыбы гранита откалываются, оползают в воду; падают деревья, срезанные минами и снарядами. По воде гулко разносится скрежет металла, взрывы потрясают окрестность. Огонь с нашей стороны так силен, что заметно, как у «Подошвы» покачивается волнами снежная кашица.

А молодцы-саперы все гатят и гатят дорогу. Враг уже не решается беспокоить их. Вот саперы у надолб. Артиллерийский огонь прекращается, над высотой «Подошва» хозяйничают «ястребки». Они расстреливают уцелевших на высоте белофиннов.

Проходит еще полчаса. Саперы дают сигнал: переправа готова. Первыми переправляются танки, за ними — цепочкой бойцы. Артиллеристы, обеспечивая переправу, снова бьют по высотке. Все дальше и дальше углубляются танки, бойцы, минометчики. Проходит еще полчаса, и «Подошва» — наша! Слева ее охватил один полк, а справа — другой.

Первая водная преграда преодолена с честью.

* * *

В штаб дивизии сообщили, что с наступлением темноты 6 марта занята станция Тали. Перед полком майора Рослого командование дивизии поставило в эту ночь такую задачу: наступать на Портинхойкка — Юливесн, что в 8—10 километрах от станции Тали. Исходное положение — железнодорожное полотно станции.

Рассвет. Батальоны вытягиваются из леса на дорогу. Саперы за ночь отлично поработали: две длинные гати обеспечивают проход. Впереди 3-й батальон. Его ведет капитан Кельмавзон.

Полагаясь на сообщение, полученное в штабе дивизии относительно занятия одной из наших частей станции Тали, Кельмавзон уверенно ведет свой батальон через поляну, в проход между надолб, мимо танков.

Танков что-то много. Почему они здесь, а не на станции Тали? Но, видя хлопочущих около машин механиков, Кельмавзон решает, что танки, видимо, вышли на заправку...

Батальон по узкой тропинке между проволокой взбирается на крутой скат поросшей лесом высоты. Высокая каменная гряда. Скат ее покрыт валунами. Батальон принимает вправо. Слева развертывается 1-й батальон. У каменистой гряды — штаб, связисты. Немного впереди — окопавшиеся в снегу бойцы.

— Какого полка?

Бойцы ответили.

— Как? А станция Тали? — недоуменно спрашивает Рослый.

В это время совсем близко с воем разорвалась минометная очередь противника, вторая — ближе, третья — еще ближе...

Противник прощупывает лес. Он бьет по высоте, где скопилось уже пять батальонов. И откуда бьет? Со станции? Да, со станции! Как громадным гребнем, водит он разрывами снарядов своих двух батарей по высоте «Подошва».

Вот тебе и занята станция Тали!

Вот тебе и исходное положение!

Его, оказывается, приходится брать с бою.

Рослый быстро перестраивает батальоны в боевой порядок, приказывает артиллеристам открыть по станции ураганный огонь.

А вода между тем поднималась с каждой минутой. Она вышла из канав, перехлестнула шоссе, подошла совсем вплотную к полотну дороги. Переходить по гати было уже трудно. Но и возводить новую гать было некогда.

Выбивая белофиннов из-за камней, 3-й батальон стал продвигаться вперед по пояс в воде. Справа впереди — 8-я рота, командует ею старший лейтенант Скрябин. Дерзко действуя, рота вышла почти к самой опушке леса, вплотную подходившего к станции. Впереди — полукругом поляна, в центре этой поляны — вокзал, железнодорожные службы.

Противник выследил Скрябина и открыл по опушке леса яростный артиллерийский огонь. Скрябин не растерялся. Мужественный, испытанный командир крикнул: «Рота-а, за мно-о-ой!».

Он выбрасывается вперед и увлекает за собой всех бойцов. Одним броском преодолевает рота узкую часть поляны, и вот уже она у полотна железной дороги, в штабелях шпал и дров. Противник бежит от станционных домиков. Тяжелый взрыв сотрясает землю. Летят вверх обломки взорванных мостов,

— Собаки. Успели-таки взорвать... — ворчит Скрябин, разглядывая из-за штабеля обломки двух мостов через стремительную, ревущую речку.

* * *

Наступают сумерки. Противник неотступно бьет из орудий по станции Тали и переправе через реку, где уже неутомимо работают саперы, заготовляя строительный материал для возводимого вновь моста.

Прибывает батальон танков. Командир батальона старший лейтенант Макаров является к Рослому.

Помещение командного пункта — бетонный погреб, в левой его половине — узел связи, за перегородкой направо — штаб. Наступил решительный момент. Белофинны бьют как раз по мосту. А с высоток за мостом воздух прошивают пулеметы. Пули, визжа, то отлетают от камня, то поднимают фонтанчики серой ледяной воды. Иногда вскрикнет сапер, роняя топор в воду, и отползает раненый.

Выборгский железнодорожный мост, разрушенный белофиннами

Командир саперной роты Шитов подбодряет людей, но падает и он, раненный в голову.

Разрывы двух снарядов начисто сносят уже положенные прогоны — начинай снова. Вода, точно в остервенении, бьет по обломкам мостов, разрушает их.

Противник сосредоточил весь огонь на этом узком участке строительства переправы, а нашей артиллерии нет — она где-то застряла, направляясь в обход.

— Сколько у вас танков? — обращается вдруг Рослый к Макарову.

— Двадцать семь, — отвечает тот.

— Двадцать семь? Да это же силища! — восклицает вдруг взволнованно Рослый. — Двадцать семь танков, — значит двадцать семь пушек! Вот вам и артиллерия! А ну-ка, выводите танки к холмам перед переправой и открывайте огонь из всех пушек по противоположному берегу. Расстрелять пулеметы противника! Понятно?

— Понятно, — отвечает Макаров и добавляет с улыбкой: — Если еще и 54 моих пулемета поработают, то это будет совсем как раз...

Через пару минут мощные танки, урча, разворачиваются и уходят в сумерки.

Они остановились полукругом у переправы. Вращаются башни, нащупывая противника. Проходит еще немного времени, и на противоположном берегу — фейерверк разрывов.

Несмолкаемая трескотня 54 пулеметов.

Под несущимся в воздухе потоком свинца и стали перебираются по скользким обломкам моста бойцы 3-го батальона. Срываясь, кое-как перебираются они по обледеневшим бревнам на противоположный берег, устремляются по круче и яростно гонят врага.

За 3-м батальоном перекатывается 1-й.

К утру противоположный берег прочно занят.

Противник продолжает громить переправу. Но уже работает наша артиллерия, принуждая замолчать батареи финнов.

Майор Тимофеев — начальник инженерной службы дивизии — кинул на строительство моста весь свой саперный батальон. Мост должен быть готов как можно скорее, нужно перебросить танки, артиллерию.

Дальше за рекой — небольшой лесок и широкая снежная равнина. Вправо — озеро. Лед его сверху залит водой. Дорога идет вдоль озера, изредка ныряя между холмами и прорезая небольшой лесок.

По этой дороге, держась ее узенького полотна, — только одной повозке проехать, — ползут связисты. Впереди — мостик через канаву. Мостик взорван, а канава — это бурлящий трехметровый поток воды.

С дороги не сойти. Пули изредка взвизгивают справа и слева и даже откуда-то сзади. Это противник, сдержав наступление соседней дивизии, бьет по прорвавшемуся вперед нашему полку.

Связисты выбились из сил. Четвертый раз наводят они линию, иногда по пояс в воде — по дороге линию вести нельзя. И только начальник связи Епишин начинает докладывать Рослому:

— Связь с батальоном налаж...— как рррах, рррах, рах, и Епишин, не окончив доклада, устремляется на узел связи.

Через минуту оттуда несется брань:

— Опять, черти, порвали...

— Ты, Епишин, лучше уж не докладывай, — шутит первый помощник начальника штаба. — Пока не хвастаешь, связь кое-как работает, а как только похвастал,— раз, и порвали...

Епишин в отчаянии опускается на нары, затем вскакивает и, проклиная воду, лед, белофиннов, бежит на линию. Этот беззаветно отважный человек не спит уже третьи сутки.

Батальоны продвигаются все вперед и вперед. Станция Тали далеко позади. Позади форсированные вброд канавы, речки, поляны. Вода доходит временами до плеч, нужна быстрая остановка и обязательно в лесу: обсушиться, обогреться.

Ни артиллерии, ни танков нет, они застряли на станции из-за строительства моста; здесь на выручку пришли минометы. Они движутся вслед за пехотой. Они удобны, нетребовательны: небольшое укрытие, и огневая позиция минометов готова. Не раз они выручали героические батальоны.

Небольшая высота к северо-западу от станции. Из-за уцелевших цементных фундаментов сгоревшей деревушки финны открыли по батальонам губительный огонь. Бойцы залегли

Краснознаменный полк 123-й ордена Ленина стрелковой дивизии

вдоль дороги. Вода засасывает. Надо немедленно ликвидировать огневые точки противника, заставить его отойти.

Разведка выявила огневые позиции минометов противника. Расположение пулеметов опытный командир минометного взвода Кондратьев определял «на слух». Подготовка данных проста. В воздухе свистнула первая мина, за ней вторая, третья. Минометчики засыпали «гостинцами» позиции врага.

Дальнейшее движение батальонов было обеспечено.

* * *

Вечер. Солнце бьет по зеленой гряде высокого сосняка, к которому вьется топкая дорога. Кругом вода. Мокрые, озябшие бойцы устали. Лес — это отдых. Костры, чаёк, ужин... Но в лесу белофинны. Очереди из автоматов поднимают всплески воды. Надежды на теплый ночлег мало.

— Танки!— вдруг крикнул кто-то.— Наши танки!

Да, это действительно были наши танки. Поднимая гусеницами вихри воды, они быстро мчались на выручку пехоте. Тяжелые, грозные, они проходили, как мощные ледоколы,— такой необычной была для них дорога.

— Архипов, не иначе,— оживились бойцы.— Ишь, как лупит. Знает, когда подоспеть.

Не доехав до сосняка, Архипов сворачивает с дороги и катит в лес целиной, обдавая бойцов каскадами брызг,— прямо туда, откуда особенно крепко бил из автоматов и пулеметов враг. За ним устремилась и вся его танковая рота. С победным криком рванулись в лес за танками батальоны. И вот он, желанный отдых: костры в оставленных финнами укрытиях, белый клубящийся пар от просыхающих ватников, шинелей, валенок, белья, веселые шутки, смех. Кого знобит — заставляют плясать. Пляшет. Закон войны: и не умеешь — да пляши! Не взял собака-белофинн минами, фугасами, надолбами, водой не возьмешь! Ничем не возьмешь!

Еще два с половиной дня, вплоть до 12 часов 13 марта, шла вперед через водные преграды победоносная 123-я дивизия. Враг заминировал дорогу. Не помогло! Враг устраивал засады — выбивали! Враг оставлял на пути «кукушек» — дело уже привычное: снимали. Застревали в пути пушки — их заменяли танки. Застревали танки — выручали минометы. Все преодолели воины Красной Армии, — решительные, отважные, готовые во имя Родины на любой подвиг.

Батальонный комиссар
П. БЕЛОУСОВ

„Выборг объявляю советским"

Наш славный полк одним из первых вступил в город Выборг, на улицах которого рвались снаряды и мины и с грохотом рушились стены горящих зданий. Вот он Выборг — узкие окраинные улицы, освещенные пламенем многочисленных пожаров. От домов пышет жаром. Снег растопило, и с пригорков бегут ручьи.

Нам передали, что послана телеграмма товарищу Сталину о том, что части Красной Армии вступили в Выборг.

Весть о посылке телеграммы вождю народов, с именем которого мы шли в бой, быстро распространилась среди красноармейцев, дравшихся на улицах Выборга.

Саперы на улицах Выборга ищут мины

Трудно передать воодушевление, царившее в частях. Вместе со стрелками пошли в бой с оружием в руках музыканты, возглавляемые капельмейстером Соловьевым.

В одной из рот были большие потери. Некому было вести огонь из пулеметов. Тогда к оружию бросились бойцы тыловых подразделений.

Мужественно дрались бойцы бронепоезда майора Панкратьева. Трижды раненный тов. Панкратьев управлял боем до тех пор, пока санитары не унесли его на медпункт.

Артиллеристы, преодолевая минированные участки, несли орудия, буквально, на руках, чтобы как можно скорей доставить их по глубокому снегу в город и громить огневые точки противника.

Стрелки и разведчики указывали артиллеристам цели — куда бить прямой наводкой. 56 красноармейцев артиллерийского полка вооружились винтовками и гранатами и приняли участие в уличном бою, отвоевывая каждый метр земли, каждое здание.

Всюду в домах бойцы видели следы поспешного бегства. Как будто люди только что встали из-за стола, оставив на столах хлеб, приборы... Единственное место, которое день и ночь работало в опустевшем Выборге, это был крематорий. Белофинны сжигали в нем трупы. Когда мы захватили крематорий, в нем лежало 500 еще не сожженных трупов офицеров...

13 марта, утром, все главные здания, электростанция, водопровод, фабрики и центр города были в наших руках.

В разгар боя в полку вспомнили о флаге, который был заготовлен во время освобождения Западной Украины. Этот флаг должен был переходить в лучшие батальоны и роты, отличившиеся в боях. Тогда не пришлось нам воспользоваться флагом. Мы вспомнили о нем в ночь выборгского штурма.

Бойцу Семенову поручили разыскать флаг на подводах в тылу. Семенов быстро выполнил задание. Он доставил флаг на подводе вместе с боеприпасами. Нужно было во время боя водрузить флаг на самом высоком и видном месте. Два бойца добрались до ближайшей фабричной трубы и полезли наверх. Они вывесили флаг, но оказалось, что полотнище недостаточно хорошо видно. Тогда раздобыли высокую палку и снова перевесили флаг. Не успели его вторично закрепить, как белофинны обрушились огнем на фабричную трубу. Они хотели во что бы то ни стало сбить красный флаг. Но все их попытки были тщетны. Флаг Краснознаменного полка — первый красный флаг, водруженный в советском Выборге,— гордо реял над городом.

В 12 часов 13 марта мы по приказу командования прекратили огонь. Воцарилась необычайная тишина. Эта тишина запомнилась на всю жизнь. В первые минуты мы не доверяли ей.

Митинг на батарее в день заключения мира с Финляндией

Бойцы радовались новой победе нашего государства. Едва прекратился огонь, на Центральной площади, среди орудий и пулеметов бойцы, еще разгоряченные азартом недавнего боя, пустились в пляс. Музыканты снова взялись за инструменты, заиграл духовой оркестр. У бревен, среди горящих домов, у неразобранных еще баррикад, начались митинги.

Бойцы принялись за новую работу — очищали улицы, собирали по свежим следам ценные документы, искали мины.

Из укрытий, как из берлог, выходили фичны. У них был жалкий вид. Они заискивающе улыбались, как бы извиняясь. Некоторые нерешительно протягивали нам руки, но многие из наших бойцов не могли пересилить своего отвращения и отворачивались, настолько сильна была ненависть к изуверам-шюцкоровцам.

Итак, финская белогвардейщина получила суровый урок.

Радиоволны разнесли всему миру весть о новой победе мудрой сталинской политики, о победе Красной Армии.

На первом митинге в Выборге красноармеец Корниенко сказал:

— Товарищи бойцы, командиры и представители ленинградских рабочих! Разрешите от вашего имени заявить всему советскому народу, правительству, партии и лично товарищу Сталину о том, что северо-западные границы нашей социалистической Родины и колыбель трех революций — город, носящий имя бессмертного Ленина, теперь в полной безопасности. Задание партии, правительства и лично товарища Сталина с честью выполнено нашей Красной Армией. Город Выборг объявляю советским.

Встреча победителей

Кто видел город Ленина в те солнечные мартовские дни, навсегда сохранит в своем сердце праздничное ощущение единства Красной Армии и советского народа. Человек в военной шинели с пятиконечной звездой на шапке был предметом всеобщей любви и благодарности. Незнакомые люди останавливали его на улицах, пожимали горячо руку, поздравляли с победой. С восхищением и любовью смотрели на него сотни глаз. Ведь это он — верный сын Родины — в снегах Финляндии грудью своей защитил Ленинград. Это он в морозы и метели под убийственным огнем прошел по лесным дебрям, незамерзающим болотам и морским льдам к железобетонным гнездам врага, захватил и разрушил их. Это он сокрушительным ударом прорубил линию Маннергейма и добыл победу родной стране.

Слава тебе, воин Красной Армии — мужественный защитник Родины! Эти слова были у всех на устах, когда радио разносило по стране весть о победном окончании войны. Газеты еще не вышли, а эта весть переходила из уст в уста, спозаранок подняла на ноги город, обошла все улицы, площади, дома, учреждения, заводы и фабрики великого города. Всюду возникали митинги.

— Советский Союз достиг того, чего хотел!

Эта гордая мысль сквозила во всех речах.

В резолюции рабочие Кировского завода записали:

«Советский Союз достиг своей цели. Благодаря мудрой сталинской политике ликвидирован опаснейший очаг войны на северо-западных границах, обеспечена безопасность нашего родного города Ленина. Мы, кировцы, особенно горды тем, что самоотверженным трудом над выполнением оборонных заказов помогли Красной Армии обеспечить победы, нашедшие свое закрепление в договоре».

Кировцы, как и рабочие коллективы других заводов и фабрик, особенно гордились тем, что и они внесли долю своего труда в победу над врагом, что при защите Родины они стояли в одной шеренге с советскими бойцами, что они были неотде-

лимы от Красной Армии. В этом была наша сила, в этом — залог будущих наших побед.

К Красной Армии были обращены мысли ленинградцев, мысли всего советского народа.

Рабочие ленинградского завода имени Сталина писали бойцам:

«...Празднуя завоеванную вами победу, торжествуя по поводу прочного мира, установленного на наших границах, мы горячо поздравляем вас, наших сынов, замечательно выполнивших свой долг перед Родиной. Мы навсегда сохраним память о вас, славных бойцах, не жалевших ни сил, ни жизни в борьбе за родную отчизну».

Привет и благодарность города Ленина были лучшей наградой бойцам и командирам за перенесенные ими трудности, лишения и опасности войны. С радостным волнением возвращались воины Красной Армии в Ленинград с фронта. И вот здесь, при встрече с ленинградцами они пережили самые яркие минуты своей жизни. По-отечески тепло и любовно принял город в свои объятия славных победителей.

Первыми прибыли в город бойцы-лыжники, земляки ленинградцев. Когда они, загорелые, обветренные, возмужавшие, вышли из вагонов, точно буря пронеслась по многотысячной толпе встречающих. Букеты живых цветов осыпали героев. Их подхватили на руки, понесли на площадь Финляндского вокзала, полную народа, украшенную знаменами и цветами. Сотни рук потянулись к доблестным бойцам, чтобы благодарно пожать их огрубелые, крепкие руки, искусно разившие врагов.

В безмолвной тишине выслушала площадь речь бойца-лыжника Н. Власова, студента Педагогического института имени Герцена.

«Наши дорогие матери, отцы, братья, сестры,— сказал он.— С нетерпением ждали мы этого счастливого дня, когда с гордостью сможем рапортовать трудящимся Ленинграда и всей стране о выполнении боевого задания.

Теплая встреча, которую сегодня вы оказали нам, лучше всяких слов говорит о том, как любит народ свою доблестную Красную Армию.

В глубоких снегах Карельского перешейка, в походе, на отдыхе мы, читая ваши письма, получая ваши подарки, чувствовали, что с нами весь многомиллионный советский народ, с нами трудящиеся города Ленина.

Мы рады, что наш отряд оправдал ваше доверие, что лыжники города Ленина высоко держали знамя нашей Родины в боях за безопасность ее границ, за безопасность колыбели пролетарской революции. Ни морозы, ни снега, ни леса, ни

Ленинград. Встреча отважных лыжников — участников боев с белофиннами

железобетонные укрепления — ничто не могло помешать нам выполнить свой долг.

Мы порох держим сухим, и если снова раздастся боевой клич, если позовет партия и правительство — мы все, как один, встанем под боевые знамена — за Родину, за Сталина!»

Бойцы-лыжники разъезжались по домам, а праздничные толпы ленинградцев следовали за ними, приветствуя героев на улицах и площадях.

Вслед за первым поездом прибыл второй. Новая группа бойцов-лыжников вернулась в Ленинград.

Взволнованные встречей, оказанной им в родном городе, сильные и мужественные, уверенно чеканя шаг, шли они по улицам.

Еще издали узнавали их друзья, знакомые.

— Голощапов! Федя! — радостно вскрикнул кто-то на тротуаре.— Дружище...

— Воробьев...

— Двужильный...

Трудно сдержать налетевшие вихрем чувства. Но отряд идет строем, и нужно ограничиться только улыбкой или едва заметным кивком головы в сторону друга.

Но вот отряд останавливается. Его обступают со всех сторон, окружают плотной стеной сотни ленинградцев. Нескончаемые объятия. Горячие товарищеские приветствия. Поздравления. Пожатия рук. Вопросы, вопросы без конца...

Возникают беседы о боевых делах отряда, о подвигах бойцов-лыжников.

Вот в группе женщин стоит командир отделения тов. Ушаков — один из лучших лыжников отряда. Он работал на заводе имени Орджоникидзе планировщиком. Полюбил лыжный спорт и овладел лыжами в совершенстве. Это ему здорово пригодилось в боях. Выполняя боевое задание, он прошел на лыжах 160 километров и, несмотря на трудности перехода, блестяще справился с порученным ему ответственным делом.

Федору Кондратьеву, токарю 1-й Ленинградской ГЭС, тоже есть чем гордиться. Придя в отряд рядовым бойцом, он вскоре стал командиром взвода. Однажды он обнаружил группу противника, пытавшуюся пробраться к нам в тыл. Благодаря его бдительности маневр врага не удался.

Рабочий табачной фабрики имени Урицкого Стуковенко, вынесший с поля боя раненого командира, смелые разведчики Алексей Воробьев и Федор Голощапов, герой боев Хоменко — все они честно выполнили свой долг перед Родиной, перед родным городом. С чистым сердцем возвращаются они на свои заводы и фабрики, в свои вузы.

А. А. Жданов поздравляет награжденных участников боев с белофиннами. В президиуме командующий Северо-западным фронтом Герой и Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко

Затаив дыхание, слушают ленинградцы рассказы лыжников о боевых делах, и перед их взором предстают суровые утесы островов; полыньи на льду, пробитые снарядами; торосы, нагромождениые у берегов, и идущий в атаку лыжный отряд. У юношей горят глаза, как завидуют они героям!

Через несколько дней, в солнечное весеннее утро Ленинград встречал части Красной Армии, возвращавшиеся с фронта. Улицы и проспекты города Ленина празднично оделись в кумач и шелк. Зазвенела медь оркестров. Колонны трудящихся потянулись по Сестрорецкому шоссе. На знаменах — слова братского привета героям-победителям!

«Да здравствует героическая Красная Армия, обеспечившая безопасность города Ленина».

Когда диктор сообщил по радио: «Части Красной Армии вступают в город», воздух потрясли рукоплескания и приветственные возгласы. Из-за поворота дороги показались первые машины с бойцами, командирами и политработниками дивизии, награжденной орденом Красного Знамени за образцовое выполнение заданий командования на финском фронте.

Сотни букетов мелькнули в воздухе, цветы, первые цветы счастливой весны, посыпались на машины.

— Ура товарищу Сталину! Слава героям-победителям! Да здравствует Красная Армия — наша защитница!

На трибуне — старший лейтенант. Когда встречающие узнают, что это Герой Советского Союза тов. Пузанов, рукоплескания и восторженные возгласы гремят с новой силой, точно морской прибой.

— Партия и правительство,— говорит тов. Пузанов,— поручили Красной Армии обеспечить безопасность знаменитого города Ленина, ликвидировать плацдарм войны у северо-западных рубежей нашей Родины. Сегодня мы с радостью рапортуем вам, что эту почетную задачу бойцы, командиры и политработники Красной Армии выполнили с честью.

Перед лицом трудящихся Ленинграда мы заявляем, что и впредь Красная Армия готова сокрушить любого врага. На Карельском перешейке враг испытал сокрушающую мощь советского оружия, а если надо будет, мы удесятерим силу своего удара.

И отвечая тов. Пузанову, стахановец Судоверфи тов. Жиганов заявляет:

— Родные товарищи, вы подлинные, неустрашимые богатыри советской земли. Ваш подвиг будет вечно жить в памяти народа. Ваш подвиг вдохновляет советский народ на героический труд. Честь и слава героям-победителям!

Промелькнул еще один день, и Ленинград снова выходит на шоссе. На этот раз он встречает доблестных танкистов.

По Выборгскому шоссе двигаются боевые машины. Они идут сюда от самого Выборга, от города-крепости, который они всего несколько дней назад штурмовали. Их броня еще сохраняет следы пуль и осколков снарядов. Блестит сталь их гусениц — немало километров пройдено по лесам и болотам, через рвы, надолбы, проволочные заграждения!.. Из открытых люков машин глядят мужественные лица, лица героев.

Обращаясь к танкистам, мастер завода имени Карла Маркса тов. Константинов говорит:

— Когда вы на фронте били и сокрушали финскую белогвардейщину, мы на предприятиях, в цехах показывали образцы трудового героизма.

И все чувствуют, какой глубокий смысл заложен в этих простых словах старого производственника!..

Кто был в городе Ленина в солнечные мартовские дни 1940 года, тот навсегда сохранит в своем сердце праздничное ощущение нерушимого единства великого советского народа и его Красной Армии.

Безопасность
города Ленина
обеспечена!

*Слава
героическим
частям
Красной Армии!*

*Слава
верным сынам
советского
народа,
с честью
выполнившим
свой долг
перед
социалистической
родиной!*

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с финской белогвардейщиной и проявленные при этом доблесть и мужество указами Президиума Верховного Совета Союза ССР награждены следующие воинские части:

ОРДЕНОМ ЛЕНИНА:

123-я стрелковая дивизия
70-я стрелковая дивизия
100-я стрелковая дивизия
28-й корпусный артиллерийский полк
136-я стрелковая дивизия
39-я отдельная легкая танковая бригада

ОРДЕНОМ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ:

19-й стрелковый полк
81-й горно-стрелковый полк
7-я стрелковая дивизия
43-я стрелковая дивизия
86-я мото-стрелковая дивизия
138-я стрелковая дивизия
27-й стрелковый полк
169-й мото-стрелковый полк
245-й стрелковый полк
20-я танковая бригада имени С. М. Кирова
35-я легкая танковая бригада
136-й гаубичный артиллерийский полк
320-й пушечный артиллерийский полк

323-й артиллерийский полк
402-й гаубичный артиллерийский полк
15-я скоростная авиационная бригада
44-й скоростной бомбардировочный авиационный полк
50-й скоростной бомбардировочный авиационный полк
54-й скоростной бомбардировочный авиационный полк
25-й истребительный авиационный полк
1-я дальне-разведывательная авиационная эскадрилья
1-й отдельный восстановительный железнодорожный батальон
17-я мото-стрелковая дивизия
49-я стрелковая дивизия
90-я стрелковая дивизия
40-я отдельная легкая танковая бригада
69-й стрелковый полк
271-й мото-стрелковый полк
306-й стрелковый полк
359-й стрелковый полк
43-й корпусный тяжелый артиллерийский полк
49-й корпусный тяжелый артиллерийский полк
101-й гаубичный артиллерийский полк
116-й гаубичный артиллерийский полк

137-й гаубичный артиллерийский полк
202-й артиллерийский полк
291-й легкий артиллерийский полк
311-й пушечный артиллерийский полк
334-й артиллерийский полк
455-й корпусный артиллерийский полк
227-й отдельный саперный батальон
4-й отдельный батальон связи
6-й отдельный понтонно-мостовой батальон
24-я стрелковая дивизия
142-я стрелковая дивизия
13-я танковая бригада
252-й стрелковый полк
24-й корпусный артиллерийский полк
227-й гаубичный артиллерийский полк
302-й гаубичный артиллерийский полк
7-й истребительный авиационный полк
10-й скоростной бомбардировочный авиационный полк
19-й истребительный авиационный полк
58-й скоростной бомбардировочный авиационный полк
32-я отдельная разведывательная авиационная эскадрилья
205-й стрелковый полк
5-й скоростной бомбардировочный авиационный полк

28-й стрелковый полк
37-й стрелковый полк
184-й стрелковый полк
57-й отдельный саперный батальон
402-й стрелковый полк
49-й истребительный авиационный полк
18-й скоростной бомбардировочный авиационный полк
21-й корпусный артиллерийский полк
80-й смешанный авиационный полк
420-й стрелковый полк
Газета «На страже Родины»

ОРДЕНОМ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

6-й военный механизированный дорожный батальон

СОДЕРЖАНИЕ

★

ПРОРЫВ ЛИНИИ МАННЕРГЕЙМА

БОРЬБА ЗА ОСТРОВА

НА ВЫБОРГ

Редактор старший политрук Ф. Ф. Матросов

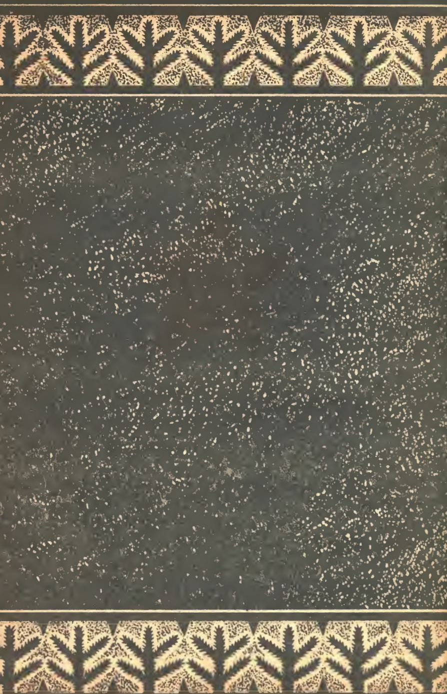
Г 487

Подписано к печати с матриц 19.4.41.
Объем 33,75 п. л. + 4 вкл. = 0,5 п. л. 31,2 уч.-авт. л.
44368 тип. зн. в 1 п. л. Заказ № 233

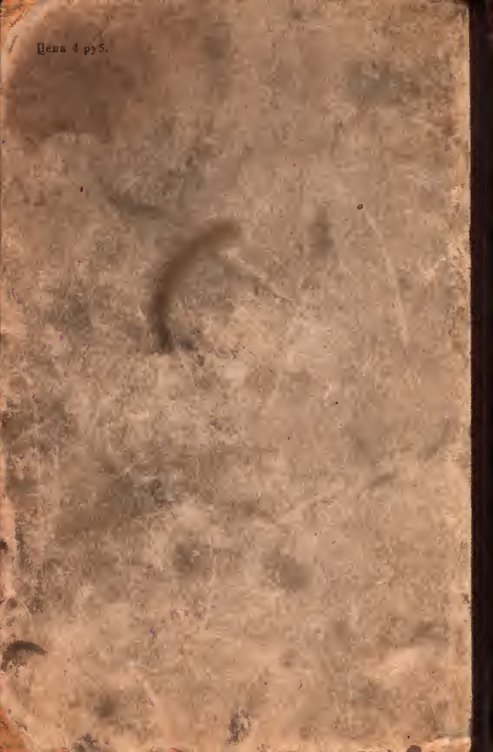
Набрано в 1 типографии Управления Воениздата НКО СССР имени С. К. Тимошенко, ул. Скворцова-Степанова, д. 3.
Отпечатано с матриц в 3-ей тип. «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига». Москва, Краснопролетарская, 16.

68 50

95
20

Цена 4 руб.